

Институт истории им. Ш. Марджани  
Академии наук Республики Татарстан  
Центр исследований Золотой Орды  
и татарских ханств им. М.А. Усманова

---

*Б.А. Илюшин*

## **Казанские войны Василия III**

Монография

Казань – 2020

УДК 94(47).042  
ББК 63.3(2)44  
И 49

*Серия «История и культура Золотой Орды  
и татарских ханств»*

**Выпуск 29**

Исследование проведено в рамках реализации  
Государственного задания Минобрнауки России в сфере  
научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)

*Утверждено к печати Ученым советом  
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

**Научный редактор**

кандидат исторических наук *А.В. Аксанов*

**Рецензенты:**

доктор исторических наук *Л.А. Бобров*  
кандидат исторических наук *И.М. Миргалеев*  
кандидат исторических наук *М.В. Моисеев*  
кандидат исторических наук *М.А. Несин*

***Илюшин Б.А.***

**И 49 Казанские войны Василия III:** монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. – 428 с.

ISBN 978-5-94981-346-1

Монография посвящена изучению казанских походов великого князя московского Василия III (1505–1533). Исследование охватывает отдельный период московско-казанских войн, в значительной степени заслонённый событиями последующего правления Ивана Грозного, но не менее важный для российской истории.

ISBN 978-5-94981-346-1

УДК 94(47).042  
ББК 63.3(2)44

© Илюшин Б.А., 2020  
© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020

## ВВЕДЕНИЕ

Данная книга началась с небольшого очерка о московско-казанской войне «лета 7014» (1505/1506 г.), идея которого, в свою очередь, возникла из работы над военной историей служилых татар и знакомства с книгой М.М. Крома о Стародубской войне (в которой автор подробно рассмотрел эпизод, традиционно обделяемый вниманием историков). Издание книжки было приурочено к 510-летию окончания этого военного-политического конфликта в 1508 г. Затем уже возник замысел более глобального исследования, затрагивающего как конкретные аспекты московско-казанских войн, так и общетеоретические вопросы. В определённой степени, представляемая читателю книга – посильное продолжение исследований Ю.Г. Алексеева по военной истории Русского государства при Иване III, попытка вписать казанские войны в общий контекст военно-политической эволюции и развития военного дела в регионе. Последнее предполагает подробное рассмотрение военного искусства, сопоставление военного потенциала обеих сторон конфликта, анализ воеводского корпуса, структуры войск, стратегии сторон.

Войны между Московским государством и Казанским ханством интересны и значимы во многих аспектах. Их итогом стало первое завоевание Россией неславянского государства, присоединение и освоение обширного края, открывшее дорогу к дальнейшему продвижению за Урал<sup>1</sup>. Возникновение Казанского ханства и войны с ним на столетие прервали русскую экспансию в Среднее Поволжье, начавшуюся ещё в домонгольское время и возобновившуюся во второй половине XIV в. Казань пала в 1552 г., и для лучшего понимания этой исторической драмы необходимо подробно изучить предшествующие московско-казанские конфликты, в частности, относящиеся к правлению Василия III – предшественника казанского завоевателя – Ивана Грозного. В московско-казанских войнах наметился ряд новшеств в

---

<sup>1</sup> Продвижение на Северный Урал, имевшее место в предыдущие века, в силу природно-географических трудностей было медленным и малоперспективным.

военной и политической сферах. С войной 1467–1469 гг. связан переход от удельно-княжеского уровня управления и руководства русским войском к уровню общегосударственному, соответствующему новому этапу развития русской государственности<sup>2</sup>. Казанские походы стали своего рода тренировочным полигоном для московских воевод и ратников по передвижению на судах и доставке речным путём осадной артиллерии. Казанские кампании 1478 и 1482 гг. являются первым опытом участия русской артиллерии в дальних судовых походах<sup>3</sup>. С казанского похода 1506 г. «наряд» (отдельное артиллерийское подразделение) становится стандартной частью русских войск. Напряжённая обстановка на восточной окраине Московского государства способствовала возрождению в качестве важного русского центра на Средней Волге Нижнего Новгорода, в значительной степени запустевшего после разорений от Едигея (1408 г.) и Улу-Мухаммеда (1445 г.). Эскалация конфликта между Москвой и Казанью в первой трети XVI в. привела к постройке нового, каменного нижегородского кремля и основанию Васильсурска (а перед Казанским взятием – и Свияжска). В связи же с казанской войной впервые отмечается формулировка назначения воевод «без мест» – верховное командование и государь заботились о недопущении опасных местнических споров среди начальных людей. В 1530 г. под Казанью впервые в восточно-русской<sup>4</sup> военной практике отмечено использование передвижной «крепости» – гуляй-города. В связи с казанской войной было учреждено стрелецкое войско (1550 г.), впервые использованное в бою против казанских татар (1551–1552 гг.). Казанское взятие стало одним из обоснований принятия царского (императорского) титула великим князем московским – как для дипломатов Ивана IV, так и для более

---

<sup>2</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 63. Имеется в виду создание т.н. единого Русского государства при Иване III.

<sup>3</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 209–214, 270–271

<sup>4</sup> Так мы считаем нужным обозначать восточные земли древней Руси – Великое княжество Московское и недавно присоединённые к нему Новгород и Псков, в противоположность западным землям в составе Великого княжества Литовского (будущим Украине и Беларуси).

широкого круга русских людей<sup>5</sup>. Наконец, московско-казанские войны получили значительное отражение в народной памяти, фольклоре, культуре русских, татар, мордвы, марийцев, чувашей.

В последние десятилетия активно исследуется военная история России и проживающих в ней народов. Выходят статьи и монографии по самым разным её аспектам: вооружению, организационным вопросам, отдельным военным кампаниям и войнам на разных направлениях. Выходят и теоретические работы по военному делу народов Восточной Европы. Это повышает актуальность изучения московско-казанских войн, особенно в виду малочисленности исследований именно по их военным аспектам.

Первый период московско-казанских военно-политических контактов пришёлся на 30/40–60-е гг. XV в., когда ханство только возникло и, имея военный паритет с Московским княжеством, вело с ним активную борьбу. Второй период – с 1469 по 1505 г.: начало московского наступления и временное подчинение ханства Москве. Хронологические рамки нашего исследования охватывают третий период, совпадающий с годами правления Василия III (1505–1533). Для него характерно выступление казанской элиты и широких слоёв населения против русского протектората, обострение военных конфликтов и попытка Василия III вернуть Казань под свою власть. Со смертью этого великого князя началась четвёртый период, характеризующийся активизацией казанской наступательной стратегии в отношении недавнего «сюзерена», что стало возможно в связи с политическим кризисом в Москве. Наконец, пятый период начался после того, как Иван IV и его советники взялись за решение «казанского вопроса» всерьёз, направив все силы Московского царства на войну с восточным соседом. Оканчивается он падением Казани<sup>6</sup>.

Хотя хронологические рамки нашего исследования не следуют принципу периодизации истории по правлению монархов, всё же не стоит забывать, что в эпоху, когда всё государство считалось собственностью («вотчиной») монарха, особенности биографии и харак-

---

<sup>5</sup> Ерусалимский К.Ю. Исторические *exempla* Посольского приказа. С. 313–314, прим. 21 (пояснение и список литературы).

<sup>6</sup> Далее следует несколько десятилетий закрепления русской власти в Казанском крае, включавшие три Черемисские войны.

тера последнего оказывали серьёзное влияние на политику, почему стоит обратить внимание на личность Василия III.

Великий князь Василий Иванович III (род. в 1479 г.) был вторым сыном Ивана III Великого, старшим от его второй жены (Софьи Палеолог). Это был упрямый, жестокий и беспринципный прагматик. Путь к трону ему открылся после смерти старшего брата в 1490 г., однако Иван III собирался передать власть внуку – Дмитрию, сыну умершего наследника. Василий даже пошёл на участие в заговоре против Дмитрия, за что подвергся опале вместе с матерью. Позже, однако, по мере старения и ослабления отца, Василий добился назначения себя наследником, постепенно сосредоточив в своих руках контроль над государством, а племянника, в конце концов, заточил в темницу, где тот и умер в 1509 г. Иван III потерял трудоспособность ещё в начале 1505 г., поэтому вся полнота власти в государстве на момент разрыва Казани с Москвой находилась в руках Василия. Тот, однако, в своём положении был не уверен, почему предпочёл не торопиться с решением татарской проблемы, а дожидаться кончины родителя. Позже Василий III устраивал показательные расправы над теми, кто как-либо критиковал его внутреннюю и внешнюю политику. Обманом он заманил в Москву новгород-северского князя и умерил его в заточении, преступив при этом через своё обещание, заверенное митрополитом всея Руси (недавним ставленником великого князя, пошедшим на клятвопреступление), не «неволить» его<sup>7</sup>. Его отличали последовательность, упрямство в достижении целей. Одно из наиболее важных достижений его внешней политики – захват и присоединение к Московскому государству литовско-русского Смоленска с округой, что было осуществлено после проведённых в течение двух лет трёх (!) осад города.

Не сильно отличался в моральном отношении от Василия III и хан Мухаммед-Эмин (род. ок. 1469 г.), по многим причинам развязавший войну против Московского государства в 1505 г. Он был сыном Ибрагим-хана и правнуком Улу-Мухаммеда – основателя первой династии казанских ханов. После смерти Ибрагима ханом стал его старший сын от другой жены – Ильхам (Алегам), а Мухаммед-Эмин

---

<sup>7</sup> Филюшкин А.И. Василий III. С. 289–290.

был вывезен на Русь противниками последнего. Около 1485 г. с помощью русских войск Мухаммед-Эмин был впервые возведён на казанский трон; Алегам со своими сторонниками бежал, но вскоре вернулся себе Казань. В 1487 г. Мухаммед-Эмин снова стал ханом после капитуляции Казани перед русскими полками, а в 1496 г. изгнан оттуда, поскольку начал притеснять местную знать (при этом в отстаивании своей власти Мухаммед-Эмин не стеснялся призывать на помощь русские войска). Вместо него ханом несколько лет был его родной брат Абдул-Латиф. До 1502 г. Мухаммед-Эмин снова проживал в Великом княжестве Московском. В 1502 г. Иван III по некоторым не вполне ясным соображениям снова провёл рокировку: с помощью прорусской «партии» он сместил и сослал в Белоозеро Абдул-Латифа, а в Казани в третий раз посадил Мухаммед-Эмина<sup>8</sup>.

Добавим, что после смерти Мухаммед-Эмина на казанский трон в 1519 г. Москвой был посажен малолетний Шах-Али, не устраивавший по ряду причин ни большинство казанцев, ни крымских Гиреев. Соответственно, после его изгнания и занятия трона Сахиб-Гиреем, Казанское ханство, и без того уже выразившее своё неприятие русского протектората, оказалось в русле политики Крыма, направленной на подчинение пост-ордынского пространства. Правда, после гибели Мухаммед-Гирея в 1523 г. этот фактор на несколько лет отошёл на второй план, зато добавился личностный – Сафа-Гирей, получив однажды казанский трон от своего дяди Сахиба, всю жизнь упорно боролся за его сохранение за собой и за его суверенитет, что, опять же, вступало в противоречие с политикой Москвы.

Такая важная тема, как войны с Казанским ханством, издавна привлекала внимание историков, однако они чаще ограничивались анализом дипломатического аспекта.

Ранняя историография московско-казанских войн характеризуется отсутствием глубокого анализа и в значительной степени попросту воспроизводит сведения летописей. Вопросы собственно военной истории у авторов XVIII – первой половины XIX вв. не отделены от истории политической.

---

<sup>8</sup> Илюшин Б.А. Мухаммед-Эмин – «царь» казанский. Биографический очерк. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 7, 8, 29–83.

Так, В.Н. Татищев в своём сочинении на пяти страницах изложил основные события войны 1505–1506 гг., известные по летописи, допустив ряд неточностей и художественно приукрасив их. О казанской военной активности в 1521 г. в книге не сообщается, события 1523–1524 гг. уместились в ней на одной странице, а кампания 1530 гг. подана в виде пересказа содержания разрядной книги<sup>9</sup>.

Такого же плана сочинение М.М. Щербатова. Касательно 1505–1506 гг. автор кратко пересказал содержание летописи, добавив собственные домыслы, чтобы скрасить впечатление от разгрома под Казанью. Интересно, что князь Щербатов написал о попытке сговора короля Речи Посполитой (историк применял такой анахронизм в отношении Великого княжества Литовского) с татарскими ордами против «России». На призыв откликнулся Мухаммед-Эмин, который «издавна дышал злобою на Россию». Историк сослался на издание «Histoire modern», Т. XV (стр. 10)<sup>10</sup>.

В крупнейшем историческом труде первой половины XIX в., принадлежащем Н.М. Карамзину, приводится лишь пересказ летописных известий. Эпизод с татарской войной 1521 г. рассмотрен подробнее, и с привлечением большего количества источников, включая дипломатические документы, что, однако, не избавило текст от авторских допущений (например, якобы Сахиб-Гирей занял Казань с помощью многочисленных полков). Таким же образом описаны и казанские кампании 1523, 1524 и 1530 гг.; автор отметил влияние на войну с Казанью международного положения обоих государств (политика Крыма, позиция ногаев), попытку Сахиб-Гирея опереться в войне на авторитет османского султана, негативные последствия переноса казанской ярмарки (по сочинению С. Герберштейна). Причинами войн Н.М. Карамзин считал враждебность и хищничество татар, хотя отмечал и притязания великих князей на владение Казанью. Касательно боевых операций и численности войск он повторял сведения летописей, иногда разбавляя своими допущениями<sup>11</sup>.

<sup>9</sup> Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён... М., 1843. С. 147–149, 150–151, 154–155, 193, 197–198.

<sup>10</sup> Щербатов М.М. История Российская от древнейших времён. С. 357–360, 372–378.

<sup>11</sup> Карамзин Н.М. История государства Российского... С. 8–11, 129–135, 150–155.



Другой маститый историк XIX в. – С.М. Соловьёв – посвятил войне 1505–1506 гг. ещё меньше места, чем предшественники, пересказав сообщения Никоновской летописи и дополнив сведениями «Казанского летописца» о засаде на ярмарке. Войне 1530 г. он уделил вообще менее одного столбца. Внимание на причинах войн историк не акцентировал, но в целом они объяснялись им враждебностью и неверностью договорам казанских царей, а также необходимостью полного покорения Казанского царства. Вопросы стратегии, тактики, численности войск С.М. Соловьёв не затрагивал, повторяя летописные сведения о 150 тыс. русского войска<sup>12</sup>.

Тема казанских войн затрагивается и в труде В.В. Вельяминова-Зернова о касимовских царях, где даётся краткий пересказ основных событий, перемежаемый обширными цитатами из источников<sup>13</sup>. В другой классической востоковедческой работе XIX в., принадлежащей В.Д. Смирнову, отмечены причины воцарения в Казани крымского Сахиб-Гирея и его отъезда в Крым накануне русского похода 1524 г.; сами московско-казанские войны в этой книге не рассматриваются<sup>14</sup>.

Развивающееся в Нижегородской губернии в XIX в. краеведение не могло обойти стороной московско-казанские войны, поскольку они постоянно затрагивали Нижний Новгород и округу. Одним из крупнейших нижегородских краеведов был П.И. Мельников (Печёрский). Ему принадлежит популяризация и мифологизация ряда сюжетов, связанных с казанскими набегами на город в 1505 и 1521 гг.<sup>15</sup> (легенды о Феде Литвиче, убийстве ногайского мурзы на месте будущей церкви Ильи Пророка и др.).

---

<sup>12</sup> Соловьёв С.М. История России с древнейших времен... Ст. 1581–1582, 1632–1638.

<sup>13</sup> Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царицах. Ч. 1. СПб., 1863. С. 195–199, 263–267.

<sup>14</sup> Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 399, 400.

<sup>15</sup> Мельников П. Жолныряне, спасшие Нижний Новгород в 1506 году // Нижегородские губернские ведомости. 1845. № 3. С. 30–32; Мельников П. События, случившиеся в Нижнем Новгороде от 1462 до 1600 года // Нижегородские губернские ведомости. 1846. № 51.

Другим влиятельным краеведом, продолжившим начинания Мельникова-Печёрского, был Н.И. Храмцовский. Его работы привели к укоренению указанных выше легенд в краеведческой среде, что даже послужило поводом обвинить его в создании самих легенд<sup>16</sup>.

Новый этап в развитии российской историографии начался после Октябрьской революции. Поскольку войны занимали большое место в московско-казанских отношениях, их ход затрагивался в большинстве работ, связанных с отношениями между двумя государствами. В них, как правило, авторы не заходили дальше пересказа источников и попыток выстроить непротиворечивые схемы событий. Войны рассматривались преимущественно в политической и социально-экономической плоскостях. Тем не менее, стало уделяться больше внимания и чисто военным сюжетам.

М.Г. Худяков в исследовании по истории Казанского ханства (в котором он обосновывал наступательный характер политики Москвы в отношении соседа) значительно подробнее предшественников рассмотрел войну 1505–1506 гг., отмечая, что русские не были к ней готовы, а командование 16-летнего князя Дмитрия Ивановича было номинальным (фактическое руководство осуществляли Ф.И. Бельской и А.В. Ростовский)<sup>17</sup>, что неверно, т.к. Дмитрий Жилка родился в 1481 г. и имел опыт руководства войсками в войне с литовцами. Эпизод с ярмаркой под Казанью М.Г. Худяков посчитал вымыслом автора «Казанского летописца», хотя в остальном он большей частью пересказывал сведения нарративов (данные о численности русских и татарских войск исследователь сомнению не подвергал). Кроме того, автору не были ещё известны письма Мухамед-Эмина в Литву с предложением военного союза, из-за чего этого хана М.Г. Худяков объявил чуть ли не русофилом<sup>18</sup>.

И.И. Смирнов в специальной статье о восточной политике Василия III рассмотрел дипломатические аспекты московско-казанских войн первой трети XVI в., затрагивая и некоторые вопросы военной истории. Так, он попытался выстроить непротиворечи-

<sup>16</sup> Мартяхина А.А., Кузнецов А.А. Нижегородская легенда о «Феде Литвиче». С. 372–385.

<sup>17</sup> Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 61–69.

<sup>18</sup> Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 60–68, 84–95.

вую версию событий казанской кампании 1524 г. А вот подробности войны 1530 г., напротив, автором были опущены<sup>19</sup>.

Причины московско-казанских войн, их отражение в российской идеологии и обоснование претензий Москвы на Казанское царство рассматривал С.О. Шмидт. Автор разделял популярную тогда теорию о враждебной политике Османской империи в отношении Русского государства, уже в первой трети XVI в. пытавшейся создать антирусскую коалицию из Крыма, Казани и Ногайской Орды. Подчёркивается заинтересованность русских правящих кругов и купечества в подчинении Поволжья, и, вместе с тем, необходимость обороны русских земель от действий агрессивной татарской верхушки<sup>20</sup>.

Н.П. Павлов, анализируя московско-казанские отношения в XV в., обосновывал вывод, что московские государи никогда не выплачивали дани казанским царям; также автор обратил внимание на особенности формирования войска первого казанского хана<sup>21</sup>.

Книга Е.А. Разина по истории военного искусства стала важной вехой в советской историографии военной истории России. Однако всем казанским войнам в ней уделено гораздо меньше места, чем литовским и новгородским. Конфликты 1505–1506 и 1530 гг. в ней вовсе не упомянуты, а описание событий 1521–1524 гг. занимает менее двух страниц<sup>22</sup>.

В книге А.А. Зимина московско-казанским войнам уделено значительное внимание, хотя историк касался в основном проблем хронологии и нестыковок в источниках, к тому же им был допущен ряд неточностей (о чём будет сказано в нашей работе), а сведения о численности войск и потерях взяты им из некритично воспринятых источников<sup>23</sup>.

---

<sup>19</sup> Смирнов И.И. Восточная политика Василия III... С. 21–23; 56–57, прим. 184, 62.

<sup>20</sup> Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Труды Московского историко-архивного института. Т. 6. М., 1954. С. 187–257.

<sup>21</sup> Павлов Н.П. Была ли Русь данницей Казани? С. 157–165.

<sup>22</sup> Разин Е.А. История военного искусства VI–XVI вв. СПб.: Издательство Полигон, 1999. С. 354–355.

<sup>23</sup> Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972. С. 68–69, 74–78, 240–266, 364–366.

Не обошлось в историографии и без квазинаучных опусов, в которых под видом науки пересказываются сведения нарративов и содержащиеся в них мифологемы.

Примером такого подхода и научной недобросовестности в советской историографии является, например, книга В.В. Каргалова. Находясь всецело под влиянием официальной идеологии XVI в., единственной причиной войн автор считал природную агрессивность и склонность к паразитизму татарской элиты, военные акции которой он уничижительно именуется «разбойничьими набегами», а в обзоре военно-политического противостояния между Московским государством и татарскими юртами материал подан зачастую однобоко и тенденциозно, дабы выставить татар несомненными агрессорами<sup>24</sup>. Такая недобросовестность и недопустимо эмоциональное изложение сильно примитивизирует и искажает картину исторического процесса.

Сюда же относится статья В.П. Макарихина, которую в виду наличия в ней устаревших и ошибочных утверждений (паталогическая агрессивность татар, их «демографическое» превосходство над русскими, 100-тысячные войска и набеги, масштабами превосходящие нашествие «свирепых орд Батыея») вместе с отсутствием научной новизны можно считать историографическим курьёзом<sup>25</sup>.

Возвращаясь к научным трудам, отметим чуть более раннюю книгу С.Х. Алишева, посвящённую взаимоотношениям Московского и Казанского государств. В ней затрагивается вопрос о причинах московско-казанских войн первой трети XVI столетия. Ход войн описан традиционно и кратко<sup>26</sup>.

---

<sup>24</sup> Каргалов В.В. На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М.: Наука, 1974. С. 32–33, 70–72, 79–80, 113.

<sup>25</sup> Правда, следует заметить, что статья, в связи с кончиной автора, была незаконченной, и её публикацией (по черновикам) занимались его коллеги. Макарихин В.П. Казанская эпопея Ивана Грозного // Мининские чтения. Материалы научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (10 декабря 2002 г.). С. 69–77.

<sup>26</sup> Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. С. 51–56, 62–67.

Подробно остановился на военной стороне московско-казанских конфликтов в нескольких своих работах А.Г. Бахтин<sup>27</sup>. Войны между двумя государствами рассматриваются им в широкой исторической и географической перспективе, в разных аспектах, с привлечением значительного количества источников и историографии. Исследователь пришёл к выводу, что причины завоевания Москвой Среднего Поволжья носили объективный и сложный характер, причём большую роль в этом он отводит агрессивности казанских правящих кругов, не перестававших нарушать договоры и совершать набеги на русские земли. Рассматривая военные мероприятия обеих сторон, А.Г. Бахтин подробно освещает их ход, хотя ряд утверждений автора строится на некритичном принятии сведений нарративов, и не может быть принят.

Кроме того, А.Г. Бахтиным в соавторстве с Б.Л. Хамидуллиным написан раздел по истории Казанского ханства (и его войн) в четвёртом томе «Истории татар»<sup>28</sup>. Характеристика разделов по войнам первой трети XVI в., в целом, схожа с таковой в книге А.Г. Бахтина 2012 года. Ряд эпизодов, связанных с казанскими войнами первой трети XVI в., рассмотрены в работах В.В. Трепавлова<sup>29</sup>, И.В. Зайцева<sup>30</sup>, А.Л. Хорошкевич<sup>31</sup>.

В обзорных книгах В.А. Волкова по военной истории Русского государства XV–XVII вв. казанские войны рассмотрены бегло и без подробного анализа всех составляющих, что объясняется характе-

---

<sup>27</sup> Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. 192 с.; Бахтин А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории. 2001. №5. С. 52–72; Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Монография. Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2012. С. 205–209, 211–230.

<sup>28</sup> История татар с древнейших времён. В семи томах. Т. 4. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 301–310.

<sup>29</sup> Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002. 752 с

<sup>30</sup> Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV - первая половина XVI вв.). Очерки. М.: Рудомино, 2004. 217 с.

<sup>31</sup> Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Едиториал УРСС, 2001. 336 с.

ром книг, но оставляет данные работы в рамках традиционной обзорной историографии вопроса<sup>32</sup>.

В.В. Похлёбкину принадлежит книга-справочник по русско-татарским отношениям, в т.ч. по войнам, включая московско-казанские. Материал подан понятно и ёмко, хотя не лишён отдельных ошибок<sup>33</sup>. В книге Б.Р. Рахимзянова казанские войны Василия III показаны в связи с историей т.н. Касимовского ханства и его царей<sup>34</sup>. Обоснование прав великих московских князей на Казанское царство рассматривается в статье К.Ю. Ерусалимского<sup>35</sup>.

С.К. Свечников рассмотрел московско-казанские войны в контексте истории Марийского края. Конфликты времён Василия III описаны ёмко, но с вниманием к отдельным деталям. В отличие от А.Г. Бахтина, осаду Нижнего Новгорода автор ограничивает тремя днями. В разделе о событиях 1521 г. приводится достаточно спорная гипотеза о временной замене Сахиб-Гирей-хана в Казани на Саадет-Гирея. Рассматриваются также политические и демографические последствия отдельных войн. Автор также выдвигает гипотезу о русском походе на Казань в 1526 году<sup>36</sup>.

В книге Д.А. Котлярова рассматривается дипломатический аспект московско-казанских отношений, военным действиям уделено мало внимания (подробно автор остановился только на кампании

<sup>32</sup> Волков В.А. Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII вв.). М., 2004. 572 с.; Волков В.А. Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия III. М.: Прометей, 2016. 393 с.

<sup>33</sup> Похлёбкин В.В. Татары и Русь: 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). Справочник. М., 2005. 192 с.

<sup>34</sup> Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. 207 с.

<sup>35</sup> Ерусалимский К.Ю. Исторические *exempla* Посольского приказа // Труды Кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 1: Материалы международной научной конференции "Иван III и проблемы российской государственности: к 500-летию со дня смерти Ивана III (1505–2005)", 25–26 ноября 2005 г. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 307–328.

<sup>36</sup> Свечников С.К. Присоединение Марийского края к Русскому государству. Казань, 2014. С. 79–81, 125–138, 143–146.

1524 г., но и тут анализируется в основном последовательность событий и противоречия источников)<sup>37</sup>.

Прямое отношение к теме казанских войн Василия III имеет работа Ю.Г. Алексеева, поскольку исследователь подошёл к анализу военной истории Русского государства при Иване III очень обстоятельно и выполнил важное общетеоретическое исследование, выводы и структура которого во многом определяют характер нашей книги. Ю.Г. Алексеев рассмотрел, в том числе, казанские войны Ивана III, хотя казанской стороне уделил гораздо меньше места, чем русской<sup>38</sup>. Однако верхняя хронологическая граница исследования только подходит к 1505 г. Основные события казанских кампаний 1523 и 1524 гг. пересказываются в статье И.Б. Михайловой<sup>39</sup>. Казанские войны подробно рассмотрены в политическом и источниковедческом аспектах в книге А.В. Аксанова. Автор анализирует межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования и прослеживает эволюцию восприятия московско-казанских войн в источниках XVI в.<sup>40</sup>

Изменение политической ситуации в Восточной Европе в связи с распадом крымско-московского союза и крымским походом 1521 г. рассмотрел М.В. Моисеев<sup>41</sup>. Этот же исследователь рассмот-

<sup>37</sup> Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству: вхождение народов Поволжья в состав России. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. С. 183–185, 198–205, 207–208.

<sup>38</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. Второе издание. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 464 с.; Алексеев Ю.Г. Военная история допетровской России. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018.

<sup>39</sup> Михайлова И.Б. Москва и Казань: военные кампании 1523 и 1524 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 2. С. 35–44.

<sup>40</sup> Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 288 с.

<sup>41</sup> Моисеев М.В. Крах Большой Орды и формирование новой системы межгосударственных отношений (1502–1521) // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии. Материалы Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г.). К 750-летию образования Золотой Орды. Москва: Медина, 2017. С. 346–352.

рел такие, имеющие отношение к нашей теме, вопросы, как обоснование прав на Казанское ханство в русских нарративах и казанский вопрос в русско-ногайских отношениях рубежа XV и XVI вв.<sup>42</sup>

В статье В.А. Аракчеева пересматривается устоявшееся представление об отсутствии выплат Москвой дани в Казанское ханство в первые два десятилетия его существования<sup>43</sup>.

Отдельно отметим работы по биографии воевод – участников казанских войн первой трети XVI в. В статье А.Г. Бахтина рассмотрена личность И.В. Хабарова Симского. Эпизоды с обороной Нижнего Новгорода в 1505 г., Рязани в 1521 г. и боем на Итальянском поле обозначены в рамках известных нарративов, некоторые сведения которых приняты некритично<sup>44</sup>. Небольшая работа Д.М. Володихина посвящена князю Александру Владимировичу Ростовскому – руководителю конной рати в казанском походе 1506 г. В целом, этот эпизод подан ёмко и не выделяется в воеводской карьере князя<sup>45</sup>. Сюда же можно отнести наш биографический очерк о хане Мухаммед-Эмине, вышедший в 2019 г.

Вопрос о численности казанского войска был затронут в статье В.В. Трепавлова, где он анализирует сведения из казанского письма к литовскому великому князю<sup>46</sup>. Характер казанских набегов на Русь

---

<sup>42</sup> Моисеев М.В. Обоснование прав на Казанское ханство в русском средневековом нарративе // Мининские чтения. 2008. Нижний Новгород, 2010. С. 395–400; он же: «Казанский вопрос» в русско-ногайских отношениях конца XV – первой половины XVI столетий // Средневековые тюрко-татарские государства. 2012. № 4. С. 107–112.

<sup>43</sup> Аракчеев В.А. Порядок сбора ордынского «выхода» в русских землях во второй половине XV века // Великое стояние на реке Угре и формирование российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: материалы всероссийской с международным участием научной конференции. Калуга: Издатель Захаров С.И. («СерНа»), 2017. С. 17–31.

<sup>44</sup> Бахтин А.Г. Воевода И.В. Хабар-Симский // Военно-исторический журнал. 2017 (№6). С. 70–79.

<sup>45</sup> Володихин Д.М. Князь Александр Владимирович Ростовский, воевода Ивана Великого // (Серия: Ратное дело). М.: Фонд «Русские Витязи», 2017. 52 с., ил.

<sup>46</sup> Трепавлов В.В. «Отецкие дети»: элита Казанского ханства в литовской метрике // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. №3. С. 600–611.



на материале 1535–1540 гг. проанализировал М.А. Несин. Его выводы относительно их малого масштаба и малочисленности казанского воинства в значительной степени подтолкнули нас к подробному изучению этого вопроса<sup>47</sup>. В статье М.М. Акчурина и А.В. Белякова обозначен стратегический интерес крымцев и казанцев к Мещере в 1521 году<sup>48</sup>. Эпизод из биографии «царевича» Шах-Али, связанный с началом его «самостоятельной» военно-политической карьеры в кампании 1523 г. рассмотрен в обзорной статье Н.В. Белова<sup>49</sup>.

Московско-казанские войны первой трети XVI в. стали объектом исследования в нескольких наших работах. Казанский поход 1506 г. был рассмотрен в отдельной статье<sup>50</sup>. Позже вышла книга по войне 1505–1506 гг., в которой после обсуждения с А.Н. Лобиным был уточнён вопрос о численности русского войска<sup>51</sup>. Дальнейшее изучение связанных с этой темой вопросов привели к выводу о значительно меньшем военном потенциале Казанского ханства, что уже было отражено в очерке о Мухаммед-Эмине<sup>52</sup> и подробнее рас-

---

<sup>47</sup> Несин М.А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 432–491. <[http://www.milhist.info/2019/02/27/nesin\\_13](http://www.milhist.info/2019/02/27/nesin_13)> (27.02.2019).

<sup>48</sup> Акчурин М.М., Беляков А.В. Мещера и Крым в конце XV–XVI в. // История военного дела: исследования и источники. 2019. Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв. Ч. 2. С. 156–181. [Электронный ресурс] <[http://www.milhist.info/2019/06/28/akchyrin\\_belyakov](http://www.milhist.info/2019/06/28/akchyrin_belyakov)> (28.06.2019)

<sup>49</sup> Белов Н.В. Начало военно-политической карьеры Шах-Али: на пути к казанскому походу 1524 г. // История военного дела: исследования и источники. 2019. Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв. Ч. 2. С. 184–233. [Электронный ресурс] <[http://www.milhist.info/2019/10/31/belov\\_1](http://www.milhist.info/2019/10/31/belov_1)> (31.10.2019).

<sup>50</sup> Илюшин Б.А. Казанский поход 1506 г.: анализ подготовки и боевых действий // Российская история, 2018. №3 (3). С. 93–103.

<sup>51</sup> Илюшин Б.А. «Война лета 7014»: Московско-казанский конфликт 1505–1507 гг. Нижний Новгород: Стимул-СТ, 2018. 128 с.

<sup>52</sup> Илюшин Б.А. Мухаммед-Эмин – «царь» казанский: биографический очерк // Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 168 с.

смотрено в отдельной статье<sup>53</sup>. В краткой заметке было сделано уточнение о потерях русского воеводского корпуса в 1506 г.<sup>54</sup>

Отдельно отметим работы, посвящённые отражению московско-казанских войн в фольклоре, и о сопутствующих им поздних легендах. Чувашские и марийские предания о русско-татарских войнах приводятся в книгах В.Д. Дмитриева<sup>55</sup> и А.Г. Бахтина<sup>56</sup>. Анализ некоторых старинных русских песен, произведённый А.О. Амелкиным, позволил соотнести ядро их сюжета с событиями, связанными с казанскими войнами первой трети XVI века<sup>57</sup>. Несостоятельность двух краеведческих мифов XIX в., связанных с казанской осадой Нижнего Новгорода в 1505 г., показана в статьях А.А. Кузнецова и А.А. Мартяхиной, П.В. Чеченкова<sup>58</sup>.

Для лучшего понимания темы московско-казанских войн необходимо было углубиться в вопросы историко-экономической гео-

<sup>53</sup> Илюшин Б.А. К вопросу о военном потенциале и стратегиях Казанского ханства // Военная археология (Сборник материалов семинара «Военная археология»). №6. 2020. С. 171–179.

<sup>54</sup> Илюшин Б.А. Ещё раз о потерях русского воеводского корпуса под Казанью в 1506 г. // Novogardia. 2019. №2 (2). С. 177–180. (электронный журнал).

<sup>55</sup> Дмитриев В.Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времён до середины XIX века. Чебоксары, 1993. С. 109–110.

<sup>56</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 304–309.

<sup>57</sup> Амелкин А.О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV – первой половины XVI вв. (По материалам агиографических сказаний и памятникам фольклора): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М., 1992. 223 с.; Он же: О ком плачет часовой? // Живая старина. 1996. № 2. С. 29–30; Он же: Отражение взаимоотношений Руси со Степью в памятниках русского фольклора. Воронежские народные сказки и предания / Подгот. текстов, сост., вступ. ст. и примеч. А.И. Кретова. Воронеж, 2004. 310 с.

<sup>58</sup> Мартяхина А.А., Кузнецов А.А. Нижегородская легенда о «Феде Литвиче»: источник или фальсификация? // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). Нижний Новгород, 2010. С. 372–385; Чеченков П.В. Спорные вопросы истории Нижегородского кремля XIV – начала XVI в. // Материалы V Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Святые земли Нижегородской. Нижегородский кремль». Нижний Новгород, 2010. С. 13–25.

графии, военного дела, военной организации и истории служилых сословий Московского государства и Казанского ханства. Это, помимо прочего, позволило сделать ряд важных выводов относительно характера московско-казанского противостояния.

Поскольку главной задачей нашего исследования является рассмотрение казанских войн в аспектах чисто военных (стратегия и тактика, военная организация и логистика и т.д.), а не только политическом (чем в основном и заполнена историография), большое значение для него имеют новейшие исследования в области военного дела и военной истории Восточной Европы XV–XVI вв.

Вопрос о численности войска Великого княжества Московского первой трети XVI в. исследован в работе А.Н. Лобина<sup>59</sup>. Теоретические расчёты выглядят надёжно и используются (с некоторой корректировкой) в нашей книге. В другом исследовании того же автора затрагиваются некоторые аспекты казанских кампаний Василия III<sup>60</sup>. Выводы А.Н. Лобина по численности русского войска позволяют скорректировать дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (статьи О.А. Курбатова, А.Н. Лобина, В.В. Пенского и форум)<sup>61</sup>.

Большое теоретическое значение имеют исследования В.В. Пенского. Численность русского войска и воеводского корпуса во время крымско-казанского вторжения 1521 г., военный потенциал Крымского ханства проанализированы В.В. Пенским в отдельных статьях<sup>62</sup>. В своей недавней книге автор комплексно рассмотрел эволю-

---

<sup>59</sup> Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2011. 251 с.

<sup>60</sup> Лобин А.Н. Артиллерия Ивана Грозного. С. 178–179.

<sup>61</sup> Курбатов О.А. Отклик на статью А.Н. Лобина «К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства в XVI в.». С. 104–119; Лобин А.Н. К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства в XVI в. С. 45–78; Пенской В.В. Некоторые соображения по поводу статьи А.Н. Лобина «К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства в XVI в.». С. 91–103; "И бе их столько, еже несть числа": форум // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. №1–2. С. 128–150.

<sup>62</sup> Пенской В.В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII вв. С. 56–66; Пенской В.В. Численность и развёртывание московского и татарского войска в кампанию 1521 г. С. 194–209.

цию и изменения военной организации, оружейного комплекса, стратегию и тактику, рост численности вооружённых сил и логистику России XV–XVI вв. Затронута в исследовании также тема казанских войн<sup>63</sup>. Для нашего исследования тут важны, прежде всего, такие аспекты, как численность русского войска, логистика, стратегия и внешнеполитические доктрины Московского государства.

Изучению военного дела и военной организации Казанского ханства посвящены труды И.Л. Измайлова<sup>64</sup>. Структура вооружённых сил ханства, вооружение, тактика и стратегия должны учитываться при изучении московско-казанских войн. Вопрос о численности казанского войска также достаточно подробно разбирается исследователем.

В ходе нашей работы подробно анализировались биографии известных военных деятелей (в основном русских воевод). В этом вопросе больше значение имеет исследование А.А. Зимина<sup>65</sup>, до сих пор актуальное, но из-за масштаба не лишённое заметного числа ошибок (те из них, что касаются воевод – участников казанских войн 1505–1530 гг., мы отметили в этой и предыдущей работах<sup>66</sup>). Важной для нашей темы является и статья Д.Е. Гневашева, в которой рассмотрен синодик по погибшим под Казанью в 1506 г., приведён его текст и характеризуются упомянутые в нём вологодские дети боярские<sup>67</sup>. Остальные использованные нами работы по генеа-

---

<sup>63</sup> Пенской В.В. Военное дело Московского государства. От Василия Тёмного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. М.: Центрполиграф, 2018. 351 с.

<sup>64</sup> Измайлов И.Л. Вооружение и военное искусство Казанского ханства XV – первая половина XVI в.: комплексный анализ источников // Археология евразийских степей. Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. 2017. №5. С. 196–209; Он же: Вооружение и военное искусство Казанского ханства XV – первая половина XVI в.: комплексный анализ источников // Археология евразийских степей. Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. 2017. №5. С. 196–209.

<sup>65</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. М.: Наука, 1988. 350 с.

<sup>66</sup> Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 52, 54, 58.

<sup>67</sup> Гневашев Д.Е. Вологодский служилый «город» в XV – начале XVI века // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и

логии и социально-политической истории русской аристократии носят в основном справочный характер.

Определённую важность для изучения московско-казанских войн имеют исследования по фортификации на территориях, входивших в театр военных действий. Сведения об укреплениях тех или иных городов и острогов позволяют делать выводы о характере военных действий. Укрепления Васильсурска рассмотрены в работах Г. Перетятковича и И.А. Кирьянова<sup>68</sup>. В книге последнего приводятся описания укреплений гг. Лыскова и Нижнего Новгорода. История нижегородского кремля и особенностей его укреплений рассмотрены в книге С.Л. Агафонова, руководившего реконструкцией кремля во второй половине XX века<sup>69</sup>. Ряд вопросов, связанных с нижегородским кремлём и его значением в обороне восточных рубежей, а также некоторые эпизоды московско-казанских войн, анализируются в работах современных нижегородских историков и археологов – Н.Н. Грибова<sup>70</sup>, П.В. Чеченкова<sup>71</sup>. Анализ историографических легенд, связанных с осадой города казанцами в 1505 г., предпринят в статьях П.В. Чеченкова<sup>72</sup>, А.А. Мартяхиной и А.А. Кузнецова<sup>73</sup>. Укрепления Казани рассмотрены 4-м томе «Исто-

---

Новое время. Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 672–681.

<sup>68</sup> Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках. С. 162–163; Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. С. 82–83.

<sup>69</sup> Агафонов С.Л. Нижегородский кремль. Архитектура, история, реставрация. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1976. 136 с.

<sup>70</sup> Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН; 2018. 592 с.

<sup>71</sup> Чеченков П.В. Казанское порубежье во внешней политике русского государства первой трети XVI в. С. 150–165; Он же: Нижегородский кремль XIV–XV веков. С. 111–118; Он же: Нижегородский край в составе Российского государства в XV – третьей четверти XVI в.; Он же: Спорные вопросы истории Нижегородского кремля XIV – начала XVI в.; Он же: Новая песня о «Старом». С. 5–31.

<sup>72</sup> Чеченков П.В. Спорные вопросы истории Нижегородского кремля... С. 20–22.

<sup>73</sup> Мартяхина А.А., Кузнецов А.А. Нижегородская легенда о «Феде Литвиче». С. 372–385.

рии татар»<sup>74</sup>, в работах С.П. Саначина<sup>75</sup>, А.М. Губайдуллина<sup>76</sup>, А.Г. Ситдикова<sup>77</sup>.

Важным разделом нашего исследования является рассмотрение театра боевых действий и сопоставление затронутых ими регионов обоих государств. В этом плане полезными являются работы М.Н. Тихомирова и А.М. Сахарова<sup>78</sup>. Социально-экономическая и этнополитическая специфика регионов Казанского ханства подробно анализируется в книге А.Г. Бахтина<sup>79</sup>.

В ходе московско-казанских войн активно использовался волжский речной путь, контроль над которым, к тому же, являлся одной из целей обеих сторон конфликта. В связи с этим немаловажно обратить внимание на транспортное и экономическое значение Волги в XV–XVI века<sup>80</sup>.

Круг источников по московско-казанским войнам первой трети XVI в. сравнительно узок. Он включает русские и европейские нарративы, актовый (и близкий к нему) материал, в том числе документы церковного происхождения (синодики), отчасти также данные эпиграфики и фольклора.

Нарративные тексты представлены летописями и публицистическими сочинениями.

<sup>74</sup> История татар. Т. 4. С. 618–620.

<sup>75</sup> Саначин С.П. Городские укрепления на территории Татарстана в описании XVIII века подполковника А.И. Свечина и гипотезы их местоположений. С. 147–160; Саначин С.П. Гипотеза фортификации столицы Казанского юрта в его последние дни. С. 73–89.

<sup>76</sup> Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. Археология евразийских степей. 2019 (№3). Казань, 2019. 323 с.

<sup>77</sup> Ситдигов А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006. 288 с.

<sup>78</sup> Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М.: Московский университет, 1959; Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

<sup>79</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 164–175.

<sup>80</sup> Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 259 с.

Летописи можно разделить по происхождению на официальные московские (и близкие к ним) и провинциальные, созданные как в крупных городах (например, Новгород Великий), так и в небольших провинциальных центрах и монастырях (Вологда, Галич и др.), а также русско-литовские. Летописи группируются по времени составления – близкие к исследуемым нами событиям или современные им, и более поздние (вторая половина XVI–XVII вв.). Московские летописные своды (а также восходящие и близкие к ним тексты) передают официальную точку зрения на исторические события, отредактированы в угоду возвеличивания дел московских великих князей<sup>81</sup>. Провинциальные летописи ценны уже тем, что содержащиеся в них сведения зачастую не ангажированы в пользу московской власти, и передают иную точку зрения. Кроме того, в них чаще отражаются частные подробности, свидетельства очевидцев, не попадающие в более крупные своды<sup>82</sup>. В русских летописях,

---

<sup>81</sup> Дополнения к летописному своду 1497 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 161–163; Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. 28. М.-Л., 1963; Никоновская летопись (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью) // ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859; Русский Хронограф (Хронограф редакции 1512 года) // ПСРЛ. Т. 22. Вып. 1. СПб., 1911; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910; Постниковский летописец / Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 8–30; Типографская летопись (Летопись по Типографскому списку) // ПСРЛ. Т. 24. 1921; Софийские летописи // ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853; Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001; Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913; Отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку // ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 277–315.

<sup>82</sup> Архангелогородский летописец / Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982; Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись // ПСРЛ. Т. 30. М., 1965; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. М.-Л., 1959; Новгородская Четвёртая летопись // ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848; Новгородская Четвёртая летопись (по списку Дубровского) // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925; Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. Т. 43. М., 2004; Прибавление к Второй Новгородской летописи // ПСРЛ. Т. 3; Устюжская летопись (Список Мациеви-

созданных на территории Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, также имеются некоторые подробности московско-казанских войн, в том числе, уникальные<sup>83</sup>. Отдельно отметим летописи, использованные при характеристике событий и явлений, имеющих отношение к нашей теме, но выходящих за хронологические рамки исследования<sup>84</sup>. Более подробная характеристика летописей, как нам кажется, излишня – это давно известные, хорошо изученные источники.

Важнейшие публицистические тексты – «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна и «История о Казанском царстве» (или «Казанский летописец») неизвестного автора. Первый текст ценен уже потому, что создан был современником рассматриваемых нами событий, посещавшим Русское государство при Василии III дважды<sup>85</sup>. Кроме того, С. Герберштейн (посол Священной Римской империи, выступавший посредником в переговорах между Москвой и Вильно) описывал своё путешествие и Московию подробно и по возможности точно, хотя его сочинение и не лишено ошибок и клише. Тем не менее, передаваемые им сведения значительно дополняют и уточняют наши представления о казанских войнах. В «Записках о Московии» имеются разделы, посвящённые московско-

ча) // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982; Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977; Галицкая летопись // История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. С. 601–607; Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886.

<sup>83</sup> Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. Под ред. С. А. Адрианова. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. 418 с.; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. Под ред. С. А. Адрианова. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1914. С. 420–686; Хроника Быховца // ПСРЛ. Т. 32. М.: Наука, 1975. 235 с.

<sup>84</sup> Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965; Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М.-Л., 1949; Сокращённый летописный свод 1493 г. // ПСРЛ. Т. 27. М.-Л., 1962; Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. М., 2000; Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18. М., 2007; Тверская летопись // ПСРЛ. Т. 15. М., 2000.

<sup>85</sup> Герберштейн, Сигизмунд. Записки о Московии / пер. с нем. А.И. Малейна, А.В. Назаренко, вст. ст. А.Л. Хорошкевич, под ред. В.Л. Янина // М.: изд. МГУ, 1988. 430 с.



казанским войнам 1505–1506 и 1521–1524 гг. Впервые «Записки...» изданы в 1549 г.

«История о Казанском царстве»<sup>86</sup> была создана, вероятнее всего, во второй половине XVI в., под впечатлением от завоевания Казанского ханства. Автор его, по собственному заявлению в начале произведения, провёл 20 лет в казанском плену (будучи пойманным «варварами» как раз в последние годы жизни Василия III), причём со временем стал служить при ханском дворе и многое знал из первых уст<sup>87</sup>. Источник содержит немало подробностей по нашей теме, в том числе не проверяемых. Имеются в нём некоторые хронологические ошибки. Исследователями отмечалось, что отдельные художественные обороты и образы автор заимствовал из более ранних художественных произведений («Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора-Искандера, а некоторые элементы, возможно, восходят даже к «Слову о полку Игореве»)<sup>88</sup>. Кроме того, автор явно не стремился к передаче сколь угодно точных сведений о вооружённых силах ханства: для него казанские татары – это сугубо враждебные и бесчестные варвары, которых хоть и много, но победы над русскими ратями им доставались хитростью и божьим промыслом. Цифры численности войск обеих сторон, приводимые в сочинении, баснословны, хотя в историографии подвергаются сомнению нечасто.

Взгляды на «казанскую проблему», бытовавшие в русском обществе в первой половине XVI в. частично отразили послание Максима Грека великому князю Василию III (ок. 1521 г.)<sup>89</sup> и более

---

<sup>86</sup> Казанский летописец (История о Казанском царстве) // ПСРЛ. Т. 19. Под ред. Г. З. Кунцевича. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. 530 с.

<sup>87</sup> Зимин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 72; Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. Ст. 3; Моисеева Г.Н. Автор «Казанской истории». С. 279.

<sup>88</sup> Демин А.С. Отголоски «Слова о полку Игореве» в «Казанской истории». С. 125; Орлов А.С. Героические темы древнерусской литературы. 107, 121–122.

<sup>89</sup> Максим Грек. Послание великому князю Василию III // Ржига В.Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. С. 111–120.

позднее сочинение И. Пересветова («Большая челобитная»)<sup>90</sup>. Казанское царство воспринимается авторами этих произведений как безусловно враждебная сила, требующая решительного подавления со стороны Русского государства. Очень близок к этим взглядам участник последнего штурма Казани А.М. Курбский, сочинение которого<sup>91</sup> (написанное после его бегства в 1563/1564 г. в Литву), кроме этого, содержит весьма ценную информацию о театре военных действий (даётся характеристика Горной стороны и округа Казани). В «доношениях» итальянского посла де Колло, побывавшего в Москве в 1518–1519 гг. дана краткая характеристика отношений между Казанским и Московским государствами (он передаёт, что казанцы платят дань великому князю)<sup>92</sup>.

Некоторые сведения о военных силах Казанского ханства и Московского государства второй половины XV в. содержат книги Блеза де Вижинера и А. Контарини<sup>93</sup>. Эти же вопросы затрагивают и некоторые нарративы XVII в.<sup>94</sup>

События московско-казанских войн в контексте русско-татарского противостояния спустя полтора века после падения Казани переосмыслил А. Лызлов<sup>95</sup>.

---

<sup>90</sup> Пересветов И.С. Большая челобитная // Сочинения / Подг. А.А. Зимин. М.-Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1956.

<sup>91</sup> Курбский А. История о делах великого князя московского // подг. К.Ю. Ерусалимский, пер. А.А. Алексеев. М.: Наука, 2015. 944 с.

<sup>92</sup> Колло, Франческо де. Доношение о Московии // Подгот. текста, пер. на рус. яз., вступ. ст., с. 5–31, и коммент. О. Симчич. М.: Специализир. изд.-торговое предприятие «Наследие», 1996. 84 с.

<sup>93</sup> Блез де Вижинер. Описание Польского королевства и порубежных с ним стран // История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 82–84; Контарини, Амброджо. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-российских связей в XV в. / вступ. статья, подг. текста, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971. 275 с.

<sup>94</sup> Олеарий, Адам. Описание путешествия в Московию / пер. А.М. Ловягина. М.: Русич, 2003. 480 с.; Петрей П. О начале войн и смут в Московии. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. 560 с.

<sup>95</sup> Лызлов А. Скифская история / Подг. текста, комм., указ. А. П. Богданов; Отв. ред. Е. В. Чистякова. М.: Наука, 1990. 520 с.

Актный материал представлен разнообразными документами преимущественно русского происхождения. Сюда относятся разрядные книги, дипломатическая переписка с Казанью, Ногайской Ордой, Крымом, Великим княжеством Литовским, разнообразные великокняжеские и княжеские грамоты и т.д.

Разрядные книги, использованные нами<sup>96</sup>, можно отнести к официальным документам условно, поскольку их тексты являются поздними частными компиляциями официальных актов, фиксировавших, в том числе, назначения на воеводские должности, состав ратей, военные мероприятия (походы, охрана границ и т.д.) Русского государства. Так, наиболее объёмная разрядная книга за 1475–1605 гг. была составлена в 20–30-е гг. XVII в. на основе нескольких других частных разрядных книг<sup>97</sup>. Разрядная книга 1475–1598 гг., представляет собой копию государевых разрядов, сохранившуюся в нескольких списках конца XVI – конца XVII веков<sup>98</sup>.

Поскольку это только частные копии официальных документов, в них имеются хронологические ошибки, разночтения, повторы. Тем не менее, разрядные книги являются ценнейшим источником, важность которого давно оценили историки. В отдельных случаях (в том числе касаясь казанских походов) сведения разрядных книг подтверждаются летописями, включавшими, в свою очередь, фрагменты документов официального происхождения (т.е. официальные разрядные записи). Эти документы позволяют уточнить хронологию и направления военных операций, состав воеводского корпуса, приблизительно определить численностей войск.

Документы дипломатического происхождения касаются в основном политических вопросов, хотя иногда затрагиваются и чисто военные. Помимо актов русского происхождения<sup>99</sup>, к этой катего-

<sup>96</sup> Разрядная книга 1475–1598 гг. (далее – РК 1598); Разрядная книга 1475–1605 гг. Тома 1–2 (далее – РК 1605); Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.) // подг. П.Н. Милюков. М.: Университетская типография, 1901. 314 с.

<sup>97</sup> Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями... С. 11–12.

<sup>98</sup> РК 1598. С. 5–7.

<sup>99</sup> См.: Грамоты великаго князя Ивана Васильевича в Крым...; Грамоты к великому князю Василию Ивановичу из Крыма...; Отправление посольства от

рии относится несколько документов из Великого княжества Литовского (включая переводы писем от казанских ханов к великим литовским князьям), содержащие важные сведения по военно-политической активности Казанского ханства, его войнам с Московским государством, а также свидетельствующие о попытках Литвы, Крыма и Казани организовать анти-московский военный союз<sup>100</sup>.

Немало интересной информации по нашей теме имеется в актах, связанных с церковью. Синодики содержат списки погибших воевод и детей боярских<sup>101</sup>. Грамоты о пожалованиях монастырям на помин души позволяют увидеть, как казанские войны затрагивали конкретные служилые семьи<sup>102</sup>. Близка к ним духовная грамота князя Дмитрия Ивановича и его жалованные грамоты монастырям<sup>103</sup>. Духовная Василия III, кроме того, позволяет уточнить первоначальную цель кампании 1523 года<sup>104</sup>.

---

великого князя Василья Ивановича в Константинополь...; Посольство короля польского и великого князя литовского Сигизмунда Казимировича к великому князю Ивану Васильевичу... и мн. др.

<sup>100</sup> Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с предложением военного союза против Москвы; Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с описанием победы над войском Василия III и с предложением военного союза против Москвы; Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506 г.; Литовские упоминки татарским ордам. Скрабовая книга метрики литовской 1502–1509; «От Сапкгирея царя. Слово. Божью милостью королю польскому великому князю литовскому рускому прускому и далее, отцу моему великому королю Жикгимонту; Посольство польскаго короля Сигизмунда к Ливонскому магистру Валтеру Плеттенбергу; «Сафакгирии царь. Слово. Божью милостью королю польскому, великому князю литовскому рускому прускому жомоитскому мазовецкому иных, отцу моему великому королю Жикгимонту».

<sup>101</sup> Синодик 1684 г.; Синодик по убитым в битве под Казанью 1506 г.

<sup>102</sup> Данная Анны с детьми Юрием, Василием и Иваном по духовной её мужа Дмитрия Васильевича...; Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря...

<sup>103</sup> Грамота духовная князя Дмитрия Иоанновича Углицкого...; Жалованная грамота угличского кн. Дмитрия Ивановича иг. Троице-Сергиева м-ря Досифею о присуждении м-рю 54 деревень с починками у сс. Прилуки и Красново в Угличском у., отмежеванных от монастырских земель слободчиком Семё-

Нужная нам информация содержится и в двух судных делах. Судный список по делу об «оговоре» Фёдором Ивановым сыном Крыжина муромских детей боярских уточняет оперативную обстановку на восточных окраинах Русского государства во время очередного конфликта с Казанью. Материалы судного дела над Иваном Берсенёвым позволяют судить о бытовавших в служилых слоях взглядах на внешнюю политику Василия III<sup>105</sup>.

Различные сведения о московско-казанских войнах встречаются и в других документах самого разного происхождения – правовых актах, административных распоряжениях, хозяйственной документации и прочих<sup>106</sup>. Важным источником, дающим представление о масштабах военных действий и их последствиях, являются т.н. писцовые описания (писцовые, дозорные, переписные книги, сотные записи и др.), в которых указывались сведения по землевладению, землепользованию и хозяйствованию на отдельных территориях Русского государства XV–XVII вв. К сожалению, материалов по рассматриваемому периоду сохранилось крайне мало. Пока нам удалось выявить только два подобных документа<sup>107</sup>.

---

ном Фоминым сыном Бородатого // Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. Док. 21. С. 30; Жалованная грамота угличского кн. Дмитрия Ивановича иг. Троице-Сергиева м-ря Досифею на беспошлинный проезд монастырских судов мимо Углича и Мологи // Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. Док. 22. С. 30–31.

<sup>104</sup> Духовная запись в. кн. Василия III Ивановича с подтверждением своей прежней духовной грамоты... // Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начало XVII вв. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1998. №124. С. 293–294. Пояснения: С. 483–484.

<sup>105</sup> Отрывок следственного дела о Иване Берсеневе и Федоре Жареном, с допросами старцу Максиму Греку и келейнику его Афанасию...

<sup>106</sup> Грамота московского великого князя Василия на Вятку наместнику г. Слободского Гавриилу Мансуровичу...; Жалованная несудимая грамота в. кн. Василия Ивановича Фёдору Михайловичу Киселёву...; Наказной список, данный Третьяку Котенину, с установлением взимаемых на великого князя доходов в половине Галичского наместничества...; Письмо крымского хана Мухаммед-Гирея I османскому султану Сулейману I... и др.

<sup>107</sup> Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. 2. Грамоты и записи // сост. М.А. Дьяконов. Юрьев, 1897. №7. С. 6–7; Сотная 1533 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда / Публика-

Определённый интерес для нашей темы имеют данные татарской эпиграфики. В частности, известно некоторое число татарских надгробий с могил людей, погибших во время войн с Московским государством<sup>108</sup>.

Несколько слов следует сказать о структуре монографии. Изначально планировалось выделить четыре части, первая из которых – в некотором роде теоретическая, рассматривающая историю московско-казанских войн, военный потенциал, соотношение сил сторон, театр военных действий и т.д. Вторая часть была посвящена «Войне лета 7014» (1505–1506 гг.), и представляла собой дополненный текст книги 2018 г., но в итоге она была сокращена до одной главы, а ряд вопросов, рассмотренных в предыдущей публикации, опущен<sup>109</sup>. В третьей части рассматривались события 1521–1524 гг., в четвёртой – война 1530 г., причём последняя часть по объёму значительно уступала предыдущей, из-за чего от выделения частей мы отказались, оставив в итоге восемь глав, включая две теоретические.

Автор выражает благодарность всем, кто помог в работе над книгой и в её издании, а именно: А.В. Аксанову, А.Г. Бахтину, Л.А. Боброву, А.Д. Бубнову, Л.С. Гиниятуллиной, Д.Е. Кулагину, А.Н. Лобину, И.М. Миргалееву, М.В. Моисееву, М.А. Несину, П.Е. Огурцову, С.К. Свечникову, А.А. Сорокину, Е.В. Четвертакову, а также всем сотрудникам Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, причастным к этому изданию.

---

ция и комментарии С.В. Сироткина // Очерки феодальной России. Сборник статей. Вып. 6. М., 2002. С. 119–169.

<sup>108</sup> Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. С. 121–122; Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-казанские памятники в Казанской губернии. С. 31, 474; Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. С. 31.

<sup>109</sup> В том числе, был убран подробный анализ воеводского корпуса – в сжатом виде основное его содержание представлено в таблице в Приложении 4.

# ГЛАВА 1

## ИСТОРИЯ МОСКОВСКО-КАЗАНСКИХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И ОТНОШЕНИЕ БИД СТОРОН НА НАЧАЛО XVI ВЕКА

### 1. Русско-булгарские и московско-казанские военно-политические контакты второй половины XIV–XV вв.

Для лучшего понимания многих вопросов московско-казанских военно-политических отношений первой трети XVI в. следует кратко охарактеризовать их историю с 1360 г. (до этого военных контактов между русскими княжествами и Булгарским улусом Золотой Орды практически не было). Русско-булгарские военные конфликты 1360–1431 гг. были рассмотрены нами в отдельной статье<sup>1</sup>. Московско-казанские войны XV в. подробно проанализированы в монографии Ю.Г. Алексева<sup>2</sup>, что избавляет нас от необходимости их исследования. Здесь же приведём их краткую характеристику.

В связи с внутривосточным кризисом в Золотой Орде (русскими летописями именуемым Великой Замытней) Среднее Поволжье оказалось практически беззащитным перед агрессией со стороны русских государств (великих княжеств Московского, Нижегородского и Новгорода Великого в лице ушкуйников), воспользовавшихся ослаблением сарайского контроля за окраинами. В истории русско-булгарских военных столкновений рассматриваемого периода мы насчитали 15 эпизодов. Из них 7 – походы ушкуйников<sup>3</sup>

---

<sup>1</sup> Илюшин Б.А. Русско-булгарские военные конфликты и военный потенциал Булгарского улуса (1360–1431 гг.) // *Novogardia*. 2020. №1 (5). С. 138–162. (электронный журнал).

<sup>2</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III.

<sup>3</sup> Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Т. 37. С. 73; Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. 30. С. 95, 112; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 178; Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. С. 158, 170; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. С. 218, 239; Никоновская

**ГЛАВА 1.** История московско-казанских военных конфликтов  
и соотношение сил сторон на начало XVI века

(1360, 1366, 1369, 1374, 1375, 1391, 1409 гг.); только один из них можно считать ответом за нападение степных татар (не болгар) на Вятку (1391 г.). Военно-политические отношения с великими княжествами были несколько сложнее. В 1367 г. закрепившийся в Булгарском улусе бий-сепаратист Булат-Тимур попытался пограбить нижегородские окраины, но в итоге без боя бежал от подошедшего войска местных князей<sup>4</sup> (однако, и в этом походе можно видеть ответ на действия ушкуйников годом ранее). С 1367 по 1395 (или 1399 г.) со стороны Булгарского улуса не отмечено агрессивных акций в отношении западных соседей; те же, в свою очередь, совершили два похода в болгарские земли (1370, 1376 гг.); в первом случае нижегородское войско шло с санкции Сарая и боя не было, поскольку очередной местный «сепаратист» сдался<sup>5</sup>, во втором – нижегородско-московское войско вторглось туда с грабительскими целями<sup>6</sup>. Совместное с нижегородским князем взятие и разорение уже присоединённого к Московскому княжеству Нижнего Новгоро-

---

летопись // ПСРЛ. Т. 11. С. 6; Новгородская Четвёртая летопись // ПСРЛ. Т. 4 (1848). С. 63, 65, 66, 111, 178; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. С. 21, 23–24; Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. Стб. 69, 106, 161; Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18. М.: Знак, 2007. С. 104, 114, 116; Сокращённый летописный свод 1493 г. // ПСРЛ. Т. 27. С. 242; Софийская Вторая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. С. 37–38; Тверская летопись // ПСРЛ. Т. 15. Стб. 485; Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. 33. С. 95; Хлебникова Т.А. История археологического изучения Булгарского городища. С. 92; Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. С. 120, 124.

<sup>4</sup> Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. С. 14; Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18. С. 106; История татар. Т. 3. С. 462; Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. С. 123.

<sup>5</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 11. С. 12; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. С. 17; Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18. С. 109; Тверская летопись // ПСРЛ. Т. 15. 92; Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. С. 126.

<sup>6</sup> Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. 30. С. 122; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. С. 24–25; Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. С. 116–117; Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. 33. С. 87; Алишев С.Х. Казанское ханство: возникновение и развитие. С. 92; Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству. С. 88; Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 237.



## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

да в 1395 или 1399 г., по сути, также было делом рук выходцев из степей, действовавших, видимо, с дозволения Тамерлана или Едигея<sup>7</sup>. В ответ же московское войско под командованием князя Юрия Звенигородского три месяца разорило болгарские города и сёла<sup>8</sup>.

Д.А. Котляров полагает, что между набегами ушкуйников и походами русских князей на Булгарский улус есть принципиальная разница: «ушкуйники приходили с целью захвата добычи, грабежа местного населения. Организованные русскими князьями походы, как правило, были ответом на враждебные действия с востока, со стороны болгарских княжеств». Так, поход кн. Юрия Дмитриевича был ответом за разорение Нижнего Новгорода бывшим нижегородским князем и татарами<sup>9</sup>. Однако, в источниках нигде не говорится о поддержке князя Семёна Дмитриевича именно болгарскими князьями, зато отмечено, что предводитель татар Ентяк ушёл в Орду, где и искал помощи в возвращении города нижегородский князь. Вряд ли в Москве до такой степени не различали болгар и степных татар; просто углубляться в степи русские рати не рисковали до 1491 г.<sup>10</sup>, а оседлые соседи по Волге, как показывал предыдущий опыт, в военном отношении были слабы. К тому же в степных улусах мало было чем поживиться – в отличие от торгово-ремесленного и земледельческого болгарского Поволжья. Походы 1370 и 1376 гг. назвать ответом на действия болгар никак нельзя. Действия же ушкуйников также не были просто разбойничьими набегами – многолюдность, участие в них представителей новгородской правящей элиты и отсутствие каких-то серьёзных санкций со стороны Новгорода в отношении участников походов поднимают их на уровень практически государственный (тем более что эти

---

<sup>7</sup> Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. С. 225–226, 229; Новгородская Четвёртая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 380; Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. С. 143–182.

<sup>8</sup> Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. С. 226; Новгородская Четвёртая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. I. Вып. 2. С. 380; Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. С. 173.

<sup>9</sup> Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству. С. 92.

<sup>10</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 315.

**ГЛАВА 1.** История московско-казанских военных конфликтов  
и соотношение сил сторон на начало XVI века

«флибустьеры» причиняли ущерб именно конкурентам новгородского купечества). Ушкуйники были почти теми же русскими людьми, как и жители Нижегородского и Московского княжеств, и можно было бы ожидать, что болгары попытаются предпринять в отношении своего ближайшего соседа ответные акции за набеги. Однако таких сведений в летописях нет.

Только в конце XIV – начале XV вв. можно говорить о попытках болгарской элиты как-то влиять на военно-политическую обстановку в регионе. Они поддержали беглых суздальско-нижегородских князей в борьбе за Нижний Новгород и, видимо, участвовали в захвате г. Владимира<sup>11</sup> (1410 г.). Однако в 1401 г. московский отряд без помех захватил «в татарской земле» жену кн. Семёна Дмитриевича<sup>12</sup>, а участие болгар в бою «на Лыскове» в январе 1411 г. на стороне князей Даниила и Ивана принесло только людские потери<sup>13</sup> (сражение окончилось ничьёй и большими потерями с обеих сторон). После этого враждебных действий со стороны болгар не отмечается до 1428/1429 гг. Русская сторона также не вторгалась в болгарские пределы в течение этих 18 лет. Сохранению мира могли способствовать частные эпидемии (1417, 1420, 1421 гг.) и голод (1420, 1421, 1422 гг.), аномальные морозы (1417, 1422 гг.), а также обширный пожар на Москве (1414 г.)<sup>14</sup>. После набега 1428 г. (когда болгары пограбили окрестности Галича и ряд других городов, но были нагнаны и разбиты – причём, для их разгрома оказалось достаточно небольшой части русской рати)<sup>15</sup> последовал от-

---

<sup>11</sup> Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. С. 240; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 11. С. 215–216; Тверская летопись // ПСРЛ. Т. 15. Ст. 485.

<sup>12</sup> Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. С. 231, 233

<sup>13</sup> Тверская летопись // ПСРЛ. Т. 15. Ст. 485–486; Горский А.А. Москва и Орда. С. 134; Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке. С. 34.

<sup>14</sup> Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. С. 243–245

<sup>15</sup> Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Т. 37. Л.: Наука, 1982. С. 84; Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 264; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 12. С. 8; Сокращённый летописный свод 1493 г. // ПСРЛ. Т. 27. С. 343.

**ГЛАВА 1.** История московско-казанских военных конфликтов  
и соотношение сил сторон на начало XVI века

ветный русский поход, обернувшийся очередным разорением центральных болгарских областей в 1431 г.<sup>16</sup>

Как видим, военные предприятия русских князей на Средней Волге чаще были наступательными, и в основном успешными, в то время, как местная военно-политическая элита редко проявляла инициативу, как в наступлении, так и в обороне, а примеров их успешных военных действий практически нет. Это, разумеется, никак нельзя объяснить якобы несамостоятельностью местной элиты, в случае каждого нападения на свои земли вынужденной действовать исключительно через Сарай просто потому, что этого требовал сам факт их подчинения Золотой Орде; были бы ресурсы – был бы и ответ, как это видно по действиям русской стороны.

Ситуация изменилась с приходом в Среднее Поволжье бывшего хана Улу-Мухаммеда с ордой. Будучи вытесненным из степей Кичи-Мухаммедом, он со своими сыновьями и сторонниками оказался в казачестве, т.е. без средств к существованию, подобающих его происхождению. В этих условиях он направился к Белёву (центру удельного княжества, находившегося в составе Великого княжества Литовского<sup>17</sup>, и в те годы временно перешедшего под власть московского князя), но в декабре 1437 г. был атакован московскими полками, имевшими значительное численное превосходство. Опасаясь поражения, Улу-Мухаммед дважды предлагал не только мир, но также свою защиту Москве и своего сына (Махмутека) в заложники. Однако, русские воеводы понадеялись на своё численное превосходство и попытались добить хана-изгоя. Татары, которым некуда было отступить, проявили стойкость, и московское войско было разбито с большими потерями<sup>18</sup>. После этого трудно было ожидать мирных отношений Улу-Мухаммеда с Москвой.

---

<sup>16</sup> Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 264; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 12. С. 9.

<sup>17</sup> Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 273.

<sup>18</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 12. С. 24; Летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. С. 260.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

В 1439 г. Махмутек в течение 10 дней стоял под Москвой, в то время, как Василий II пытался собрать против него рать. Затем татары отошли<sup>19</sup>.

В 1444 г. под Переяславлем-Рязанским был уничтожен отряд сына Улу-Мухаммеда – Мустафы, который со своими казаками попытался грабить Рязанское княжество, но из-за бескормицы, морозов и падежа коней татары вынуждены были просить мира и зимовки в городе за возвращение награбленного (причём, рязанские власти готовы были им уступить). Вскоре подошла московская рать с мордовским отрядом, и, несмотря на ожесточённое сопротивление, татары были перебиты<sup>20</sup>.

В начале 1445 г. Улу-Мухаммед с ордой обосновался у запустевшего после нашествия Едигея Нижнего Новгорода, и его татары повоевали окрестности Муром, Гороховца и Лука (не в ответ ли за смерть сына?). Под первыми двумя городами они были побиты подоспевшими великокняжескими ратями. Весной же орда Улу-Мухаммеда пополнилась 2 тысячами казаков из Черкас; ряд исследователей понимает под этим топонимом Северный Кавказ, однако в данном случае всё же имеется в виду город Черкассы и его окрестности, т.е. Поднепровье, центральная часть современной Украины<sup>21</sup>. Следует обратить внимание на то, что своё войско Улу-Мухаммед пополнял выходцами из степных районов, а совсем не оседлыми жителями Среднего Поволжья (на это обратил внимание ещё П.Н. Павлов)<sup>22</sup>. Летом того же года произошла битва под Суздаlem, когда русские полки были разгромлены, в том числе из-за численного перевеса неприятеля: полторы тысячи русских ратников против «полчетыре тысячи» татар (3,5 тыс.), причём отмечается, что татар было побито много – 500 чел. Сам Василий II попал в плен<sup>23</sup>.

---

<sup>19</sup> Летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. С. 260–261.

<sup>20</sup> Трофимова Н.В. Повесть о Мустафе-царевиче. С. 69–73.

<sup>21</sup> Воротынец Л.В. «Люди из Черкас»: «ордынские казаки» и «служилые татары» лесостепного пограничья (конец XIV–XV вв.). С. 114–116.

<sup>22</sup> Павлов Н.П. Была ли Русь данницей Казани? С. 161.

<sup>23</sup> Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6, Вып. 2. Ст. 103–106; Летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. С. 262–263; Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке. С. 53.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

Весной 1446 г. 700 казанских татар прибыли под Устюг (рекой – в насадах), простояли под городом три дня, безрезультатно приступили к нему под прикрытием насадов, и отступили, взяв с устюжан откуп; многие из казанцев на обратном пути, двигаясь на плотах по Ветлуге, утонули<sup>24</sup>. В Устюжской летописи и в составленном на век позже Архангелогородском летописце имеется важное разночтение: в первом случае указано, что 700 татар это не «царёв двор», во втором – что это именно он. Это, а также отсутствие упоминания в тексте хана, позволило А.В. Аксанову усомниться в том, что этот набег был санкционирован Махмутеком и отражал его политику<sup>25</sup>.

В конце 1447 г., видимо, из-за интриг Дмитрия Шемяки, враждовавшего с Василием Тёмным, Махмуд-хан (Махмутек) посылал войска «воевать» окрестности Владимира, Мурома и других восточных русских городов. Против татар было послано войско. Боестолкновение, видимо, не было, поскольку летопись об этом не сообщает<sup>26</sup>.

В 1448–1461 гг. между государствами сохранялся мир. Более того, можно предположить нормализацию отношений между Москвой и Казанью. По крайней мере, к этим годам относятся послания митрополита Ионы к «вольному казанскому царю» Махмутеку и казанскому князю Шаптяку, в которых говорится о том, что хан «силою держит» своё господство и не допускает в отношении иноземных купцов никаких шкод (т.е. притеснений и грабежей); грамоты составлены в подчёркнуто уважительном тоне<sup>27</sup>.

---

<sup>24</sup> Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. С. 44; Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Т. 37. С. 87–88.

<sup>25</sup> В другом Устюжском летописце XVII в. вообще говорится «было их 700 человек, волницы, а не царев двор». Аксанов А.В. Сыновья Улуг Мухаммада на казанском престоле // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 553–554.

<sup>26</sup> Шемяка, желая спровоцировать конфликт между великим князем и ханом, задержал у себя казанского посла. См.: Летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. С. 269; Аксанов А.В. Сыновья Улуг Мухаммада на казанском престоле. С. 554. В «наводе» царевича Момтяка (Махмутека) на Русь обвинило Шемяку и русское духовенство в послании от 29 декабря 1447 г. [Послание русского духовенства Углицкому князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке. С. 7].

<sup>27</sup> В грамотах митрополит просил оказать содействие своему посланцу, отправившемуся в Казань по торговым делам: Посыльная грамота митр. Ионы

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

Однако уже в 1461 г. Василий II выехал во Владимир, «зарадившись» с ханом Махмутеком, но подробности этого конфликта неизвестны<sup>28</sup> (отсутствие сообщений о причинах войны позволяют допустить, что инициатором был великий князь; во Владимир же прибыли казанские послы и «взяша мир»).

Как видим, с самого начала отношения между Великим княжеством Московским и Улу-Мухаммедом с Махмудом (основателем Казанского ханства) были враждебными, причём тут трудно сказать, какая сторона в большей степени определила такой их характер. После же нескольких лет военного противостояния «на равных», наблюдается резкий переход стратегической инициативы к русской стороне. В годы правления Ивана III последовала череда походов на Казань, показавших полное военное превосходство русских полков над казанцами.

Ставший великим князем после смерти Василия II Иван Васильевич в том же 1462 г. направил судовую рать из устюжан, галичан и вологжан на черемисов, по Вятке, Каме и на Пермь, причём, в тот же год по официальной русской версии Великая Пермь была крещена – налицо вторжение в сферу казанского влияния, на земли, с которых казанцы собирали ясак. Судя по всему, в ответ татары и черемисы организовали набег на Устюжский уезд, однако на обратном пути были достигнуты устюжанами и разбиты<sup>29</sup>.

В своё время Н.П. Павлов, рассматривая московско-казанские отношения первых лет существования ханства, однозначно писал об отсутствии дани от великих князей московских казанским ханам<sup>30</sup>. Тем не менее, недавно проанализировавший этот вопрос В.А. Арак-

---

к казанскому хану Махмутеку с просьбой оказать содействие митрополитскому посланцу Агафону // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. №10. С. 26–27; Посыльная грамота митр. Ионы в Казань ко князю Шаптяку об охранении от обид слуги митрополитского Агафона, посланного с руклядью // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. №11. С. 27.

<sup>28</sup> Летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. С. 277.

<sup>29</sup> Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. С. 46, 107, 134; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 7–21.

<sup>30</sup> Павлов Н.П. Была ли Русь данницей Казани? С. 157–165.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

чеев пришёл к выводу, что какое-то время дань казанскому хану всё же выплачивалась, и была отменена после войны 1467–1469 годов<sup>31</sup>. С учётом того, что Василий II был разбит и пленён татарами, нет ничего удивительного, что они попытались выжить из такой ситуации максимум – не только единовременный выкуп, но и постоянное получение «выхода». Однако растущая военная мощь Великого княжества Московского привела к тому, что ни о какой дани после войны 1467–1469 гг. (скорее даже раньше – с начала правления Ивана III) и речи не могло быть, а притязания хана Ибрагима спустя десять лет ограничились Вяткой и прилежавшими к ней с запада территориями<sup>32</sup>.

Во время «Первой Казани» в 1467–1469 гг. (когда предполагалось посадить на освободившийся казанский трон служилого «царевича» Касыма<sup>33</sup>) плохо продуманный осенний поход окончился безрезультатно, поскольку предполагалось, что Касыма поддержит часть казанской элиты, однако вместо открытых ворот его и князя Оболенского ожидала татарская рать с ханом Ибрагимом, не позволившая даже переправиться через Идель (Волгу) под Казанью<sup>34</sup>. Затем начался обмен ударами между русской и татарской сторонами с разорением окраинных земель. Москвой в 1469 г. были приняты два похода на столицу ханства. В обоих случаях на Казань двигались конная и судовая рати, но в первом они действовали на разных операционных направлениях (конница шла вдоль Волги, а суда – с севера, по Вятке и Каме), что привело к неудаче. Во втором

---

<sup>31</sup> Аракчеев В.А. Порядок сбора ордынского «выхода» в русских землях во второй половине XV века // Великое стояние на реке Угре и формирование российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: материалы всероссийской с международным участием научной конференции. Калуга: Издатель Захаров С. И. («СерНа»), 2017. С. 17–31.

<sup>32</sup> О «выходе» в Крым, Астрахань, Казань и Царёв Городок (Мещерский) говорится ещё в духовной Ивана III в 1504 г., однако это, как справедливо отметил А.Г. Бахтин, лишь небольшие выплаты, включая жалование за «службу», по традиции именовавшиеся «выходом» [Бахтин А.Г. «Начало царства Казанского...». С. 141].

<sup>33</sup> Брата Махмутека, после Суздальской битвы перешедшего на службу к побеждённому Василию II.

<sup>34</sup> Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. С. 279.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

случае конная и судовая рати шли к Казани по Волге, благодаря чему было достигнуто взаимодействие между ними, и все силы смогли нанести одновременный удар по городу. Хан запросил мира. Характерно, что в источнике упоминается численность одной татарской рати, которая насчитывала всего 200 человек. В то же время в русском войске заметную роль ещё играли городские ополчения (из суконщиков, купцов и др.). После этого между государствами сохранялся мир до 1478 г.<sup>35</sup>

Влиянию казанского хана на северо-востоке Европы угрожала не только Москва, но и Вятка, до 1489 г. сохранявшая независимость. В 1471 г. вятские ушкуйники спустились по Каме и Волге до Сарая, пограбив и забрав в полон много народу. На обратном пути их пытались перехватить как ордынцы, так и казанцы; с последними даже вышел бой, но вятчане пробились и ушли с добычей во свояси. Видимо, за это в 1475 г. казанцы на Каме убили 40 вятских купцов, направлявшихся в Тюмень<sup>36</sup> (опять же, казанцы наверняка старались контролировать местные торговые пути и не допускать на них чужаков).

Поход 1478 г. слишком скудно освещён в источниках, чтоб пытаться его реконструировать. Ясно лишь, что по Волге прошла судовая рать (возможно, с «нарядом») и пожгла окрестности Казани, а в это время устюжане и вятчане действовали на Каме. После этого татары запросили мира. Причиной же похода стала попытка хана Ибрагима вернуть под казанский контроль северные таёжные районы, включая немирную Вятку (получив ложную весть о поражении великого князя под Новгородом, он совершил поход на вятские земли и в сторону Устюга)<sup>37</sup>.

Причины следующего московско-казанского конфликта (1482 г.) не совсем ясны, хотя по Второй Софийской летописи вы-

---

<sup>35</sup> Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 64–72; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 37–39, 46–87.

<sup>36</sup> Софийская Вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 193; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 12. С. 141, 158.

<sup>37</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 209–214.



**ГЛАВА 1.** История московско-казанских военных конфликтов  
и соотношение сил сторон на начало XVI века

ходит, что инициатором похода был Иван III<sup>38</sup> (вероятно, в продолжение событий 1478 г. для пушного устрашения казанцев; почти четырёхгодичная задержка была обусловлена тяжёлой внешнеполитической ситуацией Московского государства в те годы<sup>39</sup>). Кроме того, можно предположить, что рост напряжённости между Москвой и Казанью был вызван принятием к себе великим князем Мухаммед-Эмина (сводного брата нового хана – Алегамы, или Ильхамы), вывезенного оппозиционной знатью (если только этот выезд не произошёл позже – в 1484 г.<sup>40</sup>). Снова были созданы две группировки войск для действия на двух направлениях: западном (против самой Казани) и северном (на Вятке). Судовая рать из Нижнего Новгорода должна была идти под Казань с «нарядом» (русская артиллерия в дальнем судовом походе участвовала, видимо, впервые). Демонстрации силы оказалось достаточным для того, чтоб казанцы снова запросили мира.

В 1484 или 1485 гг. к Казани было послано русское войско, вместе с местной оппозицией согнавшее Алегамы и посадившее на трон Мухаммед-Эмина<sup>41</sup>. О каких-либо серьёзных боевых действиях источники умалчивают. Но уже через год или два малолетний хан бежал, а в Казань вернулся Алегам.

Иначе, чем предыдущие, был спланирован русский поход 1487 г. Теперь все силы были развёрнуты на одном операционном направлении и с самого начала было достигнуто взаимодействие между конной и судовой ратями. Был учтён предыдущий опыт. Обе рати подошли к столице ханства одновременно. Результатом стала капитуляция Казани 9 июля<sup>42</sup>. Такая стратегия и стала основной в

---

<sup>38</sup> Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т.6. Вып. 2. С. 315.

<sup>39</sup> Напомним, что на 1480 г. приходится мятеж князей из московской династии, вторжение на северо-запад ливонского войска во главе с магистром, угроза войны со стороны польского короля, поход хана Ахмата и стояние на Угре. Отметим, что Казань не воспользовалась такой ситуацией и не повела враждебных действий против Московского государства.

<sup>40</sup> Илюшин Б.А. Мухаммед-Эмин – «царь» казанский. С. 27–31.

<sup>41</sup> Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 318.

<sup>42</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 209–214, 270–271, 280–293.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

казанских походах. Однако удачно её осуществить почти никогда не удавалось из-за противодействия неприятеля.

Так, плачевно для казанцев, закончился период соперничества между Москвой и Казанью за влияние в Волго-Камском регионе. После этого до 1505 г. Казанское ханство находилось под протекторатом Московского государства и покровительством союзного Московского Крыма.

### 2. Вооружённые силы и военный потенциал Великого княжества Московского

Структуру военной мощи государства можно представить в следующем виде: измерение количественное (численность людей, вооружения, ресурсов), технологическое (эффективность и степень развития вооружения и техники), организационное (слаженность, обученность, дисциплина и моральный дух войска, эффективность командования и управления) и общественное (способность и желание социума эффективно применять военную силу)<sup>43</sup>. Исходя из этого рассмотрим военный потенциал Московского государства, Казанского ханства и предшествовавшего ему Булгарского улуса.

Великое княжество Московское (далее – ВКМ), иначе Московское или Русское государство<sup>44</sup>, к рассматриваемому периоду пред-

---

<sup>43</sup> Пенской В.В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII вв. С. 56; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО “Изд-во АСТ”, 2003. С. 126.

<sup>44</sup> Употреблять слово «Русь» для его обозначения некорректно, поскольку так именовалось распавшееся в XII в. на конгломерат полунезависимых удельных княжеств государство с центром в Киеве, в XIII–XIV вв. поделённое между Золотой Ордой и Великим княжеством Литовским (ВКЛ). Собственно, практически вся западная часть исторической Руси ко второй половине XV в. подчинялась великим князьям литовским (русским, жемайтским и др., как титуловались литовские государи). Только в конце XV в. московский князь Иван III начал оспаривать у Вильны эти владения и претендовать на всю Русь. Этнонима «русский» в то время ещё не существовало (он появился только в XVII–XVIII вв.). Основное (славянское и православное) население ВКМ именовалось иначе – русь, в ед.ч. – русин (как «литва» и «литвин»; этноним «литовец» тогда в ВКМ не был распространён, тем более, что этнические литовцы

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

ставляло собой мощное централизованное (прежде всего, в военно-организационном отношении) государство<sup>45</sup>, успешно проводившее экспансию в западном (Великое княжество Литовское), восточном (Казань) и северо-восточном (Пермь, Северный Урал) направлениях, эффективно оспаривавшее влияние Шведского королевства и Ливонии на северо-западе и отражавшее военно-политическое давление с юга (со стороны Большой Орды)<sup>46</sup>.

Успехи московской экспансии во многом объясняются возникновением в правление Ивана III поместного войска – находившегося на самообеспечении (значит, сравнительно дешёвого для государства) и многочисленного, преимущественно конного войска из служивших пожизненно за земельные пожалования детей боярских и дворян. По условиям службы с ними были схожи служилые татары (князья, мурзы и казаки), хотя в историографической традиции они и не считаются частью поместной конницы<sup>47</sup>. Помещики на службу приводили с собой «послужильцев» – боевых холопов, слуг с господским конём и кошевых или обозных людей; последние хоть и имели более низкий боевой потенциал, но всё же, скорее, могут считаться реальной боевой силой<sup>48</sup>.

Кроме поместного войска (в широком смысле) и полностью подчинявшихся великому князю дворов последних удельных князей, вооружённые силы Великого княжества Московского включали пососную рать, или пососных людей (от наименования единицы

---

составляли незначительную часть населения ВКЛ, поэтому под литвинами могли подразумеваться и предки белорусов и украинцев), или (официально) «русский человек», «русские люди». В данной работе мы будем придерживаться аутентичных этнонимов.

<sup>45</sup> Москвой под руководством Ивана III Великого были завоёваны или присоединены иными путями независимые (или полунезависимые) Новгородская земля (1478), Псков (1510 г.), Вятка (1489 г.), великие княжества Рязанское (формально только в 1521 г.) и Тверское (1485 г.), из-за чего в историографии употребляется термин «единое русское государство».

<sup>46</sup> Стояние на Угре (1480 г.), разгром союзным Крымом Большой Орды (1502 г.).

<sup>47</sup> "И бе их столько, еже несть числа": форум. С. 139.

<sup>48</sup> Лобин А.Н. К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства в XVI в. С. 53–54; "И бе их столько, еже несть числа": форум. С. 123.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

поземельного обложения – «сохи»). Это были временные контингенты из городского и сельского населения, набираемые по нормам, в разное время различным – обычно 1 конный или пеший человек с 3, 5 или более дворов. В основной массе это были крестьяне, необученные военному делу, занятые инженерным обеспечением боевого элемента войска<sup>49</sup> и вооружённые, в лучшем случае, трудовым и охотничьим оружием – ножами, топорами, рогатинами, возможно, кистенями. В экстремальной ситуации и такой контингент мог вступать в бой (в том числе штурмовать город<sup>50</sup>), но эффективность его была низкой. Тем не менее, можно вспомнить тут эпизод с нападением казанского отряда на Гороховец около 1544 г., когда служилые люди из Суздаля казанцев остановить не смогли и понесли потери, а муромские и вовсе уклонились от боя, но нападавшие были разбиты гороховецкими посадскими «мужиками». Те даже захватили татарского командира и пытались побить за бездействие прибывшего суздальского воеводу<sup>51</sup>. Так что неслужилое население всё же могло в определённых обстоятельствах выступать в качестве реальной боевой силы.

К XVI в. Московское государство прочно вошло в число ведущих «пороховых держав», хотя артиллерия поначалу производилась и использовалась европейскими (первое время, в основном, итальянскими, при Василии III – большей частью немецкими) специалистами. Быстро увеличивалась прослойка русских пушкарей<sup>52</sup>. С последней четверти XV в. в ВКМ появляется практика использования артиллерии («наряда») в полевых сражениях. В качестве отдельного подразделения «наряд»<sup>53</sup> упоминается впервые в 1495 г., а с казан-

---

<sup>49</sup> Лобин А.Н. К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства в XVI в. С. 56–58.

<sup>50</sup> "И бе их столько, еже несть числа": форум. С. 128–129.

<sup>51</sup> Несин М.А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. С. 464; Продолжение Хронографа редакции 1512 года. С. 290.

<sup>52</sup> Лобин А.Н. Артиллерия Ивана Грозного. М., 2019. С. 43–66.

<sup>53</sup> Возможно, слово «наряд» является дословным переводом термина «артиллерия» (от старофранцузского *artilier* – «украшать, наряжать, устраивать») [Пахомов И. Пищальники Василия III. С. 8].

**ГЛАВА 1.** История московско-казанских военных конфликтов  
и соотношение сил сторон на начало XVI века

ской кампании 1506 г. он становится неотъемлемой частью московского войска<sup>54</sup>.

В результате прошедшего в XV в. процесса ориентализации восточно-русского военного дела оружейный комплекс и тактика поместного войска к началу XVI в. стали очень близки к татарским. Основным оружием был саадак (набор из лука, стрел, налуча, колчана и саадачной портупей), для рукопашного боя использовались сабли и боевые топоры, копья сохранялись в основном у пеших ратников (а вот знаменитые бердыши получили распространение только в конце XVI–XVII веках<sup>55</sup>). Защитное вооружение было представлено «восточными» типами кольчатых и кольчато-пластинчатых доспехов<sup>56</sup>, тягелями<sup>57</sup> и разнообразными шеломами<sup>58</sup>, а щиты вышли из употребления.

В течение XVI в. происходит обеднение поместного войска (параллельно с увеличением его численности) и сокращение числа доспешных воинов (так, в небогатой каширской корпорации в 1556 г. из 222 дворян защитное вооружение имелось лишь у 45 человек<sup>59</sup>), однако для первой трети столетия можно ожидать значительно лучшую оснащённость детей боярских защитным вооружением<sup>60</sup>.

Ручное огнестрельное оружие всё ещё не было характерно для основной массы русских ратников. Однако в конце XV – начале XVI в. в составе восточно-русского войска появляются т.н. пищаль-

---

<sup>54</sup> Пенской В.В. От лука к мушкету... С. 34, прим. 66.

<sup>55</sup> Двуреченский О.В. Холодное наступательное вооружение... С. 16; Пенской В.В. «Янычары» Ивана Грозного. С. 219–223.

<sup>56</sup> Кольчуги, бехтерцы, юшманы и колонтари. См.: Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина эпохи позднего средневековья... С. 120; Воронцов И.А. Организация военного дела Золотой Орды... С. 127; Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение... С. 247.

<sup>57</sup> Тягеляй или тегеляй – толстый стёганный кафтан с короткими рукавами и высоким стоячим воротником, подбитый шерстью, пенькой.

<sup>58</sup> Исконное восточнославянское слово ныне заменено южнославянским «шлем». Аналогичная судьба постигла такие слова, как ворог (враг) и полон ( плен).

<sup>59</sup> Чернов А.В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. С. 79–80.

<sup>60</sup> Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 224–226.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

ники – пешие ратники, вооружённые пищалями; это были как особые служилые люди («казённые», служившие в городах, ходившие в походы, а также выполнявшие функцию охраны великого князя), так и набранные в рамках повинности с тяглого населения. Их численность в отдельном войске могла достигать, видимо, нескольких сотен. Ручное огнестрельное оружие XV в. было представлено ручницами – громоздкими и трудными в обращении, но к XVI в. уже распространяется более удобное (хотя также тяжёлое) оружие с прикладом и фитильным замком – пищаль. Использовать пищаля можно было, например, для обороны крепости, лагеря, артиллерийской «батареи» или на подступе к вражеским укреплениям<sup>61</sup>.

Для защиты пищальников и артиллерии в первой трети XVI в. русскими ратниками начал использоваться гуляй-город – подвижное укрепление из больших щитов, скреплённых цепями, и телег; его ставили в поле и в случае надобности могли передвигать с помощью мулов. Прикрываясь щитами с бойницами, вооружённые пищалями и луками бойцы могли отбить атаку неприятельской конницы, и тут же свои конники имели возможность отсидеться и приготовиться к новому «напуску»<sup>62</sup>. Характерно, что первое упоминание гуляй-города, используемого московскими ратниками, относится к казанскому походу 1530 г.

Служилые татары (прежде всего, мещерские или городецкие – будущие касимовские, а также каринские и некие татары великого князя – видимо, малочисленные группы татар, служивших с разбросанных по разным уездам поместий), участвовавшие в нескольких казанских войнах (из рассматриваемых нами в данной книге – в 1505–1506 и 1523–1524 гг.) к XVI в. утратили значение серьёзной ударной силы и превратились в обычную лёгкую (бездоспешную) конницу. В войсках периода Василия III татарские контингенты находились, как правило, в Передовом полку<sup>63</sup>.

---

<sup>61</sup> Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. С. 92–93; Пахомов И. Пищальники Василия III; Пенской В.В. «Янычары» Ивана Грозного. С. 54–88.

<sup>62</sup> Пенской В.В. «Янычары» Ивана Грозного. С. 226–232.

<sup>63</sup> Илюшин Б.А. Участие служилых татар в войнах Василия III (1505–1533 гг.) [Электронный ресурс]. С. 238–244, 249, 251; Илюшин Б.А. Военное дело служилых татар. Дисс. С. 146–151.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

Важнейшая составляющая военного потенциала – численность войска. Единоначалие позволяло использовать для отдельной военной кампании ратных людей всех восточно-русских княжеств. Однако численность русских войск до второй половины XVI в. – вопрос, как правило, нерешаемый из-за отсутствия сколько-нибудь точных данных. Тем не менее, мы попытаемся предположить ориентировочные цифры (или, как выразился В.В. Пенской, «определить некоторые рамочные ограничения, за пределами которых предлагаемые цифры могут быть признаны совершенно нереальными»<sup>64</sup>), используя «ретроспективные знания» и «сведения сравнительного характера»<sup>65</sup>.

Перспективной для такого расчёта нам представляется методика, предложенная А.Н. Лобиним. Как пишет исследователь, «каждый воевода, в зависимости от ранга, руководил «головами» (а с середины XVI в. – «сотенными головами»), командирами подразделений поместной конницы. К 1560-м гг. в полевых войсках в среднем на воеводу приходилось по 4–5 сотенных голов. Вряд ли в начале XVI в. воеводы могли руководить бóльшим числом воинов, чем в годы апогея развития поместной системы»<sup>66</sup>. Формула для расчёта численности войска в данном случае проста: количество воевод умножается на 4–5 (среднее количество голов под воеводой) и умножается на 200 (максимальное число воинов в «сотне»)<sup>67</sup>.

В целом, методика А.Н. Лобина достаточно продуктивна и обоснована, хотя и даёт очень условный результат, который, тем не менее, позволяет говорить о примерной максимальной численности той или иной рати (исчисляемой не сотнями и не 50–100 тысячами, а более реалистичными цифрами, соответствующими социально-

---

<sup>64</sup> Пенской В.В. Военное дело Московского государства... С. 76.

<sup>65</sup> Как выразился К.В. Петров относительно допустимой численности участвовавших в Куликовской битве войск. См.: "И бе их столько, еже несть числа": форум // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. №1–2. С. 123–124.

<sup>66</sup> Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. С. 104.

<sup>67</sup> Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. С. 104. Причём полученные цифры у исследователя совпали с теми, что были получены при рассмотрении дворянских корпораций, представители которых участвовали в Оршанской битве.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

экономической ситуации, стратегическим, тактическим задачам и логистическим требованиям). Однако тут возникает две трудности.

Во-первых, «сотни» появляются только с 1552 г., поэтому прямо переносить их на более раннее время не совсем корректно<sup>68</sup>. Тем не менее, какие-то тактические единицы такого уровня (по 50–100 бойцов) русское полевое войско должно было иметь (по тактическим соображениям и в условиях привычности для Восточной Европы десятичной организации)<sup>69</sup>. Поэтому, опуская по возможности упоминание сотен, всё же допустим, что воеводы первой трети XVI в. имели в подчинении в среднем не больше воинов и младших начальных людей, чем во второй половине века. Это позволяет определить максимально допустимую численность русских полков.

Во-вторых, среди специалистов нет единого мнения относительно того, учитывались ли при составлении списков «сотен» вместе с дворянами послужильцы, или нет<sup>70</sup>. Отсутствие прямых упоминаний в документах именно «их людей» (пришедших с помещиком), а также сомнение относительно возможности такого уравнения детей боярских с холопами (порука чести!), на первый взгляд подтверждает второй вариант ответа. Соответственно, если всё же учитывались, значит такие средние цифры и надо брать для подсчёта, а если нет, то нужно, как минимум, удваивать результат (как это предлагается, например, для Полоцкого похода, в записной книге по которому отмечено 18 тыс. детей боярских, но не их послужильцев<sup>71</sup> – значение усреднённое, поскольку состоятельные дети боярские могли привести более 10 человек, а бедные – ни одного).

---

<sup>68</sup> Курбатов О.А. Отклик на статью А.Н. Лобина... С. 115.

<sup>69</sup> Пишет о существовании младшего командного звена, стоявшего ниже воевод, и О.А. Курбатов, правда, отмечая неопределённость такой должности, отсутствие устоявшегося наименования и меньшую численность подчинённых [Курбатов О. А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в. С. 214].

<sup>70</sup> "И бе их столько, еже несть числа": форум // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. №1–2. С. 125, 130, 136–137. 147–148.

<sup>71</sup> См. Пенской В.В. Военное дело Московского государства... С. 82–83. С учётом того, что в первой трети XVI в. в русском войске основную часть ратников составляли именно дети боярские (не было ещё многочисленных стрельцов, казаков, т.е. ратников без боевых слуг), то удваивать нужно примерную численность всего войска.



## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

Однако, имеются основания полагать, что при подсчётах состава сотен учитывались сразу и послужильцы, причём по расчётам О.А. Курбатова «сотни» чаще насчитывали всё же около 100 чел. (с разбросом от 50 до 130), а крупные сотни (под 200 и выше чел.) создавались или в государевом походе (т.е. редко), или «в захудалых корпорациях уездов «от Поля», где не хватало знатных дворян для замещения командных должностей»<sup>72</sup>.

Поскольку среди специалистов существует плюрализм мнений на этот счёт<sup>73</sup> (т.е. вопрос не решён и, видимо, решён не будет), для удобства подсчёта мы примем усреднённую цифру в 150 человек в «сотне» или схожем тактическом соединении (существование которого в русском войске до 1552 г. видится нам вполне вероятным) – с допущением обеих точек зрения и учётом того, что в крупных походах воеводам, представлявшим, как правило, верхи аристократии, подчинялось наибольшее количество воинов.

По такой методике будет оцениваться численность московских ратей в нашем исследовании. Общая же численность ратных людей (включая полукомбатантов) в Русском государстве в первой трети XVI в., по разным оценкам, могла достигать 30–60 тыс. человек, причём имела заметная тенденция её увеличения за счёт роста поместного землевладения<sup>74</sup>. Разумеется, использовать все 30–60 тыс. чел. в одной кампании было невозможно как по стратегическим, так и по логистическим соображениям.

*Отметим, что другой видный специалист по русскому военному делу Московской Руси – О.А. Курбатов посчитал расчёты А.Н. Лобина завышенными. Численность московских ратей XVI в. он*

---

<sup>72</sup> Курбатов О.А. Отклик на статью А.Н. Лобина «К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства в XVI в.». С. 115–116; Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в. С. 197, прим. 2; Пенской В.В. От Нарвы до Феллина... С. 30. За включение в состав сотен боевых холопов высказался в личной переписке с нами и А.Н. Лобин.

<sup>73</sup> "И бе их столько, еже несть числа": форум // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. №1–2. С. 128–150.

<sup>74</sup> Общую численность войск Василия III А.Н. Лобин оценивает в 20–30 тыс. чел. [Лобин А.Н. Битва под Оршей. С. 35–36], В.В. Пенской – не менее чем в 55 тыс. чел. [Пенской В.В. Военное дело Московского государства... С. 80].

**ГЛАВА 1.** История московско-казанских военных конфликтов  
и соотношение сил сторон на начало XVI века

*оценивает ещё ниже<sup>75</sup>. Однако, позволим себе не согласиться с такой точкой зрения.*

*Так, по О.А. Курбатову, воеводы в этот период нередко командовали контингентами по 100–200 чел., а младшие командные должности типа головы только появлялись и не стали ещё стандартными. В качестве примера приведены сведения из разрядной книги, где первому воеводе Передового полка В.В. Шуйскому предписывается оставить у себя 500 детей боярских, а остальных отдать под начало двух воевод Большого полка. При этом, по мнению О.А. Курбатова, оставшиеся 500 чел. должны были быть распределены между всеми четырьмя воеводами Передового полка<sup>76</sup> (т.е. по 125 чел. на воеводу). Однако в тексте речь идёт о 500 ратниках именно под началом В.В. Шуйского, а не всех четырёх воевод Передового полка, к тому же отмечено, что в состав этого же полка не в воеводском чине, но с каким-то количеством подчинённых людей поставлен и А. Салтыков<sup>77</sup>. Таким образом, если под командованием В.В. Шуйского находилось 500 чел., то получается как раз контингент в 4–5 поздних «сотен», а во всём полку – 1,5–2 тыс. бойцов при четырёх воеводах.*

*Другой пример из статьи О.А. Курбатова – посылка полков на Берег против татар. В частности, против примерно 1 тыс. татар были посланы 5 полков с 10 воеводами, а против 500–600 татар в другом месте – рать с пятью воеводами<sup>78</sup>. Однако, можно усомниться, что русское командование против неприятеля, численность которого, к тому же, известна лишь приблизительно, высылало равные ему силы. Следовательно, с посланными воеводами вполне могло находить раза в два-три больше ратников – для уверенности в отпоре татарам. Иными словами, тут снова можно усомниться в столь малой численности подчинённых воеводам полков. К тому же, в данном случае, речь идёт не о масштабном*

---

<sup>75</sup> "И бе их столько, еже несть числа"... С. 133.

<sup>76</sup> Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в. С. 214.

<sup>77</sup> РК 1598. С. 42–43.

<sup>78</sup> Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в. С. 214.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

*походе (в котором участвовали значительные силы), а о стандартных оборонных мероприятиях на степной окраине, где с обеих сторон редко были задействованы крупные контингенты.*

*В конце концов, неужели вооружённые силы так называемого единого Русского государства первой трети XVI в. сохраняли численность на уровне XIV – первой половины XV вв.? Или, как заметил В.В. Пенской, «неужели Иван Грозный на пике своего могущества имел войско меньшее, чем первый Романов, владевший ещё не оправившимся после Смуты государством?» (а перед Смоленской войной 1632–1634 гг. вооружённые силы России насчитывали порядка 100 тыс. человек)<sup>79</sup>.*

*В Полоцком походе участвовало не менее 18 тыс. бойцов поместной конницы (детей боярских, может быть и боевых холопов), но сомнительно, чтобы в одной кампании было задействовано всё поместное войско. Следовательно, было его никак не меньше 20–25 тыс. человек уже к 1563 г. Поэтому и в первой трети века можно ожидать численность вооружённых сил (включая пицальников, пушкарей, служилых татар и др.) в районе этой цифры.*

Отдельно отметим, что в рассматриваемых нами казанских войнах приняли участие городецкие служилые татары (позже они стали именоваться касимовскими). Сведений об их численности в начале XVI в. нет, однако в этом вопросе можно опираться на более поздние и, возможно, более ранние данные. В Полоцком походе 1563 г. числилось свыше 12 сотен касимовских татар<sup>80</sup>. А побывавший в 1476 г. в Москве А. Контарини писал о пяти сотнях всадников у «одного татарина», жившего на окраине Руси<sup>81</sup> (подразумевался, видимо, городецкий «царевич» Данияр<sup>82</sup>). Думается, что численность городецких татар в первой трети века (с учётом увеличения численности служилых корпораций и пополнения рядов касимовских татар нововыезжими) могла составлять от 500 до 1000 человек.

---

<sup>79</sup> "И бе их столько, еже несть числа": форум. С. 150.

<sup>80</sup> Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст). С. 39–45.

<sup>81</sup> Контарини, Амброджо. Путешествие в Персию. С. 226.

<sup>82</sup> Например: Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство. С. 116.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

Важно подчеркнуть и то, что в течение четырёх десятилетий правления Ивана III Московское государство почти непрерывно и, как правило, успешно воевало с казанцами, ордынцами, литовцами, шведами, ливонцами. Соответственно, как полководцы, так и рядовые ратники обладали большим опытом военных действий против разных противников.

Теперь посмотрим, что этому могло противопоставить Казанское ханство.

### 3. Вооружённые силы и военный потенциал Казанского ханства

Казанское ханство было значительно менее централизованным, чем Великое княжество Московское, а его правящую элиту периодически раздирали конфликты. Население Казанского ханства могло насчитывать от 200 до 500 тыс. человек<sup>83</sup>. Основная его часть была осёдлой и жила земледелием, стойловым скотоводством, охотой, рыболовством и собирательством. Кочевники населяли южные и юго-восточные окраины ханства. Огромное значение для экономики имел Волжский торговый путь, по которому шла торговля Восточной Европы со странами «Востока». В этническом отношении вооружённые силы ханства были неоднородными, но русские источники, говоря о «казанских воинских людях», упоминают в основном казанских татар<sup>84</sup> и черемисов<sup>85</sup>; реже и отдельно они отмечают ногаев.

---

<sup>83</sup> История татар. Т. 4. С. 751; Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России... С. 18–34.

<sup>84</sup> Государствообразующим народом ханства и основой его вооружённых сил были казанские татары (150–200 тыс.) [Трепавлов В.В. «Отецкие дети»: элита Казанского ханства в литовской метрике // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. №3. С. 603]; другие, обозначавшие этот этнос в XVI в. этнонимы – булгар, меслимин (мусульмане), казанлы (казанцы) или казан кешесе (казанские люди). См. Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства... С. 135–137.

<sup>85</sup> Под черемисами источники XVI в. подразумевают как марийцев (черемисов в узком смысле), так и чувашей. Черемисы делились в основном на луговых (жителей Луговой стороны – низменного левого берега Волги, богатого лесами и лугами – т.е. марийцев) и горных (марийцев и преимущественно чу-

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

Ядром вооружённых сил была аристократия со своими «дружинами» – карачи, эмиры, князья (беки), уланы (или огланы), а также сам хан и его гвардия. Имелась и более многочисленная прослойка служилой знати, жившая с земельных наделов (*сойургал*) за военную службу – мурзы и казаки. Низшую ступень в этой профессиональной части вооружённых сил занимали *чура (йори)* – казанский аналог русских боевых холопов или мелкопоместных / безземельных дворян. В состав военно-служилого сословия входили также представители чувашей и черемисов<sup>86</sup>, ногаев, башкир<sup>87</sup>. Большое значение имело ополчение ясачных людей<sup>88</sup>.

Казанское войско, как и русское, включало конные, пешие и судовые рати (состоявшие из пеших ратников, посаженных на суда), которые неоднократно упоминаются в источниках. Известны даже случаи боёв с русскими ратями на воде (как в 1469 г.). Однако в рассматриваемых нами войнах роль «флота» остаётся неизвестной (если он вообще использовался). С. Герберштейн писал, что казанский царь может выставить 30 тыс. войска, большей частью пехотинцев, «среди которых черемисы и чувашы – весьма искусные стрелки. Чувашы отличаются также и знанием судоходства»<sup>89</sup>.

---

вашей, проживавших на Горной стороне – высоком правом берегу вплоть до устья Суры на западе). Наиболее надёжными подданными Казани были «луговые люди» (марийцы и удмурты) поскольку имели выгоды от такого подчинения, дававшего выход к международной торговле, рынок сбыта пушнины, какую-никакую военно-политическую защиту перед лицом русской колонизации в северных землях. См.: Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. Йошкар-Ола, 2012. С. 165–166.

<sup>86</sup> Освобождавшиеся за службу лица именовались тарханами. После включения Среднего Поволжья в состав Российского царства около двух сотен чувашских и марийских тарханов продолжали нести военную службу – теперь русскому царю.

<sup>87</sup> Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. С. 156–157; Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства... С. 175–176.

<sup>88</sup> Измайлов И.Л. Вооружение Казанского ханства. С. 135–139; Измайлов И.Л. Вооружение и военное искусство Казанского ханства... С. 196–209. См. соотв. раздел в: История татар. Т. 4. С. 690–700.

<sup>89</sup> Герберштейн, С. Записки о Московии. С. 170.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

Оружейный комплекс казанских воинов входил в ту же «восточную» традицию, что и русский<sup>90</sup>, однако в виду менее мощной экономики и производственной базы ханства, скорее всего, был беднее, а полный комплект вооружения могла себе позволить меньшая часть воинов, чем в Великом княжестве Московском. Значительно беднее были вооружены конные и пешие черемисы; в ходу у них были луки, копья, топоры, очень редко – сабли и защитное вооружение<sup>91</sup>.

Казанцы были достаточно хорошо знакомы с огнестрельным оружием<sup>92</sup> (в основном трофейным русским), но использовали его ограниченно. Так что в военно-техническом отношении ханство сильно отставало от своего главного противника.

### *Военный потенциал Булгарского улуса*

При рассмотрении русско-булгарских конфликтов 1360–1431 гг. становится очевидным, что военный потенциал Булгарского улуса Золотой Орды был невысок.

Периодические набеги ушкуйников на Булгарский улус, чьи ватаги насчитывали до 2–4 тыс. чел., говорят о невозможности противопоставить им сколько-нибудь значительную воинскую силу и организовать сопротивление. Лишь в двух случаях (1369, 1409 гг.) ушкуйники были побиты в булгарских землях (в первом – из-за своей малочисленности<sup>93</sup>, во втором – из-за захвата их руководителя и разделения на две группы<sup>94</sup>). Конечно, во многом успехи ушкуйников

---

<sup>90</sup> Измайлов И.Л. Вооружение и военное искусство Казанского ханства. С. 196–209; Курбский А. История о делах великого князя. С. 37.

<sup>91</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 113–114; Свечников С.К. Присоединение Марийского края к Русскому государству. С. 112–117.

<sup>92</sup> Заметим, что восточно-русские воины впервые познакомились с артиллерией, видимо, при осаде волжского г. Булгара в 1376 г., и уже в 1382 г. использовали при обороне Москвы. В Булгарии же новый вид оружия по каким-то причинам не получил развития. См.: Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 186; Рогожский летописец. Ст. 116.

<sup>93</sup> Новгородская Четвёртая летопись // ПСРЛ. Т. 4. С. 66.

<sup>94</sup> Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 178; Летопись Аврамки // ПСРЛ. Т. 16. С. 158, 170; Новгородская Четвёртая летопись // ПСРЛ. Т. 4. С. 111, 178; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. С. 239; Софийская Вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 37–38; Тверская

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

объясняются внезапностью их нападений и характерной для средневековых обществ низкой скоростью мобилизации войск (Нижегородское княжество также не могло справиться с речными разбойниками, не рисковавшими заходить только в Оку, подконтрольную Москве), а также ослаблением населения из-за эпидемий и занятостью представителей местной военно-политической элиты в ордынских делах<sup>95</sup>. Однако показательно, что ушкуйники раз за разом проходили через чужие земли, грабили города и, как правило, не сталкивались со сколько-нибудь большими воинскими контингентами.

Если же рассматривать «государственные» военные акции с использованием конницы, то мы видим, что военных ресурсов одного Нижегородского княжества хватило для отражения набега Булат-Тимура, опиравшегося на Булгарский улус (причём, тот ретировался без боя в степи). Демонстрации силы в 1370 г. нижегородскому войску оказалось достаточно для сдачи булгарского князя ханскому послу. Причём нижегородский князь стал именоваться после этих акций также и князем булгарским. Конница Великого княжества Московского и вовсе проходила через все центральные булгарские районы, избивая и грабя население (1376, 1395 или 1399 г.), нанося поражение отрядам булгарских князей (1429, 1431 г.)<sup>96</sup>.

Показательно, что булгарская сторона гораздо реже оказывалась инициатором военных действий (причём, чаще всего это были и не булгарские князья, а пришлые татарские), т.е. местное население большей частью воевать не желало.

Как видим, военный потенциал Булгарского улуса не идёт ни в какое сравнение с военной мощью Великого княжества Московского, даже ослабленного нашествием Едигея и внутривосточными проблемами первой трети XV в. В фундаментальной «Истории татар» говорится «о силе и мощи войск Булгарского улуса», о набеге 1429 г. на русские города – как о впечатляющем военном успехе, «который свидетельствует о прекрасной военной организации и

---

летопись // ПСРЛ. Т. 15. Ст. 485; Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. 33. С. 95; Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. С. 124.

<sup>95</sup> Как заметил в личной переписке А.В. Аксанов.

<sup>96</sup> Исхаков Д.М. Из истории титула «Булгарский князь». С. 47–48; Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. С. 188

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

мастерстве военачальников», а также о том, что «Аксак-Тимур ни в 1391 г., ни в 1395–1396 гг. не рисковал вторгаться на его территорию, предпочитая обходить её стороной<sup>97</sup>. Рассмотрение источников никак не позволяет согласиться с таким утверждением. Для разорения болгарских земель было достаточно войск Московского или Нижегородского княжеств, которые один на один не могли бы выстоять против Орды, сокрушённой Тимуром. В Среднее Поволжье последний не пошёл по той же причине, что и на Русь – затянувшийся поход грозил большими логистическими проблемами (уставшее войско, отягчённое добычей, грядущая зима и т.д.). О беззащитности Булгарии перед русской агрессией писал ещё А.Х. Халиков, но без должной аргументации, перечислив на нескольких страницах походы князей и ушкуйников<sup>98</sup>. Не привело к повышению военного потенциала Булгарского улуса и расселение по его территории кочевого кыпчакского населения в XIV в. (у Булгара и Джукетау)<sup>99</sup>, ни даже освоение передового вида вооружения – огнестрельного<sup>100</sup> (последнее, тем не менее, говорит о том, что местная правящая элита в первые годы Замятни ещё старалась следить за новшествами в сфере военного дела и могла завозить издалека образцы нового оружия). Набег же на Галич и Кострому говорит лишь о хорошей ориентации на местности, скорости передвижения и дерзости татар, но в целом был неудачным и маломасштабным<sup>101</sup>.

---

<sup>97</sup> История татар. Т. 3. С. 466, 468.

<sup>98</sup> Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. С. 127, 128, 130.

<sup>99</sup> Руденко К.А. «Чёрная смерть» и судьба Булгарского улуса Золотой Орды. С. 127.

<sup>100</sup> Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 237.

<sup>101</sup> Используя фактор внезапности, болгары зимой 1428/1429 гг. пришли к Галичу и безуспешно осаждали его. Затем изгоном заняли и ограбили Кострому, разорили окрестности Луха и Плеса, после чего пошли обратно. Успешности набега, занявшего несколько недель, способствовала ссора между окружением малолетнего Василия II и князем Юрием Дмитриевичем (он как раз размещался в Галиче). Вдогон по Волге за булгарами была послана рать, которая могла насчитывать максимум тысячи 2–3 (если исходить из устанавливаемых для того времени мобилизационных возможностей Московского княжества и конкретной ситуации). Большинство воевод после Нижнего Новгорода пре-



## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

Причины военной слабости Булгарского улуса нам видятся таковыми. Прежде всего, сказывалось значительное превосходство русских княжеств в численности населения, и, следовательно, вооружённых сил. Если выступивший на Куликово поле военный союз восточно-русских князей смог с большим напряжением ресурсов выставить ок. 10 тыс. ратников<sup>102</sup>, а сравнительно малолюдное Нижегородское княжество имело явный военный перевес над Булгарским улусом, то численность дружин булгарских князей и ополчения вряд ли превышала 2 тыс. человек. Булгарское военное дело, судя по всему, в золотоордынский период испытало деградацию (Булгария была завоёвана монголами и включена в состав Золотой Орды, и нет ничего удивительного, что те не поощряли развитие местных вооружённых сил и военной организации). Слабую защищённость булгарских городов можно было бы объяснить их разрушением войском Тамерлана. Однако его вторжение в Среднее Поволжье спорно, а реляция русских летописей о князе Юрии, три месяца «воевавшем» булгарские земли говорит об отсутствии в этот период серьёзных разрушений и обнищания населения региона, что было бы неминуемо в случае прихода чагатайского войска. Кроме того, мы не видим принципиальных изменений в уровне военного потенциала Булгарского улуса до возможного похода Тамерлана и после него. Напротив, некоторое повышение военной активности булгарских князей наблюдается как раз с начала XV в. Всё это говорит об отсутствии в истории булгар той военно-политической и социально-экономической катастрофы, которой обернулось бы для них нашествие Тимура. Тем не менее, политический и экономиче-

---

кратили преследование, но двое из них со своими ратниками догнали булгар, нанесли им поражение и отбили полон. Исходя из характера набега, особенностей местности, времени года и посланных за булгарами сил, можно предположить, что их войско насчитывало от силы 1 тыс. ратников. См.: Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 264; Устюжская летопись // ПСРЛ Т. 37. С. 84; Никоновская летопись // ПСРЛ Т. 12. С. 8.

<sup>102</sup> Амелькин А.О., Селезнёв Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. С. 150–157; Двуреченский О.В. Масштабы Донского побоища... С. 126; Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 26 (ссылка на историографию).

**ГЛАВА 1.** История московско-казанских военных конфликтов  
и соотношение сил сторон на начало XVI века

ский кризис Золотой Орды должен был проявиться и в Среднем Поволжье, в том числе в военно-технической области.

Сказалось и отсутствие соответствующего опыта у болгарской военно-политической элиты. Основная её часть если и участвовала в наступательных войнах Золотой Орды, то в качестве низшего командного звена; отсюда отсутствие проработанной наступательной стратегии. Оборонная стратегия также вырабатывалась с большим трудом, поскольку после монгольского завоевания Булгарский улус более века жил в мире. Если же брать набеги ушкуйников, то и в домонгольский период упоминания русских речных походов единичны<sup>103</sup>.

Превосходство русских войск над болгарскими определялось их многочисленностью и наличием большого боевого опыта у командования и простых ратников. Касательно последней трети XIV в. можно говорить о постепенном возобновлении русской экспансии в Среднее Поволжье, наблюдавшейся в XII – первой половине XIII в. и прерванной монгольским завоеванием. Только приход туда Улу-Мухаммеда и создание Казанского ханства стали препятствием на её пути.

Обращает на себя внимание резкое изменение соотношения сил после прихода в Среднее Поволжье орды Улу-Мухаммеда и его сыновей. В источниках фигурируют вполне реалистичные данные о численности этого татарского воинства. С пополнением в 2 тыс. пришедших из Черкас казаков у хана в 1445 г. насчитывалось 3,5 тыс. воинов (причём, ещё П.Н. Павлов отмечал, что хан пополнял войско выходцами из степей, а не оседлыми жителями Среднего Поволжья<sup>104</sup>). Этого хватило для победы над Василием II под Суздалем (с потерей 500 чел.), после чего Махмутек захватил Казань, убив местного князя Либея (Али-бея)<sup>105</sup>.

Выходит, что 3–4 тыс. войска было достаточно не только для контроля над бывшим Булгарским улусом и землями черемисов и вотяков, но и для установления (пусть и временно) военного пари-

---

<sup>103</sup> Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». С. 144–154.

<sup>104</sup> Павлов Н.П. Была ли Русь данницей Казани? С. 161.

<sup>105</sup> Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. С. 114.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

тета новообразованного Казанского ханства с Московским княжеством. Причём военный потенциал ханов был высок за счёт именно их казаков, число которых пополнялось выходцами из степей, но не из земледельческих районов Поволжья.

Более того, установление власти Махмутека и его татар в Среднем Поволжье могло быть воспринято местным населением положительно, поскольку это позволяло защитить их от вторжений с Руси и из степей. Так же полагает и А.Г. Бахтин, приводя цитату из «Казанского летописца»: «и начя збиратися срачини [сарацины – И.Б.] и черемиса, развие по улусам Казанским, и рады ему [рады хану – И.Б.] быша, а изо ставшися от плена худыя болгары молиша его, казанцы, быти ему заступнику бедам их, и помощника от насилия, воевания Русаго, и быти царству строителя, да не до конца запустеют, и повинушася ему»<sup>106</sup>. Действительно, несколько тысяч «обстрелянных» казаков и мурз, привыкших к войне, сплочённых вокруг хана должны были стать опорой для населения Средней Волги, с 1360 г. периодически испытывавшего удары со стороны западного соседа и не имеющего возможности их отразить.

### *Военный потенциал и численность вооружённых сил Казанского ханства*

Вопрос о военном потенциале Казанского ханства затруднителен из-за отсутствия сколько-нибудь точных данных о численности его вооружённых сил. Если в случае с Крымским ханством источники содержат немало подобной информации и цифры, близкие к реальным (поскольку, например, отписки «украинных» станичников и воевод о численности вторгавшихся крымских отрядов и войск, сосчитанной по сакмам или «на глаз», должны были в значительной степени отображать реальное положение), то по казанским ратям такие данные единичны и сообщают лишь о небольших контингентах. Сведения же таких нарративов, как сочинения С. Герберштейна, А. Курбского или «Казанский летописец», не могут претендовать на какую-либо достоверность. В них содержатся цифры, фантастичность которых становится понятной при минимально

---

<sup>106</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII – XVI веках. С. 144; Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. Ст. 19.

**ГЛАВА 1.** История московско-казанских военных конфликтов  
и соотношение сил сторон на начало XVI века

критичном взгляде, и использовать их для расчётов численности казанского войска (как и русского) методологически неверно.

В историографии вопрос о численности казанского войска поднимался редко. Отчасти это было связано и с преобладающей идеей о Казанском ханстве как об агрессоре, победа над которым далась с большим трудом. Отсюда и некритичное восприятие встречающихся в источниках сообщений о десятках тысяч татар.

Например, А.Г. Бахтин в сравнительно недавней работе, ссылаясь на нарративы XVI–XVII в. («Казанский летописец», сочинения А. Курбского, М. Меховского, С. Герберштейна, А. Олеария), пишет о 30–60 тыс. войска<sup>107</sup>. Приблизительно те же цифры озвучены и в фундаментальной «Истории татар», где заявлено, что общая численность вооружённых сил Казанского ханства могла достигать 50 тыс. человек и более, но это только в случае тотальной мобилизации; в реальных условиях она вряд ли превышала 25–30 тыс. воинов<sup>108</sup>.

Эти цифры видятся нам сильно завышенными и не совсем корректными. Мобилизационный потенциал Казанского ханства нужно сравнивать с московским, который более-менее известен. А даже во времена Ивана Грозного походное войско численностью в 30–35 (или 45–50 тыс.?)<sup>109</sup> собиралось с трудом, поскольку требовало большого напряжения людских, материальных, организационных ресурсов и решения серьёзных логистических задач. И это при общей численности населения в 5–6 млн. чел.<sup>110</sup> Причём значительную часть этого войска составляли стрельцы, пушкари и кошевая «прислуга» (отсутствовавшие в походной казанской рати), а численность дворян и служилых татар (с которыми и надо сопоставлять военное сословие ханства – держателей наделов-союргалов) составляла порядка 23 тыс. человек; к этому числу можно добавить

---

<sup>107</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 161, 235.

<sup>108</sup> История татар. Т. 4. С. 698.

<sup>109</sup> Как в Полоцком походе 1563 г. См.: Пенской В.В. Полоцкая война. С. 78–81.

<sup>110</sup> Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Территория и население России в XV–XVIII веках. С. 328–359; Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 82–83, 90.

**ГЛАВА 1.** История московско-казанских военных конфликтов  
и соотношение сил сторон на начало XVI века

10–15 тыс. послужильцев<sup>111</sup> (если они не были включены в состав 18 тыс. детей боярских) – всего, таким образом, получается менее 40 тыс. бойцов. Общая же численность ратников в правление Ивана Грозного могла достигать 100 тыс. человек<sup>112</sup>, но это, судя по всему, предельная оценка. В первой же трети столетия численность русского воинства должна была быть ещё ниже<sup>113</sup> (как мы уже отмечали, порядка 30–50 тыс. человек). В Казанском же ханстве к началу XVI в. проживало вряд ли более 500 тыс. чел. (даже к началу XVIII в. коренное население Среднего Поволжья насчитывало менее чем 700 тыс.)<sup>114</sup>. Следовательно, даже если учесть бóльшую долю служилого сословия в Казанском ханстве, чем в Великом княжестве Московском, можно полагать, что в первой трети XVI в. численность князей, мурз, казаков и чура составляла ок. 5 тыс. человек. Единовременно же в поход ханство могло выставить порядка 4–6 тыс. конников, включая как служилую знать, так и конных ополченцев (если сопоставлять с численностью всего русского поместного войска и с учётом меньших логистических трудностей для небольшой рати<sup>115</sup>). Кочевое население было малочисленным, подвижным и не вполне лояльным ханам, а ногайские отряды, изредка выступавшие на стороне Казани, вряд ли превышали по численности несколько сотен человек, максимум 1–2 тысячи. Впрочем, воины-кочевники вливались в состав всё того же служилого сословия, соответственно, их число не могло значительно увеличить предложенную выше цифру численности конницы.

---

<sup>111</sup> Пенской В.В. Полоцкая война. С. 78–81.

<sup>112</sup> Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 92–93.

<sup>113</sup> Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. С. 35.

<sup>114</sup> История татар. Т. 4. С. 751; Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России... С. 18–34.

<sup>115</sup> Конечно, можно заметить, что прокормить 10 тыс. конного войска проще, чем 30 тыс., однако разница всё же небольшая, тем более, что действовать оно могло только на сравнительно редконаселённой и небогатой территории. Т.е. казанское походное войско могло действовать или небольшими отрядами, или концентрированно, но в последнем случае оно не могло быть большим. Поэтому 5–6 тыс., по нашему мнению, это максимально возможная численность казанской походной рати, включавшей и конных ополченцев.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

*Вообще, как нам видится, военный потенциал Ногайской Орды (время от времени союзной Казани) почти никогда не мог быть реализован в полной мере, причиной чего было отсутствие единства между мурзами. Имея под своим контролем многочисленное кочевое население, Ногайская Орда ни разу не совершила сколько-нибудь масштабного вторжения ни в Казанское ханство, ни в Московское царство даже во время серьёзных политических разногласий с их правителями. Только для отпора крымцам и казахам в 1520-е гг. ногаи смогли консолидироваться и выдвинуть многочисленное войско. В остальных случаях противоречия в среде правящей элиты не позволяли проводить жёсткую политику в отношении соседей. Это хорошо видно по истории русско-ногайских отношений, что отличает Ногайскую Орду от централизованного Крымского ханства. Кстати, и крымское войско, состоящее в значительной степени из номадов (как известно, гораздо проще поднимаемых на войну), в первой половине XVI в. русские дипломаты и литовский автор Михалон Литвин оценивали только в 25–30 тыс. человек<sup>116</sup>.*

Можно было бы предположить массовый наём казаков<sup>117</sup> из степей, но отношения с ногаями у Казани были весьма неровными, а главное всё упиралось в ресурсы. Это же относится и к держате-

---

<sup>116</sup> Пенской В.В. Численность и развёртывание московского и татарского войска в кампанию 1521 г. С. 195.

<sup>117</sup> Тюркское слово «казак» изначально обозначало человека без начальства, изгнанника, беглеца, разбойника, человека знатного происхождения или даже правителя без своего владения. Многочисленное степное казачество стало формироваться в связи с распадом Золотой Орды, и пополнялось рядовыми воинами, знатью и аристократией, не нашедшей себе места в имеющейся политической системе [Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 173]. В Русском государстве XV–XVI вв. казаками называли в основном рядовых служилых татар [Беляков А.В. Чингисиды в России... С. 169–170], хотя отмеченные в Московском княжестве 1460-х гг. казаки Ивана Руно (которому доверили и командование детьми боярскими великокняжеского двора) действовали в составе судовой рати на северо-восточных реках и вряд ли могли быть татарами, а проникновение в те же годы в северные русские уезды «казачьей» терминологии (в частности, «ватаман», т.е. атаман [Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 54–59]) говорит о вероятности существования казаков-славян уже в то время.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

лям союргала – государство с населением в 500 тыс. чел. не могло содержать и вооружать служилое сословие, сопоставимое по численности с поместной конницей Московского государства с 5 миллионами жителей. Население ханства было оседлым, т.е. не располагало огромными стадами коней и скота для снаряжения и прокорма многочисленного конного войска и не имело возможности мобилизовать хотя бы 1/10 населения без ущерба для хозяйства, что могли себе позволить кочевые полиитии. Следовательно, тут вполне можно принять цифру, пропорциональную разнице в численности населения Московского государства и Казанского ханства.

Помимо таких теоретических построений имеются и более конкретные сведения.

Анализ казанских набегов на восточные окраины Руси, проведённый М.А. Несиним, показывает, что в них были задействованы малочисленные и подвижные конные отряды численностью до нескольких сотен человек<sup>118</sup>.

Можно вспомнить и редкие сообщения летописей о численности казанских войск в XV в. При Улу-Мухаммеде в бою под Суздаlem в 1445 г. было около 3,5 тыс. воинов<sup>119</sup>. В набеге на Устюг в 1446 г. участвовало ок. 700 человек<sup>120</sup>. Во время войны 1467–1469 гг. отмечена татарская рать в 200 человек<sup>121</sup>. В поход на Вятку 1489 г. вассальный хан Мухаммед-Эмин по запросу Москвы направил 700 воинов<sup>122</sup>. Можно отметить тут и более поздние сведения. Так, с пришедшим в марте 1549 г. на Муромские места Мамазерь-князем было всего 140 казанских людей<sup>123</sup>. Причём во всех случаях обилие деталей позволяет говорить о включении в текст летописей свиде-

---

<sup>118</sup> Несин М.А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. С. 461. Ранее это же отмечал (однако, без детального анализа) М.Г. Худяков [Очерки по истории Казанского ханства. С. 100].

<sup>119</sup> Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Ст. 103–106; Летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. С. 262–263.

<sup>120</sup> Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. С. 87–88.

<sup>121</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 37–39, 46–87.

<sup>122</sup> Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. С. 50; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 293–303.

<sup>123</sup> Продолжение Хронографа редакции 1512 года / Шмидт С.О. // Исторический архив. 1951. Т. 7. С. 296.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

тельств очевидцев, хорошо информированных людей или сведений из грамот, отписок и других «рабочих» документов.

*Отметим редкие исключения. В разрядной книге за 1540 г. говорится о 8 тыс. войска татар и черемисов, с которыми Чура Нарыков ходил на Костромские места<sup>124</sup>. Ходившее в 1548 г. к Галичу казанское войско под началом Арака, разгромленное ратью костромского наместника, оценивается в 3 тыс. человек<sup>125</sup>, что выглядит преувеличением, но это, опять же, не 10–15 тысяч. Допустимо массовое участие в этих походах луговых марийцев, чему способствовала сравнительно небольшая удалённость цели нападения от казанских рубежей той же Луговой стороны. Однако, «сметы» вражеских сил, встречающиеся в разрядных книгах, неточны, что связано с трудностями подсчётов: в степях численность определяли «на глаз» (пересчитать более-менее точно конное войско с большим количеством заводных коней, да ещё остаться незамеченным, было невозможно) или по сакме<sup>126</sup>. В лесной местности разведчикам проще было укрыться, однако пересчитать неприятеля также было сложно, а сакмы на узких лесных дорогах и вовсе не давали сколько-нибудь точного представления о численности неприятеля. В конце концов, столь многочисленное войско в условиях небогатого провиантом и разорённого предыдущими набегами севера нечем было бы прокормить. Поэтому реально в рассматриваемом случае татар и черемисов должно было быть меньше. Следует, однако, добавить, что в этот период Сафа-Гирей мог привлечь значительное число казаков из степей<sup>127</sup>, поскольку набеги тех лет были успешными и не получали должного отпора со стороны русских властей.*

Ещё одним показателем малочисленности служилого сословия в ханстве можно считать скромную численность казанских служилых князей, мурз и татар-казаков, находившихся на русской службе после 1552 г. (можно предположить, что именно они входили в со-

---

<sup>124</sup> Разрядная книга 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 284.

<sup>125</sup> Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь. С. 196.

<sup>126</sup> Сакма – след, оставленный конницей; позже – наезженная дорога, колея.

<sup>127</sup> На это указал в личной переписке А.В. Аксанов.



## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

став военно-служилого сословия – держателей союргалов). Во время Ливонской войны в источниках фигурирует ок. 226 казанских служилых татар; вместе со свияжскими татарами они насчитывали 650 человек<sup>128</sup> (мы не учитываем чебоксарских и кокшайских «татар» из тех документов, поскольку это были, скорее всего, марийцы и чувашаи, причём ясачные, а не служилые). К этому можно добавить тарханов – служилых марийцев и чувашей, численность которых известна по источникам только XVII в. – это 143–180, а вместе с сотниками и новокрещенами – менее 300 человек<sup>129</sup>. Итого: менее 1 тыс. бойцов. Конечно, большинство мурз и казаков погибло во время захвата ханства и в Черемисских войнах, но сообщения источников о переходе на русскую службу в первой половине XVI в. большого количества татарских и черемисских воинов<sup>130</sup> («многих горных людей», а также мурз и казаков) говорит скорее о том, что эти несколько сотен составляли заметную часть от бывшего служилого сословия ханства.

В случае большой угрозы всему государству русские князья могли рассчитывать не только на силы удельных князей, бояр и поместного войска, но и на ополчение из народа, однако собрать такую силу можно было лишь на непродолжительный срок, для решения конкретной задачи<sup>131</sup>. Казанская элита также могла поднять на защиту столицы ополчения из татар, марийцев, чувашей и др. жителей ханства, но и тогда нельзя было бы набрать 50 тыс. ратников (притом, что подавляющая их часть в любом случае была пешей, с минимальным вооружением и неприспособленная для похода

---

<sup>128</sup> Книга Полоцкого похода 1563 г. С. 41–42; РК 1605. Т. 2. Ч. 1. С. 473–474; С. 267–269.

<sup>129</sup> Сметный список 139 году; Книги разрядныя, по официальным оных спискам, изданныя. Т. 1. Ст. 1145–1148; Димитриев В.Д. Землевладение служилых чувашей Свияжского уезда в середине XVII века. С. 53–71.

<sup>130</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 200, 202; Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. Т. 29. С. 61; Посольство от великаго князя Василья Ивановича к королю Сигизмунду Казимировичу с боярами... [30 ноября 1522 – 2 мая 1523] // Сборник РИО. Т. 35. №94. С. 667.

<sup>131</sup> Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 78–79; Вернадский Г.В. Россия в средние века. М., Тверь, 1997. С. 121.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

дов), поскольку это – 1/10 от всего населения. Допускать её равносильно утверждению, что при «большой повальной службе» (тотальной мобилизации населения) Московское государство могло выставить 500–600-тысячное воинство, что, конечно, невозможно. По оценкам В.В. Пенского, в правление Ивана Грозного общая численность ратников, включая «полукомбатантов» из кошевых, посошных людей и др., могла достигать 100 тыс. человек<sup>132</sup>, т.е. 1/50 от всего населения царства. Продолжая аналогию с западным соседом, можно предположить, что Казанское ханство в рассматриваемый нами период в случае экстренной ситуации могло выставить около 10 тыс. человек; с учётом большего числа лично свободных общинников и охотников и распространения начальной военной подготовки среди черемисов<sup>133</sup> – максимум 15 тыс. человек. Тут можно для сравнения привести сведения о численности военнообязанных ясачных инородцев Казанского края (без нескольких сотен служилых татар и тарханов), известные по разрядным книгам за 1625–1627 гг. и по смете 1631 г. С трёх дворов чуваша и марийцы должны были выставляться на войну по человеку; в указанные годы таких насчитывалось от 7057 до 7319 человек<sup>134</sup> (более того, можно предположить, что эта норма сохранялась в Казанском крае со времён ханства; но даже если допустить более высокие нормы призыва в ханстве – по человеку с 2-х дворов, и участие в войнах удмуртов – выходит ок. 14 тыс.<sup>135</sup>). Однако, как отмечал С. Герберштейн, во времена ханства это были в основном пешие контингенты<sup>136</sup>. На

---

<sup>132</sup> Пенской В.В. Военное дело Московского государства... С. 83–93.

<sup>133</sup> С детства они все учились стрелять из лука и проводили иные упражнения [Петрей П. О начале войн и смут в Московии. С. 177]. По-видимому, черемисское ополчение имело более высокую боеспособность, чем русская «посоха» – неспроста в источниках постоянно отмечают воинственность черемисов и опасность от них на войне.

<sup>134</sup> Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданныя. Т. 1. Ст. 1143–1148, 1250–1255, 1358–1362; Сметный список 139 году.

<sup>135</sup> Несмотря на различия в социально-экономическом строе русского и черемисского обществ, вряд ли было возможно набирать по ратнику с каждого двора. Напротив, это было скорее возможно в более материально обеспеченном социуме, т.е. на Руси.

<sup>136</sup> Герберштейн, С. Записки о Московии. С. 170.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

дальние походы, особенно с вероятностью боя против русской конницы, они явно не годились, хотя и пешие черемисы могли совершать рейды в таёжные северо-восточные уезды (как это было в 1567/1568 г.), поскольку они находились сравнительно недалеко от их территории<sup>137</sup>. Для этого подходили и люди с низким уровнем военной подготовки, которые не годились для боя с поместной конницей. Имелись и конные ополченцы, но они, скорее всего, были в меньшинстве (в документах за 1653 г. упоминается, например, 2 тыс. конных черемисов и чувашей, набираемые для похода<sup>138</sup>), к тому же для участия в боевых действиях нужны были не любые кони, а обученные боевые, которые у рядовых черемисов и чувашей вряд ли имелись в сколько-нибудь значительном количестве.

Напрашивается ещё один довод в пользу малочисленности казанского походного войска. Как хорошо известно на примере лучше освещённых в источниках литовских и ливонских кампаний, русские рати должны были избегать встреч с крупными силами противника, а атаковать только при уверенности в успехе, т.е. значительно меньшие по размерам отряды неприятеля. В походах на казанские земли в первой трети XVI в., судя по количеству воевод, участвовало менее 10 тыс. конного войска (см. ниже), причём эти войска шли в известном направлении (к Казани), не таясь. Это значит, что русское командование не предполагало встречи с более крупными или равными силами противника.

Всего, таким образом, Казанское ханство располагало приблизительно 15 тыс. потенциальных комбатантов и полукомбатантов, из которых ок. 5 тыс. – военно-служилое сословие, профессиональные конные бойцы, а остальные – ополченцы, большей частью пешие или всадники, малопригодные к конному бою (ок. 10 тыс.). Такие цифры получаются при рассмотрении истории московско-казанских войн, косвенных данных о казанских набегах и прямых указаний на численность казанских ратей, сравнении демографического и мобилизационного потенциала ханства и Московского государства, численности служилых татар и ополчений из черемисов

---

<sup>137</sup> Галицкая летопись. С. 603.

<sup>138</sup> Бабулин И.Б. Смоленский поход и битва при Шепелевичих 1654 года. С. 44.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

и чувашей после 1552 г. Противоречит этому только «Казанский летописец» и произведение А. Курбского<sup>139</sup>, некоторые другие европейские нарративы<sup>140</sup>, а также материалы одного крымского посольства в Литву. Почти всё это – публицистические сочинения, явно пристрастные, преувеличивающие казанскую военную угрозу, а значит, и масштаб победы над Казанью, или же написанные людьми, знакомыми с реалиями Восточной Европы из третьих уст. Даже Сигизмунд Герберштейн, многократно преувеличивавший численность русского войска<sup>141</sup>, оценивает вооружённые силы ханства всего в 30 тыс. чел., причём, преимущественно «пехоты»<sup>142</sup>. Ещё меньшего доверия заслуживают сведения о 60 тыс. казанского войска, приведённые в середине XVII в. Адамом Олеарием и встречающиеся в современном исследовательской литературе<sup>143</sup>, а также цифры из «Казанского летописца». Характерный пример: летописи, говоря о разгроме восставшими казанскими людьми рати Б.И. Салтыкова в 1553 г., оценивают потери русского войска в 456 чел. убитыми и ранеными, а «Казанский летописец» – в 20 тыс. Не менее показательны, что русские войска в Муроме в 1505 г. и под Казанью в 1506 г. автор исчислял сотней тысяч ратников, что для отдельного похода совершенно нереально даже для времени Ивана Грозного – едва ли столько ратных людей, включая полукомбатантов, имелось во всём государстве и во второй половине XVI в.; не менее фанта-

---

<sup>139</sup> Так, «отборное войско» казанцев, осаждённое в самом городе в 1552 г. он исчислял в 30 тыс.: Курбский А. История о делах великого князя. С. 39.

<sup>140</sup> Француз Блез де Виженер в своём «Описании Польского королевства и порубежных с ним стран» говорит о 12 тыс. казанского войска, вместе с союзниками и при полной мобилизации достигающем 30 тысяч. Правда, тут же он добавляет, что казанские татары находятся в полном подчинении у московского князя [Блез де Виженер. Описание Польского королевства и порубежных с ним стран // История Татарии в документах и материалах. С. 83]. Странно, что при войске, сопоставимом по численности с вооружёнными силами Великого княжества Литовского, казанцы так быстро оказались под русской властью.

<sup>141</sup> Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. С. 31–33; Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 14–15, 73–74, 90.

<sup>142</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 170.

<sup>143</sup> Олеарий, Адам. Описание путешествия в Московию. С. 316; Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 161, 235.

**ГЛАВА 1.** История московско-казанских военных конфликтов  
и соотношение сил сторон на начало XVI века

стичны и цифры потерь 1506 г. – 93 тыс. человек<sup>144</sup>. Для автора произведения реальные цифры не имели никакой ценности; напротив, цифры были определёнными символами, выражавшими значимость того или иного события; реальность они не отражают даже приблизительно (как будет показано ниже, потери русского войска в 1506 г. никак не могли достигать 93% состава, как это представлено в «Казанском летописце», являющимся, к тому же, не историкографическим, а литературным сочинением).

Отдельно рассмотрим сведения из Литовской Метрики, где содержится перевод послания крымского хана Мухаммед-Гирея I к великому князю Сигизмунду I. Оно, в свою очередь, сообщает о прибытии 15 августа 1520 г. в Крым казанского посольства и кратко пересказывает содержание казанских «листов» (или, в московской дипломатической терминологии, грамот). Казанцы просили прислать к себе на трон крымского султана (царевича) и избавить их от московского ставленника Шах-Али, а при этом заверяют хана в своей верности ему и, видимо, готовности к совместному выступлению против Москвы, добавляя, что «мы маемь Отецких детеи»<sup>145</sup> двадцать тысяч, а с Черемеши, а зь Мордвою и числа неть»<sup>146</sup>. При этом В.В. Трепавлов делает выводы о правомочности такой цифры казанского военно-служилого сословия. Однако помимо того, что это противоречит озвученным выше данным и соображениям, вызывает сомнение сама достоверность указанной в послании цифры; причём это пересказ именно крымского послания в Литву, а не казанского – в Крым (думается, что Гирей имели более точное представление о казанских вооружённых силах). Поскольку речь идёт о попытке создать анти-московский военный союз, закономерно ожидать, что казанцы или, по крайней мере, крымцы в переговорах с литовцами будут апеллировать к заведомо преувеличенному сведе-

---

<sup>144</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 230; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 540; Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. С. 26, 28, 186.

<sup>145</sup> По версии В.В. Трепавлова это представители знатных служилых семейств.

<sup>146</sup> Трепавлов В.В. «Отецкие дети»: элита Казанского ханства в литовской метрике. С. 602.

**ГЛАВА 1.** История московско-казанских военных конфликтов  
и соотношение сил сторон на начало XVI века

ниям о военной мощи Казани – вряд бы ли в Вильне высоко оценили далёкого союзника с 4–5 тыс. конного войска.

Наконец, в качестве отдалённой аналогии можно привести численность разных категорий людей, служивших в городах и при городах и острогах Казанского края к 1630-м гг. (возьмём это время, поскольку от него дошли сравнительно точные цифры, местное ясачное и служилое население оправилось от демографических потрясений XVI в., и дети боярские уже имели поместья в Казанском крае, а не посылались туда на годованье). По смете<sup>147</sup> в приказе Казанского дворца ведалось 31786 человек, а по интересующим нас уездам (включая Алатырский<sup>148</sup>) при пересчёте получаются приблизительно такие цифры:

детей боярских – 1326 чел.

местных служилых инородцев<sup>149</sup> – 1427 чел.

казаков (служили за жалование) – 307 чел.

иноземцев и неких полоняников<sup>150</sup> – 464 чел.

стрельцов и голов – 5253 чел.

пушкарей, толмачей, воротников и др. – 199 чел.

дворов ясачного населения – 22424

Всего – 8986 чел., а также 7474 ясачных ополченца (по человеку с 3-х дворов). При этом из первого числа нужно вычесть категории, не характерные для Казанского ханства, несшие городовую службу, пешие, служившие за государево жалование – стрельцов, толмачей, пушкарей, воротников. Остаётся 3534 служилых человека (включая казаков и иноземцев, поскольку в ханстве часть казаков-татар также могла служить за жалование, а не с сюргала) и почти 7,5 тыс. ясачных ополченцев; вместе – 11 тыс. ратников и полукомбатантов. Подчеркнём, что эта цифра в общем совпадает с той, что

---

<sup>147</sup> Сметный список 7139 году. С. 18–51.

<sup>148</sup> Но без Нижнего Поволжья, Уфы, Сибири, Мещеры и т.н. понизовых городов (Касимова, Арзамаса, Шацка, Кадома), не относящихся к Казанскому краю.

<sup>149</sup> Служилые татары, тарханы (мари, чуваша), новокрещены.

<sup>150</sup> В значительной степени это ссыльные и получавшие жалование литовцы, поляки, немцы и др.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

мы получили выше при сопоставлении Казанского ханства и Московского государства.

Отметим, что основной стратегией ханства в последней четверти XV – первой трети XVI вв. была оборона столицы<sup>151</sup>. Попытки реализации наступательной стратегии в 1505, 1521 и 1523 гг. показывают ограниченность людских ресурсов ханства. Казанская наступательная стратегия в первой трети XVI в. сводилась к маломасштабным и редким набегам на русские окраины. Более серьёзные предприятия уже не удавались в силу подавляющего численного превосходства русских войск. Возможно также, что до того времени основная масса казанской правящей элиты попросту не имела опыта крупномасштабной войны и не выработала ещё наступательной стратегии.

Поэтому справедливо и замечание А.И. Филюшкина о казанцах: вооружённые силы ханства были значительно меньше русских, и они не могли решать стратегические задачи. Набеги на русские территории и оборона им удавались, но никак не захват стратегически важных городов и крепостей с последующим освоением прилегающей местности, как это практиковали русские люди<sup>152</sup>. На численное неравенство русских и казанских вооружённых сил указывает и В.В. Пенской<sup>153</sup>.

Важнейшим элементом в оборонной стратегии Казанского ханства были укрепления столицы, включавшие дерево-земляные конструкции, ров и, возможно, каменные стены и башни ханского Арка (дворцовой цитадели)<sup>154</sup>. Однако, отсутствие упоминаний каменных стен в сочинении Курбского и Никоновской летописи<sup>155</sup>, неясность археологических данных позволяют усомниться, что каменными были сами стены (а не только башни)<sup>156</sup>. При этом, как справедливо замечает

---

<sup>151</sup> На то, что казанцы вели преимущественно оборонительные войны, писал ещё М.Г. Худяков: Очерки по истории Казанского ханства. С. 230.

<sup>152</sup> Филюшкин А.И. Василий III. С. 107.

<sup>153</sup> Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 151.

<sup>154</sup> История татар. Т. 4. С. 618.

<sup>155</sup> Наше внимание на этот факт обратил в личной переписке М.В. Моисеев. При этом о каменных мечетях А. Курбский написал.

<sup>156</sup> Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. С. 123.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

С.П. Саначин, каменные стены вряд ли можно считать более надёжными, чем древо-земляные: каменные стены не самой большой толщины планомерно разбивались крупнокалиберными орудиями, а в срубах и городнях, засыпанных землёй и камнем, ядра застревали<sup>157</sup>.

Для обороны укреплённого города от неприятеля, более половины ратников которого – пешие, подходило и ополчение, в основной массе также пешее и вооружённое охотничьим оружием. Однако опыт показывал, что первейшей задачей защитников Казани было недопущение самой осады, поскольку русские воеводы и ратники с их пушками и познаниями в осадном деле могли город взять или принудить к капитуляции, что и случилось в 1487 г. И тут необходима была конница. Другая проблема, стоявшая перед защитниками – собственно артиллерия, которая имела у противника и, как правило, отсутствовала в Казани (кроме небольшого числа трофейных стволов, без достаточного боеприпаса и квалифицированного персонала). Ко времени Василия III Московское государство стало одной из ведущих «пороховых» держав<sup>158</sup>, а в ханстве не было своего производства ни пушек, ни «зелья» и ядер. Показательно в этом смысле письмо казанского хана Сахиб-Гирея в Крым, где он просил прислать в Казань пушки, пищали и янычар, поскольку ему без этого «противу московских воевод стояти не мочно»<sup>159</sup>. И всё же, закупка и доставка артиллерии из других стран, судя по всему, не удалась. Получить из Крыма «стрельцов» также не вышло, что можно считать существенным стратегическим просчётом казанской верхушки.

Источники позволяют сделать вывод об изменениях в соотношении военного потенциала обеих сторон конфликта, а также мобилизационных возможностях и отношении к войне широких масс населения ханства. Отметим принципиальный момент: в русско-

---

<sup>157</sup> Саначин С.П. Гипотеза фортификации столицы Казанского юрта в его последние дни // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. С. 83. Добавим, что такие крепости, как Смоленск и Псков, известные своей стойкостью к обстрелам, отличались очень толстыми каменными стенами.

<sup>158</sup> Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 248. Лобин А.Н. Артиллерия Ивана Грозного. С. 304.

<sup>159</sup> Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. С. 124.



## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

казанских войнах XV в., судя по всему, эти широкие массы не принимали участия. Поясним эту мысль.

Глубокие рейды казанско-татарских войск в 30–40-е (вплоть до Москвы), отчасти и в конце 60-х гг. XV в., ряд побед над русскими ратями в поле, показывают, что в этот период казанская конница имела, как минимум, военный паритет с русской конницей. Причём Улу-Мухаммед и Махмутек опирались, прежде всего, на 3–4 тыс. казаков, приведённых или принятых позже из степных районов. После же этого (начиная с 1467 г.) мы видим череду военно-политических поражений казанцев (дважды демонстрации русской силы оказывалось достаточно, чтобы хан запросил мира, а в 80-е гг. Иван III и вовсе измором и обстрелом принудил Казань к капитуляции и сажал в ней своего ставленника). Показательно, что для защиты от ногаев и оппозиционных князей Мухаммед-Эмин в 1496 г. и Абдул-Латиф в 1499 и 1500 гг. вынуждены были просить помощи у великого князя<sup>160</sup>. Где же многочисленные войска из татар и черемисов, что в XVI в. неоднократно отбивали приступы к городу русских ратей, насчитывавших при Василии III (о чём будет сказано ниже) по 10–15 тыс. человек? Выходит, их ещё не было. По какой-то причине широкие массы населения не вставали на защиту своих земель, которым грозило неминуемое разграбление при русском или ногайском вторжении<sup>161</sup>.

Напомним, что благодаря окончательному подчинению Москве всех восточно-русских государств и развитию поместной системы численность русского войска в правление Ивана III многократно возросла. В последней трети XV в. московские рати в 15–20 тыс. чел. уже не были исключительным явлением<sup>162</sup>. Численность же

---

<sup>160</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 12. С. 249–250; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 294; Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 328; РК 1605. С. 59; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 360–361.

<sup>161</sup> Вряд ли ногайское вторжение прошло бы без эксцессов и притеснения местного населения и знати, так что дело могло быть не только в том, что большинство «казанских людей» попросту не хотело поддерживать русских ставленников.

<sup>162</sup> Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 79–80.

## ГЛАВА 1. История московско-казанских военных конфликтов и соотношение сил сторон на начало XVI века

ханских вооружённых сил оставалась схожей с 40-ми гг. XV в., те же 4–5 тыс. воинов (у ханов не было ресурсов для пополнения своей «поместной конницы»).

Это во многом и объясняет переход стратегической инициативы к Москве и отмечаемое нами выше её военное превосходство над Казанским ханством в 70–90-е гг. XV в. (а в конечном итоге – и в 1552 г.). Не менее значимым был перевес русской стороны и в других аспектах: экономическом и технологическом (мощнее производственная база, развитое пушечное производство, наличие соответствующих технологий и специалистов), организационном (сильная власть великого князя и военная централизация) и практическом (большая опытность командного и рядового состава вооружённых сил).

## ГЛАВА 2

### ПРИЧИНЫ МОСКОВСКО-КАЗАНСКИХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ, СТРАТЕГИИ СТОРОН И ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

#### 1. Факторы конфликтности и причины московско-казанских войн

При изучении московско-казанских войн нельзя обойти стороной вопрос об их причинах и взглядах современников на них.

В ходе эскалации московско-казанских конфликтов в 40-е гг. XVI в. в Московском государстве возник идеологический концепт о казанской угрозе Руси, враждебности и нечестности казанцев как о главной причине завоевания Среднего Поволжья. Позже он превратился в историографический миф, распространившись на всю историю московско-казанских отношений. Основной почвой для возникновения такой концепции в XVI в. была затяжная война, начавшаяся после свержения московского ставленника в Казани – Джан-Али и закончившаяся завоеванием Казанского ханства. В течение её первых десяти лет стратегическая инициатива принадлежала казанцам, что было следствием внутривосточного кризиса в Московском государстве и его занятости литовской войной (1534–1537 гг.).

Однако, если посмотреть на историю московско-казанских войн, то картина будет намного сложнее.

Как мы уже отмечали выше, в период, предшествовавший образованию Казанского ханства, Булгарский улус чаще всего был обороняющейся стороной, а русские княжества – наступающей. Утвердившиеся в Среднем Поволжье Улу-Мухаммед и его сын Махмутек, ещё при Белёве столкнувшиеся с враждебными действиями Москвы<sup>1</sup>, смогли нанести несколько серьёзных поражений русским вой-

---

<sup>1</sup> Власти которой закономерно опасались иметь по соседству пусть и бывшего, но ордынского хана с войском.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

скам и держали себя с великим князем московским на равных, но уже сыновья и внуки Махмутека оказались не в состоянии противостоять усилившемуся Московскому государству, вмешивавшемуся во внутренние дела ханства и занявшего богатые пушниной территории к северу от Среднего Поволжья, откуда казанцы брали ясак. После серии поражений Казань оказалась подчинена Москве (1487 г.), а ханы фактически превратились в ленников Ивана III. Взаимоотношения между Московским и Казанским государствами с конца 80-х гг. XV в. не позволяют говорить не только о казанской угрозе западному соседу, но и о соперничестве между этими государствами, поскольку вопрос ставился, ни много, ни мало, о праве великих князей московских жаловать и смещать по своему усмотрению казанских «царей», контролировать их внешнеполитические отношения и браки, привлекать казанское войско к своим военным предприятиям<sup>2</sup>. Отметим, что зависимость от Московского государства – с одной стороны, и от Крымского ханства (а таковая периодически возникала) – с другой, для казанцев значительно различались. Несмотря на злоупотребления выходцев из Крыма, они были мусульманами и татарами, а сам Крым находился далеко от Казани. Соседнее же Русское государство было близко, и населяли его иноверцы-славяне, к тому же активно расселяющиеся в восточном направлении – в землях марийцев и удмуртов<sup>3</sup>. Засилье «неверных» в Казани рано или поздно должно было привести к возмущению, как среди казанских верхов, так и среди широких слоёв населения.

Московско-казанские отношения XV в. можно разделить на два этапа: период «противостояния» в 40–70-е гг. при постепенном пе-

---

<sup>2</sup> Казанская земля в лице князей, уланов, мурз и др. по такой схеме должна была «служить впредь... до своих животов» (т.е. пожизненно). См. Никонская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 54.

<sup>3</sup> Отношения между Османской империей и Крымским ханством также определяются как протекторат, причём новых ханов также утверждали в Стамбуле, и они должны были участвовать в войнах султана. Однако, два государства в течение почти трёх веков такого сосуществования не вели друг с другом постоянных ожесточённых войн. К тому же сказывалась языковая, культурная и религиозная близость Крыма и Османской империи; в московско-казанских отношениях культурный, языковой и религиозный факторы только углубляли разрыв.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

переходе военно-стратегической инициативы к русской стороне, переходе Москвы от обороны к наступлению; и период «протектората», начавшийся в 80-е гг. Рассматриваемые нами московско-казанские войны периода правления Василия III приходятся на третий этап русско-казанских отношений, когда они определялись растущим сопротивлением казанского населения (конечно, не всего – но очень редко какое-либо движение имеет поддержку 100% членов социума) русскому влиянию, а также усилением экспансионистских настроений в отношении Среднего Поволжья с русской стороны.

Для истории московско-казанских отношений 1505 г. стал поворотным. Если во второй половине XV в. Москва сумела установить свой протекторат над ханством и отношения между населением двух государств оставались мирными, то в 1505 г. казанцы громко заявили о неприятии власти иноземцев и иноверцев. Несмотря на последовавшие вслед за прекращением войны полтора мирных десятилетия, после возведения на казанский трон нового московского ставленника (1519 г.) и его изгнания крымским царевичем (1521 г.), началось жёсткое противостояние между двумя государствами, закончившееся уничтожением казанской государственности. В этом отношении конфликт, начавшийся в 1505 г., стал определяющим для дальнейших отношений двух государств.

Начало новой эскалации насилия в отношениях двух государств связано с Василием III, о моральных качествах которого уже говорилось. Хотя московско-казанские отношения определялись более объективными и глобальными факторами, чем личность правителя, но и это оказывало влияние. Конечно, правление Василия III (при его характере и методах управления) нельзя назвать неудачным. Многие внутренние и внешние победы значительно укрепили Московское государство, и в целом в глазах подданных он выглядел защитником и опорой русского народа, тем более той его части, которая была заинтересована в военной экспансии. Тем не менее, восприятие внешней политики Василия III в современном ему русском обществе было не таким однозначным, как может показаться на первый взгляд. Так, известна критика в адрес великого князя от дипломата и государственного деятеля И.Н. Беклемишева Берсеня, считавшего, что Василий III сам провоцирует вражду с соседними

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

государями, включая казанского царя<sup>4</sup>. Опасения из-за постройки в 1523 г. на казанской территории Василь-города (Васильсурска) вроде бы высказывали и некоторые представители служилых князей Ярославских<sup>5</sup>.

Нам видится, что новая эскалация насилия в русско-казанских отношениях XVI века была следствием двух ошибок Ивана III и Василия III. Первый из них злоупотреблял своим влиянием на ситуацию в ханстве – менял ханов, требовал от них войска, вероятно, брал какие-то «дани» и пошлины с населения. Второй – даже после войны 1505–1506 гг. – упорно стремился вернуть соседей под свою власть (что, фактически, Василию Ивановичу удалось сделать в последние годы жизни). Второй ошибкой венценосных отца и сына стало крещение всех находившихся у них «под рукой» представителей династии Улу-Мухаммеда, из-за чего после смерти Мухаммед-Эмина в 1518 г. на трон Казани пришлось сажать Шах-Али, что привело к резкому ухудшению отношений с казанцами и крымцами. Однако отношения между двумя государствами и без этого были далеки от дружественных.

В историографии давно выделен ряд факторов, определявших конфликтный характер московско-казанских отношений<sup>6</sup>. Перечислим их.

1. Острый интерес московской верхушки и дворянства к плодородным землям Среднего Поволжья. Данное положение было сформулировано ещё в первые годы советской власти М.Н. Покровским и его многочисленными последователями<sup>7</sup>. По мнению Э.С. Кульпина, одной из главнейших причин завоевания Казанского ханства было резкое сокращение земельного фонда Московского

---

<sup>4</sup> Отрывок следственного дела о Иване Берсеневе и Федоре Жареном, с допросами старцу Максиму Греку и келейнику его Афанасию [февраль 1525] // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. Том 1. №172. С. 144.

<sup>5</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 33.

<sup>6</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 15–70.

<sup>7</sup> В рамках этой концепции московско-казанские войны вообще однобоко объяснялись желанием русского феодального класса захватить плодородные земли Среднего Поволжья.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

государства к концу XV в.<sup>8</sup> Плодородная земля была нужна не только для повышения налоговых выплат, но и для содержания многочисленного поместного войска, значительная часть которого постоянно испытывала экономическую нужду и не могла выезжать на службу в полной боеготовности<sup>9</sup>.

2. Конкуренция между русским и татарским купечеством; заинтересованность Москвы в контроле над всем волжским торговым путём (и Казани – в его сохранении соответственно). О борьбе русских и татарских купцов на восточных рынках и за контроль над волжским торговым путём писали, например, М.Н. Покровский, Н.Н. Фирсов, Г.В. Вернадский<sup>10</sup>.

С критикой положений о заинтересованности русских бояр, дворян и купечества в казанской земле и волжском торговом пути, выступает, например, А.Г. Бахтин, указывающий, что даже после 1552 г. основная часть земель осталась за местными жителями, русским помещикам и крестьянам выделялись пустующие земли (тем более, что пустующих земель в ходе завоевания края становилось всё больше – И.Б.), помещики в основной массе не желали перебираться в Казанский край, активная крестьянская колонизация началась лишь в середине XVII в., а сочинение И. Пересветова («идеолога» завоевания «подрайской Казанской земли») и вовсе предполагало в конце отмену поместных жалований; кроме того, отмечается существенное снижение значения волжской торговли<sup>11</sup>. Однако не нужно сводить корыстные интересы только к нуждам развития поместного землевладения. Присоединение новых «землиц» и «языков» (народов) не только повышало статус Московского государства на международной арене и в собственных глазах его населения, но и значительно увеличивало поступления в казну<sup>12</sup>.

---

<sup>8</sup> Кульпин Э.С. Золотая Орда. С. 114 – 127.

<sup>9</sup> Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 139.

<sup>10</sup> Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь. С. 15–17.

<sup>11</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 16–18, 51– 52.

<sup>12</sup> О том, насколько казанские земли были интересны русским властям и землевладельцам говорит и то, что земельные и иные пожалования в Казанском крае Иван Грозный начал раздавать уже в октябре 1552 г. См.: Ермолаев

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

Красноречиво об этом говорит завоевание Астрахани и Сибири. Также не следует недооценивать значение торговли по Волге (даже в XIX в. волжский торговый путь приносил большую прибыль, что позволило Нижнему Новгороду с его ярмаркой именоваться «карманом России»). О важности контроля над Волгой говорит и последовавший за взятием Казани захват Астраханского ханства<sup>13</sup>. Кроме того, Волга (в т.ч. в нижнем течении) была важна для русских людей и как источник ценных видов рыбы. Многочисленные русские рыбаки издавна промыслили на средней и даже нижней Волге<sup>14</sup>. Некоторая задержка в массовой колонизации края русскими переселенцами выглядит естественной в условиях постоянных восстаний (Черемисских войн) и враждебности местного населения.

3. Развитые работорговля и рабовладение на «Востоке» и желание нажиться на русских рабах у части казанской элиты; как следствие – постоянные набеги казанцев.<sup>15</sup> Хотя можно усомниться, что данная проблема действительно имела такой масштаб, как представляют это официальные летописи и многие исследователи, объявляя тем самым казанцев агрессорами, а московских правителей – защитниками русского народа. Нельзя придавать большого значения фактору работорговли, как это иной раз делается, исходя из чисто теоретических соображений<sup>16</sup> или картин казанских набегов на русские окраины<sup>17</sup>, поскольку автоматически переносить на «Казанское царство» практику Крымского ханства и Ногайской Орды некор-

---

И.П. Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хронологический перечень документов). Казань, 1980. С. 6–7.

<sup>13</sup> Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. С. 147–177.

<sup>14</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. С. 33.

<sup>15</sup> Этот фактор считал важным, например, М.Г. Худяков, в целом симпатизировавший казанцам, сопротивлявшимся московским «колонизаторам».

<sup>16</sup> Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 43, 99.

<sup>17</sup> Например, с такой формулировкой: «Характер казанских вторжений свидетельствует о том, что эти набеги проводились с целью грабежа имущества и увода для дальнейшей продажи в рабство в восточные страны многочисленных пленных» [Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 179, 266]. При этом характер русских набегов на литовские и ливонские земли, хорошо отраженный в многочисленных источниках, ничем не отличается от казанских набегов.



## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

ректно. Крымские татары и ногаи регулярно совершали набеги на пограничные уезды Московского государства и поветы Великого княжества Литовского, о чём однозначно говорят русские, литовские и польские источники. Однако, большие походы крымские татары предпринимали с более глобальными целями<sup>18</sup>. В случае же с Казанским ханством источники позволяют уверенно говорить об уводе значительного полона лишь во время войн с Московским государством, а не о ежегодных набегах (к тому же людей не только полонили, но и в большом количестве убивали, что было бы невыгодно работорговцам, но может объясняться совсем иными причинами войны, чем работорговля). Другое дело, что московско-казанские войны были частыми. Захват полона и вывод его в свои земли был обычной практикой того времени для русских людей и литовцев, однако никто не говорит о развитой работорговле и влиянии её на политику в этих государствах. Во время войн с Великим княжеством Литовским, Ливонией и Швецией русские ратники тоже приводили к себе в поместья тысячи пленников из литовцев, русинов<sup>19</sup>, латышей, немцев, которые оседали там на положении холопов<sup>20</sup>. Приводили они и казанский полон, о чём будет сказано ниже. Обычной стратегией того времени было разорение территории противника, убийство или увод населения. Так по возможности поступали ратники всех государств того времени. Сколько-нибудь заметные вторжения казанцев наблюдаются также только время войн, которые (как и в московско-литовских отношениях) начинались по более веским причинам, чем пограничные инциденты. При-

---

<sup>18</sup> Случаи сбора многочисленного ногайского войска (по ряду причин) единичны.

<sup>19</sup> Потомки западной *русси* – предки белорусов и украинцев, жители Великого княжества Литовского.

<sup>20</sup> Например, в 1564 г. российское войско повоевало «литовские места» (в совр. Могилёвской обл. Беларуси), при этом убив многих местных жителей и уведя в полон ещё 4787 человек [Дополнения к Никоновской летописи // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 385]. См.: Рюсов, Бальтазар. Ливонская хроника. С. 299; Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков. С. 264; Акчурина М.М., Басманцев Д.В., Кочетков В.Д. О службе и жалованиях свияжского князя Тугуша Девлет Бахтыева во второй половине XVI в. С. 57; Моисеев М.В. Латышки Василия Ржевского. С. 414–418.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

чём численное превосходство позволяло русским ратникам увести гораздо больше людей, чем это могли сделать казанцы. Регулярно за полоном приходили степняки (ногаи и крымские татары), но их кочевья в то время оставались практически недосыгаемы для русских войск, в отличие от Среднего Поволжья, ставшего объектом периодических вторжений с запада ещё в XIV века. Несколько раз в источниках упоминаются грабительские набеги черемисов на северные лесные уезды, но нет оснований представлять их аналогом непрекращающейся на степных «украинах» охоты на людей со стороны степняков. Это скорее похоже на обычные для московско-литовских отношений пограничные «шкоды», которые чинили друг другу жители «украин»<sup>21</sup>. Добавим тут, что по заявлению московских дипломатов в 1535/1536 г., набеги на русско-казанских украинках были взаимными, причём с московской стороны в них участвовала мордва, а с казанской – черемисы<sup>22</sup> (хотя говорилось это литовцам с целью представить ситуацию на восточной границе в более благоприятном виде, тем не менее, вполне вероятно допустить, что набеги через Суру были двусторонними). В конце концов, казанцам гораздо безопаснее и легче было добывать ясырь (полон) в Перми и Приуралье<sup>23</sup>, чем провоцировать могущественного соседа, только за первую треть XVI в. от 3 до 5 раз подходившего к столице и наносившего большой урон её посаду и всей Горной стороне. Более того, известны случаи, когда христианских рабов казанцы покупали у астраханцев<sup>24</sup>. Так что причины конфликтов были более

---

<sup>21</sup> Кром М.М. Стародубская война. С. 18; Филошкин А.И. Василий III. С. 114.

<sup>22</sup> Посылка от находившагося в литовском плену князя Фёдора Васильевича Овчины-Телепнева-Оболенского... // Сборник РИО. Т. 59. СПб., 1887. №3. С. 26.

<sup>23</sup> Однако, и на севере казанцы сталкивались с растущим влиянием Москвы, собиравшей с местного населения ясак.

<sup>24</sup> Между 1499 и 1505 г. на обратном пути в Каффу из Московии был захвачен ордынцами старец Герасим, продан в Астрахань, оттуда – в Казань, позже был выкуплен русскими людьми [Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. С. 202]. Упоминаемый в летописи за 1469 г. литовский и рязанский полон в Казани [Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 12. С. 122] также говорит о покупке рабов

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

серьёзными, чем работорговля. О неразвитости рабовладения и работорговли в Казанском ханстве пишут и некоторые другие историки<sup>25</sup>.

4. Религиозные различия и противоречия. Великое княжество Московское – христианское государство (единственная православная держава в то время), а Казань – царство «нечестивцев», клятвоотступников, которое иногда выступало в качестве «бича божьего» для христиан, но всё же должно было пасть перед православным царём. Казанский вариант: Великое княжество Московское – царство неверных. Церковь активно подключилась к идеологическому обоснованию казанских войн позже, в 40-е гг.<sup>26</sup>, однако и раньше религиозная составляющая войны в обществах, многие сферы жизни которых были теснейшим образом связаны с религией (христианством и исламом), должна была ощущаться. Трудно оценить степень влияния религиозного фактора и особенно религиозного фанатизма и нетерпимости на московско-казанские отношения: его не стоит недооценивать, как и переоценивать.

5. Борьба за Пермскую и Вятскую земли, причём данный вопрос неоднократно вставал на протяжении всей истории московско-казанских отношений. Более многочисленные и сильные русские люди проникали всё дальше на северо-восток, строили там городки, основывали деревни и сёла, тем самым лишая казанцев источника поступления пушнины и других ценных ресурсов (в том числе, вероятно, соли и меди<sup>27</sup>). Хан Ибрагим пошёл на конфликт с Иваном

---

у степняков (в крайнем случае, это могли быть люди, захваченные ордой Улу-Мухаммеда ещё до прихода на Среднюю Волгу).

<sup>25</sup> Алишев С.Х. Казанское ханство: возникновение и развитие. С. 195, 196; Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству. С. 164, 165.

<sup>26</sup> Ерусалимский К.Ю. Исторические *exempla* Посольского приказа. С. 319.

<sup>27</sup> Прикамье было важным источником поступления соли булгарам ещё в домонгольский период [История татар. Т. 2. С. 327]. В XV–XVI вв. соль добывалась и значительно западнее – в занятых русскими районах (соледобыча отразилась и в названии городка Соль Галичская). Примечательно замечание Герберштейна, что после переноса Василием III в 1524 г. русского торгового пункта из Казани в Нижний Новгород казанцам пришлось туго, поскольку всю соль они получали якобы только от русских купцов [Герберштейн С. Записки о Моско-

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

III из-за Вятки. Его сын Мухаммед-Эмин, посаженный на казанский трон в 1487 г. Иваном III, вынужден был послать войско в помощь московским воеводам, когда те окончательно привели Вятский край под власть московского государя, что воспринималось казанской элитой очень болезненно спустя десятилетия. Герберштейн писал, что Вятка ранее подчинялась татарам<sup>28</sup>. Даже в начале 1540-х гг. казанский хан Сафа-Гирей сообщал в письме великому князю литовскому, что он «вернул» Нократскую землю (Вятку<sup>29</sup>), платившую прежде дань казанским ханам<sup>30</sup> (в действительности он только разорил её набегами). Таким образом, казанские набеги в северном направлении являлись попыткой компенсировать присоединение Вятки к Русскому государству; удары же по северо-западному направлению логично рассматривать как направленные на затруднение связи Вятки с центром и как попытку воспрепятствовать наплыву новых русских поселенцев на вятские и пермские земли. Отдельно отметим очень вероятное недовольство марийцев расселением по левому берегу Волги русских людей, вытеснявших их с исконных мест проживания (в XIV в. – с Ветлуги).

6. Особенности политической элиты Казани, её раскол на «фракции» и их борьба между собой. В отличие от Москвы, в Казани исторически сложилось несколько группировок знати, интересы которых были прямо противоположны: одни хотели торговать с Русью и жить в мире, а также не иметь жёсткой власти хана (что обеспечивалось постоянным вмешательством со стороны Москвы и русским контролем над ханами<sup>31</sup>), другие – напротив, – желали иметь полный контроль над Волгой, торговать с «Востоком», в том числе христианскими рабами. Отсюда возник маятник во внешней поли-

---

ви. С. 179]. Хотя оставался ещё астраханский канал поступления соли. По крайней мере, в домонгольский период булгары получали медь в первую очередь из Среднего и Верхнего Прикамья, из центров родановской культуры коми [История татар. Т. 2. С. 260].

<sup>28</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 162.

<sup>29</sup> Нократ – татарское наименование р. Вятки.

<sup>30</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 257.

<sup>31</sup> Куда закономерно приводила такая политика, хорошо видно на примере Пскова.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

тике (между Москвой, Крымом и Ногайской Ордой). Кроме того, уже в «докрымский» период истории могло иметь место противоборство местной знати с пришлой татарской, тем более борьба обострилась после прихода с Гиреями крымцев.

7. Исторические «права» и исторические опасения Москвы и Казани. Для Москвы ханство было осколком ненавистной Золотой Орды, источник потенциальной военной опасности (а ещё за четверть века до рассматриваемых нами событий являвшаяся источником угроз вполне реальных – дед Василия III, Василий Тёмный был разгромлен и пленён казанскими «царевичами») <sup>32</sup>. То, что болгарские мусульмане и черемисы имели к монголам и степным татарам весьма отдалённое отношение, было несущественно: в эпоху, когда государство считалось собственностью (вотчиной) правящего семейства важно было то, что в Казани правят «цари» из рода сарайских ханов. Подчинение Казани в 1487 г. силой русского оружия и возведение на казанский трон царей при Иване III, вероятно, было не просто обоснованием права Василия III, а затем и Ивана IV вмешиваться в казанские дела и посылать против ханства войска в наказание за «измены» (подробнее см. ниже). По понятиям того времени завоевание земли и государства, и «пожалование» их кому-либо во владение могли считаться достаточными основания для того, чтобы считать себя верховным владельцем и этой территории, и этого лица. Соответственно, любые попытки ханов и их окружения, а также «всей земли Казанской» проявить самостоятельность зако-

---

<sup>32</sup> Известный современный историк А.И. Филюшкин об этом выразился следующим образом: «Речь идёт о такой важной составляющей русской политической культуры, как стремление преодолеть вековой комплекс неполноценности..., вытекающий из трёхсотлетнего татарского ига. Причём преодолеть своеобразно: через унижение былых господ, через разгром и порабощение соседних татарских государств. Достичь собственной мощи и величия через втоптывание татар в грязь, через месть за древнее иго – это была целая политическая программа того, как сделать Россию подлинным православным царством... Другое дело, что, как это всегда бывает, по счетам Золотой Орды заплатили «не те татары» – и казанских, и астраханских, и крымских татар нельзя назвать прямыми виновниками порабощения Руси в XIII–XIV веках, все они вышли на историческую арену позже. И для них русское нападение было несомненной агрессией» [Филюшкин А.И. Василий III. С. 146].

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

номерно воспринимались в Москве как «измена». Для казанских ханов Москва была недавней данницей Орды, (основатель ханства и прадед Мухаммед-Эмина, Улу-Мухаммед, когда-то сам давал ярлык на великое княжение Василию Тёмному), а также (начиная с 1467 г.) источником военно-политической угрозы.

Отдельно нужно отметить причины недовольства казанцами русским «протекторатом» (1487–1505 гг.).

Во-первых, экономический фактор: ограничения свободы торговли с Русью и мордвой для казанских купцов (её следовало вести только через Нижний Новгород, выплачивая там за это пошлины); некие иные пошлины, взимаемые агентами русского государя с населения казанских земель (см. жалобы Мухаммед-Эмина на князя Киселёва, бравшего пошлины с цивильских жителей<sup>33</sup>), иногда трактующиеся как дань Москве; возможно, действительная выплата дани (о том, что казанские татары выплачивают дань московскому «светлейшему князю», писал посетивший Московское государство в 1518–1519 гг. Франческо де Колло<sup>34</sup>). Положение казанских людей усугублялось зависимостью экономики ханства от Московского государства<sup>35</sup>.

Во-вторых, сам факт того, что иноземный правитель-кафир меняет по своему усмотрению мусульманских ханов, определяет их внешнюю и внутреннюю политику. В летописях и дипломатической документации московская сторона неоднократно и недвусмысленно заявляла о праве великого князя по своей милости сажать казанских царей на царство и менять их. Нет оснований считать, будто казанцы воспринимали такое положение менее негативно, чем русские

---

<sup>33</sup> Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. С. 31; Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству. С. 155.

<sup>34</sup> Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. С. 62. Интересно, что в Никоновской летописи говорится об обязательстве населения ханства давать «прямые» ясаки великому князю «как было при Магмеделиме царю» [ПСРЛ. Т. 13. С. 221–222]. Часто это трактуется как установление размера ясака на уровне времён Мухаммед-Эмина. Но, может быть, имеется в виду выплата дани великому князю в тот период?

<sup>35</sup> Казанцы не чеканили свою монету, а пользовались русскими деньгами. Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. С. 192.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

люди XV в. (см. эпизод с освобождением из татарского плена Василия II и приводом им на Русь служилых татар<sup>36</sup>).

В-третьих, как предположил М.А. Несин, вероятно имело место недовольство казанской служилой знати и аристократии требованием их участия в войнах Московского государства (взятие «казанской» Вятки в 1489 г., поход в степь против Большой Орды в 1491 г.<sup>37</sup>; сюда же можно добавить участие Мухаммед-Эмина, временно лишённого казанского трона, в войне с литовцами и Большой Ордой в 1500–1501 гг.). Об обязанности казанцев участвовать в войнах великого князя писал и де Колло<sup>38</sup>. Как мы ранее предположили, смещение Абдул-Латифа (и замена его на Мухаммед-Эмина в 1502 г.) могло быть вызвано, в том числе, его отказом участвовать в войне Москвы с Великим княжеством Литовским и Ливонией<sup>39</sup>. Отметим, что эта обязанность «казанских людей» прослеживается и позже, в правление в Казани очередного московского ставленника – Джан-Али (1532–1535 гг.)<sup>40</sup>.

Русская сторона причинами войн первой трети XVI в. объявляла именно «нечестивость» и «неверность» казанцев, что проявлялось в нарушение ими шерти (присяги) великому князю с сопутствующими нападениями на русские земли, избиением русских купцов и другими эксцессами. То, что это могло быть вызвано неприятием русского «протектората», в Москве не принимали во внимание: раз в 1487 г. Иван III возвёл на трон казанского царя, значит, и

---

<sup>36</sup> После поражения под Суздалем в 1445 г. великий князь был отпущен за большой выкуп и принятие на службу «царевичей» Касима и Якуба с несколькими сотнями служилых татар. По слухам, пущенным политическими противниками Василия, он даже отдавал города в кормление татарам, а Москву – татарскому царю. Всё это привело к беспорядкам и облегчило свержение Василия II [Новгородская четвёртая летопись. Вып. 2 // Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Л., 1925. С. 443; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. С. 264–266].

<sup>37</sup> Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 274; Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. С. 50.

<sup>38</sup> Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. С. 62.

<sup>39</sup> Илюшин Б.А. Мухаммед-Эмин – «царь» Казанский. С. 81.

<sup>40</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 231.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

все последующие цари и их царство должны быть покорны великому князю. Вряд ли стоит сомневаться в том, что Василий III снарядил бы военную экспедицию против «взбунтовавшейся» Казани, даже если бы казанцы не сопровождали свои «измены» нападением на русские земли.

Великое княжество Московское являлось стремительно усиливающимся экспансионистским государством, продолжившим начавшиеся ещё в XII в. попытки владими́ро-суздальских князей установить контроль над Средним Поволжьем. Сам характер межгосударственных отношений в те времена практически исключал длительное мирное сосуществование, и чаще всего предполагал стремление к расширению и поглощению соседа более сильным государством<sup>41</sup> — хотя бы для того, чтоб отодвинуть беспокойную границу с соседями подальше от своего центра, и из необходимости наращивать ресурсы в отсутствие развитой товарной экономики (путём захвата новых земель и налогоплательщиков), а также для прокорма многочисленного служилого сословия, для которого В.В. Пенской считает подходящим выражение *vivere est militare* («жить — значит сражаться»)<sup>42</sup>. У кого имелись ресурсы и кому позволяли социально-экономические, демографические, политические и др. факторы, тот осуществлял экспансию. Ресурсов же Казанского ханства уже в последней четверти XV в. хватало только на объясачивание Перми и Вятки, но не на экспансию против соседних государств. Поэтому в силу этих обстоятельств завоевание Казанского ханства было неизбежным. Ещё более показав

---

<sup>41</sup> Как выразился по этому поводу татарстанский историк Б.Р. Рахимзянов, «к сожалению, мирных государств не бывает, бывают те, которые не могут позволить себе быть агрессивными и экспансионистскими... Не хочу сказать, что это хорошо, но мы живем в «перевернутом» мире, которым правят далеко не силы добра. Причина — в присущей человеческой природе агрессии... Особенно актуально сказанное относительно средних веков, когда... человеческая жизнь почти совсем не ценилась. Прямая ссылка на покорение какого-либо государства «саблею» (в результате военного захвата) считалась в средневековом мире абсолютно легитимным обоснованием права владения, а сам захват — позитивным действием. Военное объяснение не считалось бесчестным, наоборот, оно являлось добродетельным и уважаемым» [<https://realnoevremya.ru/articles/118910-istorik-bulat-rahimzyanov-o-mify-o-kazanskom-hanstve-chast-2>].

<sup>42</sup> Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 133, 138–139.



## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

тельны в этом отношении примеры Астраханского ханства (общая слабость этого улуса и его в целом мирные отношения с Москвой не спасли его от завоевания) и государственных образований и этнических групп Сибири, которые никоим образом не угрожали Русскому государству, но также были подчинены и обложены податями (в основном не без прямого насилия)<sup>43</sup>. Шестнадцатый век был временем зарождения русской «континентальной» империи<sup>44</sup>, но начало этого процесса приходится на вторую половину XV в., когда Иван III, присоединив к Великому княжеству Московскому Новгород и Тверь и сосредоточив в своих руках ресурсы всех восточно-русских земель, начал экспансию в сторону Великого княжества Литовского и подчинил Казань (1487 г.), приняв после этого титул князя Болгарского<sup>45</sup>. Уже этот факт сам по себе указывает на то, что идея подчинения Среднего Поволжья возникла гораздо раньше 40-х гг. XVI в. (как это нередко указывается в историографии<sup>46</sup>). Титул государя – предмет очень значимый. Включение в его состав фрагмента «всёя Руси» привело к долгой расправе с литовцами и являлось отражением политической программы. Столь же важным казалось уже Ивану III и его дипломатам неперемное упоминание в титуле Булгарской земли и града Казани, будто она уже непосредственно подчинена великому князю<sup>47</sup>. Нет причин сомневаться, что в случае сохранения русского протектората над Казанью, ханство ждала участь «великих княжеств» Тверского, Рязанского, новгородской и псковской вечевых «республик»<sup>48</sup>.

---

<sup>43</sup> Причём Московское государство развернуло военную активность на Урале и в бассейне Нижней Оби ещё в XV в. См., например: Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 275–276; 291.

<sup>44</sup> Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. С. 73–79 (см. список литературы).

<sup>45</sup> Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. С. 183; Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. С. 86–87.

<sup>46</sup> Худяков С.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 124.

<sup>47</sup> Сборник РИО. Т. 35. С. 473. Примечание к документу №81.

<sup>48</sup> Причём со всеми соответствующими процессами – насильным выселением местных элит, испомещением великокняжеских детей боярских, внедрением московских законов, назначением великокняжеских наместников.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

В наиболее категоричной форме чаяния части подданных Московского царства о захвате Казанского края уже после кончины Василия III, в правление его сына Ивана Грозного<sup>49</sup>, выразил публицист Иван Пересветов: «Есть ли хотети, взем Бога на помощь, Казанскаго царства добыти, ино себя не пощадити ни в чем, послати войско на Казань, возрадивши им сердца, воинником своим царским жалованием и алафою и приветом добрым; а иныя воинники удалыя послати на улусы казанския, да велети жещи и людей сечи и пленити, да Бог помилует и помощь свою святую даст. И возмет их да и крестит, то и крепко. Да слышал есми про ту землицу, про Казанское царство, у многих воинников, которыя в том царстве в Казанском бывали, что про нея говорят, применяют ея подрайской земли угодием великим. Да тому велми дивуемся, что таковая земля не велика, велми угодна, у такового великаго у силнаго царя под пазухою, а в недружбе, а он ей долго терпит и кручину от них великую принимает; хотя бы таковая земля и в дружбе была, ино бы ея не мочно терпети за такое угодие»<sup>50</sup>. И хотя некоторые исследователи не считают, что в сочинении Ивана Пересветова подразумевается непосредственный захват казанской земли и раздача её в уделы детям боярским<sup>51</sup>, данный пассаж не даёт повода усомниться в намерениях радикально настроенной части русского общества: население посечь, оставшихся насильно крестить, а землю – эксплуатировать<sup>52</sup> (собственно, не принципиально как – взывая налоги в казну или раздавая непосредственно дворянам и крестьянам)<sup>53</sup>.

---

<sup>49</sup> Вне зависимости от того, был ли Василий III его генетическим отцом, Иван был официально признанным сыном и наследником престола.

<sup>50</sup> Пересветов И.С. Большая челобитная. С.182.

<sup>51</sup> Бахтин А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России. С. 52–72; Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству. С. 232.

<sup>52</sup> Причём захват края предполагался даже если бы Казань была в дружбе с великим князем.

<sup>53</sup> В то же время, в отношениях с другими тюркскими государствами – Крымским ханством и Ногайской Ордой, Великое княжество Московское было стороной обороняющейся. Причём именно необходимостью защиты южных «украин» от набегов определялась русская политика в отношениях с ногаями и Крымом вплоть до XVIII в., поскольку лишённое инфраструктуры и

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

Тем не менее, вопрос о том, насколько широкую поддержку наступательные войны с Казанью находили среди широких слоёв русского общества, вряд ли можно решить. Как отмечает А.В. Аксанов, «нет никаких сведений, подтверждающих соответствие умонастроений русского общества официальной идеологии...» и «мы можем лишь догадываться о том, как «казанское дело» Ивана IV осознавалось большинством крестьян, горожан и духовенства». Источники позволяют говорить наверняка о заинтересованности в этом лишь части служилого сословия и верхушки духовенства (что, впрочем, и так было достаточно для московского правительства, поскольку великокняжеская власть не зависела напрямую от волеизъявления народа)<sup>54</sup>. Можно отметить и слова Ивана Грозного о том, что служилые люди в казанские походы ходили нехотя: «Бывали ли такие походы на Казанскую землю, когда бы вы ходили не по принуждению? Но всегда, словно в тяжкий путь отправлялись?»<sup>55</sup> (впрочем, контекст заявления и характер источника предполагает преувеличено-субъективный характер такой оценки; к тому же сам же царь противопоставляет современным ему военным деятелям их отцов и дедов, что самоотверженно и с охотой шли в походы как раз в правление Василия III).

Таким образом, экспансия в Среднее Поволжье хоть и имела немалую поддержку среди разных слоёв населения Московского государства, вряд ли её одобрение было близким к всеобщему. Впрочем, не нужно сводить этот процесс к проявлению чьей-то воли, толковать его в волюнтаристском ключе; подчинение Московскому царству Казани, Астрахани, Сибири и др. земель определялось всем ходом исторического процесса, особенностями социально-политической и экономической эволюции народов Восточной Европы и географией.

Предпринятый нами ниже анализ театра военных действий, помимо ряда чисто военных моментов, показывает, что московско-

---

постоянного земледельческого населения «Дикое поле» было малопривлекательным для русской колонизации.

<sup>54</sup> Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь. С. 34.

<sup>55</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII – XVI веках. С. 408; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 146.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

казанские войны наносили гораздо больший ущерб казанской стороне – не только из-за численного перевеса русских людей, но и по причине ущерба наиболее экономически важным регионам – Горной стороне и столичной округе. В то же время казанские походы до второй половины 30-х гг. XVI в. затрагивали только сравнительно малонаселённые окраины Московского государства, в экономическом и демографическом плане сильно уступавшие центральным, западным и северо-западным уездам.

### 2. Стратегия, внешнеполитические и военные доктрины сторон

Идеологическое обоснование внешней и внутренней политики Российского царства (и московско-казанских отношений в частности) является интересной и обширной темой, углубление в которую увело бы нас далеко от основной тематики нашей работы<sup>56</sup>. Поэтому ниже мы только в общих чертах охарактеризуем вопросы правового и идеологического осмысления казанских войн русскими книжниками и дипломатами вместе с рассмотрением стратегий великого княжества и ханства.

#### *Московское государство*

Как пишет специалист по военному делу Московского царства В.В. Пенской, в XV – первой половине XVI вв. основным направлением военной экспансии Москвы было западное – литовское. Другие направления, в том числе южное и юго-восточное (татарское)

---

<sup>56</sup> Этому вопросу посвящена, например, вышедшая в 1974 г. на английском языке книга Ярослава Пеленского [Pelenski J. Russia and Kazan: conquest and imperial ideology (1438–1560). Paris, 1974. 380 с.]. Историк выделил в вопросе идеологического обоснования прав великих князей и Московского государства на Казанское царство такие аспекты, как факт инвеституры (возведение великими князьями казанских царей на трон, «дарования» им владения за выражение покорности) [Р. 65–75], обоснование вотчинных прав великих князей на Казанскую землю [Р. 76–87], историческое, династическое и «национальное» обоснование казанского завоевания («Казань как русская земля») [Р. 88–138]. Отдельно рассмотрены обоснование русскими книжниками преемственности между Булгарией и Казанским ханством [Р. 139–176] и вклад Церкви в идеологию Казанского взятия [Р. 177–282].

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

были до определённого времени второстепенными, и ограничивались в основном активной обороной. «Противостояние с татарами... долгое время носило второстепенный характер. Меры, которые Москва предпринимала на этом направлении, должны были создать необходимые условия для победы над старинным врагом – Литвой, ну и предупредить возможное усиление одного из юртов – возрождение Золотой Орды, пусть и в ином, чем прежде, обличье московских государей никак не устраивало»<sup>57</sup>. Опасения возрождения Золотой Орды, вероятно, существовавшие в восточно-русском обществе, А.Г. Бахтин назвал «ордынским синдромом»<sup>58</sup>.

Соглашаясь с этими утверждениями, мы всё же заметим, что в отношении Среднего Поволжья с конца 1460-х гг. также велась экспансия, пусть и по остаточному принципу (на первом месте стояла задача подчинения западнорусских земель). Этому способствовали относительная многочисленность местного населения, наличие инфраструктуры и освоённость земель; именно такие территории (а не ничейные пустоши, требующие хозяйственного освоения) в первую очередь интересовали русскую правящую элиту – как на западе, так и на востоке (но не на степном юге, где лежало Дикое поле)<sup>59</sup>. Постепенное усиление русского влияния и давления на местную знать, купечество и, видимо, остальные слои населения, привели к закономерному отпору в 1505 г. Новые земли и контроль над торговым путём были очень желанным приобретением, так что стратегическая необходимость не допустить возрождения Золотой Орды под эгидой Крыма пусть и способствовала формированию в Москве активной наступательной позиции в отношении Казани, но не была определяющей, во всяком случае – единственной причиной войн с Казанью и трагедии 1550-х гг.

Вопреки утверждениям, что идея полного присоединения Казанского ханства возникла в Москве только в 40-е гг. XVI в.<sup>60</sup>, курс на завоевание Среднего Поволжья был взят гораздо раньше – с первыми наступательными войнами против казанцев (60–80-е гг.

---

<sup>57</sup> Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 134.

<sup>58</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 52.

<sup>59</sup> Филюшкин А.И. Василий III. С. 245.

<sup>60</sup> Худяков С.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 124.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

XV в.), что позже явно отразилось в титуле Ивана III, ставшим после подчинения Казани в 1487 г. не только великим князем Московским, но и государем Болгарским<sup>61</sup>. Причём, такой позиции не мешал тот факт, что Крымское ханство было союзником Москвы<sup>62</sup>. Титул, включающий притязания на суверенитет над «Болгарским царством», наследовал вместе со всей «вотчиной» (т.е. государством) Василий III<sup>63</sup>.

*В качестве отступления отметим, что по предположению Д.М. Исхакова, элемент «князь болгарский» мог попасть в титулатуру московских великих князей уже после присоединения Нижнего Новгорода в 1392 г., поскольку он включался в состав титула нижегородского князя Дмитрия Константиновича после походов в Булгарский улус 1370 и 1376 гг.<sup>64</sup> Так что миф о подчинении Булгара древнерусским князьям (см. ниже) мог основываться и на давности упоминания этого города в титуле московских и нижегородских князей.*

Военно-политические отношения Московского государства с разными пост-ордынскими юртами различались. Крымское ханство, до кончины Ивана III союзное Москве, было централизованным и имело многочисленное кочевое население (а значит могло выставить в поход 10–20 тыс. лёгких конных лучников при максимальной численности всех потенциальных комбатантов в 40–60 тыс.<sup>65</sup>), а также защищено от русского удара непреодолимыми (до XVIII в.) степями, что позволяло крымским ханам в течение почти трёх веков не просто враждебно относиться к Русскому государству, но постоянно разорять его окраины и время от времени совершать масштабные вторжения (в 1571 г. крымские татары даже сожгли Москву).

---

<sup>61</sup> Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. С. 183.

<sup>62</sup> Союз распался постепенно – по мере разгрома общего врага (Большой Орды в 1502 г.), смерти Ивана III (1505 г.) и Менгли-Гирея (1515 г.).

<sup>63</sup> Жалованная грамота жителям Смоленска [1514]. С. 22–26.

<sup>64</sup> Исхаков Д.М. Из истории титула «Булгарский князь». С. 47–48; Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. С. 188; «Местная» грамота нижегород. в. кн. Дмитрия Константиновича... // Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. № 307. С. 335.

<sup>65</sup> Пенской В.В. Военный потенциал Крымского ханств в конце XV – начале XVII вв. С. 57–59.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

Ногайская Орда была защищена от русских войск не хуже, чем Крым, всё её население было кочевым и в случае крайней опасности (как во время изгнания казахов или разгрома крымцев в 1523 г.) можно было собрать большое конное войско, однако децентрализация, личные, политические, экономические противоречия между представителями политической верхушки приводили к относительной военной слабости Орды (именно поэтому отношения ногайцев с Россией были куда более ровными, чем у крымцев – они просто не могли бы организовать походы, сопоставимые по масштабу с крымскими). Казанское ханство же, хотя и было централизованным, но власть хана была слабой, основное население – осёдлым, большей частью не приспособленным к войне, а Волга являлась очень удобным путём для русских ратей, с XIV в. время от времени разорявших западные и центральные области Булгарского улуса и Казанского ханства<sup>66</sup>.

Русская оборонная стратегия в отношении казанцев в первые два десятилетия сводилась к попыткам отбиться местными силами с последующей организацией карательного похода. Важным шагом в укреплении обороны на востоке была починка нижегородского кремля, видимо, начатая вскоре после образования Казанского ханства. Состояние Нижнего Новгорода после захвата его Едигеем и Улу-Мухаммедом не позволяло городу быть форпостом Руси на востоке. Однако к 1505 г. его укрепления были восстановлены, что позволило отбить нападение казанцев. В целом же, Москва быстро и радикально перешла к активному наступлению на ханство.

Кроме того, важное значение для обороны юго-восточной и восточной «украин» Московского государства имели разъезды из казаков – в первую очередь городецких (касимовских) татар. Первые сведения о них относятся ко второй половине XV в. Этносословная группа служилых татар возникла при Василии Тёмном, и при Иване Великом ещё сохраняла большое значение как для малой маневренной конной войны, разведки и диверсий, так и в качестве

---

<sup>66</sup> Эту разницу в степени защищённости Крыма и Казани от русских войск, и сравнительно лёгкую досягаемость последней для «длинной руки Москвы» (что в определённой мере сдерживало казанскую аристократию), отметил и В.В. Пенской [Военное дело Московского государства... С. 148].

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

ударной силы в крупных сражениях<sup>67</sup>. В свободное от походов время мещерские казаки (рядовые татары) разъезжали по степным и лесостепным окраинам, разведывали обстановку, перехватывали вражеские посольства<sup>68</sup>. Роль служилых татар как своеобразного пограничного патруля особенно возросла в 1530-е гг., когда они значительно затруднили дипломатические отношения казанцев с Крымом<sup>69</sup>.

В период русско-булгарских войн XIV – первой половины XV вв. московские и нижегородские «стратеги» ещё не использовали в военных действиях против восточных соседей судовые рати (что позже стало нормой в московско-казанских войнах), а традиционно ограничивались конницей. Это говорит о некотором консерватизме московского командования, ведь опыт ушкуйников был ему хорошо известен. Но уже в ходе походов второй половины XV в. русской стороной выработалась и закрепились наступательная стратегия, включающая отправку к Казани судовой (фактически пешей) рати по Волге (опционально – также по Вятке и Каме), и конной – берегом Горной стороны. Они должны были соединиться у Казани, после чего пешая рать с артиллерией осаждала город, а конная прикрывала её от атак казанской конницы и вылазок из города. Другой стратегией в отношении ханства было разорение Горной стороны (иногда Луговой). Тем самым наносился значительный экономический, демографический, а, в конечном итоге, и военный ущерб.

В правление Ивана III в Московском государстве утвердилась идея, что московские князья не завоёвывают чужие территории, а возвращают свои, принадлежавшие когда-то их предкам-Рюри-

---

<sup>67</sup> Илюшин Б.А. Служилые татары в военных походах Василия Тёмного и Ивана Великого (1430-е – 1505 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. №2(64). С. 5–11.

<sup>68</sup> Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Ивану Васильевичу // Сборник РИО. Т. 41. С. 175–176; Посольство от великого князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Константином Малечкиным // Сборник РИО. Т. 41. Док. 45. С. 202.

<sup>69</sup> Приезд в Москву к князю Ивану Фёдоровичу посланца от Юрия Николаевича Радвила [8 мая – 11 июня 1536] // Сборник РИО. Том 59. №4. С. 40; Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 20, 27.



## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

ковичам. Патримониальная (вотчинная) идеология стала универсальным источником легитимности и власти правителя внутри государства и его внешнеполитических притязаний. Эта идея использовалась не только в отношении русских земель в составе Великого княжества Литовского<sup>70</sup>, но и по отношению к Казанскому ханству. Василий III обосновывал свою политику в отношении Казани прежде всего тем, что его отец, Иван III брал Казань и неоднократно сам сажал там «царей» (ханов), в том числе Мухаммед-Эмина, который свою шерть «порушил». Как неоднократно заявляли русские послы литовцам в 1517–1525 гг., «царя государь наш на Казани посадил из своих рук потомуж, как государь наш князь великий Иван и государь наш великий Василей сажали на Казани наперед того царей из своих рук», а цари и царевичи «по тем местам» «жили жалованием» предков великого князя московского<sup>71</sup>. Нарушение же шерти величайшему правителю (каковым считали в Московском государстве только великого князя московского) и единственному православному государю уже рассматривалось как тяжкое преступление против миропорядка и было поводом для войны. Как отмечал Я. Пеленский, это была важнейшая теоретическая разработка московских дипломатов в обосновании претензий на Казань<sup>72</sup>. По-видимому, даже османский султан Баязид, обращаясь в 1500 г. к Ивану III, признавал его притязания на какую-то часть бывшего Джучиева улуса, или Кыпчакского царства, почему в послании назвал его государем русской, восточной и дештской сторон<sup>73</sup>. После изгнания из Казани в 1521 г., ставленник Москвы и бывший хан Шах-Али

---

<sup>70</sup> Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. С. 86–87.

<sup>71</sup> Отпуск из Москвы от великаго князя Василия Ивановича к магистру Прусскому Альбрехту Бранденбургскому гонца Александра Семенова Шерна [март – май 1520]. Сборник РИО. Т. 53. №21. С. 218; Посольство короля Польскаго и великаго князя Литовскаго Сигизмунда Казимировича к великому князю Василию Ивановичу с панами... [1517] // Сборник РИО. Т. 35. №85. С. 530–531; Посылка от великаго князя Василия Ивановича к королю Сигизмунду Казимировичу дворянина Федора Афанасьева [9 апреля – 10 июля 1525] // Сборник РИО. Т. 35. Док. 98. С. 695.

<sup>72</sup> Pelenski J. Russia and Kazan: conquest and imperial ideology. P. 65

<sup>73</sup> Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. С. 183.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

участвовал в походах 1523 и 1524 гг., придавая им, по мысли московских политиков, легитимность (великий князь, тем самым, выступался защитником законного казанского «царя»).

По предположению М.В. Моисеева, в обосновании права великого князя московского на Казань русские дипломаты отталкивались от текущей османской практики в отношениях с Крымом, а точнее от прецедента 1523 г. После убийства крымского хана и разгрома Крыма ногаями на крымский престол воссел Гази-Гирей, но османы его сместили, заменив на Саадет-Гирея. При этом в Москву из Стамбула было направлено сообщение, объясняющее эти действия тем, что Гази-Гирей воссел на трон и назначил калгу<sup>74</sup> без ведома султана. Таким образом, заключает М.В. Моисеев, параллелизм в московско-казанских и османско-крымских отношениях позволил московским дипломатам более активно использовать концепцию «изначальной принадлежности» Казани великим князьям в отношениях как с европейскими, так и с восточными правителями<sup>75</sup>.

Помимо прецедента инвеституры для оправдания экспансии против Казани московскими дипломатами и идеологами использовался конструируемый ещё с конца XV в. исторический миф о покорении Волжской Булгарии (с которой и отождествлялось Казанское ханство<sup>76</sup>) ещё первыми русскими князьями («а прежние великие князья русские от Рюрика обладающе и дани емлюще по Волге и до Хвалинскаго [Каспийского] моря и по Каме»; причём начало даннических отношений мифотворцы доводили до Всеволода III, Владимира Святого и даже легендарного Кия). По этой же концепции Астрахань объявлялась русским Тьмутараканским княжеством (которое в действительности занимало Таманский полуостров и маленький участок побережья на крайнем востоке Крыма). Впрочем, данная теория не была доработана до конца и использовалась в ди-

---

<sup>74</sup> Титул в Крымском ханстве, второй по значимости после хана.

<sup>75</sup> Моисеев М.В. Обоснование прав на Казанское ханство в русском средневековом нарративе. С. 398–399.

<sup>76</sup> Что видно даже по включению в титул Ивана III элемента «государь Болгарский».

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

пломатических отношениях ограничено<sup>77</sup>. Тем не менее, обращает на себя внимание, что даже тогда войны с Казанью требовали дополнительного идеологического обоснования.

*Уже после смерти Василия III к этим двум пунктам (мифическая вотчина Рюриковичей до Хвалынского моря и возведение на казанский трон ханов Иваном III и Василием III) добавился третий, вернее, четвёртый стал проговариваться: Казанское царство было взято силой оружия (в 1487 г.), и является собственностью московского князя по праву завоевания<sup>78</sup>. В данном случае, как явствует из московско-казанских отношений после 1505 г., это были только притязания, не подкреплённые действительным завоеванием.*

В Московском государстве имелось и религиозное обоснование войн. Утверждалось, что на великом князе, как на последнем суверенном православном государе, лежал священный долг защиты православной веры, церкви и «православного христьянства» (т.е. всех подданных) от еретиков и мусульман<sup>79</sup>. Соответственно, любое притеснение православных людей – как военное, так и иное – экономическое (например, против купцов на Волге), правовое (держание в рабстве, например) и т.д., рассматривалось как преступление против Бога. Однако отчётливо религиозное обоснование казанских войн оформилось только в 40-е гг. в церковной среде<sup>80</sup> при митро-

---

<sup>77</sup> Ерусалимский К.Ю. Исторические exempla Посольского приказа. С. 317; Моисеев М.В. Обоснование прав на Казанское ханство в русском средневековом нарративе. С. 396; Моисеев М.В. Политическая борьба казанской знати... С. 23; Филошкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. С. 111; Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. С. 84–85, прим. 70; Pelenski J. Russia and Kazan: conquest and imperial ideology. P. 98; Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. Ст. 3, 45; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 235–236, 251; Русский хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. Т. 22. Вып. 1. СПб., 1911. С. 388.

<sup>78</sup> Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны»... С. 237–238.

<sup>79</sup> Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 138.

<sup>80</sup> Ерусалимский К.Ю. Исторические exempla Посольского приказа. С. 319; Амеликин А.О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV – первой половины XVI вв. С. 14.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

полите Макарии и в публицистике (тема защиты, и, более того – распространения православного христианства в качестве исторической задачи московского государя высказывалась, например, в сочинении Ивана Пересветова<sup>81</sup>).

### *Казанское ханство*

Внешнеполитические и военные доктрины Казанского ханства нам, к сожалению, неизвестны. Думается, мы не ошибёмся, если предположим, что война против русских людей диктовалась и оправдывалась как чисто политически и экономически (нежелание подчиняться инородцам, их ставленникам, смотреть, как русские князья меняют ханов по своему усмотрению, недовольство русским купечеством и переселенцами на западных окраинах ханства), так и религиозными идеями – притеснение мусульман и какая-либо власть кафи́ров («неверных») над правоверным населением и правителями «земли ислама» (Дар аль-ислам) объявлялись богопротивными и требовали отпора в виде «священной войны» (газавата или джихада). От последних лет существования Казанского ханства даже сохранилось послание казанцев, направленное в Крым, где прямо указывалось и на религиозную трактовку войн с Москвой: «паки те врази наши [враги, т.е. русские] на войне нас победят, и мы тем раю достойни быти, с такою надежею жили есмя истиннаго Бога судьбами». И.В. Зайцев указывает на близость этого текста к отдельным аятам второй суры Корана (186–189, 247)<sup>82</sup>.

Не меньшее значение на пост-ордынском пространстве должен был иметь факт того, что правитель Казани – хан и потомок Чингизхана, а Чингизидам ещё несколько десятилетий назад подчинялись обширные земли Джучиева улуса, и русские князья были их данниками. Прадед Мухаммед-Эмина – Улу-Мухаммед сам давал ярлык на княжение деду Василию III, Василию Тёмному. Разумеется, это входило в противоречие с текущей политической обстановкой и многими могло считаться унижительным.

Наступательная стратегия татар Улу-Мухаммеда и Махмутека во второй четверти XV в. заключалась в стремительных набегах и

---

<sup>81</sup> Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика... С. 58–59.

<sup>82</sup> Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. С. 163–164.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

разорении сельской местности. По возможности татары старались захватить и удержать какое-то время русские города; по крайней мере, в 1445 г. (по некоторым сведениям – ещё и в 1439 г.<sup>83</sup>) они занимали Нижний Новгород. В 1445 г. непродолжительной осаде подверглась Москва. Судя по Ветлужскому летописцу (более позднему источнику), уже в 1439–1441 гг. северные черемисы под начальством наместника Улу-Мухаммеда потеснили русских колонистов в Поветлужье<sup>84</sup> (правда, можно усомниться в том, что те были полностью вытеснены из бассейна Ветлуги); если сведения источника соответствуют действительности, выходит, что уже в это время военно-политическая верхушка ханства предпринимает попытки привлечь к военным акциям нетюркских подданных (причём, видимо, используя для этого недовольство марийцев русскими колонистами, вытеснившими их с Ветлуги). В 1470-е гг. хан Ибрагим предпринял попытку наступления против другой колонизованной русскими людьми области – Вятки<sup>85</sup>.

Примечательно, что ханы и их военачальники в XV в. использовали против русских людей не только конницу, но и судовые рати (вернее, пешие отряды, передвигавшиеся на судах): в 1446 г. 700 татар на судах прибыли под Устюг и безуспешно осаждали его, после чего ушли по реке на плотках<sup>86</sup> (видимо, их суда, которыми они прикрывались при штурме города, пришли в негодность); в 1467/1468 г. казанцы пытались атаковать русскую рать на судах, затем отряд татар использовал суда для преследования русской судовой рати на Каме; в 1469 г. на судах против русского «флота» выступили «лучшие люди Татар», и позже казанцы на судах же (вместе с конницей) преследовали отступавшего неприятеля<sup>87</sup>. Однако в первой половине XVI в. такая практика, видимо, прекратилась.

---

<sup>83</sup> Худяков С.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 26; Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке. С. 46.

<sup>84</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 144–145.

<sup>85</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 209–214.

<sup>86</sup> Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. С. 87–88.

<sup>87</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 40, 57, 77, 80, 83.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

Глубина проникновения казанско-татарских отрядов сокращалась от года к году. Если в 30-40-е гг. набеги достигали Москвы, то к 1470-е гг. они затрагивали только северо-восточные и восточные окраины русских земель. С 1480-х гг. наступательная инициатива полностью перешла к русской стороне. К началу XVI в. казанцы не атаковали русские земли уже около 30 лет, так что опыта сколь угодно крупных боевых операций против западного соседа казанские военачальники в основной массе, судя по всему, не имели.

Параллельно этому к концу XV в. казанцы успели выработать стратегию по противодействию русским вторжениям. В Казани запыралась некоторая часть войска, упорно отражавшая атаки, а конница оставалась вне города и наносила удары по осаждавшим или подходящим русским рятам, что приносило большой урон противнику<sup>88</sup>. Важнейшей задачей было недопущение самой осады, но сделать это при численном перевесе русских полков было затруднительно. К тому же источник экономической силы ханства – Волга, была одновременно и его военно-стратегической слабостью, поскольку позволяла основному противнику сравнительно легко доставить под Казань значительное количество войск, боеприпасов и провианта<sup>89</sup>.

### 3. Характеристика театра военных действий

В рассматриваемое время власть казанских ханов распространялась на территории современных Татарстана, Чувашии, Удмуртии, Марий Эл, примыкающие к Волге районы Нижегородской, Ульяновской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской областей. Западная граница проходила по р. Сура в районе совр. Васильсурска, размытая южная – в районе Самарской луки; на юго-востоке ханство граничило с Ногайской Ордой, захватывая часть Башкирии. Ядром государства были земли вокруг торгово-ремесленной Казани, что тяготели к западной границе. К северу и востоку простирались обширные массивы смешанных лесов и тайги. Остальная территория была богата

---

<sup>88</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 291, 293.

<sup>89</sup> Это отмечал ещё С. Герберштейн [Записки о Московии. С. 170].

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

перелесками и лугами. Главной водной артерией являлась р. Волга (тат. Идель), а также её крупнейший приток на территории ханства – р. Кама (тат. Чулман). По Волге шёл международный торговый путь, имевший огромное значение для экономики ханства.

Единственной чёткой границей между ханством и Великим княжеством Московским, которую позволяют определить источники (и которая, видимо, была единственной таковой во времена размытости границ в современном понимании<sup>90</sup>), являлась река Сура. Правый берег в рассматриваемое время был казанским. На севере с ханством граничила Вятская земля, подчинённая Москве в 1489 г., но чёткую границу тут прочертить уже затруднительно

Театром военных действий между Москвой и Казанью в первой трети XVI в. была обширная территория, сочетающая разные ландшафтные зоны и охватывающая до 100 тыс. км<sup>2</sup>.

Непосредственные боевые действия велись в районе Нижнего Новгорода, Казани, на правом берегу Волги в западной части современной Республики Татарстан, вероятно также по нижнему течению Камы до устья Вятки. По волжскому правобережью от Казани до Нижнего Новгорода и далее к югу пролегли устойчивые пути русских и татарских войск. Набеги казанских отрядов охватывали район Мурома (в основном на правом берегу Оки), русские и мордовские территории к востоку от Нижнего Новгорода и по правому берегу Волги до Суры, в северо-западном направлении они достигали русских волостей по рр. Унже и Сухоне, районов Солигалича и Чухломы. В одном случае казанцы доходили на юго-западном направлении до востока Мещеры и, возможно, до Коломны (а совместно с крымцами – и до Москвы); русская же рать однажды действовала к северо-востоку от Казани и на марийском левобережье Волги<sup>91</sup>.

---

<sup>90</sup> Вообще о сколько-нибудь чёткой государственной границе ханства говорить не приходится: это явление характерно больше для «модерных» государств, в XV–XVI вв. только складывавшихся в Европе; как раз единственная чёткая граница Казанского ханства известна только с ранним «модерным» государством – Великим княжеством Московским. См.: Кром М.М. Рождение государства. С. 87–89.

<sup>91</sup> Территорию военных действий в соответствии с современными административными единицами можно очертить в следующем виде. В Республике

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

Как видим, на севере это преимущественно таёжные территории, ближе к Волге переходящие в смешанные леса, а далее к югу от неё – в лесостепь. Значительную роль в военных действиях играли реки – Волга, Кама, Унжа, Сура, Свияга, Вятка. Они могли быть как удобными путями для войск, так и преградами. Так, по Волге, Вятке и Каме русские войска добирались до Казани, а вот Сура, Свияга, Волга ниже Казани, напротив – мешали продвижению конницы. Казанцы же реки для передвижения войск в рассматриваемое время не использовали.

Движение по Волге было непростым. «Суда, плававшие по Волге в допетровские времена, были плоскодонные, различались по длине, ширине и фигуре, и сообразно этому носили разные названия. Большое судно, длиной до 10 сажен и более, – досчаник; меньше досчаника были насады и струги; они были от 6 до 8 сажен в длину; меньше них были кладные лодки... Плаванье по Волге вверх [от Казани к Нижнему – И.Б.] было затруднительно, так как гребцы могли управлять судами только при попутном ветре (низовом), и с трудом управляли им в безветрие, но когда поднимался верховой ветер, тогда гребцы и рабочие выходили на берег и тянули

---

Татарстан – это р-ны Арский, Апастовский, Верхнеуслонский, Высокогорский Зеленодольский и Кайбицкий, район г. Казань (общая площадь – свыше 7300 км<sup>2</sup>), а также берега Камы и Вятки (по ним в ряде случаев спускались в Волгу русские судовые рати). В Чувашии военные действия были менее интенсивные, но по её территориям проходили русские конные рати, чиня урон местному населению. Можно предполагать, что в зону этих действий попадали р-ны Аликровский, Канашский, Красноармейский, Маринско-Посадский, Моргаушский, Козловский, Урмарский, Цивильский, Чебоксарский и Янтиковский общей площадью свыше 7128 км<sup>2</sup>. В Марий Эл – это в основном Горномарийский р-н (свыше 1900 км<sup>2</sup>). Видимо, только в одном случае боевые действия были перенесены на Луговую сторону. В Нижегородской обл. в рассматриваемое время казанские набеги затрагивали почти весь юг в Волго-Окском междуречье (свыше 34 тыс. км<sup>2</sup>). Кроме того, казанские отряды должны были пересекать северные районы во время набегов в галичском направлении (в бассейне Ветлуги); это около 17500 км<sup>2</sup>. Северо-восточные уезды Русского государства также подвергались казанским набегам. Это часть территории совр. Костромской и Вологодской областей, а также ряд районов Кировской области, прилегающих к р. Вятка. В общей сложности это почти 30 тыс. км<sup>2</sup>.



## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

суда лямкой, проплывая в день не более 14 вёрст. Нередко суда на-скакивали на мели, которыми Волга в те времена была обильна»<sup>92</sup>. Особенно изобиловало перекатами и мелями русло Волги в верхнем и среднем течении.

Для переправы через реки использовались, как правило, броды или узкие места, где располагались устойчивые «перевозы». Например, с Горной стороны на левый берег Волги можно было переправиться на Перевозе в 30 верстах южнее Казани. В каких-то случаях русским войскам приходилось наводить мосты и гати, или чинить уже имевшиеся на казанской территории, но заблаговременно казанцами сломанные. Всё это также задерживало продвижение войск, и, как писал в середине XVI в. А. Курбский, двинувшись от устья Свияги в 1552 г. его рать за три дня смогла преодолеть в сторону Казани всего четыре мили именно из-за множества рек и поломанных мостов<sup>93</sup>.

Несмотря на обширный территориальный охват, масштабы военных действий в целом были не очень большими, поскольку на обозначенной территории население было редким и немногочисленным (в сравнении, например, с центральными и западными районами Московского государства), из больших городов – только Казань и (с натяжкой) Нижний Новгород (плюс несколько крепостиц), а действовавшие на этом пространстве контингенты – как правило, малочисленны (по 10–20 тыс. насчитывали только русские судовые и конные рати, двигавшиеся к Казани по Волге и прилегающим районам Горной стороны).

На обозначенной территории чётко выделяются несколько регионов, различающихся между собой по природно-географическим, социально-экономическим, этнокультурным и демографическим параметрам.

В пределах Великого княжества Московского это, во-первых, Волго-Окское междуречье, ограниченное на востоке Сурой. Регион слабохолмистых равнин, пересечённых редкими оврагами и покры-

---

<sup>92</sup> Дубов И.В. Великий Волжский путь. С. 31.

<sup>93</sup> Курбский А. История о делах великого князя... С. 35.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

тых перелесками, лиственными и смешанными лесами<sup>94</sup> с лесостепными включениями на юге. Из рек для переправы войск наибольшую трудность вызывала Сура (потому она долгое время и была границей между ханством и великим княжеством); остальные реки Волго-Окского междуречья (Сундовик, Пьяна и др.) нешироки и сравнительно мелки<sup>95</sup>. «Русское» Волго-Окское междуречье в рассматриваемое время населяли мордва (эрзя) и русские люди. Численность последних была весьма небольшой, и заметно сокращалась по мере удаления от Нижнего Новгорода и берегов Волги и Оки. В целом, население было разреженным; только после уничтожения Казанского ханства сюда массово стали переселяться русские крестьяне<sup>96</sup>. Тогда же в южных, «глубинных» районах Окско-Сурского междуречья появились центры русской власти (так, Арзамас был основан в 1578 г.) и просто крупные русские поселения, а в составе царских ратей появляются контингенты из нижегородской ясачной мордвы<sup>97</sup>.

Нижний Новгород и Муром были последними крупными городами на границах с казанскими землями, на окраине «христианского мира». Такое пограничное положение этих городов отмечали С. Герберштейн и А. Курбский<sup>98</sup>. Самым восточным «форпостом» русской власти был городок Курмыш (основан в 1372 г.) в низовьях Суры, однако его роль в рассматриваемых казанских войнах неизвестна (что позволяет говорить о её незначительности). В 1521 г. татарскому нападению подвергся, предположительно, район совр. Балахны (на правом берегу Волги и к северу от устья Оки, в примерно 30 км от Нижнего Новгорода). Если брать современное рас-

---

<sup>94</sup> Весь этот лесной массив называли в XVII–XIX вв. Мокшанским лесом. См.: Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 6.

<sup>95</sup> Хотя в некоторых местах можно было и утонуть – как в случае с разгромом нижегородского войска на р. Пьяне в 1377 г.

<sup>96</sup> Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. С. 430.

<sup>97</sup> Илюшин Б.А. Участие мордвы, марийцев и чувашей в военных мероприятиях Московского государства XVI века // Вестник Пермского государственного университета. История. 2020. №2(49). С. 26.

<sup>98</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 134; Курбский А. История о делах великого князя... С. 33.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

смастриваемым событиям административное деление, то сюда входили Нижегородский и Муромский уезды, а также Мещера (историческая область, занимающая преимущественно восток Рязанской обл. и запад Мордовии).

Из-за разорений от Едигея (1408 г.) и Улу-Мухаммеда (1445 г.) Нижний Новгород большую часть XV в. находился в значительном запустении – старая деревянная крепость на горе<sup>99</sup> обветшала и порушилась, хозяйственная и жилая застройка верхнего посада и склонов Почаинского оврага не прослеживается археологически (великокняжеская администрация и «гарнизон», видимо, переместились в т.н. Новый Городок, располагавшийся на холме напротив современного метромоста, в 1,5 км к югу от кремля). В связи с общей стратегической значимостью порта в месте слияния Оки и Волги, образованием Казанского ханства и важностью волжской торговли к концу XV в. Нижний Новгород и кремль начали отстраивать. Тогда же стала складываться местная служилая корпорация, которая к 1563 г. насчитывала только 350 чел., так что в случае возникновения конфликта с Казанью в Нижний направлялись полки из других городов<sup>100</sup>.

Другой регион можно условно назвать северным. На западе он охватывает территории современных Костромской и юга Вологодской областей. Это холмистая местность, пересечённая хвойными и смешанными лесами, изобилующая болотами и речками, крупнейшими из которых являются Унжа, Нея и Сухона. Казанские отряды на этом северо-западном направлении успешно действовали против

---

<sup>99</sup> Первоначально нижегородский кремль занимал только нагорную часть, не спускаясь к нижнему посаду, причём и там стены опоясывали меньшую площадь [Агафонов С.Л. Нижегородский кремль... С. 65]. Каменные стены новой крепости возводили вне пределов старой, вокруг неразобранных деревянных укреплений, дабы не снижать обороноспособность. Вероятно, в XV в. сохранялся нижний посад у подножия Дятловых гор и в устье Почайны; он был защищён дополнительными укреплениями.

<sup>100</sup> Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI в. С. 111–118; Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 127; Селезнёв Ф.А. История Нижегородского края с древнейших времён... С. 147; Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке. С. 229, 232, 234–235, 238–239, 266 (прим. 103), 276–277.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

русских населённых пунктов, удалённых от главных водных артерий региона, что говорит об использовании ими для набегов сети лесных дорог. В истории московско-казанских войн известны лишь единичные случаи, когда казанцы для передвижения в этом регионе использовали суда<sup>101</sup>. В зимнее время в качестве дорог они могли использовать и замёрзшие реки<sup>102</sup>. «Галичская Украина» была сплошь покрыта лесами, сравнительно густо поселения располагались только вокруг Галича, Чухломы и Солигалича. Земледелие было развито слабо (земли тут характеризовались как «средние» и «худые»), зато доходным было скотоводство<sup>103</sup>. Галич имел мощные древо-земляные укрепления и являлся крепостью большой стратегической важности<sup>104</sup>, что проявилось в междоусобной княжеской войне XV в. и при отражении болгарского отряда в 1428 г. В Чухломе также имелись укрепления, хотя и более скромные<sup>105</sup>.

Для нанесения ударов по этому северо-западному, «галичскому» (по названию крупнейшего города) направлению казанцы должны были пересекать территорию Среднего Поволжья, куда можно пройти напрямик из пределов Луговой стороны Казанского ханства. Проводниками в этом слабозаселённом лесном краю<sup>106</sup> выступали луговые марийцы. С древности марийцы населяли бассейн Ветлуги, однако в XIII–XIV вв. были большей частью вытеснены отсюда русскими переселенцами<sup>107</sup>. Как правомерно замечает С.К. Свечников, земли между Галичем и Вяткой марийцы могли считать своими, поскольку их предки были отсюда вытеснены русскими переселенцами в сравнительно недавнем прошлом<sup>108</sup>.

---

<sup>101</sup> Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. С. 87–88.

<sup>102</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 211; Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. С. 48, 94.

<sup>103</sup> Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. С. 202–203, 221–222.

<sup>104</sup> Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. С. 74–75.

<sup>105</sup> Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. С. 225.

<sup>106</sup> Даже сейчас, например, северо-восточные районы Нижегородской области на 80% покрыты лесами.

<sup>107</sup> По крайней мере с западного берега.

<sup>108</sup> Свечников С.К. Присоединение Марийского края. С. 127.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

Северным направлением казанских атак была Вятская земля, населённая русскими людьми, северными удмуртами и каринскими татарами, и располагавшаяся менее чем в 300 км к северу от Казани. Фронт казанских набегов на севере был сплошным (как писал С. Герберштейн, между Галичем и Вяткой повсюду разбойничают черемисы<sup>109</sup>), а схожесть характеристик этого болотистого таёжного края с более западными уездами Московского государства позволяет включить его в тот же выделяемый нами северный регион московско-казанских войн. Вятка изобиловала пушным зверем, рыбой и мёдом, чем и была ценна, хотя земли болотисты и бесплодны<sup>110</sup>.

Как отмечал А.М. Сахаров, северный регион был слабозаселённым, почти непригодным для земледелия, удалённым на большое расстояние от основного массива русских земель. Экономическим базисом северных городов был пушной промысел и связанная с ним торговля, а отчасти – добыча соли<sup>111</sup>.

В пределах Казанского ханства выделяются также два основных региона военных действий. На западе это Горная сторона – высокий правый берег Волги от Суры и до Казани, северная часть Приволжской возвышенности, для которой характерны мощная овражно-балочная сеть, а также глубокие долины рек, сильно затруднявшие передвижение войск, особенно в северной части. Большие площади на Горной стороне занимали леса (в пределах совр. Чувашии – до 70% территории), в том числе обширный Засурский лесной массив<sup>112</sup>. Имеется много мелких озёр и моховые болота, а луга – в основном в долинах Суры, Большого Цивиля, Волги<sup>113</sup>. Более тёплый, чем на Луговой стороне, климат и плодородные почвы делали Горную сторону важнейшим районом для экономики Казанского ханства; отсюда поступали не только ясак, но и продукты земледельческо-скотоводческого хозяйства<sup>114</sup>. Жители Луговой стороны (которую военные действия затрагивали лишь незначительно и в единичных

---

<sup>109</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 162.

<sup>110</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 162.

<sup>111</sup> Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси... С. 74, 81–82.

<sup>112</sup> Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 6.

<sup>113</sup> Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства. С. 166.

<sup>114</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 168–169.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

случаях) платили ханам и казанской аристократии ясак в основном пушниной и имели от подчинения Казани прямые выгоды (о чём уже говорилось), а вот черемисов Горной стороны татары эксплуатировали больше, и больше притесняли, а само подчинение Казани не давало «горным людям» таких выгод, как «луговым». Ухудшало положение региона также наличие дорог на Русь и в Крым, которые использовали войска, послы, чиновники и др. – они обирали население по ямской повинности, использовали для починки мостов и др., или попросту местных жителей грабили и пленили русские или ногайцы во время походов. Предания чувашей и горных мари говорят об эксплуатации, притеснениях, произволе, жестокости мурз и князей<sup>115</sup>. Впрочем, имеются в них сведения и о жестокостях русских воинов<sup>116</sup>, а фольклор (тем более записанный только в XVIII–XIX вв.) не может дать адекватной картины. В противном случае непонятно, почему именно население Горной стороны так активно противодействовало русским вторжениям в первой трети XVI в.

На Горной стороне проживало некоторое число представителей татарского военно-служилого сословия. Для упрочнения ханской власти над «горными людьми» и на случай русского вторжения на Горной стороне были построены опорные пункты – как небольшие укрепления, так и целые городки, о чём говорят данные археологии и фольклора. Зачастую они строились на месте булгарских крепостей<sup>117</sup>. Правда, русские источники не содержат сведений об их осаде русскими ратниками, что может говорить о низких оборонных качествах и малочисленности контингентов этих городков.

Следующий казанский район боевых действий – сам город Казань и прилегающие к нему с юга (по левому берегу Волги) и северо-востока окрестности. Это был центр ханства, развитый в социально-экономическом отношении и густонаселённый. Местное население (казанские татары) занималось земледелием, скотоводством, ремёслами и торговлей. Огромное значение для экономики Казанского ханства и всей восточноевропейской торговли со странами

---

<sup>115</sup> Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. С. 29–66; Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства. С. 204–216.

<sup>116</sup> Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. С. 49.

<sup>117</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 170.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

«Востока» имела казанская ярмарка. Собиралась она ежегодно в конце весны на Гостином острове, что располагался на Волге напротив устья р. Казанки. Туда съезжались купцы со всей Руси, там же встречались выходцы из исламских стран и местные – татары, черемисы, вотяки. Казанцы экспортировали на «Восток» меха, кожи, воск, мёд и др. «произведения» северных земель<sup>118</sup>.

Боевые действия затронули также территорию вдоль Арской дороги<sup>119</sup>, протянувшуюся от Казани далеко на северо-восток (её населяли удмурты и марийцы под управлением татарских князей с центром в укрепленном Арском городке в районе современного Арска), а также бассейны Вятки и Камы, хотя там действовали только сравнительно малочисленные русские рати, подробности активности которых в источниках даже не отразились.

Учитывая сказанное выше, можно заметить, что исследуемые нами войны охватывали неравнозначные в экономическом, политическом и демографическом отношении регионы государств-участников конфликта. В Великом княжестве Московском это восточные окраины, редконаселённые и гораздо менее значимые для экономики государства, чем, например, центральные и северо-западные уезды. В Казанском же ханстве война затрагивала гораздо более значительную часть территории, включая центр и второй важнейший для государства регион.

В ходе каждой из рассмотренных здесь войн наиболее ожесточённые бои разворачивались под стенами Казани. Для лучшего понимания этих событий посмотрим, что представляли из себя в то время этот город и его округа. Сделать это можно, к сожалению, только приблизительно.

---

<sup>118</sup> Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока. С. 44–45.

<sup>119</sup> Поздний (после 1552 г.) русский термин. Традиционно применяемый по отношению к Казанскому ханству термин «даруга» (например, Арская даруга), к которому якобы восходят 5 дорог – административных единиц Казанского края, введённых русской администрацией, являются, скорее всего, следствием неверной интерпретации именно русского термина. Судя по источникам, ханство делилось на вилайеты [Чураков В.С. Ещё раз о происхождении русского административно-территориального термина дорога. С. 142–143] и, возможно, улусы.

## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

Уровень Волги в районе Казани в то время был значительно ниже современного, установившегося после постройки в XX в. ряда водохранилищ и ГЭС. Ещё в середине XX века от Казанского кремля до берега Волги было приблизительно в четыре раза дальше, чем сейчас. Почти на 4 км тут тянулись заливные луга – «большие, просторные, гладкие и очень красивые»<sup>120</sup>, пересечённые низинами и двумя речками, называвшимися Верхняя и Нижняя Ичка. На месте нескольких островков, и ныне расположенных напротив исторического центра Казани, находились два огромных острова, больший из которых по размеру превосходил сам город (по-русски один из них назывался Гостиным, поскольку на нём проводилась ярмарка с участием иноземных купцов – гостей по-старому).

Центром Казани было укрепление, располагавшееся на высоком холме<sup>121</sup>, на месте современного русского кремля. К северу от Кремлёвского холма течёт р. Казанка (Казансу), впадающая далее в Волгу (Идель), а чуть к западу от холма в Казанку впадает заболоченная и труднопроходимая (в то время) речка Булак (Болак), соединённая протоками с озёрами к югу: Нижним, Средним и Верхним Кабаном<sup>122</sup>. К югу, юго-востоку и востоку от укрепления располагался посад (по русской терминологии), рассечённый с северо-запада на юго-восток глубокой ложбиной Черноозёрного оврага. В этой ложбине существовала система болот и озёр. По русским источникам это озёра Чёрное (совр. пруд в одноимённом парке, к юго-востоку от кремля), Белое (на территории того же современного сада), Банное (оно же Верхнее Поганое, севернее) и Поганое (ещё севернее, в районе совр. Пятницкой церкви), или Нижнее Поганое. Озёра эти являлись главным источником водоснабжения города<sup>123</sup>. К востоку от

---

<sup>120</sup> Курбский А. История о делах великого князя... С. 35.

<sup>121</sup> В настоящее время холм сильно сглажен, а территория перед ним значительно поднялась из-за поздних напластований и насыпей, но в период ханства это была достаточно высокая и крутая гора, что отмечал А. Курбский.

<sup>122</sup> Система озёр Нижний, Средний и Верхний Кабан тянулась на 6,5 км и входила в список ханских земель. Там добывалась рыба для ханского стола.

<sup>123</sup> Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 254; История татар. Т. 4. С. 622; Курбский А. История о делах великого князя. С. 35.



## ГЛАВА 2. Причины московско-казанских военных конфликтов, стратегии сторон и театр военных действий

озёр начиналось Арское поле (Арча кыры) – место ежегодной ярмарки (совр. Арское кладбище и Центральный парк им. М. Горького).

Расположение на холме давало казанскому командованию некоторое преимущество над противником в плане управления войсками. Центром укрепления был Арк (ханский двор), окружённый каменными или деревянными стенами. Имелись также дополнительные древо-земляные укрепления, создававшие несколько линий обороны города. Глубокий ров шёл от Булака до Поганого озера, что почти у р. Казанки. Он дважды был зафиксирован археологами в первой половине XX в. и, возможно, существовал уже в начале XVI в.; ширина – до 14 м, глубина – от 1,5 до 4 м. Во рву имелись дренажные конструкции и «норы», из которых защитники города делали вылазки. Со стороны же Казанки гора, на которой располагался кремль, была высока и полого<sup>124</sup>.

Наглядное описание Казани и окрестностей даётся в сочинении А. Курбского – участника похода на Казань в 1552 г. и внука первого воеводы Передового полка судовой рати в казанской кампании 1506 г. (см. Приложение).

---

<sup>124</sup> Курбский А. История о делах великого князя. С. 35–37, 529–530.

## ГЛАВА 3 «ВОЙНА ЛЕТА 7014» (1505–1506 гг.)

### 1. Демарш Мухаммед-Эмина и казанский поход к Нижнему Новгороду (июнь – сентябрь 1505 г.)

Около трёх лет Мухаммед-Эмин сохранял видимость «приятельских» отношений с Иваном III, при этом «на великого князя гнев держа», упрочняя отношения с ногаями и избавляясь от внутривосточных противников<sup>1</sup>, а в июне 1505 г., видимо, узнав о тяжёлой болезни старшего великого князя, пошёл на разрыв отношений с Москвой. Он обвинил княжича Василия Ивановича (будущего Василия III) в неких «вчинках»<sup>2</sup> в свой адрес и нелегитимности (противопоставляя ему прежнего наследника – Дмитрия Ивановича), а 24 июня приказал арестовать прибывшего к нему русского посла Михаила Кляпика со свитой, спровоцировав тем самым погром русских людей (в основном – купцов) в Казани (часть их была убита, часть – продана ногаем, астраханцам и в Среднюю Азию; иные бежали за Волгу, но многие из них в пути были убиты черемисами)<sup>3</sup>. По мнению С.К. Свечникова, в число погибших входил и русский «гарнизон», вероятно, остававшийся в Казани после отражения последнего ногайского вторжения<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Смирнов И.И. Восточная политика Василия III... С. 21; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 60; Зайцев И.В. Астраханское ханство. С. 69–70; Архангелогородский летописец. С. 99.

<sup>2</sup> «Учинках», т.е. учинении неприятностей.

<sup>3</sup> Постниковский летописец... С. 8; Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись... С. 140; Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. 33. Л.: Наука, 1977. С. 134; Летописный свод 1518. С. 338; Софийская вторая летопись. С. 373; Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506 г... С. 37, 44. Подробнее см. Илюшин Б.А. Мухаммед-Эмин – «царь» казанский. С. 86–87.

<sup>4</sup> Свечников С.К. Присоединение Марийского края к Русскому государству. С. 80.

Помимо рассмотренных нами выше постоянных причин московско-казанских войн, в данном случае конфликту способствовало недовольство части казанцев (особенно элиты)<sup>5</sup> русским «протекторатом» и вмешательством во внутренние дела ханства, шаткость положения Мухаммед-Эмина (у которого перед глазами была судьба родного и сводного братьев, оказавшихся в русской ссылке, а также вдова последнего, причём со стоявшими за ней ногайскими родственниками<sup>6</sup>), нежелание отдавать Москве свою «зону влияния» в Пермской земле<sup>7</sup>, и, быть может, действительная шерсть хана внуку Ивана III<sup>8</sup> (хотя это, скорее всего, только предлог).

Весть о погроме достигла Москвы 13 июля<sup>9</sup>. Агентурная сеть в пределах ханства и налаженная разведка на «украинах»<sup>10</sup> позволили оперативно получить сведения о переправе в августе (предположительно, 18–21 числа) Мухаммед-Эмина с войском через Волгу с намерением идти на нижегородские и муромские места. По этим вестям Василий III направил в Муром «заставу» во главе с двумя воеводами (И.И. Горбатым и С.И. Воронцовым)<sup>11</sup>. По нашим предыдущим подсчётам, ок. 1–1,5 тыс. ратников<sup>12</sup>; однако, с учётом характера назначения – на «заставу» – и отсутствия деления на полки, количество ратников вряд ли доходило и до 1 тысячи (что показательно – против войска казанского хана посланы, в общем, весьма малочисленные силы). О выходе казанцев к 30 августа на перевоз через пограничную Суру в Москве стало известно 4 сентября<sup>13</sup>.

В реляциях подчёркивалось, что ханское войско переправлялось через Суру в полутора сотнях вёрст от Нижнего Новгорода

---

<sup>5</sup> Грамоты к великому князю Василию Ивановичу из Крыма // Сборник РИО. Т. 95. Док. 4. С. 77–78.

<sup>6</sup> Казанский летописец. С. 20–21; Алишев С.Х. Казань и Москва. С. 51–52; Аксанов А.В. Казанское ханство... С. 132–133.

<sup>7</sup> Аксанов А.В. Казанское ханство... С. 135.

<sup>8</sup> Котляров Д.А. «Служащий царь»... С. 27; Аксанов А.В. Казанское ханство... С. 134.

<sup>9</sup> РК 1605. С. 87.

<sup>10</sup> В лице, прежде всего, городецких татар.

<sup>11</sup> РК 1605. С. 87.

<sup>12</sup> Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 32–34.

<sup>13</sup> Софийские летописи // ПСРЛ. Т. 6. С. 50.

(т.е. недалеко от устья). Однако и теперь дополнительные силы были направлены не в Нижний, а в Муром<sup>14</sup>. Это подтверждает мнение, что Нижний Новгород в эти годы не считался серьёзной крепостью и в Москве допускали его сдачу, а вот Муром мыслился как более важный пункт, прикрывавший путь в центральные уезды<sup>15</sup>.

Каков мог быть стратегический замысел казанского командования и чем определялась цель основного удара? Муром расположен на левом берегу Оки, т.е. менее доступен, чем Нижний Новгород, и, вероятно, был лучше укреплен в то время, являясь, таким образом, важным стратегическим пунктом обороны восточных «украин», препятствовавшим прорыву неприятеля во внутренние русские земли. Технически переправа через Оку в районе Мурома была возможна, но вряд ли удобные для неё места не охранялись, а в случае переправы через реку казанцы рисковали быть отрезанными от пути к отступлению при подходе значительных русских сил. До второй половины 30-х гг. XVI в. казанцы только два переходили Оку – видимо, из-за опасения оказаться в ловушке (после 1536 г. они стали совершать вторжения зимой, что позволило переходить Оку по льду в любом месте). Однако, можно усомниться в том, что в намерения Мухамед-Эмина входило вторжение вглубь Руси. Поход именно на Нижний Новгород мог быть результатом достаточно тонкого стратегического расчёта. Во-первых, это важный транзитный порт на Оке и Волге, через который проходят не только товары, но и русские войска (как было в походах второй половины XV в.). Во-вторых, именно через этот город русские власти предписывали ездить на Русь и обратно казанским купцам<sup>16</sup>, контролируя, тем самым, их торговую деятельность среди русских людей и мордвы. В-третьих, Нижний Новгород стоит на правом берегу Оки, большей частью нерусском, он ещё слабо укреплен и когда-то захватывался Улу-Мухаммедом. Исходя из этого, можно предположить, что целью казанцев был именно захват (или хотя бы разрушение) этого города, важного как

---

<sup>14</sup> РК 1605. С. 87; Древнейшая разрядная книга... С. 33.

<sup>15</sup> Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке. С. 255.

<sup>16</sup> Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508. С. 27.

для контроля над волжской торговлей, так и для русской наступательной стратегии в отношении ханства.

По великокняжескому распоряжению в Муром были направлены городецкие «царевичи» Сатылган и Джанай (со служилыми татарами) и воевода Василий Данилович Холмский (с русскими ратниками)<sup>17</sup>. Муромский контингент предполагалось разбить на три или пять полков<sup>18</sup>. Исходя из этого, количества воевод (3–5) и приблизительной численности городецких татар (ок. 0,5–1 тыс.), мы предполагаем, что всего в Муроме могло быть сконцентрировано от 2,5 до 4,7 тыс. воинов<sup>19</sup> (вероятнее – в пределах 2,5–3 тыс. чел.). В целом, этот контингент уступал в численности ханскому войску и, кроме того, как будет показано ниже, он никак не мог войти в боевое соприкосновение с неприятелем в полном составе.

Вместе с казанцами шёл ногайский отряд под началом «шурина» хана, т.е. брата Фатимы или Каракуш и сына Мусы или Ямгурчи. А.Г. Бахтин предполагает, что этим ногайским мурзой был сын Мусы – Султан-Ахмед, который как раз после 1505 г. пропадает из источников<sup>20</sup>. Общая численность ханского войска по «Казанскому летописцу» равнялась 60 тыс. воинов (40 тыс. татар, 20 тыс. ногаев)<sup>21</sup>. О 20 тысячах только ногайского войска у Мухаммед-Эмина говорится в монографии В.В. Трепавлова со ссылкой на книгу Ш. Марджани 1884 г., где также указаны 65 тыс. казанско-татарской конницы<sup>22</sup>. Цифры превышают реальные не менее, чем в 10 раз. Такого воинства вполне хватило бы для превращения в пепелище всего Московского государства. Как уже говорилось, для дальнего похода Казанское ханство могло выставить тысячи четыре мурз и ка-

---

<sup>17</sup> РК 1605. С. 87; Древнейшая разрядная книга... С. 33.

<sup>18</sup> РК 1605. С. 87; РК 1598. С. 36.

<sup>19</sup> Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 35.

<sup>20</sup> Бахтин А.Г. Воевода И.В. Хабар-Симский. С. 78, прим. 27; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 145.

<sup>21</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. Ст. 24–25. Почему-то А.А. Мартяхина и А.А. Кузнецов пишут, будто именно В.Н. Татищев «запустил» в историографию цифру в 40 и 60 тыс. казанского войска [Мартяхина А.А., Кузнецов А.А. Нижегородская легенда о «Феде Литвиче». С. 379], хотя она имеется ещё в «Казанской истории».

<sup>22</sup> Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 139.

заков<sup>23</sup>, а также 1–2 тыс. конных ясачных черемисов. Ногайский отряд также вряд ли мог превышать 1 тыс. бойцов. Поэтому можно предполагать, что в малонаселённые восточные пределы Московского государства Мухаммед-Эмин вторгся с 5–6 тыс. человек<sup>24</sup>.

К Нижнему Новгороду казанско-ногайское войско должно было подойти уже 3 или 4 сентября<sup>25</sup>. Это было первое за 60 лет (после захвата Улу-Мухаммедом) нападение на город<sup>26</sup>, и первые за 45 лет действия казанского войска на западном направлении.

Сведения источников предполагают, что казанцы смогли подойти к стенам кремля с юга (с запада, севера и востока крепость защищали крутые и высокие склоны Дятловых гор<sup>27</sup>), зайдя на территорию верхнего посада (внешние древо-земляные укрепления, прикрывавшие посад с юга, судя по всему, ещё отсутствовали<sup>28</sup>).

Наиболее достоверным (и лапидарным) является описание осады в источниках, созданных ближе к событиям: «царь Магмед-Аминь» с войском пришёл под город, простоял под ним «два дни, а городу не успе ничтоже, а на третий день прочь поиде»<sup>29</sup>. При этом наместник Иван Хабар «зъ гражданы» выходили из города «и многих людей биша»<sup>30</sup>. Думается, что атаке могли подвергнуться разве что отставшие караулы отступавшего войска, иначе выход за стены был бы безрезультатным и самоубийственным для защитников города, численность которых, в любом случае, была в несколько раз меньше, чем у татар (даже с учётом всего взрослого мужского насе-

---

<sup>23</sup> Их могло быть больше, но сомнительно, чтобы все представители служилого сословия отправились в поход и оставили столицу без всякой защиты.

<sup>24</sup> В работе 2018 г. данный вопрос ещё не был нами разработан, из-за чего говорится о 50 тыс. казанского войска и до 15 тыс., шедших с Мухаммед-Эмином на Нижний Новгород.

<sup>25</sup> Нового 7014 года, по русскому исчислению.

<sup>26</sup> Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке... С. 253.

<sup>27</sup> До 70–80 м над уровнем Волги.

<sup>28</sup> Кирьянов И. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. С. 34–35.

<sup>29</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 12. С. 266; Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 338; Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 9.

<sup>30</sup> Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. С. 245.

ления города – известно, что в 1620-е гг. в разросшемся городе таковых проживало от 3,2 до 3,5 тыс. человек<sup>31</sup>).

В более позднем публицистическом «Казанском летописце» осада растягивается на 30 дней и сопровождается яркими подробностями. При этом всё же заслуживает внимания эпизод с убийством литовскими «стрельцами» ногайского мурзы: нижегородский наместник И.В. Хабар Симский, видя малочисленность защитников города, выпустил из темницы три сотни томившихся там после Ведрошской битвы литовских жолнырей (стрельцов), вооружил пищальями и пообещал отпустить за помощь в обороне; в итоге их стрельбой был убит ногайский предводитель, после чего ногаи поссорились с казанцами и ушли, а следом за ними повернул восвояси и сам Мухаммед-Эмин с войском<sup>32</sup>. Этот эпизод не находит подтверждения в других источниках, однако выглядит довольно убедительно: Иван Хабар Симский (как будет показано в связи с событиями 1521 г.) действительно отличался «нестандартным складом ума», а практика рассылки военнопленных по дальним крепостям существовала в Московском государстве<sup>33</sup> (причём в виду восстановительных работ в Нижнем Новгороде их численность вполне могла исчисляться сотнями).

В нижегородской краеведческой литературе с XIX в. устойчиво встречается миф о месте гибели ногайского мурзы там, где позже построят церковь Ильи Пророка – почти наверху Ильинской горы (по «Казанскому летописцу», мурза с ханом стояли «за некою церковью христианскою, думаящи о взятии града, и понужающая воя своя ко приступу», куда и прилетело ядро). Вопрос этот немаловажен и имеет прямое отношение к реконструкции событий сентября 1505 г. Упоминание Ильинской церкви восходит к произведениям писателя, публициста и этнографа П.И. Мельникова (Печерского)<sup>34</sup>, и позже

---

<sup>31</sup> Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке... С. 49.

<sup>32</sup> Казанский летописец. Ст. 24–25.

<sup>33</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 323; Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 323.

<sup>34</sup> Мельников П. Жолныряне, спасшие Нижний Новгород в 1506 году // Нижегородские губернские ведомости. 1845. № 3. С. 30–32; События, случив-

было подхвачено краеведом Н.И. Храмцовским<sup>35</sup>. Утверждается, что Илья Пророк на Руси якобы считался покровителем пушкарей, почему и церковь была построена на том месте, где пушкарь сразил ногайского мурзу, и тем самым спас город. П.И. Мельников мог даже не сам придумать версию с церковью Ильи Пророка, а опираться на существовавшую ещё в XIX в. церковную традицию, связывавшую постройку церкви и ежегодный крестный ход к ней именно с событиями 1505 г.<sup>36</sup> Однако, сомнение вызывает уже само утверждение, будто Илья Пророк был покровителем пушкарей и стрельцов. Как сообщил нам в личной переписке историк и бомбардолог А.Н. Лобин, версия о покровительстве пушкарям Илии Пророка ему не встречалась; покровителем пушкарей и стрельцов считался Сергей Радонежский, хотя «вопрос с периферийными пушкарями сложнее». Тем более он усложняется в виду того, что в данном случае пушкарями были литвины (литовцы и русины). П.В. Чеченков также считает, что версия об Ильинской церкви – домысел П.И. Мельникова (Печерского), поскольку не подтверждается ни одним источником<sup>37</sup>.

Стан татар должен был располагаться к югу от города, с западной стороны (совр. Нижегородский район города). Там имелось несколько речек (Ковалиха, Старка, Кадочка и др.), водой которых можно было поить коней и, в случае нужды, людей. Однако попадание под обстрел предводителей мусульманского войска на склоне Ильинской горы всё же вероятно. Они могли выехать туда для лучшего обзора города и нижнего посада, причём чувствуя себя ограждёнными от внезапной вылазки его защитников глубоким (более 50 м) и длинным (1,5 км) Почайнским оврагом, по дну которого текла речка Почайна. Средняя дальность полёта стрелы составляла ок. 250 м<sup>38</sup>, а от верха Ильинской горы до стен кремля по прямой было ок. 260–270 м. Соответственно, где-то в том месте хан и мурза были

---

шиеся в Нижнем Новгороде от 1462 до 1600 года // Нижегородские губернские ведомости. 1846. № 51. С. 202–203.

<sup>35</sup> Чеченков П.В. Спорные вопросы истории Нижегородского кремля... С. 20.

<sup>36</sup> Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке. С. 254, прим. 137.

<sup>37</sup> Чеченков П.В. Спорные вопросы истории Нижегородского кремля... С. 20–22.

<sup>38</sup> Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. С. 28.



вне досягаемости для большинства русских стрел, но всё же могли быть поражены из пищали.

По легенде мало кто из «стрельцов»-литвинов ушёл потом в свою землю, оставшись в Нижнем Новгороде, где они поселились на волжском откосе у совр. Георгиевского съезда к востоку от кремля (то место прозвалось Панскими улицами)<sup>39</sup>. Трудно сказать, насколько это соответствует действительности, хотя выходцы из Великого княжества Литовского селились в Нижегородском уезде, как это видно по одному более позднему документу<sup>40</sup> (впрочем, чаще это могли быть выезджие литвины, а не военнопленные).

В целом, версия более близких к событиям летописей выглядит наиболее достоверной, тем более, что казанцы (за единичным исключением) не умели брать города, и редко под ними задерживались<sup>41</sup>.

Версию с месячной осадой попытался обосновать А.Г. Бахтин, исходя при этом из некритично принятых оценок численности казанского войска (60 тыс. чел.) и его потерь (5 тыс. чел.!), которые небольшой гарнизон не мог нанести за 3 дня<sup>42</sup>. В данном случае мы никак не можем согласиться с исследователем. Столь большая численность казанского войска в походе абсолютно нереальна, как и потери (не говоря уже о том, что несколько сотен человек не смогли бы оборонить деревянные стены от такого гигантского войска). К тому же месяц осаждать город казанцы не могли и по иным причинам (в т.ч. из-за затруднений со снабжением).

В сочинении В.Н. Татищева приводятся некоторые подробности штурма. Сообщается о том, что защитникам удалось во время одной вылазки убить более 500 татар, а также захватить много

---

<sup>39</sup> Селезнёв Ф.А. История Нижегородского края... С. 149; Резанова Н.В. Нижний Новгород. С. 20–24.

<sup>40</sup> Сотная 1533 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда / Публикация и комментарии С.В. Сироткина // Очерки феодальной России. Сборник статей. Вып. 6. С. 151.

<sup>41</sup> Исключением была лишь месячная осада болгарскими князьями Галича в 1428 г. [Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 264; Устюжская летопись // ПСРЛ Т. 37. С. 84; Никоновская летопись // ПСРЛ Т. 12. С. 8; Сокращённый летописный свод 1495 г. // ПСРЛ Т. 27. С. 343.].

<sup>42</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII – XVI веках. С. 205–208; Бахтин А.Г. Воевода И.В. Хабар-Симский. С. 73–74.

пленных, включая ренегата-христианина<sup>43</sup> (видимо, русского человека). Последнего горожане подвесили за стеной на виду у татар, а когда те попытались его вытащить, расстреляли их из пушек и луков. После этого, потеряв за месяц осады якобы 5 тыс. бойцов, татары 6 октября отступили<sup>44</sup>. Однако, к сочинению В.Н. Татищева нужно относиться весьма осторожно: оно отличается неточностью, приукрашиванием и, видимо, прямыми домыслами<sup>45</sup>. Вероятно, это пример мифотворчества на основе «Казанского летописца».

Помимо осады Нижнего Новгорода, татары занимались грабежом соседних волостей вплоть до Мурома<sup>46</sup>. Археологические свидетельства и письменные источники позволяют полагать, что тогда же был сожжён и запустел Новый Городок (Нижний Новгород Новый)<sup>47</sup>.

По версии «Казанского летописца», войска с Москвы на помощь прийти не успели, а стоявшие в Муроме «безумни» воеводы, якобы со 100 тыс. войска, испугались 60 тыс. татар и не выступили из города<sup>48</sup>. Это сообщение «творчески переработал» В.Н. Татищев, приписав этим воеводам ещё пьянство и веселье на фоне татарских грабежей<sup>49</sup>, а в поздней историографии эта легенда разрослась до абсолютно голословных утверждений о досаде воевод на пропуск свадьбы Василия Ивановича (что они и восполняли в Муроме)<sup>50</sup>, об их намеренном уклонении от боя с татарами, и о последовавшем их наказании великим князем<sup>51</sup>.

---

<sup>43</sup> Ренегат – лицо, перешедшее из одного вероисповедания в другое, в данном случае – в ислам.

<sup>44</sup> Татищев В.Н. История Российская... С. 150–151; Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 205–207; Бахтин А.Г. Воевода И.В. Хабар-Симский. С. 73.

<sup>45</sup> См.: Толочко А.П. "История Российская" Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005. 544 с.

<sup>46</sup> Архангелогородский летописец. С. 99; Казанский летописец. С. 25; Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. С. 52.

<sup>47</sup> Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке. С. 147–149, 267, 277.

<sup>48</sup> Казанский летописец. С. 24–25.

<sup>49</sup> Татищев В.Н. История Российская... С. 151.

<sup>50</sup> Борисов Н.С. Иван III. С. 624.

<sup>51</sup> Скрынников Р.Г. Иван III. С. 271. О несоответствии действительности таких построений см.: Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 40.

Возвращаясь же к сведениям «Казанского летописца», следует сказать, что его автор явно необъективен в отношении муромских воевод (кстати, никаких официальных данных об их оплошности и последующей опале нет). Из трёх воевод в Муроме более-менее значительным опытом военного командования обладал только С.И. Воронцов (полк Левой руки по конечному разряду). Возникает подозрение, что в Москве отнеслись к казанскому вторжению не очень серьёзно, и отправили первых подвернувшихся воевод, причём, в основном не очень знатного происхождения. Если казанцы перешли Суру 30 августа, то к Нижнему они могли подойти уже 3–4 сентября, когда в Москве только получили весть о переправе неприятеля через пограничную реку и, не зная целей хана, направили в Муром дополнительные силы (которые могли прибыть туда не ранее, чем через 4–5 дней). Выходит, что в Муроме с двумя воеводами к началу осады Нижнего Новгорода находилось всего около 1–1,5 тыс. ратников, т.е. в 4–5 раз меньше, чем татар. Выступать против неприятеля, имеющего такой численный перевес, было бы фатальной ошибкой. Тем более, даже если нижегородцы при подходе татар сразу направили весть в Муром, вряд ли стоявшие там воеводы могли вовремя получить её и успеть прийти на помощь за 2–3 дня. К тому же великий князь указал им стоять именно в Муроме. Таким образом, безнаказанность казанцев была вызвана не малодушием воевод, а неясностью целей хана, скоротечностью событий и не очень удачными решениями в Москве.

Итак, как видим, Мухаммед-Эмин отступил восвояси, не добившись значительных успехов, не решив никаких стратегических задач (если они были, кроме желания запугать Москву своей решительностью). Вызвано это могло быть уходом ногайского отряда после гибели мурзы, опасениями подхода значительных русских сил, неумением казанцев брать укрепления (а не успешными вылазками малочисленных защитников города<sup>52</sup> или угрозой удара со стороны касимовских татар<sup>53</sup>).

---

<sup>52</sup> Базилевич К.В. Внешняя политика... С. 539.

<sup>53</sup> Алишев С.Х. Казань и Москва. С. 52–53.

### ГЛАВА 3. «Война лета 7014» (1505–1506 гг.)

Важное дополнение по теме осады Нижнего Новгорода имеется в статье А.Г. Бахтина. Исследователь обращает внимание на содержащиеся в посольских книгах сведения о нескольких пленных ногаях, чья судьба долгое время была предметом обсуждения при дипломатических контактах Москвы и Ногайской Орды, начиная с «лета 7015» (т.е. осени 1506 г.)<sup>54</sup>. В документах прямо не говорится об участии отмеченных ногаев в осаде Нижнего Новгорода, а русско-ногайские стычки случались и без этого (например, в 1504–1505 гг. отмечены набеги ногаев на «украины»); некоторые из этих ногаев попали в полон до 1505 г. («третьего лета» – написано в документе за август 1507 г.)<sup>55</sup>. Тем не менее, большая часть упомянутых пленников действительно могла попасть в плен в 1505 г. под Нижним Новгородом.

#### 2. Подготовка Москвы и Казани к новому витку конфликта (осень 1505 – весна 1506 гг.)

*Вы подуйте-ка ли вы, уж ветры буйные,  
Пошатните-ка ли вы горы высокие,  
Пошатните-ка ли вы леса темные,  
Разнесите-ка ли вы царскую могилушку,  
Отверните-ка ли вы уж вы гробовую доску,  
Отдайте-ка ли вы золотую парчу.  
Ты встань, восстань, батюшка ты грозный царь,  
Грозный царь да ты Иван Васильевич!  
(Из старинной песни «Плач часового у гроба государя»<sup>56</sup>).*

После похода к Нижнему Новгороду Мухаммед-Эмин занял выжидательную позицию и начал готовить оборону своей столицы от ответного русского удара, который последовал в апреле 1506 г.<sup>57</sup>

---

<sup>54</sup> Бахтин А.Г. Воевода И.В. Хабар-Симский. С. 73. Ссылка на: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Махачкала, 1995. С. 54, 55, 58, 59, 65, 66, 75, 78, 79, 81.

<sup>55</sup> Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Махачкала, 1995. С. 51, 55, 60, 81.

<sup>56</sup> Амелькин А.О. О ком плачет часового? С. 29–30.

Такую задержку можно объяснить тремя основными причинами. Во-первых, это болезнь и смерть Ивана III (27 октября) на фоне неуверенного положения Василия Ивановича в вопросе наследования трона<sup>58</sup>, сильной зависимости межгосударственных отношений от личности монарха и его личных договорённостей с другими монархами<sup>59</sup>. Во-вторых, организация масштабного похода (если брать за аналогию Полоцкую кампанию 1562 г.<sup>60</sup>) заняла бы месяц-два, так что войска были бы готовы выступить только к октябрю-ноябрю, а в зимнее время под Казань невозможно было доставить артиллерию<sup>61</sup>. К тому же русское командование имело неудачный опыт осенней кампании 1467 г. В-третьих, назревавший конфликт с Великим княжеством Литовским. Литовские послы в Москве 15 февраля 1506 г. потребовали вернуть захваченные у Литвы Иваном III города<sup>62</sup>. Однако московским дипломатам в ходе переговоров удалось отсрочить конфликт, что было большой политической победой. Сборы войск требовали затрат значительных административных и экономических ресурсов, поэтому необходимо было точно определить, для какой войны они нужны – на западе или на востоке. Характерно, что казанский поход начался как раз через 1,5–2 месяца после переговоров с литовцами. Впрочем, какие-то мобилизационные мероприятия могли быть предприняты ещё до завершения

---

<sup>57</sup> В Постниковском летописце начало похода отнесено к маю [Постниковский летописец... С. 9.], но это, видимо, ошибка. Все остальные источники говорят об апреле.

<sup>58</sup> Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 77; Филошкин А.И. Василий III... С. 44; Софийские летописи // ПСРЛ. Т. 6. С. 50–51.

<sup>59</sup> Мухаммед-Эмин прямо заявил о нелегитимности Василия III; крымский хан Менгли-Гирей также не склонен был считаться с новым великим князем. Для нейтрализации Крыма в грядущей казанской войне в декабре 1505 г. туда было направлено посольство [Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 74–75].

<sup>60</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 49.

<sup>61</sup> На такое предприятие пошёл (и то без большого успеха) только Иван Грозный, притом в условиях значительного политического ослабления ханства.

<sup>62</sup> Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 76.

переговоров: известно, что в Двинской земле ещё с зимы была набрана посошная рать (которая, правда, в войне не поучаствовала)<sup>63</sup>.

Несмотря на то, что дипломатическим путём удалось временно нейтрализовать Крым и Литву, новый великий князь и его советники допустили грубейший просчёт: 21 декабря 1505 г. в Москве-реке крестился выпущенный по такому случаю из-под ареста брат Мухаммед-Эмина по отцу – «царевич» Кудайкул (в крещении – Пётр Ибрагимович); в январе 1506 г. за него была выдана сестра великого князя<sup>64</sup>. В историографии существует предположение, что сделано это было с расчётом посадить затем его на казанский трон (такая точка зрения была принята и в нашей предыдущей работе)<sup>65</sup>. Однако оно уязвимо для критики, поскольку трудно представить во главе мусульманского государства «неверного». Как заметил нам в личной переписке М.В. Моисеев, даже высказанное крымским ханом в начале 1520-х гг. османскому султану сомнительное обвинение русских людей в постройке в Казани церквей, изгнании из города кадиев и принуждении казанцев присутствовать на христианских службах<sup>66</sup> стало предметом специального рассмотрения в московско-османской дипломатической переписке. Соответственно, возведение на престол хана-христианина неминуемо бы вызвало отторжение у большинства населения ханства и его соседей. Понимали ли это московские политики или нет, не столь важно – главное, Москва осталась без «своей» кандидатуры на казанский трон (что, правда, сказалось только в 1519 г.).

Во главе всего войска, направленного к Казани, был поставлен брат Василия III – Дмитрий Иванович по прозвищу Жилка (уже имевший неудачный опыт командования войском при осаде Смоленска в 1502 г.<sup>67</sup>); он же непосредственно возглавлял судовую рать.

---

<sup>63</sup> Разрядная книга 1475–1605 гг. ... С. 92; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени ... С. 77; Илюшин Б.А. Война лета 7014. С. 25–29.

<sup>64</sup> Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. С. 1–2.

<sup>65</sup> Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 75; Филошкин А.И. Василий III. С. 108; Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 43.

<sup>66</sup> Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. С. 124.

<sup>67</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 407, 426–429.

Конной ратью, шедшей «полем», командовал князь Александр Володимирович Ростовский<sup>68</sup>. С Москвы воеводы выступили, по видимому, ранее 10 апреля<sup>69</sup>.

Подробный анализ воеводского корпуса был сделан нами в предыдущих работах<sup>70</sup>. Хотя в XVI в. русские воеводы становятся скорее военными администраторами, чем полководцами (а основная тяжесть управления войсками ложится на средний командный состав<sup>71</sup>), для успеха в любом случае необходимы опытные кадры. Несмотря на то, что назначения во многом определялись знатностью, родовитостью персон, их положением в местнической иерархии, изучение этого вопроса показывает степень подготовленности высшего командного состава к выполнению возложенных на него задач, отражает внутриполитическую ситуацию, а рассмотрение отдельных биографий может дать дополнительные сведения о походе. В данном же разделе ограничимся выводами и перечнем воевод<sup>72</sup>.

### **1. Судовая рать во главе с братом великого князя – Дмитрием Ивановичем**

#### **Большой полк**

Дмитрий Иванович Жилка  
Фёдор Иванович Бельской  
Дмитрий Васильевич Шеин  
Фёдор Иванович Палецкий Большой

#### **Наряд (артиллерия)**

Иван Васильевич Оболенский Шкурля (Курля)  
Андрей Васильевич Сабуров

---

<sup>68</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 2; Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506 г... С. 44.

<sup>69</sup> Поскольку ни один из более чем 30 воевод не упомянут в связи с прошедшей в этот день свадьбой князя В.С. Стародубского. См.: РК 1598. С. 16; РК 1605. С. 91; Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 65.

<sup>70</sup> Илюшин Б.А. Казанский поход 1506 г; Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 46–62.

<sup>71</sup> Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного. С. 13.

<sup>72</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 2–3; РК 1598. С. 36–37; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 88–91.

### ГЛАВА 3. «Война лета 7014» (1505–1506 гг.)

Дмитрий Иванович Ралев или Ларев (Димитр Ралé)  
Алферей Филиппов сын Нашокин

#### **Передовой полк**

Михаил Фёдорович Курбский Карамыш  
Давыд Данилович Хромой Ярославский

#### **Полк Правой руки**

Фёдор Борисович Волоцкой<sup>73</sup>  
Михайло Фёдорович Телятевский  
Володимер Андреевич Микулинский

#### **Полк Левой руки**

Иван Михайлович Репня Оболенский  
Пётр Иванович Житов

#### **Сторожевой полк**

#### **(на Перевоз и против Собны)**

Иван Иванович Щетина Стригин Оболенский  
Фёдор Юрьевич Щука Кутузов.  
Фёдор Петрович Сицкой Кривой  
Иван Андреевич Жулебин Большой

### **2. Судовая рать на Каму под началом кн. С.Ф. Курбского**

Семён Фёдорович Курбский  
Александр Фёдорович Оленка (Аленка) Ярославский  
Иван Вельяминов сын Брех  
Иван Голенище Андомский

### **3. Конная рать князя А.В. Ростовского**

#### **Большой полк**

Александр Володимерович кн. Ростовский<sup>74</sup>

---

<sup>73</sup> «Идучи на дело своего государя» к Казани, Ф.Б. Волоцкий составил духовную грамоту. См.: Духовная грамота Федора Борисовича Волоцкого // Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2. Ч. 3. М., 1788. С. 32–39; Духовная грамота (в копии) князя Фёдора Борисовича Волоцкого // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М.: Тип. Н.С. Всеволожского, 1813. №151. С. 417–420. (в обоих изданиях документ неверно датирован 1523 г.).



### ГЛАВА 3. «Война лета 7014» (1505–1506 гг.)

Михаил Елизаров сын Гусев Хобаров.

Василий Алексеев сын Давыдов

Григорий Мещерский (Мезецкой?)

#### **Передовой полк**

Пётр Семёнович Ряполовский Лобан.

(«безместно», т.е. вне местнической иерархии<sup>75</sup>) царевич Зеналей (Джанай) и Канбар-мурза<sup>76</sup> с татарами

#### **Полк Правой руки**

Василий Семёнович Ряполовский Мних

#### **Полклевой руки**

Фёдор Семёнович Ряполовский Стрига

#### **Сторожевой полк**

Федор Иванович Стригин Оболенской Щетина

Андрей Иванович Коробов

В разрядных книгах после росписи воевод под Казань говорится о посылке в Муром против Мухаммед-Эмина полков под началом В.Д. Холмского и обоих городецких «царевичей» (это мог быть резерв для поддержки воинства Дмитрия Ивановича), однако тут мы, почти несомненно, видим повтор разряда за август 1505 г. (конец лета 7013 – начало 7014)<sup>77</sup>.

---

<sup>74</sup> Рассмотрению биографии этого исторического деятеля посвящён очерк Д.М. Володихина [Володихин Д.М. Князь Александр Владимирович Ростовский, воевода Ивана Великого. Серия: Ратное дело. М.: Фонд «Русские Витязи», 2017. 52 с., ил.].

<sup>75</sup> По замечанию А.И. Филошкина, это первое упоминание в русском делопроизводстве подобной формулировки [Филошкин А.И. Василий III. С. 68].

<sup>76</sup> Беляков А.В. Чингисиды в России... С. 183; Беляков А.В. Канбаровы (Камбаровы) в Московском государстве XVI – XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2017 (№9). С. 15–20; Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 57, прим. 253. А.В. Беляков ошибочно отнёс первое упоминание Канбар-мурзы к октябрю 1505 г., хотя имелся в виду именно весенний поход на Казань в 1506 г.

<sup>77</sup> Во-первых, в разрядной книге за лето 7014 запись о рати в Муром предваряется сообщением о переправе Мухаммед-Эмина 30 августа через Суру. Во-вторых, в летописи сообщается, что при получении известий из Казани в июне 1506 г. к татарской столице были посланы полки с В.Д. Холмским в тот

Итого в ратях, посланных к Казани, насчитывается 28 русских воевод, а также 4 командующих «нарядом» и городецкий «царевич» Зеналей<sup>78</sup>. Это уже говорит о важности похода и большой численности войска.

В Судовой рати было 15 воевод (плюс командующие «нарядом»). Из них только трое не имели полководческого опыта. Трое из них имели по 1 воеводскому назначению, двое – по 2, трое – по 3, двое – по 4, двое – по 5. Опыта непосредственного участия в боевых действиях у воевод было чуть меньше, но ненамного. Поэтому, можно говорить о том, что почти половина воевод судовой рати была многоопытной. Во главе каждого полка стоял опытный командующий, а пятеро воевод бывали в Казани ранее (Шейн, Палецкий, Сабуров, Карамыш Курбский, Сицкой). Отметим также, что из командующих «нарядом» только А.В. Сабуров имел какой-то воеводский опыт.

Возглавлял рать брат великого князя. Кроме Дмитрия Жилки из лично близких к Василию III в судовой рати было ещё трое воевод («дядька», родич жены, родич матери). Другими воеводами были удельный князь Волоцкий (важная фигура на политической карте ВКМ), 2 князя Ярославских (оба в Передовом полку), представитель Гедиминовичей, перешедших на московскую службу в последней трети XV в., и сразу 4 представителя тверского боярства. Такой состав говорит о желании Василия III иметь во главе рати лично преданных и опытных людей, а также осуществить свои полномочия суверена, привлекая к походу представителей ещё недавно самостоятельных княжеств (к тому же с лицами из тверского боярства он мог быть лично хорошо знаком со времён своего пребывания в

---

же день [Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 3] (т.е. с Москвы, а не с Муром). В-третьих, в обоих случаях полностью совпадают имена воевод. В-четвёртых, в случае ошибки получает объяснение упоминание в Муроме обоих «царевичей» – Сатылгана и Джаная, хотя второй (по всем источникам) находился в конной рати князя Ростовского, шедшей к Казани. Всё это позволяет считать, что рати Холмского весной 1506 г. в Муроме не было, а мы видим повтор от 1505 г. См.: Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 59–60.

<sup>78</sup> Сатылган к тому времени, видимо, скончался. См. Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 86.

Твери). Кроме того, в судовой рати шли двое воевод братьев великого князя – Юрия и Дмитрия.

Менее выразителен состав воевод, посланных на Перевоз и против Собны. Трое из четырёх были представителями старых московских служилых родов, а один – из князей Ярославских. Причём он (Ф. Сицкой) имел полководческий опыт и уже бывал у Казани. Перевоз имел большое стратегическое значение, почему туда послали рать под началом опытного воеводы, а против Собны – неопытного Жулебина.

Обращает на себя внимание состав воевод камской рати. Небольшой полководческий опыт имелся только у первого воеводы (С.Ф. Курбского), причём опыт хождения в судах на Югру. Остальные никакого соответствующего опыта не имели. По-видимому, на эту рать не возлагалось важных стратегических задач, и она должна была отвлекать силы северо-восточных вилайетов ханства. Двое воевод были представителями перешедших в последней трети XV в. на московскую службу Ярославских князей, один – удельный князь Андомский (все они были связаны с северными лесными районами), и один – родственник Сабуровых.

Конную рать возглавлял князь Александр Ростовский – доверенное лицо московских великих князей. Кроме него было ещё 8 воевод и татарский «царевич». Среди воевод были два представителя московской знати, двое князей Стародубских, тверской боярин, двое воевод князя Дмитрия Жилки и один – Юрия Дмитровского. В целом, воеводы конной рати заметно менее опытные, чем в судовой. Трое или четверо опыта командования вовсе не имели, один имел 1 назначение, двое – по 2, один – 4 и один (кн. Ростовский) – 5 назначений. Из плюсов можно отметить то, что двое из них (П.С. Лобан и В.С. Мних Ряполовские) ранее бывали в Казани и должны были быть знакомы с театром военных действий.

В целом, на составе воеводского корпуса отразилась как сложившаяся к тому времени местническая иерархия, так и конкретная политическая ситуация (участие близких к Василию III лиц, в то время, как сам великий князь остался в Москве; активное привлечение

представителей сравнительно недавно упразднённого Тверского княжества). Отработанная стратегия при наличии нескольких воевод с опытом и знающих театр боевых действий обещали успех даже при неопытности значительной части высшего командного состава.

Сведения о среднем и низшем командном составе (о «головах») фрагментарны. В Синодике по убитым под Казанью фигурируют 29 имён служилых князей и менее знатных лиц, и 19 – вологодских детей боярских<sup>79</sup>. Подавляющая часть перечисленных знатных фамилий связана с северными уездами: Шастуновы, Львовы и Деевы – из Ярославских князей; Шелешпальские, Кемские, Вадбальские, Дябринские, Ухтомские – ответвления Белозёрских князей; Юхотские (потомки Новленских) имели удел на севере современной Ярославской области; Дябринские имели вотчины на Вологодчине. Исключение – князя Мезецкие (они происходили из Верховских княжеств, что между ВКМ и ВКЛ). Представители северных княжеских фамилий принимали активное участие в походе, и, как видно, многие погибли. Эти младшие ветви Рюриковичей могли рассчитывать в основном именно на такие скромные должности, хотя кроме них, очевидно, в «головах» были представители и иных семейств.

Сведения о составе войска ещё более фрагментарны. Служилые князя – воеводы могли вести с собой детей боярских из соответствующих служилых городов (корпораций). В меньшей степени это относится к князьям из северных уездов (многочисленным Белозёрским и др.), где поместное землевладение было развито слабо<sup>80</sup>; с ними могли идти люди их дворов (в каждом случае это не больше нескольких десятков человек<sup>81</sup>), а также местная «посоха», привычная к судовым походам. Однако единственное сообщение о посошной рати представлено пометой в разрядной книге за 1 июля 1506 г. о том, что в Двинской земле на службу были набраны люди (по человеку с сохи, на двух человек по лошади), которые прибыли в Во-

---

<sup>79</sup> Синодик по убитым в битве под Казанью 1506 г. С. 680–681.

<sup>80</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 70.

<sup>81</sup> Грязнов А.Л. Белозёрские князья в годы правления Ивана III. С. 156–157.

логу, но были «отставлены» от службы великим князем<sup>82</sup>. Точно известно, что в походе участвовали вологодские дети боярские, также имевшие опыт судовых походов (50–100 чел.)<sup>83</sup>, и городецкие татары с «царевичем» Джанаем и Канбар-мурзой (500–1000 чел.).

Общую численность русского войска можно лишь предположить<sup>84</sup>, исходя из общетеоретических соображений, о которых говорилось ранее. Отдельно учтём численность людей при «наряде» и служилых татар. Как отмечалось выше, численность городецких татар могла достигать 500–1000 человек. Сколько человек могло состоять при «наряде»? Известно, что в середине – второй половине XVI в. для ведения огня из крупнокалиберного орудия требовалось два человека (плюс поддатни – помощники), а из мелкокалиберного (типа затинной пищали) – один. При этом «наряд» в 150 осадных орудий считался чрезвычайно большим<sup>85</sup>, т.е. в казанских походах первой трети века участвовало значительно меньше крупнокалиберных стволов – возможно, по 10–20 штук, а с ними, соответственно, 20–40 чел. артиллеристов плюс слуги (соответственно, ещё порядка 50–100 чел.); если верить Вологодско-Пермской летописи<sup>86</sup>, под Казань отправлялось также до 70 и больше затинных пищалей (учтём сотню), с соответствующим числом «стрельцов». В состав «наряда», возможно, входили и пищальники – пешие ратники, вооружённые ручным огнестрельным оружием<sup>87</sup>, а также охрана. Общее же его прикрытие могли осуществлять бойцы Большого полка, к которому он и был «приписан». Для инженерного обслуживания «наряда» использовалась посоха, но её численность подсчитать затруднительно. Можно пред-

---

<sup>82</sup> РК 1605. С. 92; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 77.

<sup>83</sup> Синодик по убитым в битве под Казанью 1506 г. С. 680–681. В 1630-е гг. их насчитывалось 156 чел. [Сметный список 7139 году. С. 20].

<sup>84</sup> Приводимая в Казанском летописце цифра в 100 тыс. совершенно фантастична и всерьёз учитываться не может [Казанский летописец. С. 26–28]

<sup>85</sup> Лобин А.Н. К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства в XVI в. С. 55–56. Кроме того, этот вопрос обсуждался нами с А.Н. Лобиным в личной переписке.

<sup>86</sup> Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 314.

<sup>87</sup> Пенской В.В. «Янычары» Ивана Грозного. С. 77–88.

### ГЛАВА 3. «Война лета 7014» (1505–1506 гг.)

положить, что «наряд» в казанских походах первой трети XVI в. насчитывал около 500 человек без учёта «посохи».

Всего же с учётом 28 русских воевод получаем такие расчёты:

$$28 \times 4 \times 150 = 16800 \text{ (до 18000 с татарами и «нарядом»)}$$

$$28 \times 5 \times 150 = 21000 \text{ (до 22000 с татарами и «нарядом»)}$$

Для сравнения: в битве под Оршей 1514 г. с московской стороны было 14 воевод и около 16 тыс. воинов<sup>88</sup>; в Полоцком походе 1563 г. воинством более 30 тыс. чел. (не считая обозной прислуги и др. некомбатантов) командовало более 30 воевод<sup>89</sup>.

Для того времени это – огромная цифра (напомним, что русское войско, одолевшее на Куликовом поле татар, по наиболее обоснованным оценкам, насчитывало около 10 тыс. ратников<sup>90</sup>), но рать была разделена на несколько группировок. В судовой рати под Казанью с 11 воеводами и с «нарядом» могло состоять от 7 до 9 тыс. человек. На Перевоз и против Собны были отправлены ещё 4 воевод (ок. 2,4 тыс. чел.); столько же их было в камской группировке. Наконец, в конной рати при 9 воеводах и городецком «царевиче» шло от 6,4 до 7,75 тыс. ратников.

Теперь посмотрим, что могло противостоять этому «тьмочисленному христианскому воинству» Казанское ханство.

В московско-казанских войнах последней трети XV в. принимали участие, судя по всему, в основном только представители военного сословия, насчитывавшего 4–5 тыс. человек. Однако к 1506 г. ситуация существенно поменялась. Кардинальное отличие войны 1506 г. от предыдущих войн в том, что в ней приняли участие широкие массы населения ханства. Посланное на Казань русское войско было для своего времени весьма многочисленным, но таких сил оказалось недостаточно, чтобы разгромить казанцев и взять их укреплённую столицу.

---

<sup>88</sup> Лобин А.Н. Битва под Оршей. С. 94, 104.

<sup>89</sup> Книга Полоцкого похода 1563 г.; Филюшкин А.И. Русско-литовская война. С. 245; Пенской В.В. Полоцкая война. С. 79–81.

<sup>90</sup> Амелькин А.О., Селезнёв Ю.В. Куликовская битва... С. 150–157; Двуреченский О.В. Масштабы Донского побоища... С. 126.

Исходя из этого, логично будет предположить, что к 1506 г. в ханстве были выработаны некие механизмы мобилизации ополчения татар, марийцев и других народов – как организационные, так, видимо, и идейные, а широкие массы выразили желание защищать Казань.

Как уже говорилось, Казанское ханство располагало приблизительно 15 тыс. потенциальных ратников. Кроме того, на случай осады Казани можно предполагать участие в защите укреплений дееспособной части горожан. К середине XVI в. в Казани проживало около 10–12 тыс. человек<sup>91</sup>. Допуская, что в защите города могло участвовать от 1/10 до 1/5 части населения, получаем максимум ещё 2,4 тыс. человек. Как видим, для обороны столицы Мухаммед-Эмин теоретически мог привлечь войско, не сильно уступающее в численности русскому; это, судя по всему, был единственный пункт, по которому казанские силы имели паритет с русскими (а с учётом того, что судовая и конная рати прибыли под Казань в разное время – то и превосходство над ними). Русские ратники, скорее всего, были лучше вооружены (в силу экономического превосходства ВКМ), а разница в боевом опыте и подготовке воинов и воевод между русской и казанской сторонами была колоссальной – достаточно сравнить военную историю обоих государств предыдущих десятилетий.

Тем не менее, казанские стратеги во главе с ханом сумели удачно организовать западню для неприятеля у стен города. Как писал С. Герберштейн, казанцы, «которым предстояло биться с москвитями за свою жизнь и свободу», пошли на хитрость и заманили врагов в ловушку, поскольку понимали невозможность противостоять такому большому воинству. «Они разбили лагерь на виду у врага, тогда как лучшая часть войска была скрыта в месте, удобном для засады»<sup>92</sup>. Значительно более подробно об этом говорится в

---

<sup>91</sup> История татар. Т. 4. С. 380.

<sup>92</sup> Герберштейн, Сигизмунд. Записки о Московии. С. 172.

«Казанском летописце»<sup>93</sup> и в общих чертах подтверждается источником новгородского происхождения<sup>94</sup>.

Предполагалось, что русские ратники начнут грабить шатры, потеряют бдительность и станут лёгкой добычей для татарской конницы и черемисских лучников.

Следует отметить, что Мухаммед-Эмин во время своего очередного изгнания с казанского престола принял участие в войне с Великим княжеством Литовским (1500–1502 г.): он формально числился одним из командующих южной группировки московских войск, прошедшейся огнём и мечом по юго-востоку Великого княжества Литовского<sup>95</sup>. Так что он был знаком с русскими тактикой и стратегией, с воеводами и буйным характером детей боярских. Мог он знать и о неудачной осаде литовского Смоленска и сделать соответствующие выводы (рать Дмитрия Жилки с задачей не справилась в значительной степени из-за низкой дисциплины детей боярских, не слушавших воевод и разъехавшихся грабить окрестности)<sup>96</sup>.

Готовились к войне, как могли, и мирные жители ханства. «Индикаторами беспокойства», показателем тревожности жизни, как города, так и богатого села, являются клады. На территории Казани, её окрестностей, а также района Свияги в XIX–XX вв. обнаружено не менее четырёх кладов, зарытых в конце XV – начале и первой трети XVI столетий<sup>97</sup>.

---

<sup>93</sup> Казанский летописец. С. 26.

<sup>94</sup> Новгородская четвёртая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 468, 536.

<sup>95</sup> Хроника Быховца // ПСРЛ. Т. 32. С. 168; Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. С. 214; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. С. 196; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск... С. 382–388; Илюшин Б.А. Мухаммед-Эмин... С. 74–77.

<sup>96</sup> Илюшин Б.А. Мухаммед-Эмин... 74–77.

<sup>97</sup> Напомним, что Казанское ханство не чеканило своей монеты, а пользовалось преимущественно русскими деньгами, по которым клады и датированы. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-казанские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 477–478; Ильин А.А. Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода. Труды нумизматической комиссии Российской академии истории материальной культуры. Вып. 5. Л., 1924. С. 31–38; Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. С. 191.



### 3. Русский поход на Казань (апрель – июль 1506 г.)

*Казань-реченька, водой течёт,  
Мелкие ручейки да горячими слезьми,  
По горам вашим высоким  
Не камушки не самоцветные,  
Лежат головы да всё буйные,  
На лугах трава не шёлковая,  
Растёт травынька вся болотная,  
По лесам же вашим тёмным  
Звери да все съедучие  
(Старинная песня<sup>98</sup>)*

Судовая рать должна была спуститься вниз по Волге, высадиться под Казанью и обложить город с артиллерией. Это была наиболее многочисленная группировка (9–10 тыс. чел., с учётом отряжённых на Перевоз и Собну отрядов) и она должна была сыграть ключевую роль в войне. Возглавлял её самый знатный воевода – брат великого князя. Отдельную задачу имел Сторожевой полк, который должен был занять Перевоз через Волгу и удерживать его до подхода конницы, поскольку отсутствие судовой рати в бою за переправу могло иметь критические последствия (как в 1467 г.)<sup>99</sup>. По предположению С.К. Свечникова, рати на перевозах на Волге и на Каме имели задачу не допустить к Казани ногайцев и воинов с Горной стороны<sup>100</sup>. Такая задача могла подразумеваться, что не исключает и предыдущих – удержание переправ для русской конницы и отвлекающий удар по глубокому тылу казанцев.

Судя по предыдущим казанским походам, с Москвы воеводы и московские ратники судовой рати отбыли сразу по воде – по Москве-реке проплыли в Оку, зашли в Нижний Новгород, а оттуда уже стали спускаться Волгой к Казани. Контингенты из Владимира, Суздаля спускались в Оку по Клязьме, ярославцы, угличане, кост-

---

<sup>98</sup> Нижегородские исторические песни. С. 68.

<sup>99</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 39.

<sup>100</sup> Свечников С.К. Присоединение Марийского края. С. 80.

ромичи – сразу по Волге<sup>101</sup>. В 1506 г. сборы и выдвижение судовых контингентов могло проходить по такой же схеме.

Окончательный сбор и соединение судовой рати, видимо, проходил в Нижнем Новгороде, откуда она могла дня за 4 достичь Казани<sup>102</sup>. Для этого должно было использоваться не меньше 3 сотен судов (большие суда, плававшие в те времена по Волге, вмещали обычно около 30 человек)<sup>103</sup>.

В задачу судовой рати С.Ф. Курбского (ок. 3 тыс. чел.) входило нанесение отвлекающего удара по тылам казанцев на Вятке и Каме; данная операция должна была быть более успешной, чем в 1469 г., когда вятчане оказались участвовать в походе, а находившийся у них казанский посол предупредил хана об угрозе с северо-востока<sup>104</sup>.

Основной задачей конной рати князя А.В. Ростовского (от 6,4 до 7,7 тыс. чел., 15–20 тыс. коней) было прикрытие осадного контингента под Казанью и отражение ударов казанской конницы (возможно, она должна была также прикрывать действия судовой рати от вероятных атак казанских союзников – ногаев<sup>105</sup>). В идеале конница должна была подойти к городу одновременно с судовой ратью, но с этим возникли трудности.

Судовая рать достигла Казани в пятницу 22 мая<sup>106</sup>, затратив на путь от Москвы не менее 23 дней, а вероятнее – ок. 30–40 (в 1487 г. на это ушло 37 дней<sup>107</sup>). Конная рать прибыла под Казань только 22 июня<sup>108</sup>, затратив на дорогу более 53 дней, хотя в 1487 г. было чуть менее 40, а от Нижнего до столицы ханства можно было доехать верхом за 12–15 дней<sup>109</sup>. Такая задержка, вызванная сопро-

---

<sup>101</sup> Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. С. 281.

<sup>102</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 74.

<sup>103</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 178; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 33.

<sup>104</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 77–78.

<sup>105</sup> Как в 1552 г. См.: Курбский А. История о делах великого князя московского. С. 33.

<sup>106</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 2.

<sup>107</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 289–290.

<sup>108</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 3.

<sup>109</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 289–290.

тивлением черемисов или стратегическим просчётом командования (перед конницей могла стоять задача попутного разорения черемисских земель), стала одним из основных причин разгрома русской рати под Казанью. Отметим, что ничего неизвестно о гневе князя на воевод конной рати и опалах, т.е. дело тут было не в их ошибках, а в каких-то объективных трудностях.

Достигнув Казани, воеводы судовой рати не стали дожидаться подхода конницы, а с «нарядом» пошли на приступ. Но вышли они из судов «на поле градное с небрежением, вскоре и не осмотряся, и поидоша к городу пеши». «А день тогда бысть жарок добре» – добавляет летописец<sup>110</sup>.

Татары и черемисские лучники ударили с двух сторон (как и в прошлых войнах, их конница оставалась вне города): из Казани (конные и пешие) и со стороны судов, куда заехала «потаённая» конная рать. Был бой, и, как обычно в таких случаях сетует летописец, «за грехи наши» побили татары воевод пеших и детей боярских. Многие русские люди были убиты на поле, кто-то утонул в Волге, Булаке, Казанке, озёрах Кабан и Поганом, а кто-то попал в плен<sup>111</sup>. Судя по перечислению мест утопления русских ратников, разбегались они в разные стороны, а какую-то часть беглецов татар загнали в Черноозёрный овраг. В зону боевых действий попала, видимо, и часть посада.

По свидетельствам Четвёртой Новгородской летописи, Герберштейна и «Казанского летописца», русские воины обнаружили разбитый на Арском поле лагерь или ярмарку, являющуюся уловкой хана. Татары и черемисы бросились в притворное бегство, «пометав весь живот [имущество], и Москвичи учили грабити, и царь их тут многих побил, а иные в реце истопли»<sup>112</sup> (в «Казанском летописце» приводятся яркие подробности, а грабёж и «пьянство» русских воинов растянуты на 3 дня). Данный эпизод не является выдумкой ав-

---

<sup>110</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 3.

<sup>111</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 3.

<sup>112</sup> Новгородская четвёртая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. С. 468, 536; Казанский летописец. С. 26–28; Герберштейн, С. Записки о Московии. С. 172.

тора «Казанского летописца» (как считал М.Г. Худяков<sup>113</sup>), поскольку имеет подтверждение ещё в двух источниках независимого происхождения. Некоторые более поздние исследователи, хотя и не отрицали возможности такой ловушки, отнесли эпизод с бегством казанцев и последующим контрударом по русским полкам к июньским событиям<sup>114</sup>. В новой «Истории татар...» вообще относят напуск (атаку) казанцев из города и от судов и засаду с ярмаркой к двум разным эпизодам – соответственно к майскому и июньскому, тем самым дублируя и саму засаду<sup>115</sup>.

Последняя точка зрения представляется нам ошибочной. Её детальный анализ, проведённый нами в предыдущей работе, показывает, что описываемые Новгородской летописью и Герберштейном события, позже легшие в основу рассказа в «Казанском летописце» о ярмарке, относятся к концу мая, а не июня, и связаны с разгромом именно судовой рати<sup>116</sup>. К тому же трудно всерьёз принять версию, по которой казанцы могли открыть ярмарку, когда под городом стоял враг. Сказочной наивностью должны были обладать как русские воины, у которых под носом разбивают торг (в условиях военного положения!), так и казанцы, надеявшиеся заманить противника в засаду такой импровизацией. Так что ярмарка или лагерь должны были быть поставлены до прибытия русской рати.

Источники (включая официальное летописание) представляют это поражение как настоящую катастрофу<sup>117</sup>. Глубина прорыва казанских ратей вглубь русских полков была столь значительной, что погибло несколько воевод и один из командующих нарядом

---

<sup>113</sup> Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 64–65.

<sup>114</sup> Например: Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 77; Володихин Д.М. Князь Александр Владимирович Ростовский. С. 28–31.

<sup>115</sup> Глава 6 за авторством А.Г. Бахтина и Б.Л. Хамидуллина: История татар. Т. 4. С. 301.

<sup>116</sup> Кратко говоря, только в Никоновской летописи чётко говорится о втором приступе к Казани с конной ратью. В остальных случаях описан лишь один эпизод, причём по структуре он идентичен в новгородской летописи, у Герберштейна и в «Казанском летописце», и в общих чертах схож с первым эпизодом по Никоновской летописи. Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 71–73.

<sup>117</sup> Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С. 246; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 3.

(см. ниже). Список погибших начальников указывает, что основному удару подвергся Большой полк с артиллерией (погибли трое командующих), а также Передовой (один погибший воевода). Казанское командование верно определило цель и постаралось уничтожить или захватить главнокомандующих и артиллерию.

Гибель главных воевод говорит о масштабе разгрома. Пали командовавший Передовым полком М.Ф. Карамыш Курбский вместе с братом – Романом<sup>118</sup>, двое воевод Большого полка – Д.В. Шеин<sup>119</sup> (пленён и умер от ран в Казани или казнён) и Ф.И. Палецкий<sup>120</sup>. Судя по синодику 1684 г., погиб также И.В. Курля Оболенский – один из командующих нарядом<sup>121</sup>. В последующих разрядах он не встречается. А.А. Зимин предполагал, что он был женат на дочери Ф.А. Плещеева, и был, соответственно, жив в 1513/1514 гг., хотя в документе мог подразумеваться и его тёзка – И.В. Телепнёв-Оболенский по прозвищу Немой<sup>122</sup>. В разрядах после 1506 г. также встречается именно И.В. Телепнёв-Оболенский, а не И.В. Курля. Поэтому можно с достаточной уверенностью датировать смерть основателя рода Курлятевых 1506 годом. О нападении казанцев на «наряд» и спасении нескольких иноземцев-пушкарей писал и С. Герберштейн<sup>123</sup> (см. Приложение).

---

<sup>118</sup> Казанский летописец. С. 28.

<sup>119</sup> На помин его души в соответствии с его духовной грамотой (завещанием) вдова Анна и сыновья дали Троице-Сергиеву монастырю два сельца в Пошехонском уезде – Лаврентьевское и Ивановское [Данная Анны с детьми... С. 33].

<sup>120</sup> Типографская летопись. С. 215; Новгородская Четвёртая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. С. 536; Постниковский летописец. С. 9; История о Казанском царстве... С. 28. «Казанский летописец» в число погибших ошибочно записал Фёдора Киселёва, который в действительности попал в литовский плен в 1514 г. и умер в начале 30-х гг. [Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 182].

<sup>121</sup> Синодик 1684 г. // Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. М., 1788. С. 463–464.

<sup>122</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 46, 51, 200; Рядная Аксиньи Плещеевой её зятю... // Акты Русского государства 1505–1526 гг. №111. С. 113–114.

<sup>123</sup> Герберштейн, С. Записки о Московии. С. 172. Прим. 620.

Причинами разгрома были отсутствие прикрытия со стороны конницы, неосмотрительность воевод и недисциплинированность русских ратников, потеря ими бдительности. Последнее было вполне вероятно: схожее поведение продемонстрировали дети боярские, которые под началом того же Дмитрия Жилки безуспешно осаждали Смоленск в 1502 г., когда отсутствие должного порядка в служилом ополчении, его недисциплинированность и неумение воевод пресечь неповиновение вовремя являлись одной из причин неудачи похода (многие дети боярские совсем не слушали Дмитрия Ивановича, и на своё усмотрение подступали к городу, ездили грабить и жечь волости)<sup>124</sup>. Командование судовой рати допустило оплошность уже в самом начале, поскольку сразу нарушило инструкции, попытавшись взять город «изгоном» (на приступ они пошли сразу по прибытию, ни дня не прождав конницу, о долгой задержке которой ещё ничего не говорили).

*Тут можно вспомнить эпизод 1469 г., когда русское войско, стоявшее в Нижнем Новгороде, отправилось прямо под Казань, хотя великий князь только указал отпускать охочих людей воевать Казанские места, запретив ходить под саму Казань<sup>125</sup>. Слабая дисциплина и не самое внимательное отношение к передаваемым через гонцов директивам великого князя всё ещё оставались характерными для вооружённых формирований (включая поместное войско) и военачальников в начале XVI в., тем более, что отсутствие великого князя в походном войске вообще было новшеством Ивана III.*

Защитники города умело воспользовались невнимательностью воевод, низкой дисциплиной русских воинов и выработанной ранее стратегией. Заманив противника и неожиданно ударив с разных сторон, казанцы не позволили даже приступить к осаде, которая, как известно по прошлым походам, вполне могла привести если не к падению города, то к вынужденной капитуляции и пленению хана. Вероятно, заметный вклад в разгром противника внёс сам хан, достаточно хорошо знакомый с русским воинством, воеводами и главнокомандующим. Немаловажным было и вероятное численное

---

<sup>124</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 428–429; Летопись по Типографскому списку. С. 214–215.

<sup>125</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 72–74.

превосходство казанцев (для обороны столицы хан мог собрать до 15 тыс. пеших и конных ратников против 7–9 тыс. русских пеших), а также наличие у них конницы

Интересно, что в литовско-русской «Хронике Быховца» написано о гибели многих русских судов от бури, разразившейся сразу после первого приступа к городу («a kotoryie w sudech na wode zostali, na tych przysli bury wetrenie wielikiie y malo ne wsich potopilo») <sup>126</sup>. В других источниках сведения о буре отсутствуют, поэтому нельзя сказать, насколько оно соответствует действительности.

Весть о разгроме доставил в Москву 9 июня Василий Голенин, потративший на дорогу 18 дней вместо достаточных для гонца 11 <sup>127</sup> (в пути возникли трудности, или же воеводы несколько дней не решались проинформировать Москву). В тот же день великий князь распорядился идти к Казани ратям князя В.Д. Холмского и других воевод. Брату же своему и другим воеводам под Казань Василий III послал грамоту с чётким указанием дожидаться прихода войска Холмского <sup>128</sup>. Думается, что гонец с грамотой должен был поспешить и добраться до Казани быстрее, чем он ехал оттуда до Москвы (например, на судне из Нижнего Новгорода). Таким образом, он мог привезти директивы уже 21–22 июня.

Видимо, выдвинутого к границе резерва действительно не было, почему воеводы ехали с Москвы. Даже если какие-то силы располагались в Муроме или Нижнем Новгороде, на пересылку директив между Москвой и «полевым» войском, прибытие воевод из столицы «на места» уходило слишком много времени. Однако Василий III считал, что для удачного руководства кампанией ему достаточно находиться в Москве, а брат и другие воеводы не оплошают (или же он всё ещё неуверенно чувствовал себя на троне, почему и не покинул столицу). Это было ошибкой. В дальнейшем, однако, во многих важных военных мероприятиях великий князь участвовал сам (Смоленские походы 1512–1514 гг.) или прибывал ближе к театру военных действий (казанская кампания 1523 г.). Теперь же, даже

---

<sup>126</sup> Хроника Быховца // ПСРЛ. Т. 32. С. 170.

<sup>127</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 389.

<sup>128</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 3.

если рать В.Д. Холмского отправилась бы к Казани на судах, достичь её она могла бы не раньше июля.

Значительно раньше, 22 июня под Казань прибыла конная рать князя Ростовского, а 25 июня в нарушение директив великого князя был предпринят новый приступ<sup>129</sup>. По мнению Д.М. Володихина, Дмитрий Жилка опасался прихода родовитого князя и доверенного лица Василия III – В.Д. Холмского; тот взял бы командование на себя и в случае победы все лавры достались бы ему<sup>130</sup>. Русско-татарские полки (напомним, что в них состояли и городецкие татары) снова понесли поражение и обратились в бегство<sup>131</sup>.

О серьёзности второго поражения говорит и то, что «синодик 1684» года отмечает гибель первого воеводы полка Лево́й руки конной рати – Ф.С. Стриги Рязполовского<sup>132</sup>. Действительно, после 1506 г. его имя не встречается в разрядах. О гибели Ф.С. Стриги Рязполовского в тот год под Казанью писал в своём «Ономастиконе» С.Б. Веселовский<sup>133</sup>, однако ссылок на источник он не привёл<sup>134</sup>.

В оправдание воевод можно заметить, что затягивание стоянки под Казанью на ещё больший срок было делом опасным и малоперспективным: истощение съестных припасов, возможные атаки казанцев и падение «боевого духа» воинов – всё это грозило ещё большей катастрофой<sup>135</sup>. Можно было отступить после первого приступа, послушаться приказа и не выполнить задачу, зато сохранить людей. Но воеводы попытались вернуться победителями, итогом чего был новый разгром.

---

<sup>129</sup> Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 339.

<sup>130</sup> Володихин Д.М. Князь Александр Владимирович Ростовский. С. 28–31.

<sup>131</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 3; Вологодско-Пермская летопись. С. 298; Холмогорская летопись. С. 135.

<sup>132</sup> Синодик 1684 г. С. 463–464.

<sup>133</sup> Веселовский С.Б. Ономастикон. С. 302.

<sup>134</sup> Илюшин Б.А. Ещё раз о потерях русского воеводского корпуса... С. 177–180.

<sup>135</sup> В 1469 г. русские воеводы имели опыт бесперспективного двухмесячного стояния на острове у Казани. См. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 76–79.



Сведений о действиях судовой рати, посланной на Каму, нет. Однако в неназванном источнике, использованном в книге П.В. Долгорукова и «Ономастиконе» С.Б. Веселовского, сообщается, что один из воевод камской группировки, Иван Вельяминович Зернов Брех, «был воеводою на Каме в 1505 и в 1506 годах, и утонул в Каме»<sup>136</sup>. Ссылка на источник отсутствует (ясно лишь, что в нём говорится о лете 7014, без уточнения месяца). Исходя из этого можно предположить несчастный случай с самим воеводой, кораблекрушение (по техническим или погодным причинам) или же смерть воеводы во время морского боя с казанцами. В истории московско-казанских войн известны случаи боёв именно на реке, в судах<sup>137</sup>. Если же вспомнить сообщение «Хроники Быховца» о потоплении под Казанью многих судов во время бури, можно предположить, что 22–23 мая в Среднем Поволжье и Прикамье прошла сильная буря, приведшая к жертвам в волжской и камской русских судовых группировках. То, что источники не содержат никаких сведений о походе камской группировки, также говорит об отсутствии какого-либо успеха в её действиях.

#### 4. Отступление и потери русских ратей

Отступавших казанцы не преследовали<sup>138</sup>, кроме отряда «царевича» Джаная, с которым шёл кн. Фёдор Киселёв (с последним у Мухаммед-Эмина могли быть личные счёты – в своё предыдущее правление хан жаловался Ивану III на Ф. Киселёва, собиравшего некие пошлины с казанских подданных по р. Цивиль<sup>139</sup>). За 40 вёрст до Суры казанцы их нагнали, но были побиты<sup>140</sup>. Д.М. Володихин отмечает, что Ф. Киселёв не был воеводой, а скорее дипломатом, и

---

<sup>136</sup> Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 4. С. 76–82; Веселовский С.Б. Ономастикон. С. 49.

<sup>137</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 80–81.

<sup>138</sup> Типографская летопись... С. 216.

<sup>139</sup> Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. С. 31; Соловьёв С.М. История России... С. 1419; Худяков М.Г. Очерки по истории... С. 51.

<sup>140</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 3–4.

направлен был в поход, видимо, на случай переговоров<sup>141</sup>. Поскольку служилый татарский «царевич» числился в конной рати кн. А.В. Ростовского, по мнению Д.М. Володихина, это может свидетельствовать о том, что именно на Муром отступал с полками и сам князь Александр<sup>142</sup>. Однако какая-то часть конницы могла при этом идти и на Нижний Новгород. Более того, Ф.М. Киселёв не обязательно направлялся к Мурому вместе с князем Александром Ростовским и основными силами: в Дубровском и Унженском станах Муромского уезда располагались принадлежавшие ему сёла и деревни<sup>143</sup>, куда он и мог торопиться, например, на случай казанского контрудара по Муромскому направлению.

Как писал В.Н. Татищев, когда воеводы пришли в Москву, великий князь начал их «пытати» о том, «коим побытом» они стугбили столько воинов, на что те отвечали, что во всём виноват князь Дмитрий, который их не слушал и «изляял», а сам потом ушёл не в Москву, а сразу в Углич, подальше от старшего брата<sup>144</sup>. Хотя сочинение В.Н. Татищева изобилует непроверяемыми сведениями, описанная ситуация, всё же, могла иметь место, поскольку деспотичный Василий III вряд ли мог принять вернувшихся воевод без гнева и угроз опалы. Брат же Василия Ивановича, судя по некоторым данным, оставался с частью ратей в Нижнем Новгороде<sup>145</sup>.

Помимо потери убитыми и пленными большого количества воинов (что само по себе было очень серьёзно<sup>146</sup>), поражение усугублялось попаданием в руки казанцев большого числа вооружения и «наряда».

В «Казанском летописце» говорится, что под Казанью из 100 тыс. русских ратников пало 93 тыс. чел., что, конечно, чистый вы-

---

<sup>141</sup> Володихин Д.М. Князь Александр Владимирович Ростовский. С. 30.

<sup>142</sup> Володихин Д.М. Князь Александр Владимирович Ростовский. С. 30.

<sup>143</sup> Жалованная несудимая грамота в. кн. Василия Ивановича Фёдору Михайловичу Киселёву... // Акты Русского государства 1505–1526 гг. Док. 16. С. 25.

<sup>144</sup> Татищев В.Н. История Российская... С. 155.

<sup>145</sup> РК 1598. С. 37.

<sup>146</sup> Конный лучник – «товар дорогостоящий», требующий для своей подготовки и содержания массу ресурсов и времени. См. Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 139–140.

мысел. Однако обращает на себя внимание сравнение потерь с Куликовской битвой – видимо, потери были большими и произвели весьма удручающее впечатление на современников.

Мухаммед-Эмин заявлял в письме великому князю литовскому, что «десять тысячей людей его [Василия III – И.Б.] в наших руках померли»<sup>147</sup>. Сам великий князь Сигизмунд, в свою очередь, сообщил ливонскому магистру в феврале/марте 1507 г. о разгроме казанцами сперва 40, а затем ещё 50 тыс. московитов<sup>148</sup>. О конкретных потерях не сообщается, а численность разбитого войска преувеличена раз в пять–шесть. Разумеется, Сигизмунд хотел тем самым убедить магистра в серьёзном ослаблении «московита» дабы склонить Ливонию к военному союзу.

Эхо громкой победы над «неверными» долетело даже до Средней Азии: узбекский хан и поэт Мухаммед Шейбани посвятил этому событию стихотворение<sup>149</sup>.

В действительности потери вряд ли могли достигать и 10 тыс. (в ходе всей кампании 1506 г. под Казанью могло быть сосредоточено в общей сложности 13–17 тыс. русских ратников). В противном случае это была бы катастрофа такого масштаба, что последовавшая в 1507 году война с литовцами протекала бы в гораздо более худших для Москвы условиях.

Имеются подсчёты, согласно которым в XIV–XVI вв. соотношение потерь между высшим командным составом и войском (при 30% потерь) составляло 1 к 500<sup>150</sup>. При гибели 5 воевод получаем

---

<sup>147</sup> Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506 г. С. 37.

<sup>148</sup> Посольство польского короля Сигизмунда к Ливонскому магистру Валтеру Плеттенбергу... Док.15. С. 13–14.

<sup>149</sup> История татар. Т. 4. С. 13. Примечание и ссылка на: Togan Z.V. Bugünkü Türkili (Türkistan) ve Yakın Tarihi. Cilt I: Batı ve Kuzey Türkistan. İstanbul, 1981. С. 133. Шейбани-хан заочно имел дружеские контакты с Мухаммед-Эмином, в начале XVI века даже послал к нему известного музыканта. Некоторых русских людей, захваченных во время погрома, продали в «Чагатай», т.е. в узбекское ханство Мухаммеда Шейбани. См.: Илюшин Б.А. Мухаммед-Эмин – «царь казанский». С. 84–85.

<sup>150</sup> Амелькин А.О., Селезнёв Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М.: Квадрига, 2011. С. 156; со ссылкой на: Урланис Б.Ц. История военных потерь. М., СПб., 1998. С. 477, 510.

2,5 тыс. убитых ратников. Однако при этом общая численность задействованных войск получается явно заниженной – ок. 10 тыс. при 13–17 тыс., получающихся с учётом количества воевод.

Можно для сравнения привлечь точные сведения по известным военным неудачам более позднего времени. Летом 1659 г. под Конотопом крымско-украинскими силами было разгромлено российское войско, насчитывавшее 24600 чел. При этом погибли двое воевод и 4769 ратников (почти 20%). Разгром произвёл сильнейшее удручающее впечатление на российское общество и вспоминался потом много лет<sup>151</sup>. Если принять такую туманную аналогию, то можно говорить о 2,6–3,4 тыс. погибших русских ратниках в 1506 г.

Высший командный состав потерял от 3 до 5 воевод. Среди командиров среднего звена (голов) погибло не менее 29 человек (предположительно, эта цифра приблизительно отражает общие потери этой категории начальных людей<sup>152</sup>). В Синодике также перечисляются имена 19 детей боярских – вологжан<sup>153</sup>; с учётом того, что в начале века вологодских детей боярских насчитывалось (предположительно) от 50 до 100 чел., можно оценить и их потери (от 1/5 до 1/3). Видимо, после разгрома списки погибших представителей служилых «городов» были разосланы в соответствующие места для поминовения во время богослужения. До нас дошёл в более-менее полном виде только вологодский синодик (судя по нему, павших воевод и князей должны были поминать во всех городах, а детей боярских и дворян – только местных).

В предыдущей работе мы уже осуществили подробный разбор содержащегося в вологодском синодике списка павших под Казанью князей (голов)<sup>154</sup>, а в статье Д.Е. Гневашева дан анализ списка

---

<sup>151</sup> Малов А.В. Русско-польская война 1654–1667 гг. С. 30; Бабулин И.Б. Битва под Конотопом. С. 11, 36.

<sup>152</sup> Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 85–86. Хотя погибших командиров среднего и низшего звена всё же должно было быть больше – по крайней мере, из других источников известно о гибели некоторых других представителей аристократии (таких, как Роман Курбский, Фёдор Кузнец Горбатый – родственники воевод), вряд ли участвовавших в походе в статусе простых детей боярских.

<sup>153</sup> Синодик по убитым в битве под Казанью... С. 680–681.

<sup>154</sup> Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 82–86.

погибших вологодских детей боярских<sup>155</sup>. Здесь же отметим только, что поражение под Казанью оказалось катастрофичным для Белозёрских князей, ведь там погибло не менее 11 их представителей, т.е. приблизительно 1/5 всех боеспособных мужчин этой княжеской линии. «Так для Белозерских князей закрылось ненадолго открывшееся окно возможностей, которое в следующие два столетия будет приоткрываться только для его отдельных представителей»<sup>156</sup>.

Возможно, князь Дмитрий Иванович беспокоился о «загробной жизни», перспективы которой омрачали загубленные неумелым командованием христиане. Возможно, поэтому он 30 сентября 1506 г. пожаловал Троице-Сергиеву монастырю разом 54 деревни с починками в Угличском уезде, по заявлению игумена ранее отмежованные у них его, князя, слободчиком, а также грамоту на беспошлинный проезд монастырских судов мимо Углича и Мологи<sup>157</sup>. В конце завещания князя, составленного ок. 1508 г., записано: «а што мои люди приказные, и ты бы Государь пожаловал того поберегл, штобы из тех людей которой безлепне погибл [«неподобающе, неблагоприятно, безобразно»] погибли – И.Б.), а на моей бы душе то не легло»<sup>158</sup>.

## 5. Окончание войны и её последствия

Вопреки мнению, будто выросший на Руси Мухаммед-Эмин не испытывал ненависти к русским людям, а только позволил «выпустить пар народного гнева» и оградил себя от повторного низложения<sup>159</sup>, надеясь лишь сохранить завоёванные позиции без эскалации конфликта<sup>160</sup>, после такой победы казанский царь попытался раз-

---

<sup>155</sup> Гневашев Д.Е. Вологодский служилый «город» в XV – начале XVI века. С. 680–681.

<sup>156</sup> Грязнов А.Л. Белозёрские князья в годы правления Ивана III. С. 163.

<sup>157</sup> Жалованная грамота угличского кн. Дмитрия Ивановича иг. Троице-Сергиева м-ря Досифею о присуждении... С. 30; Жалованная грамота угличского кн. Дмитрия Ивановича иг. Троице-Сергиева м-ря Досифею на беспошлинный проезд... С. 30–31.

<sup>158</sup> Грамота духовная князя Дмитрия Иоанновича Угличского... С. 21.

<sup>159</sup> Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 68.

<sup>160</sup> Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 78.

вить успех и собрать против Московского государства могучий союз из Казани, Крыма и Литвы. Для этого он направил через Крым в Вильно посольство с напоминанием былых дружеских отношений между Улу-Мухаммедом и Витовтом, обвинениями Василия III в агрессии и предложением совместного удара<sup>161</sup>. Великий князь Сигизмунд принял это предложение и даже попытался (без успеха) склонить к этому союзу ливонского магистра<sup>162</sup>, однако отправленный им посол Сорока в Казани по какой-то причине умер, и на этом переговоры о союзе заглохли<sup>163</sup>.

Крымский хан Менгли-Гирей был на стороне Мухаммед-Эмина и требовал от Василия III замирииться с Казанью<sup>164</sup>. Противоречия из-за Казанского юрта и московско-казанская война значительно ухудшили и без того сложные московско-крымские отношения. Менгли-Гирей, посчитав Василия III агрессором, даже выдал Сигизмунду I ярлык на владение несколькими русскими городами – причём как недавно захваченными у литовцев Иваном III, так и имевшими отношение к ВКЛ весьма отдалённое или никакое – Новгород, Тулу, Рязань, Псков и прочие<sup>165</sup>.

Великий князь и его бояре также попытались заручиться если не поддержкой, то нейтралитетом соседей, ещё не втянутых в антимосковскую коалицию, и направили посольство к ногайским мурзам (в развязывании конфликта, посол, разумеется, обвинял Мухаммед-Эмина<sup>166</sup>). Среди ногаев в эти годы наблюдался разброд, и

---

<sup>161</sup> Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. С. 167; Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506 г. С. 22; Литовские упоминки татарским ордам. С. 55.

<sup>162</sup> Посольство польского короля Сигизмунда к Ливонскому магистру Валтеру Плеттенбергу. С. 13–14.

<sup>163</sup> Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506 г. С. 43–44; Литовские упоминки татарским ордам. С. 56; Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с описанием победы... С. 921–922.

<sup>164</sup> Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506 г. С. 28; Продолжение по Воскресенскому списку. С. 247.

<sup>165</sup> Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. С. 165–166; Филюшкин А.И. Василий III. С. 118.

<sup>166</sup> Посольская книга по связям России с Ногайской ордой. С. 55–56; Моисеев М.В. «Казанский вопрос»... С. 108.

до их формального главы посольство не доехало, а задержавший его мурза Алчагир ответил Василию Ивановичу весьма уклончиво (посольство вернулось на Русь только 4 августа 1507 г.)<sup>167</sup>. Позже великокняжеские послы добрались и до других мурз, в том числе тех, кто не одобрял действий казанского хана: один из самых влиятельных мурз, Саид-Ахмед даже предлагал своё посредничество в примирении Василия III с Мухаммед-Эмином<sup>168</sup>.

Вторая половина лета – осень 1506 г. прошли в напряжённой обстановке. В Нижнем Новгороде оставалась часть ратей с Дмитрием Жилкой (осенью его сменил В.Д. Холмский)<sup>169</sup>; всего же под командованием 5 воевод тут могло находиться до 3,7 тыс. воинов. По «казанским вестям» 13 или 16 октября 1506 г. в Муром были посланы «царевич» Джанай и несколько воевод, которые должны были на месте разрядить полки (видимо, тут также оставались войска с лета). Отметим, что состав высшего командования обновлён в сравнении с казанским походом. Из его участников тут «царевич» Джанай и А.В. Сабуров, а П.С. Лобан Ряполовский вскоре был заменён на С.И. Воронцова. Примечательно, что среди новых воевод значатся очень опытный полководец Даниил Васильевич Щеня Патрикеев и тесть великого князя – Ю.К. Сабуров<sup>170</sup>. С 6 воеводами и Джанаем могло быть 4–5,5 тыс. ратников.

Кроме того, на случай казанского удара по костромскому направлению двое или пятеро воевод были посланы в Плесо<sup>171</sup> (совр. г. Плёс) – укреплённый городок на высоком правом берегу Волги ниже Костромы.

Вероятно, муромская группировка не только прикрывала «украины» от вторжения казанцев, но и могла быть направлена в новый поход<sup>172</sup>. По крайней мере, на эту мысль наводит формулировка из

---

<sup>167</sup> Посольская книга по связям России с Ногайской ордой. С. 57.

<sup>168</sup> Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 181; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. С. 82.

<sup>169</sup> РК 1598. С. 37–38.

<sup>170</sup> РК 1598. С. 37; РК 1605. С. 95, 97.

<sup>171</sup> РК 1605. С. 95–96; Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 92–92.

<sup>172</sup> Карамзин Н.М. История государства Российского... С. 11; Соловьёв С.М. История России... Т.5. С. 1582.

другой разрядной книги о сходе воевод – «для казанского дела»<sup>173</sup>. Охранные же рати обычно посылались «по вестям» (казанским, крымским, литовским).

Однако нового казанского вторжения не случилось. Возможно, сказалась потеря союзника – ногайских мурз. Среди них после смерти авторитетного Мусы не было единства, а в 1508 г. вообще произошли междоусобные столкновения. Не случилось и совместного крымско-литовского похода на Московию, т.к. Крым и Вильно тянули с ним, упуская удобный момент. Таким образом, план по совместному удару по Московскому государству литовцев, ливонцев, крымцев и казанцев так и не был реализован. Кроме того, даже победа над русской ратью продемонстрировала казанцам всю мощь вооружённых сил Русского государства<sup>174</sup> (хотя последующие десятилетия показали, что в условиях военной угрозы со стороны Крыма и Литвы Москве было трудно решать казанские дела). Наконец, имеется предположение о дворцовом перевороте в Казани, когда сторонники войны с Москвой и литовский посол Сорока были убиты<sup>175</sup>. В марте 1507 г. Мухаммед-Эмин сам инициировал переговоры с Василием III.

Несмотря на переговоры, великий князь не оставил пограничные земли без усиленной охраны: летом в Нижнем Новгороде отмечена рать В.Д. Холмского<sup>176</sup>, а осенью на Мещере находились с полками сразу 6 воевод<sup>177</sup>.

После обмена посольствами в течение 1507 г., отпуская ханом Михаила Кляпика со свитой, русских купцов и ратников<sup>178</sup>, и обме-

---

<sup>173</sup> РК 1598. С. 37

<sup>174</sup> Котляров Д.А. «Служащий царь»... С. 28; Филюшкин А.И. Василий III. С. 110–111.

<sup>175</sup> Грамоты к великому князю Василию Ивановичу из Крыма... Док. 4. С. 77–78; История татар. Т. 4. С. 302.

<sup>176</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 112.

<sup>177</sup> РК 1605. С. 98.

<sup>178</sup> Какую-то часть распроданных русских людей московским властям пришлось возвращать без участия казанской стороны. Фигурирующие в русско-ногайских переговорах 1507 г. Фёдор и Мелех Елабугины дети Филипповы и Михаил Сумбулов сын, которых Москва просила найти в Ногайской Орде и Астрахани и вернуть на Русь [Посольская книга по связям России с Ногай-



### ГЛАВА 3. «Война лета 7014» (1505–1506 гг.)

на шертными грамотами в январе 1508 г. был заключён мир<sup>179</sup> (хотя переговоры по улаживанию взаимоотношений между Москвой и Казанью с участием Крыма продолжались до 1512 г.<sup>180</sup>). Текст «дo-кoнчания» не сохранился, но можно приблизительно восстановить его содержание, которое для ханства сводилось к пунктам: 1) не воевать против Москвы и не заключать союз с её противниками, 2) не сажать на ханство лиц, не согласованных с Москвой (решение этого вопроса затянулось до 1516 г.), 3) соблюдать интересы русских людей и других подданных великого князя Московского на территориях ханства<sup>181</sup>.

Заключить мир с Казанью быстро и без традиционных долгих препирательств Василия III вынудили не только тяжесть поражения 1506 г., но также назревавшая война с Литвой и позиция Крыма (в один месяц с казанским послом в Москву прибыли литовцы и потребовали вернуть захваченные Иваном III литовско-русские города, грозя войной)<sup>182</sup>. Собственно, радикальный настрой литовцев в значительной степени мог подогреваться неудачей Василия III в казанской войне и казанским посольством с предложением союза. Можно даже предположить, что Мухаммед-Эмин изначально не планировал продолжать войну с более сильным противником, а посольство в Вильно должно было только подтолкнуть литовцев к новой войне с Москвой, тем самым переключив внимание великого князя на западное направление.

Погром русских купцов и набег на нижегородские и муромские земли остался по сути безнаказанным для казанцев, поскольку «карательная экспедиция» окончилась провалом. Предполагаемая задача-максимум (взятие Казани и смещение Мухаммед-Эмина) выполнена не была. Людские потери были, видимо, большие, хотя и

---

ской ордой... С. 64], могли быть одними из тех, кто попал в казанский полон в 1505 или 1506 гг.

<sup>179</sup> Софийская вторая летопись... С. 379, 382; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 5, 6.

<sup>180</sup> Софийские летописи. С. 252.

<sup>181</sup> Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 52.

<sup>182</sup> Смирнов И.И. Восточная политика Василия III. С. 22–23; Грамоты к великому князю Василию Ивановичу из Крыма... Док. 4. С. 77–78.

не катастрофические (в противном случае в последовавшей войне с Великим княжеством Литовским дело пошло бы значительно хуже). Однако дальнейших потерь обеим сторонам удалось избежать. Казанцы сами запросили мира, что по понятиям того времени означало демонстрацию готовности к уступкам. Анти-московского слаженно-действующего военного союза не получилось (в чём, правда, заслуги московских военных и дипломатов не очень много). И до 1521 г. с Казанью отношения были в целом мирными. Поэтому нельзя сказать, что война была Москвой проиграна в пух и прах.

Прямым следствием московско-казанского конфликта стали дальнейшее ухудшение отношений с Крымом и рост реваншистских настроений в Литве, что вылилось в войну 1507–1508 гг., показавшую, однако, превосходство московских войск над литовскими. Большой крымский набег на Белёвские, Одоевские и Козельские земли также был отбит с большим уроном для татар<sup>183</sup> (чему способствовало и вторжение ногаев на крымскую территорию<sup>184</sup>), и Менгли-Гирей предпочёл вернуться к «дружеским» отношениям с Москвой<sup>185</sup>, а его жена Нур-Султан (мать Мухаммед-Эмина) послала примирительные письма в Казань и Москву<sup>186</sup>.

Не надеясь на прочный мир с Казанью, московские власти самым серьёзным образом укрепили наиболее стратегически значимый пункт на восточной границе – Нижний Новгород. Весной 1508 г. Василий III издал указ о строительстве каменного кремля. В город прибыл итальянский мастер Пётр Фрязин<sup>187</sup>, под чьим руководством были возведены древо-земляные укрепления, на 7 вёрст охватившие Верхний посад. Строительство кремля было начато 1 сентября 1509 г. с закладки Дмитровской башни, и в тот же год в Нижний приезжал сам великий князь<sup>188</sup> (он, надо полагать, и участвовал в закладке).

---

<sup>183</sup> Софийские летописи. С. 246.

<sup>184</sup> Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. С. 168–169.

<sup>185</sup> Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. С. 168; История татар. Т. 4. С. 302.

<sup>186</sup> Грамоты к великому князю Василию Ивановичу из Крыма... Док. 4. С. 77–78.

<sup>187</sup> Пьетро Франческо.

<sup>188</sup> Селезнёв Ф.А. История Нижегородского края... С. 150; Пудеев А.А. О дате закладки Нижегородского кремля XVI в.

### ГЛАВА 3. «Война лета 7014» (1505–1506 гг.)

Новый кремль отличался от прежнего не только тем, что возводили его из камня, но и размерами, охватом территории – теперь под защитой стен оказался участок под горами, примыкающий к остальному Нижнему посаду. Стены спускались по склону, образуя между Часовой и Ивановской, и между Борисоглебской и Георгиевской башнями уникальную конструкцию в виде лестницы. От Верхнего посада кремль отделял ров. Для возможности обстреливать подступающего к стенам противника была построена отводная башня (она была разобрана в XVIII в.), соединённая с Дмитровской перекинутым через ров мостом.

О масштабе работ и их значении говорят и размеры новых укреплений: каменные стены длиной в два километра (в Московском кремле – 2,2 км), усиленные тринадцатую (с отводной – четырнадцатую) башнями, а также охватывающие город на 7 вёрст (15 км) древо-земляные укрепления<sup>189</sup>. Добавим, что именно размах строительства говорит за более позднюю дату постройки каменного кремля – никак не раньше казанской войны 1505–1506 гг.

Новый кремль действительно был совершенно непреступен для казанского войска. С учётом скромных военных возможностей ханства и неумения казанцев брать крепости, возведение такого дорогого укрепления может показаться до некоторой степени перебором. Однако сделано это было под впечатлением от разгрома русских войск в 1506 г. и памятуя о захвате города Улу-Мухаммедом, для большей надёжности юго-восточной «украины». К тому же Нижегородский кремль и после падения Казанского ханства служил опорой Российского государства на юго-востоке.

Отметим, что по крайней мере с начала 1540-х гг. каринским татарским князьям прямо предписывалось призывать к переселению на Вятку под власть великого князя жителей соседних казанских земель – вотяков и «чувашей» (в это время немалое число «казанских людей» переходило в русское подданство, в т.ч. на Вятку, где, к тому же, в полоне находились их родичи). Кроме того, вятчанам воспрещалось притеснять таких переселенцев. Тем самым, в

---

<sup>189</sup> Чеченков П.В. Казанское порубежье во внешней политике русского государства первой трети XVI в. С. 152.

числе прочего, наносился экономический ущерб Казанскому ханству<sup>190</sup>. Однако такая практика могла существовать ещё при Василии III: уже в грамоте 1510 г. великий князь указывал каринским тата-рам звать в свои опустевшие сёла людей не из великокняжеской вотчины, а из зарубежья, т.е. преимущественно из Казанской земли (причём таким новопоселенцам давалось временное освобождение от великокняжеских поборов)<sup>191</sup>. Так что Василий III, судя по этому документу, уже в первые годы своего правления для ослабления Казанского ханства предпринимал не только военные и дипломатические меры, но и социально-экономические.

Решительность, удачные стратегия и военная хитрость казанцев при безалаберном русском командовании и недисциплинированности детей боярских привели к фактическому, хотя и сравнительно непродолжительному освобождению ханства от власти иноземцев. Казанское ханство на следующие десять лет (1508–1518) фактически избавилось от контроля со стороны русских послов, приставов и великого князя<sup>192</sup> (также характеризовал ситуацию после 1506 г. и С. Герберштейн<sup>193</sup>). Несмотря на то, что северные черемисы (марийцы), подданные Казани, чинили разбои между Галичем и Вяткой<sup>194</sup>, а уже в 1513 и 1517/1518 гг. в Москве опасались нападений «казанских людей» на восточные окраины, из-за чего дополнитель-

---

<sup>190</sup> Жалованная «опасная» грамота и бережливая грамота Ивана IV каринским князьям Сейтяку Алисуфову, Касыму Газыеву и Шеисламу Мурсеитову с позволением призывать в их вотчины казанских удмуртов и «чувашей» [1542]. С. 37–38.

<sup>191</sup> Жалованная льготная и несудимая грамота Василия III каринскому таргину Девлечьяру Магмет Казыеву сыну на деревни в Чепецком стане Хлыновского у. [18 дек. 1510]. С. 35–36; Гришкина М. В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половине XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Академии наук СССР, 1988. С. 20–40.

<sup>192</sup> Смирнов И.И. Восточная политика Василия III. С. 23; Алишев С.Х. Казань и Москва. С. 54.

<sup>193</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 172.

<sup>194</sup> Впрочем, этот пассаж Герберштейна может относиться уже к 20-м гг.

ные силы посылались на Мещеру и к Суре<sup>195</sup>, «вечный мир» 1512 г., в целом, сохранялся до 1521 г. Когда великий князь литовский Сигизмунд во время новой войны с Московским государством в 1514–1516 гг. попытался реализовать анти-московский военный союз с Казанью, и в письмах предлагал Мухаммед-Эмину взять Нижний Новгород<sup>196</sup>, тот не отреагировал<sup>197</sup>.

Однако победа над «сюзереном» была сопряжена с немалыми людскими потерями. Кроме того, для ногаев и сибирских Шибанидов Казанский юрт и вовсе оставался вассалом Москвы, по статусу приравненным к Мещерскому юрту (т.е. сугубо подконтрольному русским властям Касимовскому «ханству»), о чём свидетельствует адресованный Василию III в 1508 г. запрос «царевича» Ак-Девлета о возможности выезда его отца на русскую службу и испомещении его в одном из этих юртов (великий князь отказал: «ино казанский царь Махмет Аминь ныне нам друг и брат, а в городке Мещерском Янай царевич»<sup>198</sup>). Такое же положение Казани отводили московский великий князь и его дипломаты в переговорах с литовцами в 1517 г.: «ещё было от прародителей наших и предкех наших и при отце нашем и ныне при нас, в наших государствах по тем местом живут цари и царевичи нашим жалованьем, да иным многим царем и царевичем, которые нам служат, даём в своих государствах места своё жалованье»<sup>199</sup>. И даже в официальном послании к османскому султану от

---

<sup>195</sup> РК 1605. С. 131, 156; Герберштейн С. Записки о Московии. С. 162; История татар. Т. 4. С. 302.

<sup>196</sup> Которым, кстати, когда-то фактически владел, хотя и недолго, его прадед – Улу-Мухаммед.

<sup>197</sup> Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с предложением... С. 920; Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с описанием... С. 921–922. Оригиналы документов хранятся в РГАДА в фонде 389.

<sup>198</sup> Посольская книга по связям России с Ногайской ордой. С. 78, 83.

<sup>199</sup> Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство. С. 134; Посольство короля польского и великого князя литовского Сигизмунда Казимировича... Док. 85. С. 530.

1515 г. в составе полного титула Василия III отмечено, что он – государь и великий князь (в том числе) и Болгарский, т.е. казанский<sup>200</sup>.

После же смерти бездетного Мухаммед-Эмина (1518 г.)<sup>201</sup> на казанский трон снова был возведён московский ставленник – Шах-Али из враждебного крымским Гиреям клана потомков хана Ахмата, что вызвало возмущение и в Казани, и в Крыму.

Война 1505–1506 гг., хотя и была позже затменена походами Ивана Грозного и Казанским взятием 1552 г., оставила достаточно заметный отпечаток в общественном сознании, народной памяти и культуре.

Так, чаянья русских людей о походе на Казань после погрома купцов, осады Нижнего и кончины Ивана III отразил «Плач часового у гроба государя» (строки из него приведены в качестве эпиграфа к параграфу 2 этой главы), наиболее ранняя версия которого (без поздних напластований) восходит, как обоснованно показал А.О. Амелькин, именно к тем событиям, положившим «начало периоду ожесточённой борьбы... в истории русско-татарских отношений»<sup>202</sup>. Этот же исследователь показал, что под впечатлением от событий июня-июля 1505 г. могла сложиться и другая старинная песня – об Авдотье Рязаночке, в которой вместо русского торжища и посольства в Казани – русский же город Казань, вместо Мухаммед-Эмина – Бахмет, вместо убитого под Нижним Новгородом шурина хана – брат Бахмета, погибший в походе. Образ Авдотьи собирательный, но прежде всего в нём угадывается Евдокия – сестра Василия III, выданная за «царевича» Кудайкула<sup>203</sup>.

---

<sup>200</sup> Отправление посольства от великаго князя Василья Ивановича в Константинополь... С. 106.

<sup>201</sup> Его также бездетный брат Абдул-Латиф, выпущенный Василием III из ссылки после долгих просьб Мухаммед-Эмина, Нур-Султан и Менгли-Гирея, скончался при невыясненных обстоятельствах в 1517 г. (видимо, был убит по приказу великаго князя и его советников).

<sup>202</sup> Амелькин А.О. Отражение взаимоотношений Руси со Степью. С. 92; Амелькин А.О. Татарский вопрос... С. 13; Амелькин А.О. О ком плачет часовой? С. 29–30.

<sup>203</sup> Амелькин А.О. Отражение взаимоотношений Руси со Степью... С. 61–79; Амелькин А.О. Татарский вопрос... С. 13.

### ГЛАВА 3. «Война лета 7014» (1505–1506 гг.)

События той войны подверглись переосмыслению в русском нарративе, в котором в середине XVI в. отмечается крайний провинциализм, а все поражения русских войск считаются божьим промыслом и наказанием за грехи (Воскресенская летопись, Казанский летописец и др.), что объясняется усилившимися в середине XVI в. опасениями очередного конца света<sup>204</sup>, который ожидался в лето 7077 (1568/1569 гг.).

В «Степенной книге» передаётся агиографическая легенда о предсказании блаженного Галактиона Белозёрского из Ферапонтова монастыря (совр. Вологодская обл.), который, услышав о множестве павших русских воинов под Казанью, якобы сказал, что «многожды» будет великий князь Василий Иванович ходить к татарской столице, но без толку. Но вот родится у него сын и он-то Казань возьмёт<sup>205</sup>. Предсказание «забылось» и «вспомнили» его только после падения Казани в 1552 г.

В среде нижегородских краеведов в XIX в. возникла и пустила достаточно глубокие корни история о стрельце Феде Литвиче – литвине<sup>206</sup>, убившем ногайского мурзу при осаде Нижнего. Придумал его, видимо, П.И. Мельников-Печерский<sup>207</sup> и популяризовал Н.И. Храмцовский<sup>208</sup>. Другая легенда, связанная с осадой Нижнего и восходящая к Мельникову-Печерскому, утверждает, будто церковь во имя Ильи Пророка, давшая название одной из главных исторических улиц – Ильинской (Ильинки), построена якобы на том месте, где располагался шатёр ногайского мурзы<sup>209</sup>.

---

<sup>204</sup> Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь. С. 124–128.

<sup>205</sup> Книга Степенная царского родословия... С. 583–584.

<sup>206</sup> Т.е. литовском русине (как называли предков белорусов и украинцев).

<sup>207</sup> Чеченков П.В. Спорные вопросы истории Нижегородского кремля... С. 20; Чеченков П.В. Новая песня о «Старом». С. 7, прим. 4.

<sup>208</sup> Именно популяризовал, а не придумал, как предполагается в статье А.А. Мартяхиной и А.А. Кузнецова [Нижегородская легенда о «Феде Литвиче». С. 372–385], на ошибочность которой обратил внимание П.В. Чеченков.

<sup>209</sup> Селезнёв Ф.А. История Нижегородского края... С. 149.

## ГЛАВА 4

### НАЧАЛО НОВОЙ ТАТАРСКОЙ ВОЙНЫ (1521–1522)

#### 1. Международная ситуация в Восточной Европе накануне 1521 года

В 1515 г. скончался крымский хан Менгли-Гирей, и на его место сел Мухаммед-Гирей I, политика которого была направлена на расширение крымской власти на бывшие земли Золотой Орды, чему способствовала временная нейтрализация ногаев. Те были ослаблены вспыхнувшей после смерти бия Мусы междоусобицей, и их заволжские земли вместе со значительной частью населения оказались завоёваны казахами. Кочевавшие на «крымской» стороне Волги ногаи вынуждены были заискивать перед Крымом и Астраханью<sup>1</sup>.

С Мухаммед-Гиреем вероятно имел какие-то связи рязанский князь. Великое княжество Рязанское фактически находилось под московской властью, однако князь Иван Иванович пытался сохранить рязанскую самостоятельность и не допустить во владения своих предков московских наместников. Из-за этого зимой 1520/1521 г. он был вызван в Москву, обвинён в попытке союза с Крымом и брошен в темницу. Буферное государство между московскими и крымскими владениями было окончательно упразднено<sup>2</sup>.

Политика Москвы рубежа XV–XVI вв. в отношении находившихся в её руках потомков Улу-Мухаммеда явно не отличалась дальновидностью: все они были крещены и лишены права на престол<sup>3</sup>. И если какие-то надежды на утверждение в Казани Худайку-

---

<sup>1</sup> Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 154–157.

<sup>2</sup> Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 208–209.

<sup>3</sup> Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков. С. 83, 292. Мы, однако, можем предположить, что и тут был определённый расчёт: крещение одних и смерть других потомков Улу-Мухаммеда и должны были привести к пресечению казанской династии, сделав Казанское царство «выморочным» владением, окончательно децентрализованным и раздираемым склоками между аристократами, по вероятному замыслу, значительно упростив вмешательство в



ла – Петра Ибрагимовича ещё могли быть (иначе зачем такое поспешное крещение накануне войны с Казанью?), то в 1518 г. стало ясно, что никакой действительно подходящей кандидатуры у великого князя на замену Мухаммед-Эмину нет<sup>4</sup> (брат последнего – Абдул-Латиф, хотя и был выпущен из ссылки, но скончался в 1517 г. при подозрительных обстоятельствах<sup>5</sup>). Крымских «царевичей» в Казань пускать опасались. Если Мухаммед-Эмин поддерживал худой мир с Москвой и, возможно, беспокоился о благе своего юрта, то Гирей, особенно в условиях ухудшающихся крымско-московских отношений, могли принести много проблем. Но случилось это в любом случае, поскольку кандидатура Шах-Али не устроила ни Крым, ни казанцев. При этом Василий III прямо заявлял литовцам, что новый казанский царь посажен на трон им и ему служит<sup>6</sup>. Действительно, сам новоиспечённый «царь» в течение своей долгой жизни в основном вёл себя как преданный великому князю слуга.

В Крыму прочили Казанский юрт молодому и энергичному Сахиб-Гирею<sup>7</sup>, уже бывавшему в Казани, когда он сопровождал в поездке туда и Москву мачеху – Нур-Султан. Значительная часть казанцев также надеялась получить себе хана из Крыма. Однако в 1519 г. в Крымском ханстве резко обострилась внутривосточная ситуация: острая борьба между разными представителями правящей династии и аристократии пошатнула положение Мухаммед-Гирея и

---

местные дела со стороны Москвы. Однако, вышел просчёт – в казанские дела включились крымские Гирей.

<sup>4</sup> Этой ошибки в отношениях с пост-ордынскими государствами российские власти впредь избегали. См.: Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков. С. 83.

<sup>5</sup> Очень вероятно, что московские власти опасались пускать в Казань и его (хотя Менгли-Гирей и Мухаммед-Эмин просили об этом); после свержения Абдул-Латифа «промосковской» казанской знатью и долгих лет русской ссылки он был настроен явно враждебно к русским людям.

<sup>6</sup> Сношения боярина Григория Фёдоровича с воеводою виленским Николаем Радивилом [январь–июнь 1520] // Сборник РИО. Т. 35. №86. С. 559.

<sup>7</sup> По предположению Д.В. Смирнова – дабы под благовидным предлогом удалить его из Крыма, поскольку Сахиб мог претендовать на крымский трон [Смирнов Д.В. Крымское ханство под верховенством Османской порты. С. 400].

#### ГЛАВА 4. Начало новой татарской войны (1521–1522)

не позволяли ему в тех условиях пойти на конфликт с Москвой из-за Казани<sup>8</sup>. Но когда положение стабилизировалось, а в Крым прибыла делегация из Казани с просьбой избавить их от Шах-Али, Сахиб-Гирей с тремя сотнями отборных воинов отправился добывать престол, что и сделал в апреле 1521 г.

Содержание казанского послания известно в пересказе крымских послов великому князю литовскому. Они сообщили, что 15 августа 1520 г. в Крым пришло казанское посольство с просьбой направить к ним крымского царевича и изгнать Шах-Али. Казанцы хотели реализовать давний проект союза Казани и Крыма против Москвы, который предлагал ещё Мухаммед-Эмин. Они заверяли о своей преданности крымскому хану и, фактически, предлагали совместный удар по Московскому государству, сообщая, что «мы маем Отецких детеи<sup>9</sup> двадцать тысяч, а с Черемеши, а зь Мордвою и числа неть»<sup>10</sup>. Разумеется, это было сильное преувеличение – если не казанцев, то крымцев.

Сигизмунд I, хотя в предыдущие годы сам пытался реанимировать предложенный в 1506 г. Казанью проект совместного удара по Московии, на деле не спешил посылать новые войска против московитов, затянувшаяся война с которыми уже затихла, а даже если и хотел того, то литовское панство от этого решительно уклонялось<sup>11</sup>.

Несмотря на приготовления к войне, Мухаммед-Гирей до последнего сохранял видимость «дружбы» с Василием III, и даже пытался втянуть русского «союзника» в войну с Астраханским ханством<sup>12</sup>. В лето 7028 (1519/1520 г.) крымские послы запросили русские рати в помощь их хану против Астрахани, и великий князь вы-

---

<sup>8</sup> Смирнов И.И. Восточная политика Василия III. С. 30–31.

<sup>9</sup> По версии В.В. Трепавлова тут имеются в виду представители служилых семейств.

<sup>10</sup> Трепавлов В.В. «Отецкие дети»: элита Казанского ханства в литовской метрике. 602.

<sup>11</sup> В итоге в поход Мухаммед-Гирея на Московию было послана пара сотен литвинов. См.: Пенской В.В. Численность и развёртывание московского и татарского войска в кампанию 1521 года. С. 196.

<sup>12</sup> Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного. С. 22–26.

#### ГЛАВА 4. Начало новой татарской войны (1521–1522)

делил «7 городов силы судовой»<sup>13</sup> (т.е. дворян от семи служилых городов). Разрядные книги содержат перечень воевод, возглавлявших в лето 7028 судовую рать «под Казань»<sup>14</sup>.

В Большом полку – Андрей Иванович Курак Булгаков.

В Передовом полку – Семён Фёдорович Алабышев.

В Правой руке – Константин Семёнович (сын?) Романовича Сисей Ярославского.

Влевой руке – Андрей Петрович Великого.

В Сторожевом полку – Иван Петрович Збарецкой или Взбражской (вероятно, Збаражский).

Ниже в одной из разрядных книг добавлено, что под Казань были посланы также Иван Ушатой, Василий Ушатой Чулок и Александр Сицкой<sup>15</sup>. В другой книге это сообщение относится к лету 7027 (1518/1519 г.)<sup>16</sup>.

Ещё А.А. Зимин заметил, что воеводы, посланные в 1519/1520 г. «под Казань» имели невысокий местнический статус и не могли возглавлять большие воинские силы<sup>17</sup> (если исходить из теоретических расчётов, то это ок. 2–3 тыс. чел.). Добавим, что и значение этого мероприятия было небольшим, почему и посланы были не очень знатные лица – для вида, дабы продемонстрировать Крыму свою приязнь.

Перечисленные ниже воеводы (Ушатые и Сицкой) имели более высокий статус и больше назначений, поэтому сомнительно, что они были поставлены ниже расписанных по полкам воевод, или возглавляли неотмеченную конную рать, сопровождавшую, как иногда предполагается<sup>18</sup>, суда (воеводы конных ратей, посылаемых на Казань, всегда были по статусу ниже, чем воеводы судовых ратей). Поэтому можно предположить, что эти назначения не были единовременны. Тем более, что так и отмечено в одной из разрядных книг<sup>19</sup>.

---

<sup>13</sup> Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. 30. С. 145.

<sup>14</sup> РК 1598. С. 65; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 170–171.

<sup>15</sup> РК 1598. С. 65.

<sup>16</sup> РК 1605. С. 166.

<sup>17</sup> Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 206–207.

<sup>18</sup> Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 207.

<sup>19</sup> Свечников С.К. Присоединение Марийского края. С. 139.

#### ГЛАВА 4. Начало новой татарской войны (1521–1522)

А.Л. Хорошкевич в комментариях к «Запискам о Московии» отнесла к походу 1520 г. такие слова Герберштейна, приуроченные приблизительно к 1518/1520 гг.: «В то же время москвитин ходил и на Казанское царство, как судовою, так и с конною ратью, но вернулся оттуда безуспешно, потеряв очень много воинов. Хотя государь Василий был очень несчастлив в войне, его (подданные) всегда хвалят его, как будто он вёл дело со всяческой удачей. И пусть домой иногда возвращалась едва не половина воинов, однако москвиты делают вид, будто в сражении не потеряно ни одного». Причём И. Ушатого она поместила в конную рать, о которой источники не говорят<sup>20</sup>. Как верно заметил С.К. Свечников, в 1520 г. в Казани сидел Шах-Али, от лица которого в ханстве правили местные промосковские элементы и русский посол, следовательно, понести большие военные потери в тот год русские войска под Казанью не могли<sup>21</sup>. При этом исследователь отнёс эту цитату к предполагаемому им походу 1526 г., вопрос о котором будет рассмотрен нами отдельно<sup>22</sup>.

В 1520 г. судовая рать была изначально послана до Казани (что и отразилось в разрядах), поскольку поддержка Крыма в войне с Астраханью не предполагалась, но Москве нужно было продемонстрировать свою дружественную позицию. Логично допустить, что это случилось именно осенью 1520 г. – в Казани можно было посетовать на приближающуюся зиму, и развернуть суда домой. Далее же в разрядной книге, вероятно, имеется ошибка: приписанные ниже воеводы Ушатые и Сицкой могли быть направлены «под Казань» в 1519 г. для поддержки московского ставленника Шах-Али.

Слова же Герберштейна о тяжёлом поражении Василия III можно отнести к 1506 г. – если исходить из контекста, а также очень высоких потерь. Правда, это поражение несколько не замалчивается в летописях, а всяческое затушёвывание неудач характерно, скорее, для более позднего времени, т.е. речь идёт о войне 1524 г. Впрочем, австрийский дипломат мог перенести современную ему придворную атмосферу на начало правления Василия III.

---

<sup>20</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 72, 289 (прим. 147).

<sup>21</sup> Свечников С.К. Присоединение Марийского края. С. 139.

<sup>22</sup> Свечников С.К. Присоединение Марийского края. С. 138–141.

## 2. Переворот в Казани и «крымский смерч»

Спустя почти 15 лет после неудачного похода 1506 г., 21 февраля 1521 г. («в лето 7029»), скончался его неудачливый руководитель – князь Дмитрий Иванович. А весной казанские князья, сеиты и уланы Василию III «изменили», изгнали из Казани Шах-Али с его «царицей», а русских гостей (купцов) ограбили и задержали. На трон был посажен крымский султан Сахиб-Гирей<sup>23</sup>. «Казанский летописец» приводит подробности. Сообщается, что при перевороте было убито якобы 5 тыс. «варваров», служивших «царю Шигалею»; в число последних, видимо, могли входить и городецкие (касимовские) татары – как видно по более поздним событиям, они составляли своеобразную гвардию русских ставленников на казанском троне<sup>24</sup>. Кроме того, был ограблен русский воевода и убиты 1 тыс. (sic!) его «отроков». Показательно, что в Казани располагался иноземный воевода с немалой ратью, а особу хана охраняли, видимо, служилые татары, чьим государем был великий князь московский<sup>25</sup>. «Царя Шигалея» Сахиб-Гирей якобы пощадил из-за его знатного происхождения (что выглядит очень сомнительно в виду затяжной вражды Гиреев с потомством Кичи-Мухаммеда) и, дочиста ограбив его, отпустил вместе с тремя сотнями «варваров». После долгих мытарств тот добрался до Руси<sup>26</sup>. В другом, более близком к событиям, но менее, известном источнике прямо говорится, что Шах-Али возненавидели все люди Казанского царства, и ему пришлось перед прибытием Сахиб-Гирея тайно бежать из Казани и в страхе от черемисов пробираться на Русь через низовья Волги (там ему повезло встретить разъезд касимовских татар-казаков)<sup>27</sup>.

В противостоянии с Москвой Мухаммед-Гирей постарался опереться на авторитет Османской империи и рассорить османов с Ва-

---

<sup>23</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 37.

<sup>24</sup> Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. Т. 29. С. 69; Алишев С.Х. Казань и Москва. С. 82–83.

<sup>25</sup> В Московском государстве, как известно, европейский принцип «вассал моего вассала – не мой вассал» не действовал.

<sup>26</sup> Казанский летописец. С. 32.

<sup>27</sup> Новый памятник московской политической литературы XVI в. С. 160.

силием III, для чего всячески преувеличивал русское засилье в Казани. В частности, в письме султану за март-апрель 1521 г. он сообщил, что после смерти Мухаммед-Эмина казанцы попросили на править к ним царевича, и что его брат Сахиб выехал в Казань, но Василий III, узнав об этом, направил к границам Казанского ханства войска, почти перекрыл сообщение между Казанью и Крымом, и тем самым сильно стеснил Сахиб-Гирея. Кроме того, после смерти Мухаммед-Эмина великий князь будто бы изгнал из Казани кадиев, повелел построить церкви и заставляет казанцев присутствовать при христианском богослужении<sup>28</sup> (это было явным преувеличением, хотя, можно полагать, московское правительство могло попытаться построить в Казани, где постоянно присутствовали русские купцы и дипломаты, какие-либо православные постройки – были же они когда-то в Сарае). Причиной последующего вторжения в Московское государство Мухаммед-Гирей в письме к султану назвал желание великого князя московского изгнать из Казани Сахиб-Гирея<sup>29</sup>. Вероятно, это лукавство: Сахиб пришёл в Казань только в апреле, когда крымское войско уже сконцентрировалось к востоку от Перекопа. Это значит, что хан собирался напасть на Русское государство задолго до выяснения реакции Василия III на изгнание его ставленника из Казани. Впрочем, реакцию великого князя предугадать было несложно, что также повлияло на решение крымского хана о войне.

Московско-крымские войны не являются предметом нашего исследования. Поэтому ограничимся тут пространной справкой и отметим связь крымского похода 1521 г. с казанской военной активностью.

---

<sup>28</sup> Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. С. 124; Письмо крымского хана Мухаммед-Гирея I османскому султану Сулейману I с объяснением причин невозможности осуществления похода крымских войск на Польшу // История татар. Т. 4. С. 901–903.

<sup>29</sup> Акчурин М.М., Беляков А.В. Мещера и Крым в конце XV–XVI в. С. 169. Ссылка на издание: Лемесье-Келькеже Ш. Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. по неопубликованным источникам из архива Музея дворца «Топкапы» // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 47–56.

#### ГЛАВА 4. Начало новой татарской войны (1521–1522)

Летом 1521 г. на Московское государство обрушился «крымский смерч»<sup>30</sup>. Огромное татарское войско, выступив в поход ещё в апреле, 28 июня перешло Оку и рассыпалось по центральным русским уездам. По наиболее обоснованной оценке численность войска Мухаммед-Гирей составляла от 20–25 до 35 тыс. человек. Вошёл в их число и отряд черкасского старосты Е. Дашкевича с парой сотен воинов, посланных литовскими панами в знак «приязни» к Мухаммед-Гирею<sup>31</sup>.

Ещё весной на «берег» (Оки) были выдвинуты русские полки общей численностью до 35–40 тыс. ратников (оценка В.В. Пенского), однако они были рассредоточены от Калуги до Нижнего Новгорода (причём, восточная их часть должна была прикрывать внутренние уезды государства от казанского удара, а в центре против крымцев находилось 20–25 тыс.). Поскольку мир с Великим княжеством Литовским подписать до сих пор не удалось, ещё ок. 15 тыс. ратных стояли в северо-западных городах.

Воеводы допустили ошибку, полагая, что татары попытаются перейти Оку там же, где в 1517 г. Но те нашли иной путь, воспользовавшись, вероятно, проводниками из людей рязанского князя Ивана Ивановича или Е. Дашкевича. Русские полки были застигнуты врасплох и понесли тяжёлое поражение. Воеводы И. Шереметьев, В.М. Курбский, Яков и Юрий Замятнины погибли, а Ф.В. Лопата Оболенский с бою был взят в плен.

До самой Москвы крымское войско всё же не дошло (хотя татарские разъезды промышляли совсем рядом со столицей). Василий III заблаговременно эвакуировался из Москвы в Волоколамск, оставив за себя Петра Ибрагимовича. Последний даже дал Мухаммед-Гирею кабальную грамоту от лица великого князя, или, может, это сделал сам Василий Иванович. После этого, нанеся значительный урон неприятелю, хан не пожелал рисковать и отступил, поскольку с северо-запада уже выдвигались новые русские полки.

---

<sup>30</sup> Такое определение крымского нашествия достаточно широко распространено и восходит к названию главы в книге А.А. Зимина [Россия на пороге нового времени. С. 240].

<sup>31</sup> Пенской В.В. Численность и развертывание московского и татарского войска в кампанию 1521 года. С. 196, 201.

## ГЛАВА 4. Начало новой татарской войны (1521–1522)

На обратном пути хан подошёл к Рязани и попытался её взять, мотивируя тем, что новый владетель города (Василий III) дал ему кабальную грамоту (задерживаться Мухаммед-Гирей не хотел из опасения столкнуться-таки с великокняжеской ратью). Однако тут татар постигла неудача, поскольку оборонявший город Иван Хабар Симский, предварительно выкупив Ф.В. Лопату Оболенского, заявил, что не верит хану и попросил показать ему грамоту, а когда её завезли в город, уничтожил документ. Посрамлённый хан увёл войско, а от кабалы теперь можно было откреститься. За заслуги Иван Васильевич Хабар спустя несколько лет получил чин боярина<sup>32</sup>.

### 3. Казанская война 1521–1522 гг.

Крымского вторжения в Московском государстве опасались и его ждали, как и возможных силовых акций с казанской стороны. В связи с этим на южных и юго-восточных рубежах были размещены рати. По разрядам известны имена и количество воевод, находившихся в это время в Нижнем Новгороде, Муроме и на Мещере<sup>33</sup>.

В Нижнем Новгороде:

Андрей Дмитриевич Курбский – двоюродный брат Карамыша Курбского. Сравнительно многоопытный воевода (имел не менее 17 воеводских назначений с 1495 по 1521 гг., правда в основном не связанных с непосредственными боевыми действиями). Несколько раз возглавлял полки Правой руки и Сторожевой, а также бывал вторым воеводой Большого полка<sup>34</sup>. Как видим, оборону Нижнего поручили достаточно знатному, опытному и зрелому лицу. Подчеркнём, однако, что после событий 1521 г. из разрядных книг А.Д. Курбский пропадает.

Фёдор Юрьевич Щука Кутузов – один из воевод на Перевозе в кампании 1506 г.<sup>35</sup>; также весьма опытный воевода, участник мно-

---

<sup>32</sup> Филлошкин А.И. Василий III. С. 264–265.

<sup>33</sup> РК 1598. С. 66.

<sup>34</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 86, 90; РК 1605. С. 39, 45, 99, 107, 109, 112, 118, 121, 123, 127, 128, 132, 137, 157, 159, 160, 162.

<sup>35</sup> Отметим, что под Казанью тогда погиб его родич – Леваш Селиванов. См.: Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 258–259.



#### ГЛАВА 4. Начало новой татарской войны (1521–1522)

гих боевых действий (о нём подробнее будет сказано в связи с кампанией 1523 г.).

Михайло Андреев сын Плещеев – также имел значительный боевой опыт (подробнее о нём будет сказано в связи с казанской кампанией 1523 г.).

Иван Меньшик Голенин – малозаметный представитель одной из ветвей князей Ростовских; с 1519 г. имел 5 невысоких воеводских назначений в мероприятиях против литовцев и крымцев<sup>36</sup>.

Иван Збаражский – судя по всему, это представитель литовско-русского княжеского рода, основная часть которого оставалась в Великом княжестве Литовском<sup>37</sup> (правда, установить степень его родства с основной частью князей Збаражских не удалось). Сведений о воинском опыте и местническом статусе Ивана Збаражского у нас нет, в разрядных книгах он встречается за 1519/1520 г. (возглавлял Сторожевой полк, направленный к Казани – см. выше) и за 1521 г.

Юрий Ушатой Большой – представитель одной из младших ветвей Ярославских князей; если в данном случае он был воеводой, а не дворянским головой, то это его первое воеводское назначение. Ю. Ушатой и И. Збаражский оставались, вероятно, в городе с предыдущего плавания к Казани.

Константин Тимофеевич Замыцкой – представитель старомосковского дворянского рода, государственный деятель и дипломат, доверенное лицо Василия III. На воеводском поприще не отметился<sup>38</sup>, поэтому вероятнее, что и в 1521 г. находился в Нижнем не в качестве военачальника, а как наместник.

Под началом 5–6 воевод могло находиться не менее 3–4,5 тыс. ратников (по В.В. Пенскому – до 3 тыс.)<sup>39</sup>. Как видим, стоявшая в

---

<sup>36</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 76; РК 1605. С. 159, 161, 162, 167, 168.

<sup>37</sup> Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. С. 102–105, 207–209.

<sup>38</sup> Долгоруков П. Российская родословная книга. Т. 4. С. 106; Русский биографический словарь, издаваемый Императорским Историческим Обществом. С. 220–221.

<sup>39</sup> Пенской В.В. Численность и развёртывание московского и татарского войска в кампанию 1521 года. С. 199.

#### ГЛАВА 4. Начало новой татарской войны (1521–1522)

Нижнем Новгороде рать была многочисленна и возглавлялась в основном опытными воеводами.

В Муроме:

Юрий Дмитриевич Пронский – представитель рязанских Рюриковичей, осенью 1506 г. отправленный в неизвестной нам должности в Плёт по случаю готовившегося «казанского дела»; после этого имел одно воеводское назначение в Смоленскую войну<sup>40</sup>.

И.И. Щетина Оболенский. В 1506 г. он возглавлял Сторожевой полк, посланный на Перевоз под Казань; после этого имел четыре воеводских назначения (вторым и третьим воеводой в полках Перевозом, Правой илевой рук)<sup>41</sup>. Воеводский опыт относительно большой, включающий боевые действия (назначение 1521 г. стало для него, видимо, седьмым).

А.В. Сабуров – ещё один участник казанского похода 1506 г., в последующие годы получивший очень значительный воеводский опыт, включающий и боевые ситуации<sup>42</sup>.

Служилый сибирский «царевич» Ак-Девлет б. Ак-Курт (Шибанид), выехавший на Русь незадолго до 1513 г.<sup>43</sup> (это он в 1508 г. интересовался насчёт выезда на русскую службу его отца). О его боевом опыте сведений нет; к тому же если он и командовал самостоятельно каким-то контингентом, то разве что своими татарами.

Как видим, в Муроме двое из трёх воевод имели значительный опыт командования в боевых условиях, и все были весьма знатного происхождения (включая «царевича»-Шибанида). С тремя воеводами и Ак-Девлетом могло находиться около 2 тыс. ратников (включая, видимо, служилых татар); по мнению В.В. Пенского – до 1,5 тыс. бойцов<sup>44</sup>.

На Мещере:

Пётр Дмитриевич, князь Ростовский – племянник командующего конной ратью в кампании 1506 г. В 1507–1521 гг. трижды назна-

---

<sup>40</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 116.

<sup>41</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 47–49.

<sup>42</sup> Подробнее см. в разделе по кампании 1523 г.

<sup>43</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 130.

<sup>44</sup> Пенской В.В. Численность и развёртывание московского и татарского войска в кампанию 1521 года. С. 199.

#### ГЛАВА 4. Начало новой татарской войны (1521–1522)

чался воеводой на Мещеру (дважды возглавлял Большой полк) по «крымским вестям»<sup>45</sup>. Воевода малоопытный. Характерно, что после 1521 г. в разрядах не значится.

Михайло Семёнович Воронцов, имевший также небольшой воеводский опыт представитель московского служилого рода (подробнее о нём см. в разделе по кампании 1524 г.).

Князь Андрей князь Петров сын Великого из младшей ветви Ярославских князей (ответвление Шестуновых). Имел два воеводских назначения с 1515/1516 г., в т.ч. возглавлял полк Левой руки судовой рати, отправленной в 1520 г. к Казани<sup>46</sup>. Воевода малоопытный.

Григорий Андреев сын Колычев Большой – в разрядах до 1521 г. числился дважды или трижды (с 1514 или 1515 г.), оба раза среди воевод на Мещере. После этого, видимо, назначался только на административные должности<sup>47</sup>.

Василий Чулок Ушатой – его подробная характеристика дана ниже в разделе о подготовке казанской кампании 1524 г. Тут отметим, что В.В. Ушатый – очень опытный и «обстрелянный» воевода (на 1521 г. имел не менее 11 назначений).

Дмитрий Семёнов сын Воронцов – брат М. Воронцова, впервые в разрядах появляющийся в 1519 г. (участвовал в боевых действиях против литовцев). К 1521 г. имел уже три назначения, включая прошлогоднее в этих же местах<sup>48</sup>.

Иван Средней Кашин – мещерский волостель, князь. С характеристикой этого лица возникли затруднения. Вероятно, в разрядах он проходит именно как волостель, а не воевода.

---

<sup>45</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 80; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 98, 166, 172, 174.

<sup>46</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 90; РК 1598. С. 58; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 171.

<sup>47</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 181–182; РК 1598. С. 57, 62, 66; РК 1605. С. 141.

<sup>48</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 157–158, 160; РК 1598. С. 63; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 171, 174.

#### ГЛАВА 4. Начало новой татарской войны (1521–1522)

На Мещере же числился служилый царевич Еналей (Джан-Али)<sup>49</sup> с городецкими сеитом, князьями, мурзами и казаками (ок 500 чел.?). Царевич возглавлял городецких татар номинально, поскольку ему тогда было около пяти лет. Служилые татары в данном случае прикрывали свои же земли, а не направлялись куда-то по «казанским вестям», поэтому и упоминание сидевшего на Мещерском юрте царевича не означает его участия в военных мероприятиях.

Таким образом, отмеченные на Мещере воеводы не обладали значительным опытом – кроме В. Ушатого; на него, видимо, легла основная тяжесть командования. Всего с воеводами могло быть до 4,5–5 тыс. ратников (по оценке В.В. Пенского – до 4 тыс.)<sup>50</sup>.

На реке Mokше в Наровчатове:

Иван Михайлович Троекуров из Ярославских князей. Первое воеводское назначение имел за год до этого – также на Мещере<sup>51</sup>.

Василий Андреев сын Кривоборской Ковёр – малозаметный представитель фамилии Ковровых из Стародубских князей<sup>52</sup>. Первые в разрядах записан в 1495 г., когда сопровождал Ивана III в Новгород. Во время войны «Лета 7014» наместничал в Перми (1506 г.)<sup>53</sup>. Хотя А.А. Зимин писал, что Василий Ковёр «промелькнул» в разрядах на воеводской должности в 1517–1521 гг., этот князь числился среди воевод на Мещере ещё в 1514 г. В 1517 г. был вторым воеводой Лево́й руки опять же на Мещере, и в том же году поднялся до второго воеводы Передового полка в войске на мещерском Толстикe. Летом 1520 г. он снова был среди воевод на Мещере<sup>54</sup>. Можно говорить о некоторой специализации, и о том, что В.А. Кривоборский хорошо должен был быть знаком с вверенным ему участком. Правда, после 1521 г. воеводой его больше не назначали.

---

<sup>49</sup> Брат Шах-Али.

<sup>50</sup> Пенской В.В. Численность и развёртывание московского и татарского войска в кампанию 1521 года. С. 199.

<sup>51</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 84; РК 1598. С. 65.

<sup>52</sup> Имеется в виду Стародуб Ряполовский на Клязьме.

<sup>53</sup> А также ранее – в 1503 г.

<sup>54</sup> Зимин А.А. Формирование боярский аристократии. С. 36; РК 1598. С. 60–62, 65; РК 1605. С. 141.

#### ГЛАВА 4. Начало новой татарской войны (1521–1522)

Якуб Ивашенцов (подробнее о нём см. в разделе по походам 1523–1524 гг.) и Семён Жеребятин. По другим назначениям видно, что Я. Ивашенцов был одним из начальников «наряда», т.е. он не был воеводой, как, видимо, и помещённый за ним С. Жеребятин. Всего, таким образом, на Мокше могло находиться 1–1,5 тыс. ратников. Командовали ими малоопытные, хотя и знакомые с местными условиями, воеводы.

Всего же восточная группировка насчитывала от 10,5 (по подсчётам В.В. Пенского)<sup>55</sup> до 13 тыс. ратников. Несмотря на то, что на Мещере и Мокше оказались в основном неопытные воеводы, основная часть ратей находилась под началом многоопытных и знатных военачальников. Это говорит о серьёзном отношении «ставки» (великого князя и его советников) к ситуации. Тем не менее, распродолченность войск по городам и неясность положения в условиях крымского нашествия на центр страны не позволили оказать заметное противодействие удару с востока. Возможно даже, что изначально не планировалось широких боевых акций в поле против казанцев, поскольку те не смогли бы занять города, а сельская местность не была так густо заселена, как в центральных уездах. Тем не менее, можно обратить внимание на то, что из 16 воевод восточной группировки после 1521 г. четверо (Г.А. Колычев, П.Д. Ростовский, А.Д. Курбский, В.А. Кривоборский) на воеводскую должность больше не назначались; это может говорить о недовольстве ставки их командованием.

Вскоре после занятия Казани Сахибом казанцы отправились в набег на северо-восточные окраины Московского государства (при этом Пафнутьевский летописец сообщает о посольстве в Москву от Сахиба с предложением мира, коварно направленном из Казани, несмотря на набеги<sup>56</sup>). Известно, что уже 26 мая татары и черемисы пришли на Унженские волости (по р. Унже и в районе совр. с. Унжа Костромской обл.) и к Парфеньеву (совр. с. Парфеньево одноимённого р-на Костромской обл., где, видимо, находилась великокняжеская администрация). Многие местные жители были убиты или

---

<sup>55</sup> Пенской В.В. Численность и развёртывание московского и татарского войска в кампанию 1521 года. С. 199.

<sup>56</sup> Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 241.

#### ГЛАВА 4. Начало новой татарской войны (1521–1522)

уведены в полон. Тем не менее, инициативные и энергичные унжинцы (об участии воевод и детей боярских не сообщается) пошли на «переём» (перехват) казанского отряда и нанесли ему поражение, освободив полон, побив или взяв в плен многих черемисов и татар. Летопись пафосно добавляет: «и на костях сташа» (несмотря на чрезвычайно незначительный масштаб битвы – скорее всего, с обеих сторон в ней участвовало менее 1 тыс. бойцов).

В тех же местах действовал, видимо, ещё один казанский отряд, который 4 июня осадил городок Унжу<sup>57</sup>. В историографии ранее отмечалось, что Унжа была одной из «передовых крепостей» на границе с Казанским ханством<sup>58</sup>. Судя по археологическим данным, унжинские укрепления располагались на холме меж двух оврагов, имели подчетырёхугольную форму и размеры 95/100 на 45/50 м. С северной, северо-западной и западной сторон прослежен подковообразный в плане вал высотой до 4 м, а с напольной, северной стороны – ещё и ров глубиной до 4 м и шириной до 10 м. Ворота располагались с юго-западной стороны<sup>59</sup>. В ходе татарского приступа были зажжены мост и ворота (татары использовали зажигательные стрелы?), однако в городке имелись пищали и пушки, с помощью которых приступ был отбит с большим уроном для нападавших. Татары ушли, однако пограбили волости, взяли большой ясырь (полон), и долго стояли станом по волостям<sup>60</sup>. Отстоять городок удалось вряд ли только из-за наличия огнестрельного оружия. Казанцев и тут, судя по всему, было немного – от силы несколько сотен.

Особенности лесных северо-восточных русских волостей, характер военных действий и охваченная ими площадь позволяют предположить, что на этом направлении действовали сравнительно небольшие казанские силы, вряд ли превышавшие тысячу бойцов.

---

<sup>57</sup> Галицкая летопись // История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. С. 601–602.

<sup>58</sup> Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. С. 225.

<sup>59</sup> Комаров К.И. Археологическая карта России. Костромская область. С. 227–228; Электронный ресурс: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Унжа\\_\(Костромская\\_область\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Унжа_(Костромская_область))

<sup>60</sup> Галицкая летопись // История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. С. 601–602.

Характерно, что и в источниках не говорится о многочисленности казанцев, в отличии от некоторых других (более поздних) случаев, когда подчёркивается нападение казанских «многих людей»<sup>61</sup>. Малочисленность казанских сил на северо-западном направлении подтверждается и общим стратегическим замыслом Сахиб-Гирей – летом он с основной частью своих войск ударил по западному (Нижегородско-Мещерскому) направлению (см. ниже).

После сообщения о разорении центральных уездов Московского государства крымцами, в Галицкой летописи говорится о новом казанском нападении на уезды северо-восточные. Нападением подверглись Жегово, Нойда, Шартаново, Толшма, «и до Ухоны доходиша» (до р. Сухоны?). Под Жеговым может подразумеваться совр. деревенька Ожогово Буйского района Костромской области (к северо-западу от Буя), или же более восточное с. Жохово в тогдашнем Галицком уезде<sup>62</sup>; ещё один вариант – совр. с. Ожегино к северо-западу от Галицкого озера. Шартаново – быть может, совр. одноимённая деревня на севере Вологодской области, но скорее имеется в виду Шартаново Чухломского района Костромской области (что к северо-западу от Парфеньева).

Толшма – поселение на одноимённой реке, протекающей по территории совр. Костромской (Солигаличский район) и Вологодской (Тотемский район) областей. Начинается она к северу от Чухломы, и впадает в Сухону. Возможно, однако, имеется в виду другая река – также правый приток Сухоны, протекающий в Грязовецком районе Вологодской области. В волости Толшмы татары частью посекали, частью свели в полон «полсемы тысящи христиан» (6,5 тыс. чел.). Последняя цифра видится сильно завышенной. Для

---

<sup>61</sup> Разрядная книга 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 284; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 114; Галицкая летопись. С. 603. Характерно, что в Галицкой летописи о воинстве Чуры Нарыкова, пришедшего в 1540 г. в северо-восточные уезды, говорится как о великой силе, в то время, как в Разрядной книге 1475–1605 гг. его войско оценивается в 8 тыс. человек, т.е. несколько тысяч казанского войска воспринимались как нечто необычное.

<sup>62</sup> Наказной список, данный Третьяку Котенину, с установлением взимаемых на великого князя доходов в половине Галицкого наместничества [1535–1542] // АСЗ. Т. 1. №123. С. 97–98.

сравнения: по куда более точным данным XVII в., крымские татары и ногаи увели в полон со всех южных «украин» в 1632 г. – 2660 чел., в 1633 г. – 5700 чел., 1637 г. – 2280 чел., в 1644 г. – до 10 тыс. (?). За 1607–1617 гг., когда пограничная охрана почти не действовала, а многочисленные кочевники ходили за полоном вплоть до Серпухова, эта цифра может достигать 100 тыс. (ок. 10 тыс. ежегодно), однако и тогда 6,5 тыс. только с одной небольшой северной волости в 1521 г. выглядят завышенной раз в десять. При этом подчеркнём, что казанцы значительное число людей убили, что было нехарактерно для профессиональных охотников за ясырём (крымцев и ногаев): известно, что, например, в 1637 из захваченных в полон 2280 чел. было убито только 37, а в 1645 г. из 5750 чел. – 20 человек<sup>63</sup>.

Угрожали казанцы и Чухломе. Местное население в случае татарского прихода должно было укрываться в укрепленном городе<sup>64</sup>.

О разорении татарами и черемисами в тот год русских поселений в Среднем Поволжье источники молчат, однако путь казанских отрядов должен был пролегать как раз через эту территорию. Казанцы могли двигаться как от устья Ветлуги вверх по течению, так и напрямик через земли луговых черемисов. Вероятнее всего, они поворачивали на запад вблизи совр. станции Ветлужская (в Краснобаковском районе Нижегородской обл.), где Ветлуга сближается с Унжей (по прямой между ними около 30 км), после чего шли в заунженские места. Во время набегов 1535–1545 гг. казанцы действительно разоряли русские населённые пункты на Ветлуге<sup>65</sup>.

На западном направлении нападению казанцев подверглись Нижегородские, Муромские и Мещерские места, куда Сахиб-Гирей пришёл «со всеми Казанскими людьми»<sup>66</sup>. Подробности известны только по Нижегородскому уезду: 21 августа возглавляемый Сеи-

---

<sup>63</sup> Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л., 1948. С. 434–436.

<sup>64</sup> Запись Афанасия Афанасьева сына Кривого Троице-Сергиеву и Симону м-рям об условиях совместного с ними владения и пользования двором в Чухломе... [1524/1525 г.] // Акты Русского государства 1505–1526 гг. №242. С. 242.

<sup>65</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 249.

<sup>66</sup> Русский хронограф // ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 518.



том, Булатом и Кучелеем казанский отряд разорил Березополье к юго-востоку от Нижнего Новгорода (выше по течению Оки, в совр. Богородском р-не), и дошли до Клина на правом берегу Оки (совр. село в Вачском р-не Нижегородской обл., в 35 км к северо-востоку от Мурома), побив или полонив сельское население. Три дня они простояли под Нижним Новгородом, но ушли, не нанеся заметного ущерба<sup>67</sup>, что не удивительно в виду многочисленности гарнизона и мощности каменного кремля с его хитрой системой обороны.

Видимо, в условиях двустороннего удара с юга и востока воеводы, стоявшие в Нижнем, выйти в поле против татар не решились (нет сведений даже о вылазках за крепостные стены). Можно полагать, что с Сахиб-Гиреем к городу подошли значительные силы – большая часть казанских казаков и мурз, а также конные ополченцы, так что численность казанского войска могла превышать 4 тыс. и, тем самым, превосходить число нижегородский «гарнизон». Возможно, это имел в виду автор «Казанского летописца», когда после рассказа о выдворении из Казани Шах-Али писал: «одолеваху бо Руского они [не – И.Б.] силою своею, токмо лукавою хитростию, [а не – И.Б.] ратным боем. И таковы силны от несильных изнемогше; велик бо тогда от них страх об(ъ)емлет всю нашу Рускую землю. И токмо воеводы Московския, на краях земля стояща, по градом, стражаху прихода Казанцом, боязнию одержими и не смеючи на них выходити из градов»<sup>68</sup>.

В одном малоизвестном источнике в связи с набегом на Нижний Новгород сообщается, что казанцы «быша до вечера, и пошли прочь, и в верхнем конце сожгли церковь Рождества пресвятыя Богородицы да 40 дворов по Гремячей ручей, да Печерской монастырь выжгли же». В данном отрывке упоминаются источник под одноимённой Гремячей горой (в совр. Нижнем Новгороде рядом с ним находятся Благовещенский монастырь и Канавинский мост через Оку), деревянная церковь, на месте которой в 1719 г. построили каменную Рождественскую (Строгановскую) церковь, а также ниже-

---

<sup>67</sup> Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. С. 246; Нижегородский летописец. С. 31.

<sup>68</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. Ст. 34.

городский Вознесенский Печорский монастырь, возможно, располагавшийся тогда в трёх км ниже по течению Волги<sup>69</sup>.

Герберштейн писал, что за несколько лет до его приезда в 1526 г. татары сожгли городок или посёлок в двух милях от Нижнего Новгорода, в котором вываривали соль (из-за экономической важности русские люди его восстановили)<sup>70</sup>. Есть мнение, что имеется в виду ранняя Балахна<sup>71</sup>, хотя она находится более чем в 30 км от Нижнего Новгорода. Нападение, к тому же, должно было быть совершено скорее в зимнее время, поскольку переправиться казанскому отряду через Волгу (с Луговой стороны) или Оку (с Горной) по воде было бы затруднительно.

Интересно, что в кампании 1521 г. стратегически-важной целью обоих татарских ханов была Мещера, конкретно, судя по некоторым данным, т.н. Андреев Городок Каменный (на Цне, у совр. с. Темгенево Сасовского р-на Рязанской обл.), на который крымские татары ходили ещё в 1515 г. и намеревались – в 1516 г. Городок одно время находился в пожаловании у служилого «царевича» Джаная, а потом, видимо, был центром местных служилых татар (позже его место занял Шацк)<sup>72</sup>. Такое внимание к Мещере было вызвано, вероятно, тем, что там находились пожалования городецкого (касимовского) «царя», которым в то время был Джан-Али (Жангали) – брат Шах-Али и представитель враждебной Гиреям большеордынской династии<sup>73</sup>.

Герберштейн сообщал о походе Сахиб-Гирея не только к Нижнему, но и ко Владимиру; окрестности бывшей столицы Северо-Восточной Руси оказались разорены татарами впервые за 73 г. (с

---

<sup>69</sup> Чеченков П.В. Новая песня о «Старом». Электронный ресурс: Открытый текст. С. 17. Дата размещения: 09.12.2012 [<http://opentextnn.ru/space/nn/kremlin/index.html?id=4661>]; Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. С. 140, 147, 156, 174, 188, 202, 217.

<sup>70</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 164.

<sup>71</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. Прим. 589. В XV в. этот населённый пункт имел, видимо, другое название – Соль-на-Гордце.

<sup>72</sup> Акчурун М.М., Беляков А.В. Мещера и Крым в конце XV–XVI в. С. 169–170.

<sup>73</sup> Между прочим, последний хан Большой Орды Шейх-Ахмед был ещё жив и томился в литовском плену; его возможного освобождения и возвращения опасались в Крыму.

1448 г.). Более того, согласно «Запискам о Московии», казанское войско прошло до Коломны, где объединилось с крымским, после чего татары пошли к Москве<sup>74</sup>.

О совместном крымско-казанском походе на русскую столицу официальные летописи молчат. И.И. Смирнов объяснял это их тенденциозностью, а в подтверждение версии о походе к Москве привёл выдержку из Галицкого летописца, в котором говорится о приходе 1 августа к русской столице «крымского царевича» (Мухаммед-Гирей был царём, а царевичем летописи именуют Сахиб-Гирея)<sup>75</sup>. Правда, как заметил сам И.И. Смирнов, это можно объяснить и ошибкой составителей летописи. А.А. Зимин не согласился с этими построениями, указывая на их слабость (в летописях Сахиб-Гирей всегда называется царём, 1 августа крымцы были у Рязани и др.)<sup>76</sup>. Из современных авторов версию о совместном походе принимают, например, В.А. Волков<sup>77</sup> и А.Г. Бахтин<sup>78</sup>.

Трудно сказать, насколько правомерно принимать версию Герберштейна (к тому же и у него не сказано прямо про поход двух ханов к Москве). Другие источники ничего про совместный поход не сообщают. Более того, в Нижегородском летописце приход казанцев к Нижнему Новгороду датируется 21 августа, что ещё больше запутывает дело. Выходит, что казанцы дошли до города в устье Оки уже после ухода крымцев в степи. Или же туда заехал отдельный отряд Сеита, Булата и Кучелея, отъехавший от ханского войска при его возвращении от Москвы? Действительно, собрав большую часть казанских ратников Сахиб-Гирей мог бы иметь 4–5 тыс. конницы; с таким войском вполне можно было совершить рейд с Мещеры (от Андреева городка?) до Коломны (менее 200 км по прямой), вместе с Мухаммед-Гиреем дойти почти до Москвы (у стен самого города татары не появлялись), а затем вернуться круглым путём (например, через Переяславль-Рязанский, к которому пошёл крымский хан, на Мещеру и через мордовские земли – в казанские

---

<sup>74</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 173.

<sup>75</sup> Смирнов И.И. Восточная политика Василия III. С. 39–42.

<sup>76</sup> Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 245–246.

<sup>77</sup> Волков В.А. Войны и войска Московского государства. С. 87.

<sup>78</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 212.

пределы). Однако неясность в источниках не позволяет уверенно принять версию со столь глубоким рейдом. После 40-х гг. XV в. казанское войско никогда не совершало столь далёких маршей, что можно объяснить их сравнительной малочисленностью<sup>79</sup>. Столкновений с великокняжеским войском опасался и крымский хан, располагавший значительно большими силами, чего уж говорить о Сахиб-Гирее, который не отличался безрассудной смелостью на войне. И всё же можно допустить, что, дойдя до Мещеры, казанский хан рискнул пойти на соединение с братом и даже проследовать вместе с ним в сторону Москвы, тем самым потешив своё самолюбие. Касательно же даты из Нижегородского летописца – можно предположить и её ошибочность, поскольку этот источник грешит хронологическими ошибками.

Казанским набегам в 1521–1522 гг. подверглась и Вятская земля, о чём говорит упоминание осадного сидения в грамоте к великокняжескому наместнику городка Слободского, составленной 29 июня 1522 г., на что обратил внимание А.Г. Бахтин<sup>80</sup>. В городке от казанцев отсиживались русские люди и каринские татарские князья с их чувашами и удмуртами, причём отмечается бездействие этих князей в деле укрепления городка и отчистки улиц в осадное время<sup>81</sup>. В дальнейшем, однако, судя по отрывочным сведениям, каринские князья неплохо показали себя на службах против «казанских людей»<sup>82</sup>.

---

<sup>79</sup> Русские рати примерно такой же численности проходили через земли Великого княжества Литовского, а их разъезды почти достигали Вильно, однако это объясняется слабостью литовской стороны – малочисленностью его воинства и трудностями его мобилизации.

<sup>80</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 212;

<sup>81</sup> Грамота московского великого князя Василия на Вятку наместнику г. Слободского Гавриилу Мансуровичу от 29 июня 1522 года о привлечении татарских каринских князей, удмуртов и чуваш к участию в постройке и в г. Слободском городских укреплений, в очистке его улиц в осадное время и в охране города // Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. Ижевск, 1958. №78. С. 349–350.

<sup>82</sup> Жалованная грамота того же московского великого князя арским князьям Матфею Девятлярову и Шамаю Казыеву... // Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / сост. Луппов П.Н. Ижевск, 1958. №19. С. 93–94.

#### ГЛАВА 4. Начало новой татарской войны (1521–1522)

Таким образом, казанцы действовали на трёх операционных направлениях: западном/юго-западном (Нижний Новгород – Муром – Мещера), северо-западном (Галич, Унжа) и северном (Вятка). Наибольшей протяжённостью и глубиной отличался северо-западный «фронт» – свыше 100 км шириной, и до 250 км глубиной. На последних двух направлениях задействованы были малочисленные мобильные отряды, угрожавшие, прежде всего, сёлам<sup>83</sup>. Активность на северо-востоке наблюдается с конца мая и до осени, видимо, с перерывами. Удар в западном направлении казанцы предприняли во время крымского вторжения или уже после его окончания (если принять версию Нижегородского летописца). Эффективности набегов способствовали их внезапность, отсутствие русской разведки на этом направлении (что удивляет в виду хорошей информированности правительства о походе казанцев в 1505 г.), разреженность русского населения, растерянность местного начальства в условиях крымского вторжения и, судя по всему, проводники из луговых и ветлужских черемисов.

То, как быстро и с каким размахом казанское войско атаковало русские «украины», явно противоречит точке зрения, будто «агрессивная антирусская внешняя политика, культивируемая Сахиб-Гиреем, была чуждой для большинства казанской феодальной аристократии в силу прежде всего длительных мирных отношений с Русским государством накануне переворота 1521 г.»<sup>84</sup>. Военно-служилое сословие как раз было настроено против Шах-Али, русского вмешательства в дела ханства, а также попыток Москвы использовать их для решения своих военно-политических проблем, почему после прихода Сахиб-Гирея почти сразу отправилась в набег (судя по датам, казанцы выступили на северо-запад уже в начале мая). Помимо демонстрации новым ханом анти-московской политики и захвата добычи, набег на русские «украины» могли являться опережающим ударом, поскольку после свержения Шах-

---

<sup>83</sup> Контингенты по несколько тысяч человек для этого не годились – они менее подвижны, более заметны, пополнить провиант и поживиться такому большому количеству людей (и коней) в редконаселённой лесной сельской местности было бы затруднительно.

<sup>84</sup> Свечников С.К. Присоединение Марийского края. С. 125.

Али и избияния русских людей в Казани Василий III неминуемо послал бы к Казани войско.

#### 4. Итоги татарского нашествия 1521 года

Для Московского государства результаты татарского вторжения были плачевными. Впервые большое крымское войско вторглось в центральные районы и подвергло их разорению, которого они не знали едва ли не столетие. В полон были уведены тысячи или даже десятки тысяч человек (Герберштейн писал о 800 тыс., что нереально, но отражает впечатление от нашествия<sup>85</sup>).

Старались не отставать от крымцев и казанцы. Многих пленных они увезли и продали в Астрахани<sup>86</sup>. В ноябре 1521 г. азовский бурган (должностное лицо османской администрации) передавал великому князю, что ранее из Казани в Крым было приведено 160 русских людей, которых затем продавали в Кафе<sup>87</sup>. Тем не менее, события 1521 г. показывают значительную разницу между Крымским и Казанским ханствами в уровне боевого потенциала. Мухаммед-Гирей, имея около 30–35 тыс. (а скорее всего и меньше) конницы, подверг опустошению центральные и южные уезды Московского государства и дошёл до Москвы. Казанцы же, даже действуя в союзе с Крымом, в условиях, когда большинство русских войск было брошено на отражение удара с юга, дошли только до Нижнего, Мурома и Владимира (возможно, и до Тулы), не сталкиваясь со значительными силами противника. Показательно, что большинство русских летописей (что отметил ещё И.И. Смирнов<sup>88</sup>) вовсе молчат о боевых действиях казанцев, сообщая лишь о крымском вторжении. Это может говорить о малом масштабе казанских набегов в сравнении с «крымским смерчем».

Успеху нашествия способствовал фактор внезапности: крымцам удалось обойти заставы и «перелезть» на левый берег Оки, после чего разгромить отдельные русские рати, чьи воеводы, зачас-

---

<sup>85</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 175.

<sup>86</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 175.

<sup>87</sup> Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны»... С. 221.

<sup>88</sup> Смирнов И.И. Восточная политика Василия III. С. 39–40.

тую, терялись, не могли предпринять слаженных действий и бежали. Впоследствии при дворе было проведено разбирательство того, кто допустил «оплошку». Многие из воевод валили вину на молодого и неопытного Д.Ф. Бельского, которому по знатности (потомок литовского князя Гедимина) доверили командование над всей центральной группировкой войск, хотя и придали опытных товарищей, которых он, якобы, не слушал. Тот, в свою очередь, заявил, что первым бежал брат великого князя – Андрей. В итоге Василий III опалился только на князя Воротынского и на несколько лет «заклучил в оковы». Кроме того, остальные воеводы также были повинны перед государем (и перед народом – но в эпоху вотчинной государственности это было маловажно); В.В. Шуйский в 1522 г. давал Василию Ивановичу крестоцеловальную запись о верной службе<sup>89</sup>.

*Отметим, кроме того, что в ночь на 29 июля, пользуясь моментом, из заточения в Москве бежал рязанский князь Иван Иванович. Он прибыл в Рязань, после чего ушёл в Литву (ум. в 1534 г.)<sup>90</sup>.*

Возможно, бездействие воевод против татар привело к беспорядкам во многих городах. По крайней мере, на это предположение наводит фраза из Галицкого летописца: «А мятеж учинал по всем городом велик и до Галича»<sup>91</sup>. В качестве подтверждения такой версии И.И. Смирнов привёл пример из 1545 г., когда в Гороховце недовольные подобным бездействием местные жители чуть не забили воеводу камнями<sup>92</sup>. Того же мнения был и А.А. Зимин<sup>93</sup>. Однако можно предположить и иные трактовки: может иметься в виду поведение воевод, иные из которых, как сказано в предыдущем пред-

---

<sup>89</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 175–176; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 245; Пенской В.В. Численность и развертывание московского и татарского войска в кампанию 1521 года. С. 197.

<sup>90</sup> Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 240–245; Пенской В.В. Численность и развертывание московского и татарского войска кампанию 1521 года С. 194–203.

<sup>91</sup> Галицкая летопись // История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. С. 602; Смирнов И.И. Восточная политика Василия III. С. 42.

<sup>92</sup> По версии М.А. Несина, вероятнее это было в 1544 г. [Несин М.А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. С. 464].

<sup>93</sup> Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 243.

#### ГЛАВА 4. Начало новой татарской войны (1521–1522)

ложении, разбежались от татар; другой вариант – под мятежом подразумеваются действия татар, до этого числившихся в подчинении у великого князя (казанцы) или в договоре с ним (крымцы); как раз описана география татарских набегов – многие города вплоть до северного Галича.

Крымский поход стал важной вехой в истории Восточной Европы. Как подчёркивает М.В. Моисеев, он «ознаменовал кардинальную смену расстановки сил в поволжской системе международных отношений. Равновесие, которое установилось после 1502 г. [уничтожения Большой Орды], характеризующееся несколькими центрами силы, оказалось окончательно разрушено. Теперь отношения в регионе будут иметь вид подчёркнутого противостояния Русского государства и Крымского ханства»<sup>94</sup>. Казанское ханство в этой системе оказалось «зажато» между Крымом и Москвой.

В Московском государстве уже, видимо, в 1521 г. стали раздаваться предложения об ударе по Казани, как наименее сильному и более доступному противнику. По крайней мере известно, что между крымско-казанским вторжением и новой казанской кампанией Василия III (1523 г.) книжник Максим Грек написал послание к великому князю с таким призывом<sup>95</sup> (см. ниже).

---

<sup>94</sup> Моисеев М.В. Крах Большой Орды и формирование новой системы межгосударственных отношений... С. 351.

<sup>95</sup> Ржига В.Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист // Акад. наук СССР. Труды Отд. древне-рус. литературы ИРЛИ. 1. С. 95–102.



## ГЛАВА 5

### КАЗАНСКАЯ КАМПАНИЯ 1523 ГОДА

#### 1. Астраханский инцидент 1523 г. и подготовка русского похода на Казань

Летом 1522 г. (конец 7030 года) великий князь Василий Иванович с многочисленными полками провёл в ожидании нового крымского вторжения. Русские рати стояли по городам на южной «украине»; сам Василий III разместился в Коломне<sup>1</sup>.

Достоверных сведений о набегах казанцев летом 1522 г. у нас нет, так что неясно, воспользовались ли они занятостью русских войск на Берегу. Исключение составляет рассказ из жития Макария Желтоводского и Унжинского, составленного накануне Казанского взятия (ок. 1552 г.). В нём сообщается о приходе 5 июля 1522 г. 20 тыс. «агарян» к Унже. Сражение за город, длившееся несколько дней, описывается в эпических тонах, а изгнание «варваров» приписывается небесному заступнику Унжи – преподобному Макарию (что является одним из первых чудес, связанных с явлением преподобного)<sup>2</sup>. При этом унжинским воеводой назван Фёдор Супонев, фигурирующий в разрядных книгах среди воевод в Чухломе и Галиче с 1528 по 1541/1542 гг., но не в Унже<sup>3</sup>. Отсутствие упоминаний летней осады города в 1522 г. в более достоверных источниках и многочисленные художественные добавления заставляют осторожно отнестись к этой информации. Возможно, этот сюжет создан специально для жития на основе художественно переосмысленных автором местных преданий о всех предыдущих нападениях татар на город.

---

<sup>1</sup> РК 1605. Т.1. Ч. 1. 182–187.

<sup>2</sup> Понырко Н.В. Житие Макария Желтоводского. С. 291–293; Житие Макария Желтоводского и Унженского // Библиотека литературы Древней Руси. [Электронное издание] / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Т. 13: XVI век [<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10577>]

<sup>3</sup> РК 1598. С. 72, 92, 100, 102, 1006; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 206–208, 270.

Более достоверно сообщение об осенних набегах на северо-восточные волости: 15 сентября татары и черемисы приходили в Галицкие волости, многих жителей убили или увели в полон. Находившуюся в Парфеньеве великокняжескую заставу разогнали, а воевод частью посекли, частью полонили.

Видимо, тот же отряд 28 сентября внезапно ударил на Южно. Казанцы пожгли церковь Николы Чудотворца, а жителей побили или увели в полон. Только тогда галичский воевода Андрей Пиялов с местными детьми боярскими отправился в погоню за нападавшими<sup>4</sup>. О результате погони источник не говорит.

Во второй половине XVI – первой трети XVII вв. в Галиче отмечено 200–250 детей боярских<sup>5</sup>. В первой трети XVI в. их, предположительно, было ещё меньше. Исходя из этого можно предполагать, что казанская рать насчитывала приблизительно 100–300 бойцов (вряд ли воевода и его «войско» безрассудно бросились бы на неприятеля, значительно превосходящего их по численности).

Отмеченные в локальной Галичской летописи набеги большим летописным сводам неизвестны, однако из этого не следует делать выводы о тотальном разорении русских окраин казанцами, поскольку даже в таком внимательном к местным событиям источнике, как этот, за полвека отмечено всего 5 самостоятельных эпизодов с казанскими набегами, и те были приурочены к крупным военным конфликтам.

В течение 1522–1523 гг. военно-политическое положение Московского государства резко улучшилось, поскольку был заключён, наконец, мир с Великим княжеством Литовским (война 1512–1522 гг.), а в начале 1523 г. наиболее опасный противник – Крымское ханство – на время был нейтрализован ногаями.

Мухаммед-Гирей намеревался подчинить себе как можно больше земель бывшей Золотой Орды. С этой целью, а также в отместку за нападение астраханцев на крымские земли во время его

---

<sup>4</sup> Галицкая летопись // История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. С. 602.

<sup>5</sup> Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий, Вып. 10. М. Дрвলেখранилище. 2004. С. 123, 125, 128; Разрядные книги 1598–1638 гг. С. 254, 261.

## ГЛАВА 5. Казанская кампания 1523 года

похода на Русь, в конце 1522 г. Мухаммед-Гирей выступил к Хаджи-Тархану (Астрахани) и взял город к марту 1523 г. Однако вскоре после этого сомнительного триумфа во время пребывания в Хаджи-Тархане Мухаммед-Гирей вместе со своим наследником был убит ногаями во главе с мурзой Мамаем, после чего крымское войско ногайским молниеносным ударом было разбито и бежало. Следом за ним, а иногда и опережая разрозненные крымские отряды, ногаи ворвались в Крым и целый месяц грабили полуостров. Крымское ханство на время оказалось не при делах<sup>6</sup>.

Несмотря на разгром крымцев, среди ногаев не было единства – ряд мурз и Агиш-бий не поддержали в дальнейшем мурзу Мамаю. Астраханский хан Усеин (Хусейн) также был враждебен Мамаю и его сторонникам, и даже написал новому крымскому хану Саадет-Гирею и казанскому Сахиб-Гирею письма с призывом совместного выступления против Мамаевых ногаев<sup>7</sup>. Однако Сахиб-Гирею было уже не до ногаев.

Возможно, в конце 1522 – начале 1523 гг. между Москвой и Казанью могли проходить переговоры (по крайней мере, так следовало отвечать русскому послу литовцам на вопрос о Казани)<sup>8</sup>. Если и так, то захват Астрахани крымцами привёл к их срыву.

Рассказу о новом казанском походе Василия III в 1523 г. в летописях предшествует сообщение о русском погроме в Казани. Как сообщает Никоновская летопись, хан Сахиб-Гирей причинил много зла «христианству» и кровь проливал, «аки воду» (жертвой стали, видимо, в основном купцы, захваченные ещё в 1521 г.), а также убил московского посланника Василия Юрьевича Поджогина (Поджегина)<sup>9</sup> – брата великокняжеского фаворита И.Ю. Шигоны Поджогина<sup>10</sup>. Случилось это, скорее всего, в марте, поскольку Са-

---

<sup>6</sup> Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 166–174.

<sup>7</sup> Зайцев И.В. Астраханское ханство. С. 100–101.

<sup>8</sup> Посольство от великаго князя Василья Ивановича к королю Сигизмунду Казимировичу с боярами Василием Григорьевичем Морозовым и Андреем Никитичем Бутурлиным... // Сборник РИО. Т. 35. №94. С. 667.

<sup>9</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 43.

<sup>10</sup> Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начало XVII вв. С. 483.

хиб-Гирей не пошёл бы на это, узнав об убийстве в Астрахани крымского хана и ногайском погроме в Крыму. Также считал И.И. Смирнов<sup>11</sup>, хотя А.А. Зимин был иного мнения, относя убийство русского посла ко времени после гибели Мухаммед-Гирея<sup>12</sup>. Однако следует уточнить, что если Сахиб и пошёл на такой демарш, то явно находясь вне ведения о судьбе крымского хана, т.е. в любом случае в надежде на крымскую поддержку. О захвате Мухаммед-Гиреем Астрахани, как о важнейшем военно-политическом достижении, крымцы должны были оповестить Казань в срочном порядке, а сама новость могла подтолкнуть Сахиба к решительным действиям.

После такого инцидента новый русский поход на Казань стал неизбежен. В том же 1523 г. московские полки направились на восток. Дальше Суры, однако, основная их часть не пошла. По казанским землям прошлась, видимо, небольшая («легкая») рать. На казанском берегу Суры было поставлено укрепление – Василь-город, а сам великий князь оставался в Нижнем Новгороде.

Немаловажным является вопрос о времени получения на Москве известия о разгроме крымцев, поскольку ответ на него позволяет ответить на другой вопрос – решение о походе на Казань было принято Василием III после получения сведений о выбытии Крыма, или до это, т.е. вне зависимости от возможного крымского удара?

Известно, что на Москву сведения о крымском погроме принесли казаки, приехавшие в русскую столицу во второй половине июня, и весной наблюдавшие беспорядочное бегство крымцев<sup>13</sup>. Предшествовавшая Полоцкому походу 1562–1563 гг. мобилизация огромного войска заняла два месяца<sup>14</sup>, а в 1523 г. численность ратников была в 3–5 раз меньше; к тому же из-за угрозы татарского вторжения какая-то часть полков могла уже быть готова, так что мобилизация остальных сил заняла меньше времени. Исходя из даты начала похода (28 июля 1523 г.), можно предположить, что подготовка к нему началась во второй половине июня. Это не противо-

---

<sup>11</sup> Смирнов И.И. Восточная политика Василия III. С. 46.

<sup>12</sup> Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. С. 253. Прим. 54.

<sup>13</sup> Зайцев И.В. Астраханское ханство. С. 94.

<sup>14</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 49.

речит времени получения в Москве сведений от казаков (хотя вероятно, что об астраханских событиях и разгроме крымского войска там узнали ещё раньше). Таким образом, русское командование действовало из видения сложившейся ситуации и оперативно приняло решение о походе на Казань. За этот вариант говорит и позднее время выступления рати: для успешных действий против Казани следовало выступать весной (а готовить поход с зимы), а не тянуть до конца июля.

## **2. Состав воеводского корпуса 1523 г. и численность русской рати**

В Разрядной книге имеется роспись воевод, командовавших полками в походе на Суру, но, видимо, неполная – отсутствуют воеводы судовых полков Правой,левой руки и Сторожевого. Если бы войско было послано по «малому разряду», а часть воевод, прибывших в Нижний Новгород, осталась там при великом князе, то отправленную на Суру рать должны были разбить на 3 полка. Поэтому в данном случае можно полагать пропуск в документе, по крайней мере, сведений о Сторожевом полку, а с учётом большого масштаба похода – также полков Правой илевой рук. Всего перечислено 12 воевод и 5 командующий артиллерией. В источниках, однако, имеются разночтения и фигурируют другие воеводы, но на неясных назначениях.

В той же разрядной книге ошибочно за конец лета 7030 (август 1522 г.) отмечено, что на Суре в Василе городе были воеводы князь Александр Васильевич Кашин и князь Иван Фёдорович Стригин Ряполовский. Затем (уже за лето 7031) говорится о походе Василия III с братом в Нижний Новгород. Из Нижнего по Волге до Суры ходили ставить Василь-город и, видимо, остались там воеводы с полками<sup>15</sup>. Затруднительно ответить, в каком статусе участвовали А.В. Кашин и И.Ф. Стригин Ряполовский в военных мероприятиях 1523 г., поскольку они отсутствуют в более полном разряде за лето 7031. Отсутствует в разрядах и Шах-Али, о чьём участии в походе на Су-

---

<sup>15</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 187–188.

ру сообщают летописи. Поэтому более вероятным объяснением будет фрагментарность дошедших разрядных записей. Тем не менее, попытаемся решить эту проблему.

Тут, однако, возникает сразу несколько вопросов. Кто командовал тремя «младшими» полками судовой рати? Кто возглавлял конную рать? Какие назначения первоначально имели воеводы, оставшиеся в Василь-городе? (что связано с первым вопросом).

В Русском Хронографе приведены следующие имена: во главе судовой рати – Василий Васильевич Шуйский и Андрей Васильевич Сабуров. Конную рать возглавлял Борис Иванович Горбатой. Отмечаются также оставшиеся в Василь-городе воеводы: Александр Иванович Стригин, Василий Салтыков, Михайло Бакеев («а с ними многия люди») <sup>16</sup>. В Нижегородском летописце во главе конной рати указан Андрей Борисович Горбатый Шуйский <sup>17</sup>.

Имена воевод известны в основном по разрядам, а некоторые – по летописям, причём только А.И. Стригин присутствует и в Русском Хронографе (среди воевод, оставшихся в Василь-городе), и в разрядах (воевода Правой руки конной рати). Кроме того, в Русском Хронографе вторым главным воеводой всего похода (наряду с В.В. Шуйским) назван А.В. Сабуров. Таким образом, мы имеем список назначений нескольких воевод по полкам, а также список воевод без назначений, поэтому определить точный состав воеводского корпуса в походе 1523 г. весьма затруднительно. Можно, однако, попытаться реконструировать его исходя из знатности и выслуг отмеченных лиц.

Приведём полный перечень воевод.

***В судовой рати:***

Большой полк – В.В. Шуйский и М.Ю. Захарьин.

Передовой полк – С.Ф. Курбский и М.А. Плещеев.

Полк Правой руки – неизвестны.

Полклевой руки – неизвестны.

Сторожевой полк – неизвестны.

---

<sup>16</sup> Русский Хронограф // ПСРЛ. Т. 22. С. 519.

<sup>17</sup> Нижегородский летописец. С. 32.

С Малым нарядом – Григорий Собакин, Якуб Ивашенцов и Михайло Зверь. С Большим нарядом – Степан Собакин, Исаак Шенгурский. Надзирать за артиллерией был поставлен Михайло Юрьевич Захарьин (наряд состоял при Большом полку)<sup>18</sup>.

***Берегом в конной рати к Суре ходили:***

Большой полк – боярин князь Иван Юрьевич/Иванович (по разрядной книге) / Борис Иванович (по Русскому Хронографу) / Андрей Борисович (по Нижегородскому летописцу) Горбатой и кн. И.В. Телепнёв-Оболенский.

Передовой полк – боярин (?) Ф.Ю. Щука Кутузов и окольный И.В. Ляцкой.

Полк Правой руки – князь А.И. Стригин Оболенский

Полклевой руки – князь П.И. Репнин

Сторожевой полк – В.А. Шереметьев и князь И.М. Шамин.

***Воеводы, отмеченные в походе или оставшиеся в Василь-городе:***

М. Бакеев, А.В. Кашин, А.В. Сабуров, В. Салтыков, И.Ф. Стригин Ряполовский, А.И. Стригин Оболенский.

Рассмотрим состав воеводского корпуса.

Возглавлял Большой полк и всю судовую рать боярин и князь Василий Васильевич Шуйский Немой (ум. 1538) – представитель старшей ветви нижегородско-суздальских князей. Он отметился на поприще дипломатии, административной и военной деятельности. Это был очень опытный воевода, имевший на 1523 г. не менее 18 воеводских назначений (включая 11, связанных с прямыми боевыми действиями), 7 раз возглавлявший рати разных размеров, трижды – Передовой полк, дважды – полк Правой руки (а также дважды был вторым и один раз – третьим воеводой Большого полка, и один раз – вторым в Передовом полку)<sup>19</sup>. Воевал в основном с литовцами, а также участвовал в отражении крымских вторжений в 1507 и 1521 гг. В последнем случае – неудачно: он был вторым (после Д.Ф. Бельского) воеводой войск, располагавшихся в Серпухове и Кашире, через которые крымцы прошли, воспользовавшись него-

---

<sup>18</sup> РК 1605. С. 187–188.

<sup>19</sup> РК 1605. Т. 1. С. 65, 71, 74, 75, 80, 93, 97, 99, 107, 108, 111, 114, 121, 125, 126, 134, 139, 140, 145, 157, 159, 162, 164, 166, 169, 171, 177.

## ГЛАВА 5. Казанская кампания 1523 года

товностью воевод; В.В. Шуйский попал на время в опалу и вынужден был дать запись о верности Василию III<sup>20</sup>. Таким образом, судовой ратью был поставлен командовать представитель высшей аристократии, имевший большой командный опыт, в т.ч. в боевых условиях, хотя и допускавший в недавнем прошлом грубые ошибки на воеводском поприще.

Вторым воеводой Большого полка был окольный<sup>21</sup> Михайло Юрьевич Захарьин (ум. в 1538 г.) из влиятельного старомосковского боярского рода Кошкиных-Захарьиных. В статусе сына боярского упоминается ещё в связи с мирным походом Ивана III на Новгород в 1495 г. Осенью 1506 г. М.Ю. Захарьин возглавлял полк Левой руки направленной в Муром рати на случай казанского вторжения, однако после прибытия других воевод был, видимо, смещён на более низкую должность. Принимал участие в Смоленских походах (1512–1514 гг.) и последующих кампаниях войны 1512–1522 гг. Всего на 1523 г. этот воевода имел 10 или 11 полковых назначений, причём, как правило, сопряжённых с участием в боевых действиях (не все они отмечены у А.А. Зимина). Пять раз был вторым воеводой Большого полка, по одному разу – вторым и третьим в Передовом полку, по разу возглавлял полк Левой руки и Сторожевой<sup>22</sup>. Как отмечал А.А. Зимин, М.Ю. Захарьин не был сколько-нибудь успешным воеводой, однако являлся особо доверенным лицом Василия III, «оком государевым», приглядывавшим за другими военачальниками (Герберштейн именовал его одним из главных советников великого князя), а также дипломатом. В 1519 г. он побывал в Казани, сопровождая московского ставленника – «Шигалея». Кроме того, исследователь предполагал участие его в устранении Абдул-Латифа в 1517 г. и отметил, что весь наряд (артиллерия) в походе 1524 г. подчинялся ему же (поскольку наряд был подведомственен дворцовому ведомству)<sup>23</sup>. Как видим, это

---

<sup>20</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 70–72.

<sup>21</sup> Как полагал А.А. Зимин, боярином М.Ю. Захарьин стал позже 1523 г.

<sup>22</sup> РК 1598. С. 26; РК 1605. Т. 1. С. 95, 124, 127, 128, 132, 137, 139, 142–143, 149, 150, 155, 180, 183.

<sup>23</sup> Зимин А.А. Формирование дворянской аристократии... С. 185–186; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 165–166.



был опытный дипломат, доверенное лицо великого князя, к тому же знакомый с Казанью.

Передовой полк судовой рати возглавлял боярин Семён Фёдорович Курбский – немолодой опытный воевода из князей Ярославских, впервые появляющийся в разрядах в 1495 г. Видимо, после удачного руководства походом на Югру в 1499–1500 гг. ему в 1506 г. во время войны с Казанью было доверено командование судовой ратью на Каме. Как уже говорилось, действия этого контингента, судя по всему, успеха не имели (тогда же под Казанью погибли оба его брата – Михаил Карамыш и Роман)<sup>24</sup>. Тем не менее, последующие 18 лет С.Ф. Курбский неоднократно назначался воеводой (конных ратей) и постепенно повышал свой статус и опыт. Воевал преимущественно с литовцами. Мы насчитали не менее 8 назначений, не менее 5 из которых были непосредственно сопряжены с боевыми действиями. Пять раз С.Ф. Курбский возглавлял Передовой полк, дважды – полк Правой руки, позже был вторым воеводой Большого полка и однажды возглавлял Сторожевой полк<sup>25</sup>. Это был весьма многоопытный и «обстрелянный» воевода.

Вторым воеводой Передового полка был назначен Михайло Андреевич Плещеев (ум. 1531) из старомосковского боярского рода, восходящего к Ф. Бяконту (отцу знаменитого митрополита Алексия), дипломат (первый русский представитель в Османской империи) и воевода. Административные и дипломатические назначения имел с 1490-х гг. Мы насчитали у него не менее 10 воеводских назначений, включая 4, связанные непосредственно с боевыми действиями (рейды на литовские территории, в одном из которых он возглавлял полклевой руки); остальные – в основном в составе войск, стоявших в каких-то городах на случай войны с литовцами или крымцами. Дважды возглавлял полклевой руки<sup>26</sup>, один раз был в нём вторым, трижды был вторым воеводой Большого полка, один раз – третьим, один раз возглавлял Сторожевой полк, один раз – был в нём вторым воеводой. Это был воевода со сравнительно

---

<sup>24</sup> Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 54–55, 75, 78; Илюшин Б.А. Казанский поход 1506 г.: анализ подготовки и боевых действий. С. 103.

<sup>25</sup> РК 1605. С. 99, 100, 124, 134, 136, 143, 149, 152, 160, 169.

<sup>26</sup> При этом возглавлял всё войско Б.И. Горбатый.

большим опытом. Впрочем, как отмечал А.А. Зимин, этот талантливый и деятельный человек по некоторым причинам постоянно находился под подозрением у великого князя, почему и не сильно продвинулся по службе; он не дослужился до боярина, а, возможно, не был и окольным<sup>27</sup>.

**«Наряд»**

Начальные люди «наряда» будут рассмотрены в следующей главе, поскольку их состав в кампаниях 1523–1524 гг. идентичен, а в 1523 г. артиллерия не принимала участия в военных действиях.

**Конная рать**

Первого воеводу Большого полка конной рати разрядные записи называют Иваном Юрьевичем или Ивановичем, Русский Хронограф – Борисом Ивановичем, Нижегородский летописец – Андреем Борисовичем.

Маститым воеводой и боярином был Б.И. Горбатый (род. не позже начала 1470-х, ум. в 1537)<sup>28</sup>, упоминающийся в разрядах с конца 80-х гг. XV в. Разрядная книга первым воеводой называет Ивана Юрьевича или Ивановича. Среди князей Шуйских (в т.ч. Горбатовых) во второй половине XV – первой половине XVI вв. Иван Юрьевич неизвестен<sup>29</sup>, следовательно, это описка, и рассматривать нужно только Ивана Ивановича. А таковым в первой трети XVI в. может быть только брат Бориса – Иван. Под Андреем Борисовичем Нижегородского летописца может пониматься только А.Б. Горбатый по прозвищу Бучен – двоюродный брат отмеченных выше Бориса и Ивана, и родной – Фёдора Кузнеця, погибшего под Казанью в 1506 г.<sup>30</sup>

Следует сопоставить опыт и прошлые назначения всех троих князей, а также учесть степени их старшинства относительно друг друга.

---

<sup>27</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 195, 199–200, 213; РК 1605. Т. 1. С. 63, 96, 98, 122, 130, 131, 134, 135, 140, 143, 150, 153, 154, 160, 161, 164, 166, 172, 174.

<sup>28</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 73–74.

<sup>29</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 68–69.

<sup>30</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 68–74; Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 82–83.

Борис Иванович имел громадный опыт командования большими воинскими контингентами (мы выявили не менее 13 таких назначений, включая 5–6 эпизодов командования ратями в условиях непосредственного боестолкновения), а первой значительной его военной кампанией было присоединение Вятки в 1489 г. Шесть раз он возглавлял Большой полк, дважды – Правую руку, дважды – Сторожевой полк, а также бывал вторым воеводой Правой руки<sup>31</sup>. Для выполнения ответственного задания, каким был поход конной рати на Суру и казанские земли, он подходит более всего, однако по версии разрядной книги в 1523 г. он находился с войсками у Опочки<sup>32</sup>. Впрочем, это могло быть ранней весной, а позже он прибыл в войско великого князя. Тем более, что в лето 7032 (1523/1524 гг.) он значился воеводой или наместником в Муроме<sup>33</sup>.

Иван Иванович – младший брат Бориса; как отметил А.А. Зимин, он по служебной лестнице не продвинулся. В 1505 г. командовал полком Правой руки войска, выдвинутого в Муром для противодействия вторжению казанцев (как уже говорилось, это войско по объективным причинам не успело вступить в бой с татарами), а в 1516 г. возглавлял Большой полк на Рославле<sup>34</sup>. Как видим, И.И. Горбатый имел очень мало опыта и всего 2 воеводских назначения. Не имел он, судя по всему, и высокой придворной должности.

Андрей Борисович Бучен происходил от младшего брата отца рассмотренных выше лиц, т.е. был младше их как биологически, так и по родовому счёту. Тем не менее, по карьерной лестнице он продвинулся дальше Ивана Горбатого. Всего мы насчитали у него к 1523 г. не менее 5 воеводских назначений, включая не менее двух, непосредственно связанных с боевыми действиями против литов-

---

<sup>31</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 30, 44, 116, 121, 122, 130, 131, 135, 138, 142, 143, 149, 150, 153, 173, 175, 180, 186.

<sup>32</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 186, 188.

<sup>33</sup> Судный список по делу об оговоре Фёдором Ивановым сыном Крыжина муромских детей боярских в намерении бежать в Литву [осень 1523?] // АСЗ. Т. 4. №502. С. 386–388; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 73.

<sup>34</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 74; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 154.

## ГЛАВА 5. Казанская кампания 1523 года

цев. Дважды он возглавлял Большой полк (причём в боевых условиях – в походах на литовские земли), дважды – Передовой, один раз – полк Правой руки<sup>35</sup>.

С учётом вышесказанного, наименее вероятным кандидатом на место командующего конной ратью является И.И. Горбатый. Андрей Бучен упоминается не в самом достоверном источнике. Б.И. Горбатый у Опочки в тот год мог находиться весной, а уже осенью, согласно той же разрядной книге 1475–1605 гг., наместничал в Муроме; к тому же этот источник попросту может иметь пропуски относительно казанской кампании 1523 г., почему в ней Б.И. Горбатый и не отмечен. Соответственно, самый вероятный вариант – с назначением Бориса Ивановича.

Вторым воеводой Большого полка был Иван Васильевич Немой Телепнёв-Оболенский. Оболенские – разветвлённый княжеско-боярский служилый род, происходящий от Черниговских Рюриковичей, и ещё со второй половины XIV в. служивший московским князьям. Во второй половине правления Василия III из их числа выдвинулось сразу несколько видных военных и политических деятелей<sup>36</sup>. Иван Васильевич Немой, к 1526 г. ставший боярином, имел не менее 8 воеводских назначений. Бывал вторым воеводой Большого полка, четырежды возглавлял Передовой и трижды – полк Левой руки<sup>37</sup>. Назначений имел много, правда, без достоверного боевого опыта – в основном стоял с полками в городах. В лето 7021 или, вероятнее, 7026 (1517/1518 г.) возглавлял Передовой полк рати, стоявшей на Суре на случай казанского вторжения, т.е. он лично был знаком с местностью. Возможно, это определило его назначение в 1523 г.

Передовой полк возглавлял участник казанского похода 1506 г. (в котором был вторым воеводой Сторожевого полка) боярин Ф.Ю. Щука Кутузов – представитель московской служилой знати<sup>38</sup>. После этого он имел ещё не менее 8 воеводских назначений, участвовал в боевых действиях против литовцев (включая один из Смоленских

---

<sup>35</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 152, 157, 160, 162, 182, 184.

<sup>36</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 43, 44, 50.

<sup>37</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 122, 128, 129, 131, 139, 155–156, 158, 159, 163, 170, 183.

<sup>38</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 258.

походов), а также назначался на административные должности. Единожды возглавлял Сторожевой полк, после чего четырежды – Передовой<sup>39</sup>.

Вторым воеводой Передового полка был окольный Иван Васильевич Ляцкой (ум. ок. 1552) из рода Кошкиных-Захарьиных, племянник видных деятелей времён Ивана III Якова и Юрия Захарьевичей<sup>40</sup>. Иван Васильевич был выдающимся военачальником первой половины XVI в. и к 1523 г. уже имел значительный опыт командования, хотя, как писал А.А. Зимин, в его карьере имелись взлёты и падения. Имел не менее 8 или 9 воеводских назначений (против литовцев, кроме 1522 г, когда участвовал в походе Василия III в Коломну против крымцев), включая не менее 5 с боевыми действиями. Особо отметим, что в 1517 г. он с В.Ф. Телепнёвым командовал ратью, разгромившей литовцев под Опочкой, за что ему была от Василия III «честь велика». При всём этом он только раз или два возглавлял полк (Левой руки), в остальных случаях был вторым воеводой (один раз – Большого полка, трижды – Передового) и четвёртым (в Передовом полку). Ещё одна деталь – в 1515 г. был вторым воеводой Передового полка в походе кн. Б.И. Горбатого на литовцев; можно предположить, что аналогичное его назначение в 1523 г. подтверждает версию именно о кн. Борисе Ивановиче как о командующем всей конной ратью<sup>41</sup>.

Полк Правой руки возглавлял князь Александр Иванович Стригин-Оболенский, чьи братья в казанском походе 1506 г. возглавляли Сторожевые полки судовой и конной ратей. Начав карьеру позже братьев, к 1523 г. А.И. Стригин имел не менее 5 воеводских назна-

---

<sup>39</sup> РК 1605. С. 124, 128, 141, 150, 154, 160, 161, 174.

<sup>40</sup> Его отец имел земли в Ляцком погосте Шелонской пятины Новгородской земли, отсюда и фамилия.

<sup>41</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 183–184, 187–188; Лобин А. Н. Оборона Опочки 1517: Бесова деревня против армии Константина Острожского. С. 41–42; РК 1605. С. 115, 143, 149, 150, 152, 155, 157, 158, 160, 164, 183–185; Герберштейн С. Записки о Московии. Ссылка 213. Также отметим, что именно И.В. Ляцкого Герберштейн в 1517 или 1526 гг. просил описать Московию; это говорит о широте кругозора и осведомлённости князя.

чений, включая 3 в условиях боевого контакта, дважды возглавлял Сторожевой полк, один раз – полк Левой руки, а также бывал вторым воеводой полков Передового и Левой руки. Кроме того, будучи наместником в Козельске, он в 1507 г. с небольшой ратьёю догнал отступавшие после набега крымские отряды, разбил их и освободил пленных<sup>42</sup>. Как видим, воевода сравнительно опытный и обстрелянный. После завершения казанской кампании 1523 г. он остался с другими воеводами в построенном на Суре Василь-городе. Этот же факт позволяет предполагать, что и остальные воеводы в Василь-городе пришли туда в составе судовой или конной ратей летом 1523 г., следовательно, кто-то из них мог быть воеводой одного из неупомянутых полков судовой рати.

Полк Левой руки возглавлял князь Пётр Иванович Репнин-Оболенский – сын боярина И.М. Репни Оболенского. Упоминается в разрядах с 1510/1511 г. К 1523 г. имел не менее 5 воеводских назначений в полках (и 2 – среди городских воевод), хотя достоверных случаев его участия в военных действиях нами отмечено одно или два (в частности, он сталкивался в бою с крымскими татарами). Возглавлял полки Правой руки и Передовой. В остальных случаях был вторым воеводой Передового, Сторожевого (один раз) и Большого (один раз) полков<sup>43</sup>. Кроме того, П.И. Репнин четырежды направлялся вместе с другими воеводами в Новгород-Северский «для крымского царя приходу»<sup>44</sup>.

Сторожевой полк возглавлял кн. Василий Андреевич Шереметьев из старинного боярского московского рода. В 1521 г. во время крымского вторжения он был среди воевод в Коломне<sup>45</sup>, затем служил в Вязьме, опять в Коломне и под Голутвином<sup>46</sup>. До

---

<sup>42</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 49; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 97, 98, 100, 109, 110, 112, 146, 150, 153, 170.

<sup>43</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. С. 53; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 115, 122, 147, 148, 151, 155, 159, 161.

<sup>44</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 159, 161, 175, 179.

<sup>45</sup> Во время крымского вторжения погиб его брат Иван [Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 189].

<sup>46</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 189.

1523 г. на высших командных должностях не отмечен, до думного чина не дослужился.

Вторым воеводой Сторожевого полка был поставлен кн. Иван Михайлович Шамин – представитель одной из многочисленных ветвей князей Ярославских<sup>47</sup>. Имел не менее 7 или 8 воеводских назначений, а также сопровождал великого князя в одном из Смоленских походов, хотя в боевых действиях (против литовцев) принимал участия, видимо, раза два. По разу возглавлял Передовой и Сторожевой полки, дважды был вторым воеводой полка Левой руки, ещё пять раз – вторым и третьим воеводой Сторожевого полка<sup>48</sup>. Опыт имел сравнительно большой, хотя в основном без непосредственного боевого контакта. Вторым воеводой назначался, видимо, в силу не самого высокого родового статуса, что, однако, не говорит о его непрофессионализме. В данном случае на него, напротив, должна была лечь вся ответственность командования полком при неопытном В.А. Шереметьеве.

#### ***Воеводы в Василь-городе***

Михайло Бакеев – судя по всему, это Михайло Ильин сын Семёновича Бокеев (Бакеев) – представитель выехавшего на московскую службу в последней трети XV в. тверского боярства (род шёл от потерявших княжеский титул Фоминских князей). В разрядах фигурирует как сын боярский ещё в 1495 г. Однако далее встречается в разрядах только в 1526–1527 гг. в качестве второго воеводы в Муроме и на Мещере<sup>49</sup>. Если он и числился в 1523 г. полковым воеводой, то скорее вторым или третьим, да ещё в наименее престижном полку. Поэтому можно предположить, что в составе выдвинутой на восток русской группировки он или находился в числе второстепенных воевод полков Левой руки или Сторожевого в судовой рати (в крайнем случае, возглавлял Сторожевой полк), или же вообще не числился полковым воеводой, а был назначен одним из воевод оставшегося в Василь-городе гарнизона.

---

<sup>47</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 105.

<sup>48</sup> РК 1605. С. 123, 126, 127, 132, 137, 139, 149, 152, 156, 159, 163, 185, 188.

<sup>49</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России.... С. 260–264, 278; РК 1598. С. 26, 71, 74.

## ГЛАВА 5. Казанская кампания 1523 года

Андрей Васильевич Сабуров – дворянин и окольныйчий<sup>50</sup>. Он дважды бывал в Казани по военным делам – в 1499 г. (для защиты хана Абдул-Латифа от ногаев) и 1506 г. (в артиллерии), а также был в войске, собранном против казанцев в 1507 г. После казанской катастрофы успешно продолжил военную карьеру, и на 1523 г. имел не менее 16 воеводских назначений, включая не менее 5 боевых, в том числе два, связанные с Казанью, остальные – в литовских войнах (участвовал и в Смоленских походах, окончившихся взятием города). Дважды возглавлял Передовой полк, трижды – Сторожевой, дважды бывал вторым воеводой Большого полка (при В.В. Шуйском), вторым и третьим – Передового<sup>51</sup>. Присутствие в войске такого маститого воеводы подтверждает предположение о том, что изначально планировался поход непосредственно на Казань, а не просто разорение Горной стороны для прикрытия постройки острога. Можно предположить, что поначалу А.В. Сабуров был среди полковых воевод судовой рати и возглавлял полк Правой руки, но затем остался «годовать» в Василь-городе.

Александр Васильевич Кашин (ум. после 1542) – сын основателя этой линии князей Оболенских, ещё в 1508 г. служивший удельному князю Калужскому Семёну (брату Василия III). Многоопытный воевода, имевший не менее 12 или 14 воеводских назначений, включая пять боевых операций на литовских землях и две – по преследованию отступавших крымских войск. Воевал в основном с литовцами, а также неоднократно назначался воеводой на «украинах» против крымцев. Дважды возглавлял полк Правой руки, четырежды – полклевой руки, дважды был вторым воеводой полкалевой руки и один раз – полкалевой руки; кроме того, несколько раз находился в Большом полку, а также дважды был первым воеводой на Угре<sup>52</sup>. Такой человек вполне мог возглавить полклевой руки судовой

---

<sup>50</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 191.

<sup>51</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 96, 97, 100, 102, 109, 117, 130, 133, 135, 142, 145, 159, 164, 169, 179, 180, 183, 185.

<sup>52</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 39, 98, 115, 116, 119, 121, 143, 146, 149, 151, 152, 156, 157, 166, 167, 169, 171, 187; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 55.



вой рати (поскольку вряд ли А.В. Сабуров мог иметь назначение ниже него).

Василий Салтыков – один из сыновей Михаила Салтыка из старомосковского боярского рода Морозовых, только при Василии III вернувших государево расположение, утраченное их дедом из-за близости к противникам Василия II. Осенью 1517 г. он был наместником в небольшой крепости Опочка, успешно отразившей нападение превосходящих литовских сил. Других назначений В.М. Салтыков на 1523 г., судя по всему, не имел<sup>53</sup>. Исходя из положения в местнической иерархии и небольшого, хотя и боевого опыта, можно предполагать назначение В.М. Салтыкова первым воеводой Сторожевого полка или вторым – в Правой илилевой руки. Успешность действий против литовцев в Опочке могла быть причиной его назначения в Василь-город.

Иван Фёдорович Стригин-Ряполовский – сын Ф.С. Стриги Ряполовского. По выражению А.А. Зимина, он «промелькнул» в разрядах в 1521 г., когда во время крымского нашествия находился в Серпухове в неясном статусе<sup>54</sup>. Исходя из отсутствия командного опыта и не самых высоких назначений отца, можно полагать, что в судовой рати 1523 г. И.Ф. Стригин-Ряполовский не мог быть первым воеводой ни одного из полков, кроме Сторожевого.

Исходя из рассмотренных данных, мы можем предположить такой состав воеводского корпуса судовой рати:

Полк Правой руки – А.В. Сабуров

Полклевой руки – А.В. Кашин, В.М. Салтыков<sup>55</sup>

Сторожевой полк – И.Ф. Стригин-Ряполовский, М.И. Бокеев.

Проанализируем общие профессиональные и местнические характеристики воевод.

---

<sup>53</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 238; Лобин А.Н. Оборона Опочки. 1517. С. 37–43; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 158.

<sup>54</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 62 (прим. 112); РК 1598. С. 65.

<sup>55</sup> Представитель старомосковского боярства вряд ли мог иметь назначение меньшее, чем у тверского боярина М. Бокеева.

## ГЛАВА 5. Казанская кампания 1523 года

Обе рати возглавлялись представителями Суздальско-Нижегородских князей – высшей аристократии Московского государства. Двое остальных установленных воевод судебной рати – выходцы из старомосковских боярских фамилий и один – из Ярославских князей. Из воевод конной рати трое – служилые князья из Черниговских Рюриковичей, один – из Ярославских князей, двое – из старомосковских боярских родов и одни – из московской же служилой знати. Что касается думных чинов, то в судебной и конной ратях было трое бояр, четверо окольничих и 5 лиц без чина.

Обращает на себя внимание, что почти все воеводы обеих ратей имели большой или очень большой опыт командования полками и высокий местнический статус. Среди достоверно известных лиц число воеводских назначений (исключая В.А. Шереметьева) – не ниже 5 (у двоих), у семерых – между 7 и 10, и у двоих – 13 и 18. Опыт командования в боевых условиях ниже (в основном 3–6 эпизодов), но это также значительная величина. В обеих ратях было по воеводе, лично бывавшему в Казани или под Казанью, а также один, лично знакомый с районом Суры.

Как видим, командный состав ратей 1523 г. более опытный, чем в походе 1506 г. Из 11 достоверно установленных воевод только один не имел опыта, остальные же имели уже по 5 и больше назначений, в то время, как в 1506 г. среди 28 воевод опыта не имели сразу 10 человек.

Отдельно рассмотрим воевод, оставшихся в Василь-городе. Из известных по источникам 5 воевод трое не имели воеводского опыта вовсе, хотя один из них прославился при обороне Опочки от литовцев. Остальные, напротив, имели опыт очень большой, в том числе боевой. Как видим, построенная на казанской территории крепость оказалось под начальством высококвалифицированных лиц. Кроме того, присутствие таких многоопытных полководцев, как А.В. Кашин и особенно А.В. Сабуров (дважды бывавший в Казани), свидетельствует в пользу версии о первоначально иных планах, нежели только основание острога. Среди воевод, оставшихся в Василь-городе, только А.В. Сабуров имел думный чин окольничего и, по-видимому, именно он оставался за старшего.

Исходя из количества воевод, можно предположить и численность задействованной против казанцев рати (без «наряда» и не упомянутых полков судовой рати):

$$12 \times 4 \times 150 = 7200$$

$$12 \times 5 \times 150 = 9000$$

Если допустить наличие трёх не расписанных в разрядах полков под началом трёх воевод, а также учесть «наряд», то получим не менее 10–12 тыс. ратников, что значительно меньше, чем в 1506 г. Однако в данном случае расчёты более условны, поскольку неизвестно точное количество воевод.

### **3. Поход Василия III в Нижний Новгород и основание Василь-города**

Из Москвы великий князь с братьями и воеводами выступил 28 июля, после чего проследовал по маршруту: Москва – Переяславль (Залесский) – Юрьев (совр. Юрьев-Польский) – Суздаль – Владимир. В последнем пункте Василий III находился 2 недели<sup>56</sup>. Возможно, тут проходил сбор поспевающих из разных уездов ратей. Обращает на себя внимание участие великого князя в походе. Видимо, после опыта кампании 1506 г. Василий III решил лично проконтролировать воевод. Отметим, что это был единственный случай его непосредственного участия в казанских походах. Отчасти этим, кстати, может объясняться и маститый состав воеводского корпуса – быть воеводами в великокняжеском походе должны были самые «честные» лица.

Исходя из имеющихся дат (23 августа Василий III прибыл в Нижний), великий князь с двором и полками преодолевали по 22–30 км в день<sup>57</sup>, что соответствует дневному переходу войск того времени при большой скорости и говорит о хорошей организации марша<sup>58</sup>.

---

<sup>56</sup> Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. С. 222.

<sup>57</sup> От Москвы до Владимира по такому маршруту – около 265 км

<sup>58</sup> Алексеев Ю.Г. Военная история допетровской России. С. 512.

А.А. Зимин писал, что 28 июля Василий III отправился «в необычную летнюю поездку по городам и монастырям»<sup>59</sup>. Хотя по Вологодско-Пермской летописи великий князь пошёл от Москвы в Нижний Новгород с братией и «многим воинством»<sup>60</sup>, да и по самой логике событий видно, что это было именно выдвигание полков к восточной границе. Другое дело, что попутно он наверняка совершал многие моления по известным монастырям – ритуалы, важные с точки зрения не только отдельного человека того времени, но и государства в целом<sup>61</sup>.

Видимо, первоначально Василий III сам намеревался отправиться с ратями под Казань. Понимая опасность такого предприятия, он составил новую духовную запись, т.е. завещание, в начале которого записано, что сделал он это «идучи на свое дело х Казани». По мнению А.А. Зимина, составление новой духовной было связано в первую очередь с кончиной (13 марта) зятя великого князя – «царевича» Петра Ибрагимовича, которого тот, по мнению историка, прочил в свои наследники<sup>62</sup>. В духовной Василий III подтверждал своё давнее обещание поставить на московском посаде «девичь монастырь» в честь взятия Смоленска (ставший впоследствии знаменитым Новодевичий монастырь)<sup>63</sup>.

Великий князь с войском прибыл в Нижний Новгород 23 августа. Оттуда по Волге в судовой рати под Казань был направлен Шах-Али с воеводами и пешими полками. Полеми выступила конница – «пленили» казанские земли. Параллельно с этим в устье Суры был направлен контингент с заданием ставить деревянный городок,

---

<sup>59</sup> Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 253.

<sup>60</sup> Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 312.

<sup>61</sup> Именно при Василии III в ВКМ активно продолжилась усиленная работа над созданием идеального образа православного царя, начатая в правление Ивана III и закончившаяся уже при ранних царях Романовых. См.: Филюшкин А.И. Василий III. С. 139–140, 146–152.

<sup>62</sup> Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 257.

<sup>63</sup> Духовная запись в. кн. Василия III Ивановича с подтверждением своей прежней духовной грамоты... [июнь 1523] // Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начало XVII вв. Док. 124. С. 293–294, 483–484.

названный потом Василь-городом; будущий Васильсурск был заложен 1 сентября<sup>64</sup>.

Встречается в источниках и дата выступления полков из Нижнего Новгорода – 27 августа<sup>65</sup>. Если конница преодолевала 30 км в день, то вполне вероятно, что к 1 сентября она всё же могла достигнуть устья Суры (берегом Волги – около 135 км). Судовая рать должна была добраться до места ещё раньше, и если имеющаяся дата закладки города не чисто символическая, то логично предположить, что основание Васильурска – дело прежде всего участников судовой рати, прибывшей раньше и имевшей возможность освоиться на месте и подготовиться к строительству (думается, что для такого дела в составе судовой рати имелась многочисленная посоха).

Типографская летопись ничего не сообщает о посылке судовой рати под Казань, а только об отправке воевод «срубить» город на Суре. Согласно этому источнику, они и дали городу имя в честь Василия III, а также тут отмечено, что в Василь-городе остались «многие воеводы» с ратниками<sup>66</sup>.

Вологодско-Пермская летопись содержит дополнительные детали. Сообщается, что великий князь отложил свой поход под Казань из-за ранней осени и обещавшей быть ранней зимы – так можно трактовать слова «и свой ход тогда отложил х Казани для осени, поздно». Однако часть войск всё же была направлена по Волге и по лем «пленили» казанские места по Горной и Луговой сторонам. Ещё один контингент отправился «срубить» город в устье Суры; известно, что командовал им боярин и воевода Михаил Юрьевич (Захарьин). Посланные на казанские места рати пожгли многие сёла и привели многочисленный полон, не понеся существенных потерь<sup>67</sup>. В литературе встречается предположение, что поход вглубь казанских земель

---

<sup>64</sup> Софийская Вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. (1853). С. 264; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 43–44; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 312.

<sup>65</sup> Отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку // ПСРЛ. Т. 6 (1853). С. 281.

<sup>66</sup> Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. С. 222.

<sup>67</sup> Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 312.

являлся акцией прикрытия для строительства базы на Суре<sup>68</sup>, однако, как уже говорилось, весьма вероятно, что сперва великий князь намеревался идти под Казань, а в условиях того времени нанесение экономического и демографического ущерба неприятелю само по себе было самостоятельной стратегической задачей.

Интересная деталь: посылка ратей на Луговую сторону. Обычно русские войска ходили Горной стороной<sup>69</sup>, и на Луговой стороне (низменном левом берегу Волги, занятом марийцами и до сих пор в значительной степени покрытом густыми лесами) их не ждали, так что черемисы были застигнуты врасплох. Внезапность удара по Луговой стороне должна была произвести негативное впечатление и на Сахиб-Гирея с его полководцами, продемонстрировать им силу русского оружия и, возможно, отбить охоту совершать набеги на северовосточные волости Московского государства. Однако, как показывают события последующих десятилетий, это не обезопасило северовосточные «украины» от татарских и черемисских нападений.

В публицистическом тексте конца правления Василия III, опубликованном М.Н. Тихомировым, говорится о посылке на «казанские украины» «Шагалея», В.В. Шуйского и М.Ю. Захарьина. Они повоевали эти «украины», поставили на Суре город Суреск (Сурск), а мордву и казанскую черемису приводили к присяге за великого князя<sup>70</sup>.

В Русском Хронографе сообщается о «пленении» Казанской земли до р. Цивиль<sup>71</sup>. По другому источнику, русские отряды доходили до самой Казани<sup>72</sup>.

---

<sup>68</sup> Волков В.А. Войны и войска Московского государства. С. 88; Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому государству... С. 200.

<sup>69</sup> Редким исключением, видимо, был эпизод 1469 г., когда стоявшему в Нижнем Новгороде воеводе предписывалось отпускать «охочих» детей боярских воевать Казанские места по обе стороны Волги [Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. С. 282].

<sup>70</sup> Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 162; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 253.

<sup>71</sup> Русский Хронограф // ПСРЛ. Т. 22. С. 519.

<sup>72</sup> Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 253, прим. 57.

Об отправлении на казанские места ратей сказано и в Нижегородском летописце. В судовой рати были Шах-Али и кн. В.В. Шуйский, а конную вёл Андрей Борисович Горбатый (Шуйский). Последний воевода и основал Василь-город. В городке была поставлена церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы с двумя приделами в честь архангела Михаила и Николая Чудотворца<sup>73</sup>, что знаменательно: Богородица особо почитаема на Руси, архангел Михаил считался покровителем воинов, а Николай Чудотворец – мореплавателей и путешественников. Как отмечает С.К. Свечников, Богородица покровительствовала русским войска в походах «на Болгары» ещё при Андрее Боголюбском<sup>74</sup>.

Подробности о походе на казанские земли, содержащиеся в отрывке летописи (за 1503–1546 гг.) из собрания М.А. Оболенского, привёл А.А. Зимин. На берегах Свяги на Отяковом поле произошло столкновение конных ратей; казанцы были разбиты, многие погибли или утонули в реке. По возвращению из похода русские ратники привели многочисленный полон из черемисов<sup>75</sup> (последнее повторяют и некоторые другие летописи<sup>76</sup>). О сражении на Отяковом (Итяковом?) поле в тех же словах говорится в Постниковском летописце середины XVI в.<sup>77</sup>

Часть историков посчитала это сражение 1523 г. реальным фактом<sup>78</sup>. Однако Никоновская, Типографская, Волоколамская летописи, Пафнутьевский и Казанский «летописцы», Русский хронограф, Разрядная книга 1475–1605 гг. и Герберштейн достаточно подробно описывают сражение на Свяге, на Итяковом поле, относя его именно к 1524 г. (см. ниже), а о бое 1523 г. молчат. Это заставляет

---

<sup>73</sup> Нижегородский летописец. С. 32.

<sup>74</sup> Свечников С.К. Присоединение Марийского края. С. 129.

<sup>75</sup> Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 253; Отрывок из летописи в РГАДА. Фонд 201 (собрание М.А. Оболенского). Оп. 1. №42.

<sup>76</sup> Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. (1953). С. 264; Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 8. С. 270.

<sup>77</sup> Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М.: Наука, 1978. С. 14.

<sup>78</sup> Волков В.А. Войны и войска Московского государства. С. 90; Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству... С. 200; Свечников С.К. Присоединение Марийского края. С. 128.

подозревать ошибку в источниках, переносящих крупнейшее полевое сражение 1524 г. на год ранее.

Герберштейн же касательно похода 1523 г. весьма краток, и сообщает лишь о желании Василия III отомстить крымскому хану посредством разорения Казанского царства, о приходе великого князя в Нижний Новгород и о постройке Василь-города<sup>79</sup>.

По одной версии Василий III уже 15 сентября вернулся в Москву<sup>80</sup>. По другой – великий князь «з братиею» на Покров (1 октября) прибыл только в своё село – Новую Слободу, а в Москву – уже после Покрова<sup>81</sup>. Трудно сказать, какая дата верна. В первом случае получается, что великий князь двинулся к Москве сразу после отправки ратей на Суру. Во втором он мог сильно задержаться в пути, или оставался в Нижнем Новгороде для контроля за постройкой Василь-города и до первых результатов рейда по территории противника.

Отметим сообщения об уводе большого татарского и черемисского полона. Это была обычная практика в войнах, но в источниках подчёркнут необычно большой масштаб акции. При упоминании того, что казанцы практиковали массовый вывод ясыря, нанося тем самым демографический и экономический ущерб ВКМ, надо не забывать, что русские люди делали тоже самое, может быть, в ещё большем масштабе (большая численность ратей – больше численность полона).

Таким образом, мы можем реконструировать военные действия лета – осени 1523 г. следующим образом.

Василий III намеревался лично участвовать в походе на Казань; 28 июля с полками выступил из Москвы и проследовал во Владимир, где пробыл 2 недели, собирая, подсчитывая рати и проводя религиозные мероприятия. После этого он отправился в Нижний Новгород, куда прибыл 23 августа. Оценив на месте ситуацию с погодой (осень и зима должны были быть ранними) и, возможно, видя отсутствие у казанцев наступательной активности, остался в Нижнем Новгороде. В пределы ханства были отправлены несколько воинских контингентов на судах и полем. Они пограбили Горную

---

<sup>79</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 176.

<sup>80</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 44.

<sup>81</sup> Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. С. 222.



## ГЛАВА 5. Казанская кампания 1523 года

сторону до Цивилия, а, возможно, и дальше – вплоть до Казани, а также Луговую, что должно было стать полной неожиданностью для казанцев. Параллельно с этим в устье Суры на казанской территории первые воеводы судовой и конной рати (В.В. Шуйский и кн. Б.И. (А.Б.–?) Горбатый) поставили укрепление – Василь-город. Посланные в дальний рейд контингенты вернулись с большим полном. Узнав о первых положительных результатах, Василий III отправился в Москву, куда прибыл после 1 октября. В Василь-городе осталась часть полков под началом А.И. Стригина-Оболенского (конный полк Правой руки), И.Ф. Стригина-Ряполовского, А.В. Кашина, М.И. Бакеева, А.В. Сабурова, В.М. Салтыкова. Вероятно, там же остался наряд (по крайней мере, «большой»), поскольку предполагался поход на следующий год, а везти его в Москву и (весной) обратно было трудно, тем более, пушки нужны были и для защиты новой крепости; в пользу такого предположения свидетельствует и идентичный состав начальных людей в кампаниях 1523 и 1524 гг. Однако, в любом случае, на следующий год пришлось заниматься пополнением «наряда» и припасов: сообщая о событиях 1524 г., Герберштейн писал, что перед отправлением к Казани в Нижнем Новгороде Михайло Захарьин проводил сбор судов для доставки к столице ханства орудий и провианта<sup>82</sup>.

### 4. Итоги похода 1523 года

В Москве сделали вид, что с Казанью отношения налаживаются. Поэтому собиравшемуся в Литву Ушаку Чемоданову наказывалось говорить литовцам, что казанский царь прислал к великому князю посла о мире, и Василий III в ответ направил в Казань «своего доброго человека», а также сообщить о выезде многих казанских людей на службу к московскому государю<sup>83</sup>.

В целом, поход 1523 г. можно назвать удачным. Даже если первоначальной задачей было достижение и осада Казани, изменённый

---

<sup>82</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 176.

<sup>83</sup> Посольство от великаго князя Василья Ивановича к королю Сигизмунду Казимировичу с боярами... [30 ноября 1522 – 2 мая 1523] // Сборник РИО. Т. 35. №94. С. 667.

## ГЛАВА 5. Казанская кампания 1523 года

«на ходу» план действий принёс стратегически важные результаты: противнику был нанесён значительный демографический и экономический ущерб, а на его земле была основана промежуточная база для дальнейшего наступления. Значительный прибыток полоном и «рухлядью» должны были получить и рядовые служилые люди, для которых этот масштабный поход по трудности мало отличался от кампании с более активными боевыми действиями. Как писал 29 ноября 1523 г. Василий III датскому королю Кристиану II, просившему у великого князя помощи против недругов<sup>84</sup>, «ныне у нас наши люди притомились» после казанского похода<sup>85</sup>.

Для упрочнения русского влияния на мордовских и болгарских землях в 1221 г. в устье Оки, на её правом берегу князем Юрием Всеволодовичем был основан Нижний Новгород. Схожая ситуация наблюдалась в 1523 г. – будущий Васильсурск также поставили на чужом, правом берегу Суры.

Василь-город был возведён на вершине горы, в месте, именуемом Цепель, на котором, согласно позднему местному преданию, ранее располагался «дворец» марийских князей. Там же в имперское время были обнаружены остатки рвов и валов, хотя по сведениям Н.М. Карамзина крепость первоначально располагалась в ином месте, которое обнаружить не удалось. Краеведы XIX в. предполагали, что она находилась в подгорной части и была разрушена оползнем. В летописи имеется неясная запись о том, что в 1556/1557 гг. «Василь-город переставлен, а убавлено его снизу, на горе учинён»<sup>86</sup>. Однако вряд ли тут имеется в виду вся крепость (скорее, только её часть под горой) – ставить всю крепость под горой, с которой она легко простреливается, было бессмысленно.

Крепость на горе была незаметна с реки. Укреплённого «города» не заметил за разросшимся в последствии посадом путешество-

---

<sup>84</sup> Дания и Московское государство в ходе дипломатических отношений постоянно добивались друг у друга помощи против неприятеля – шведов и «бунтарей» (датчане), поляков и литовцев (русские).

<sup>85</sup> Датский Архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. С. 14; Грамота великаго князя Василия Ивановича датскому королю... №11, Ст. 33–34.

<sup>86</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 273.

вавший по России в 1638 г. А. Олеарий. На горе жить было неудобно, почему место оказалось заброшено до второй половины XIX в. Остатки же укреплений, засвидетельствованные в первой половине XIX в., позволяют представить крепость лишь в общих чертах. Она имела форму неправильного прямоугольника со сторонами 603 на 400 м, а протяжённость стен – около 2 км<sup>87</sup> (столько же, сколько и каменный нижегородский кремль). Однако это, видимо, более поздние конструкции – укрепление могло расширяться по крайней мере до потери своего значения после постройки Свияжска в 1551 г. Первоначально же оно, вероятно, имело меньший масштаб.

Одна из сторон примыкала к гребню горы, а другие были обращены к полю. В XIX в. вал сохранялся на высоту ок. 1 сажени (2,13 м), и был со всех сторон окружён рвом, в то время ещё прослеживавшимся на протяжении ок. 1,5 км. В середине XX в. остатки рва и вала с разницей высот в 1 м ещё сохранялись в р-не ул. К. Маркса<sup>88</sup>.

В историографии встречается мнение об оборонительном характере постройки Василь-города<sup>89</sup>, в подтверждение которого можно привести цитату из новгородской летописи («город деревян поставили, от безбожных агарян затулие»<sup>90</sup>), однако это противоречит официальным высказываниям первых лиц Московского государства (а также словам Герберштейна). Хвалу великому князю за постройку города, с помощью которого якобы можно всю землю Казанскую взять, воздавал митрополит Даниил<sup>91</sup>. В переговорах с литовцами русские дипломаты со слов Василия III так оценивал значение постройки Василь-города: «а на Казанской земле близко

---

<sup>87</sup> Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. С. 82–83.

<sup>88</sup> Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. С. 83.

<sup>89</sup> Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках. С. 162–163; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 86–87.

<sup>90</sup> Новгородская Четвёртая летопись (по списку Дубровского) // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 541.

<sup>91</sup> Отрывок следственного дела о Иване Берсеневе и Федоре Жареном... [февраль 1525] // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. Том 1. №172. С. 144; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 87.

Казани, на Суре, велел город поставити того деля, чтоб ему ближе из того города с Казанью свое дело делати, людем его ближе ходити к Казани»<sup>92</sup>. О наступательной функции Василь-города сообщал в Крым и казанский хан Сахиб<sup>93</sup>. Политическим деятелям того времени цель постройки была понятна, поэтому вряд ли тут можно делать вывод о многофункциональности Василь-города (как для обороны, так и для наступления) исходя из разных мнений в источниках и историографии, а также географических условий (на пологом левом русском берегу Суры негде было поставить укрепление<sup>94</sup>). Город был поставлен на казанской стороне и для наступления на Казань.

Не все представители русской элиты положительно оценили постройку форпоста на казанской территории. Герберштейн передавал, что, по крайней мере, некоторые из ярославских князей в 1526 г. считали Василь-город «рассадником многих бедствий»<sup>95</sup>. Видимо, имеется в виду реакция казанцев и их действия в приграничных районах.

Критиковал строительство Василь-города и И.Н. Беклемишев Берсень, казнённый в 1525 г. за резкие высказывания в адрес великого князя. По крайней мере, в следственном деле были записаны речи, которые он, вероятно, говорил одному из знакомых. В частности, в ожидании возвращения Василия III из Нижнего Новгорода, он заявлял следующее: «Почто великий князь на Новгород (Нижний) ходил? Поставил на их стороне лукно, ино как ся с ними помирити?»<sup>96</sup>, т.е. плетёнку, лукошко, не являющееся серьёзной крепостью, но вызывающее раздражение у казанских людей.

---

<sup>92</sup> Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 152; Посольство от великаго князя Василия Ивановича к королю Сигизмунду Казимировичу с Григорием Загрязским и приезд к великому князю от короля гонца Станислава Довгирдова [февраль – 5 июня 1524] // Сборник РИО. Т. 35. №96. С. 682.

<sup>93</sup> Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. С. 125.

<sup>94</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII – XVI веках. С. 214–215.

<sup>95</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 33, 134. Прим. 407.

<sup>96</sup> Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. С. 79; Отрывок следственного дела о Иване Берсеневе и Федоре Жареном... [февраль 1525] // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. Том I. №172. С. 144. Заметим, что в ходе следствия Беклемишев не отрицал своих

Основание Васильсурска не стало переломным моментом в истории московско-казанских войн. В течение тридцати лет он, скорее всего, был перевалочной базой на пути следования русских войск на восток, но не более того. Против казанских набегов конца 30–40-х гг. Василь-город с его «гарнизонам» оказался неэффективен.

Однако до постройки Свяжска в 1551 г. он оставался единственным сколько-нибудь крупным русским укрепленным пунктом в этих местах, удаленным от окраинного Нижнего Новгорода более чем на сотню км. В 40–50-е гг. сюда назначалось значительное число воевод, и в разрядах назначения в Василь-город фигурирую заметно чаще, чем во все окрестные городки. Отмечали значение (вместе с Нижним Новгородом) «Суреска» (Васильсурска) и европейские авторы<sup>97</sup>. Находясь на трети пути между Нижним Новгородом и Казанью, Василь-город значительно облегчал путь на восток русским ратям – тут их ожидали отдых под защитой стен, обильное продовольствие и другие нужные припасы, доставляемые по воде; можно вспомнить, как позже А. Курбский описывал радость ратников, пришедших в Свяжск после нескольких недель пути через мордовские и чувашские земли: «прибыли мы туда поистине как к себе домой после долгого и крайне трудного пути, поскольку на больших галерах было доставлено по Волге из домов наших почти каждому большое количество припасов. Приплыло также множество купцов с разной живностью и другими товарами»<sup>98</sup>.

---

обвинений Василия III в отсутствии мира с соседями, но не соглашался с показаниями относительно своих высказывания про Василь-город. Это, однако, не помогло ему оправдаться. См. также: Следственное дело Максима Грека. 1521 // Сборник князя Оболенского. №1. М., 1838.

<sup>97</sup> Чеченков П.В. Казанское порубежье во внешней политике русского государства первой трети XVI в. С. 156.

<sup>98</sup> Курбский А. История о делах великого князя московского. С. 35.

## ГЛАВА 6

### ПОДГОТОВКА РУССКОГО ПОХОДА НА КАЗАНЬ В 1524 г.

#### 1. События осени 1523 – весны 1524 гг.

Гибель хана и его ближайшего окружения, разгром крымского войска, месячный грабёж внутренних районов Крыма – всё это на несколько лет вывело Крымское ханство из военно-политической игры. Казань осталась один на один с Москвой. Новый крымский хан и османский султан уговаривали Василия III примириться с Сахиб-Гиреем, но великий князь считал себя вправе сажать в Казани ханов по своему усмотрению, а также «клеймил позором Сагиб-Гирея как изменника, устроившего избиевание русского посольства и купцов»<sup>1</sup>.

Казанцы всё же совершили осенью новый набег на северо-восток Руси, что, впрочем, не имело сколько-нибудь значительных военно-стратегических последствий. В день памяти пророка Иосии (17 октября) они пришли под Галич и сожгли посад<sup>2</sup>, располагавшийся на узкой равнине между горой Балчуг и Галичским озером. Взять расположенный на горе и имевший мощные дерево-земляные укрепления<sup>3</sup> Галич им было не под силу. Как заметил А.А. Зимин, набег этот «скорее свидетельствовал о полном бессилии казанцев изменить ход событий, чем о каких-либо успехах их оружия»<sup>4</sup>.

Черемисы Горной стороны также предпринимали набеги на восточные окраины Московского государства. Осенью 1523 г. их отряды, судя по всему, действовали вблизи Муром. Против них

---

<sup>1</sup> Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 261.

<sup>2</sup> Отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку // ПСРЛ. Т. 6 (1853). С. 281–282; Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // ПСРЛ. Т. 43. С. 216.

<sup>3</sup> Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. С. 74–75.

<sup>4</sup> Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 254.

## ГЛАВА 6. Подготовка русского похода на Казань в 1524 г.

высылались дети боярские, правда, не всегда желавшие нести службу и сбегавшие с неё по разным поводам<sup>5</sup>.

В марте 1524 г. в Москву пришло письмо от русского посла в Крыму И. Колычева, в котором сообщалось о прибытии в Перекоп за две недели до Рождества [т.е. в декабре 1523 г.] казанского посла Шаусейн-сеита [Шах-Хусейна] с письмом от Сахиб-Гирея. Казанский хан просил своего брата Саадет-Гирея о помощи против Москвы: «нынча князь великий московский поставил город на Суре на реке. А достоваючи подо мною моего юрта Казани. И ты б ко мне прислал пушек, и пищалей, и янычан [янычар], а не пришлеш ко мне пушек, и пищалей, и янычан, а мне противу московских воевод стояти не мочно»<sup>6</sup>.

Как видим, Сахиб-Гирей адекватно оценивал ситуацию с обороной Казани и понимал второй главный её недостаток (наряду с малочисленностью защитников) – отсутствие артиллерии и «стрелецких» отрядов.

Хотя Саадет-Гирей был настроен более мирно в отношении Московского государства, чем предыдущий хан, он, тем не менее, попытался помешать русскому наступлению на Казань дипломатическим путём. Однако на призыв хана к Василию III помириться с казанцами и признать Сахиб-Гирея русские послы ответили отказом, поскольку, во-первых, при перевороте были убиты русские люди, включая посла, и, во-вторых, Сахиб воссел в Казани без ведома Василия III<sup>7</sup>. Как видим, на компромисс никто не хотел идти (если обвинения в убийствах были правомочны, то второй пункт был покушением на самостоятельность ханства).

По мнению И.В. Зайцева, пытаясь помешать наступательным планам Москвы, Саадет-Гирей затеял провокацию, надеясь устрашить Василия III перспективой военного конфликта с Османской империей из-за Казани.

---

<sup>5</sup> Судный список по делу об оговоре Фёдором Ивановым сыном Крыжина муромских детей боярских в намерении бежать в Литву [осень 1523?] // АСЗ. Т. 4. №502. С. 387.

<sup>6</sup> Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. С. 125.

<sup>7</sup> Алишев С.Х. Казань и Москва. С.

## ГЛАВА 6. Подготовка русского похода на Казань в 1524 г.

И. Колычев сообщил о посылке крымским ханом послов в Стамбул с просьбой к султану надавить на великого князя. Параллельно Саадет-Гирей обсудил ситуацию с османским послом Искандером (Скиндером), первоначально направлявшимся в Москву с «коммерческими» целями. Последний же уже в сентябре 1524 г. в Москве заявил, что этой весной Сахиб-Гирей «заложился» за султана и теперь Казань находится под покровительством Порты. На заявление Искандера московские дипломаты ответили категорическим отказом, поскольку, по их мнению, только великий князь имеет исключительные права распоряжаться Казанским юртом<sup>8</sup>.

Проанализировав источники, И.В. Зайцев приходит к выводу, что «идея «заложить» Казань за султана родилась в Крыму и была детищем антимосковски настроенных крымских кругов, желавших удержать Москву от вмешательства в казанские дела с помощью угроз вязать в спор Османскую империю. Османские чиновники... прекрасно осознавали, что в Стамбуле к событиям на территории Дешт-и Кыпчака относились весьма сдержанно»<sup>9</sup>.

Вообще, сюжет о принятии Сахиб-Гиреем и Казанским ханством османского протектората имеет обширную историографию, но этот вопрос не имеет прямого отношения к военной истории. Отметим лишь, что оказать какое-либо серьёзное давление на Великое княжество Московское Османская империя не могла; в условиях непрекращающейся вражды со своими северо-западными (европейскими) соседями, османы не пошли на ухудшение дипломатических отношений с Москвой, почему не оказали далёкому Казанскому юрту в те годы никакой поддержки. Историография вопроса и данные источников рассмотрены И.В. Зайцевым, пришедшим к обоснованному выводу о том, что принятие Сахиб-Гиреем османского подданства (если оно имело место в реальности) было пустой формальностью, не повлиявшей на политическое и военное положение Казанского ханства<sup>10</sup>.

---

<sup>8</sup> Смирнов И.И. Восточная политика Василия III. С. 60. Обращает на себя внимание постановка вопроса: не о безопасности московских «украин» и поданных идёт речь, а о праве Василия III распоряжаться Казанским юртом.

<sup>9</sup> Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. С. 125.

<sup>10</sup> Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. С. 124–126.



## ГЛАВА 6. Подготовка русского похода на Казань в 1524 г.

Тем не менее, некоторая часть московской правящей элиты и близких к ней кругов всё же восприняла угрозу турецкого вмешательства всерьёз. Более того, на прошедшем в 1525 г. показательном судебном процессе против ряда оппозиционно настроенных в отношении Василия III лиц (Максима Грека и др.) всерьёз озвучивались обвинения в шпионской деятельности в пользу Турции<sup>11</sup>.

### 2. Воеводский корпус 1524 года

Поход на Казань был начат в конце весны 1524 г. К этому времени была собрана сравнительно многочисленная рать, что видно уже по высокородности и количеству воевод – 11 в судовой группировке (плюс несколько высокопоставленных лиц, командовавших «нарядом») и 10 в конной. Вероятно, что какие-то полки с прошлого года находились в Василь-городе (несколько воевод в 1523–1524 гг. числились на тех же или почти тех же должностях), однако на большинство воеводских мест были назначены «новые» люди. Основными задачами похода, судя по всему, были изгнание из Казани Сахиб-Гирея, выведение её из-под влияния Крыма и возвращения на престол Шах-Али. И.И. Смирнов отмечал, что это было грандиозное по масштабам военное предприятие, сама подготовка к которому (включая возведение Василь-города) предполагала намерение окончательного разгрома и подчинения Казани (как минимум сопоставимого с 1487 г.)<sup>12</sup>.

Рассмотрим состав воеводского «корпуса». Список воевод по полкам приводится в разрядных книгах и Никоновской летописи<sup>13</sup>

#### *Судовая рать:*

#### *Большой полк*

Возглавлял судовую рать и Большой полк Иван Фёдорович Бельской (ум. 1542) – представитель одной из ветвей Гедиминовичей; его отец выехал на службу к Ивану III в 1481/1482 г. Его брат

---

<sup>11</sup> Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. С. 126

<sup>12</sup> Смирнов И.И. Восточная политика Василия III. С. 54–55.

<sup>13</sup> РК 1598. С. 69–70; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 189, 190; Древнейшая разрядная книга... С. 75; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 44.

## ГЛАВА 6. Подготовка русского похода на Казань в 1524 г.

Дмитрий принимал участие в возведении на трон Шах-Али, а отец – в 1499 г. возглавлял рать, посланную к Казани для обороны от сибирских Шибанидов, а также был вторым воеводой Большого полка судовой рати, разбитой под Казанью в 1506 г.<sup>14</sup> Сам Иван Фёдорович, однако, впервые поучаствовал в военном походе только в 1522 г., когда сопровождал Василия III в Коломну<sup>15</sup>. Теперь же он был назначен сразу первым воеводой Большого полка, несмотря на молодость и неопытность<sup>16</sup>.

Второй воевода – Михайло Васильевич Горбатый по прозвищу Кислый из младшей ветви Суздальских князей Шуйских, напротив, имел обширный послужной список и значительный полководческий опыт (с 1508 по 1524 г. у него было не менее 10 воеводских назначений, включая 9, связанных с боевыми действиями или передвижением по вражеской территории). На высших командных должностях нами замечен не менее 6 раз (трижды возглавлял Большой полк, дважды – Передовой, один раз – полк Правой руки). На менее высоких должностях дважды участвовал в рейдах против литовцев, в осаде и взятии Смоленска (что важно было и для Казанского похода), а также в Коломенском походе Василия III в 1522 г. для обороны от крымцев. Отдельно стоит отметить, что в 1521 г. он с новгородцами и псковичами шёл на защиту Москвы от ханского войска<sup>17</sup>. Во всех случаях это были конные походы. В целом, это был опытный воевода. Двоюродный брат М.В. Горбатого – Ф.Б. Горбатый по прозвищу Кузнец, погиб в казанском походе 1506 г.<sup>18</sup>

---

<sup>14</sup> РК 1598. С. 28; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 56, 165–166. (в этой книге Фёдор ошибочно записан как Иван Фёдорович); Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 47.

<sup>15</sup> РК 1598. С. 68; Зимин А.А. Формирование дворянской аристократии... С. 126.

<sup>16</sup> В книге А.И. Филошкина И.Ф. Бельской почему-то назван среди лучших воевод [Филошкин А.И. Василий III. С. 267].

<sup>17</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 110, 134, 136–138, 142, 143, 146, 160, 164, 169, 172, 183, 184; Тихомиров М.Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Русское летописание. С. 161; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 69, 74.

<sup>18</sup> Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 82–83.

## ГЛАВА 6. Подготовка русского похода на Казань в 1524 г.

Третий воевода – Михайло Юрьевич Захарьин («око» государево), смещённый по сравнению с прошлой кампанией на одну ступень.

Исходя из вышеозначенных сведений, можно предполагать, что основная тяжесть командования судовой ратью легла на наиболее опытного М.В. Горбатого, в меньшей степени – на М.Ю. Захарьина.

В той же Разрядной книге за лето 7033 повторяется запись о походе к Казани судовой рати<sup>19</sup>. Это именно повтор, поскольку по другим источникам поход 1525 г. неизвестен, а отнесение его к осени 1524 г. означает, что имеется ввиду всё то же мероприятие. Однако тут в Большом полку отмечен ещё один воевода – Федор Юрьевич Щука Кутузов, в 1523 г. возглавлявший Передовой полк конной рати. Чуть выше отмечено, что Ф.Ю. Кутузов с другими воеводами в августе находился в Муроме на случай казанского прихода; в Муроме же он был и по другой разрядной книге<sup>20</sup>, что подтверждает его отсутствие в ратях, посланных к Казани.

### *Передовой полк*

Во главе Передового полка, как и год назад, был поставлен С.Ф. Курбский – опытный военачальник и ветеран казанских походов, с опытом командования как конными, так и судовыми полками.

Второй воевода – окольный Иван Васильевич Ляцкой (Ляцкий), двоюродный брат третьего воеводы Большого полка. В кампании 1523 г. был вторым воеводой Передового полка конной рати, и его характеристика была дана нами в соответствующем разделе.

Как видим, и второй воевода Передового полка имел значительный полководческий опыт, в том числе совместной службы с С.Ф. Курбским, хотя командовал в основном конными ратями и, видимо, не сталкивался в бою с татарами.

### *Полк Правой руки*

Полк Правой руки возглавлял боярин кн. Семён Дмитриевич Щепа Серебряной Оболенский. Впервые упоминается в разрядах в 1508 г. в войне с Литвой. Имел не менее 6 воеводских назначений (возглавлял полки Правой илевой рук, Сторожевой, дважды был

---

<sup>19</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 191.

<sup>20</sup> РК 1598. С. 70; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 191.

## ГЛАВА 6. Подготовка русского похода на Казань в 1524 г.

вторым воеводой Передового и один раз –левой руки), включая два, связанные с военными действиями против литовцев. Особо отметим, что в 1518 г. был в Передовом полку на Суре для бережения от казанцев, а в 1522 г. участвовал в Коломенском походе<sup>21</sup>. Опять же мы видим опытного воеводу, однако командовавшего ранее только конными ратями.

Вторым воеводой был князь Пётр Фёдорович Охлябин – мало-заметный представитель одной из ветвей князей Ухорских (младшего ответвления кн. Ярославских). Впервые в разрядах упоминается за лето 1512 г., когда в литовском походе князя Шуйского он был вторым воеводой Передового полка; ту же должность он занимал в 1518 г. в походе к Могилёву<sup>22</sup>. А.А. Зимин ошибочно относил первое его появление к 1519 г., когда он был вторым воеводой Передового полка в одном из литовских походов<sup>23</sup>. Упоминается он за тот год в качестве воеводы в Стародубе. Наконец, в 1522 г. он был четвёртым воеводой Передового полка, выдвинутого на р. Осётр на случай прихода крымского войска<sup>24</sup>. Итого – не менее 4 командных назначений, включая 2 боевых. Воеводский опыт у П.Ф. Охлябина был небольшой (хотя и боевой), и, опять же, командовал он конными контингентами.

### *Полк левой руки*

Возглавлял полк левой руки князь Юрий Васильевич Ушатый по прозвищу Большой – мало-заметный представитель одной из младших ветвей Ярославских князей, имевший поместье в Бежецкой пятине Новгородской земли. В 1518/1519 г. числился одним из воевод в Туле и в 1521 г. – среди воевод (правда, неясно на какой должности) в Нижнем Новгороде<sup>25</sup>.

В разрядных книгах имеется разночтение о вторых воеводах левой руки и сторожевого полка. В книге 1475–1605 гг. в первом

---

<sup>21</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 54.

<sup>22</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 121, 159.

<sup>23</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 105, 183; РК 1598. С. 63.

<sup>24</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 170, 184.

<sup>25</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 162–163, 174; РК 1598. С. 62; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 106.

## ГЛАВА 6. Подготовка русского похода на Казань в 1524 г.

случае указан Иван Михайлович (Васильевич?) Шамин, во втором – Василий Васильевич Чулок Ушатый (ветвь князей Ярославских, как и Шаminy). В книге же 1475–1598 гг. они переставлены местами. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Характеристика Ивана Михайловича Шамина была дана выше, поскольку он был вторым воеводой Сторожевого полка конной рати в 1523 г. Тут же отметим, что в 1517 г. И.М. Шамин, будучи первоначально вторым воеводой Передового полка на Толстике (Мещера), при перегруппировке ратей был поставлен во главе Сторожевого полка, на место В.В. Ушатого, а последний получил более высокое назначение – первым воеводой Левой руки<sup>26</sup>.

Василий Васильевич Ушатый по прозвищу Чулок (ум. 1549) – брат Ю. Ушатого, отличающийся от него внушительным послужным списком и полководческим опытом. Впервые встречается в разрядах осенью 1507 г. в качестве первого воеводы Сторожевого полка, расположенного на Мещере на случай нападения казанских татар. Имел не менее 13 воеводских назначений, причём от 3 до 6 из них были связаны с непосредственным участием в боевых действиях против литовцев. Активно участвовал в войне с ВКЛ, но с 1517 г. чаще назначался воеводой на Мещере или в Нижнем Новгороде для обороны от татар<sup>27</sup>. Кроме того, в 1518/1519 или 1520/1521 г. он был направлен с другими воеводами под Казань, однако подробности и причины этой посылки неизвестны<sup>28</sup>.

Как видим, В.В. Чулок Ушатый имел больше опыта непосредственного участия в боевых действиях, чем И.М. Шамин. Оба были опытными «тыловиками», имея назначения чаще всего в Сторожевом полку, но если В.В. Ушатый трижды возглавлял этот полк, и дважды был вторым воеводой, то И.М. Шамин четырежды был вторым, один раз – третьим, и ни разу – первым воеводой. В виду этого, а также прошлых назначений В.В. Ушатого командовать Передовым полком и полком Левой руки, можно предполагать, что и в 1524 г. назначение его должно было быть более высоким, чем у

---

<sup>26</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 156–157.

<sup>27</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 98, 101, 134, 146, 148, 149, 153, 156, 157, 163, 165, 166, 172, 175, 176, 181; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 97.

<sup>28</sup> РК 1598. С. 65; РК 1605. С. 166.

И.М. Шамина, т.е. влевой руке. Кроме того, И.М. Шамин был вторым воеводой Сторожевого полка в 1523 г., и в новой кампании мог иметь сходное назначение.

Такое обоснование подтверждается текстом Никоновской летописи, в который и вошёл финальный вариант разряда<sup>29</sup>.

### *Сторожевой полк*

Первый воевода Сторожевого полка – князь Михайло Иванович Кубенской. Это ответвление Ярославских князей, выделившееся в XV в., уже не имело, как отметил А.А. Зимин, прочных поземельных связей в Ярославском крае, что, с одной стороны, ставило их в зависимость от великого князя московского, а с другой – не задерживало их продвижение по иерархической лестнице Великого княжества Московского<sup>30</sup>. М.И. Кубенской имел сравнительно небольшой опыт командования. Участвовал в войне с литовцами (в 1518 г. при кн. Горбатом возглавлял полк Правой руки, в той же должности числился под Опочкой в 1523 г.), сопровождал в 1522 г. великого князя в Коломну<sup>31</sup>.

Вторым воеводой, как мы уже отметили, являлся И.М. Шамин. Он же был, судя по малоопытности первого воеводы, ответственным за действия Сторожевого полка.

### *«Наряд»*

Под Казань была послана осадная и полевая артиллерия («наряд», упоминаемый в разрядах после Сторожевого полка). Малым нарядом (полевой артиллерией) ведали Григорий Собакин (видимо, Васильевич<sup>32</sup>), Якуб Ивашенцов и Михайло Зверь, большим нарядом (тяжёлой осадной артиллерией) – Степан Собакин и Исак Шенгурской. Те же лица отвечали за «наряд» во время прошлогоднего похода<sup>33</sup>. Как писал И.И. Смирнов, наличие большого наряда было необычным для полевого московского войска того времени, и под-

---

<sup>29</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 44.

<sup>30</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 93–94.

<sup>31</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 95.

<sup>32</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 281.

<sup>33</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 188.

## ГЛАВА 6. Подготовка русского похода на Казань в 1524 г.

тверждало серьёзность намерений великого князя относительно Казани<sup>34</sup>. Надзирал за «нарядом» М.Ю. Захарьин.

Якуб Ивашенцов (Ивашенцович) – православный литовский дипломат и военный, ещё в 1506–1507 г. ездивший послом к Менгли-Гирею и провожавший крымское войско в набеге на московские земли. Однако, он примкнул к восставшим князьям Глинским, и после провала восстания вынужден был бежать в Московское государство вместе с Глинскими. Дороги назад ему не было, почему он и остался на службе у Василия III, а в 1521 г. участвовал в военных мероприятиях против крымского войска<sup>35</sup>.

Михайло Зверь, видимо, имел отчество Андреевич (упомянут несколько раз как Андреев сын среди воевод за 1532 г.)<sup>36</sup>. Православный литвин (русин) на службе у московского государя<sup>37</sup>.

Собакины, видимо, были коломенскими дворянами и, судя по всему, внучкой Степана Собакина была печально известная третья жена Ивана Грозного – Марфа Васильевна<sup>38</sup>.

Исак Шенгурской (Шенкурский) – представитель боярского рода новгородского происхождения. В 1475 г. он был среди встречавших Ивана III бояр, а в 1478 г. в результате «вывода» (насильного переселения) новгородской знати оказался в Костромском уезде<sup>39</sup>. Если это он, то на 1524 г. ему уже было за 60 лет.

### ***Конная рать***

#### ***Большой полк***

Возглавлял конную рать и Большой полк боярин (? – в те годы вероятнее ещё окольничий) Иван Васильевич Симский, имевший прозвища Хабар за удачливость (по словарю русского языка

---

<sup>34</sup> Смирнов И.И. Восточная политика Василия III. С. 55.

<sup>35</sup> Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 91–92; Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 63–64; Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 145.

<sup>36</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 231–233.

<sup>37</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 341. Прим. 631.

<sup>38</sup> РК 1605. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 285. Она умерла, прожив в браке всего 15 дней, после чего Грозный подверг опале и убил многих её близких родственников – якобы за то, что те околдовали и извели её.

<sup>39</sup> Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 62, 87.

## ГЛАВА 6. Подготовка русского похода на Казань в 1524 г.

В.И. Даля, «хабар» означает «прибыток», «барыш», «удачу»<sup>40</sup> и Дикой (за необузданный нрав) – герой обороны от татар Нижнего Новгорода (1505 г.) и Переяславля-Рязанского (1521 г.). Происходил он из рода, восходящего к сыну полулегендарного касожского витязя Редеди, сражённого в поединке тьмутараканским князем Мстиславом Владимировичем в 1022 г. Отец его (В.Ф. Образец Добрынский-Симский) был боярином при Иване III и участвовал в войнах с Новгородом и Казанью, а дед (владевший селом Симы, откуда и фамилия) пал в Суздальской битве с татарами Улу-Мухаммеда (1445 г.)<sup>41</sup>. Впервые в разрядах Иван Симский (в чине сына боярского) появляется в 1495 г. во время мирного похода великого князя в Новгород<sup>42</sup>. Это был уже пожилой, относительно опытный воевода. После 1505 г. он имел ещё не менее 5 или 6 воеводских полковых назначений (включая не менее одного боевого), в основном против литовцев. Один раз возглавлял полк Левой руки, дважды – Сторожевой, по разу был вторым воеводой полков Передового и Левой руки<sup>43</sup>. Как видим, количество воеводских назначений у него чуть выше среднего. Назначение главным воеводой конной рати Ивана Симского было, скорее всего, связано с его удачливостью, хитростью и заслугами перед великим князем, поскольку ни родовитостью, ни соответствующим большим опытом он не отличался.

Второй воевода – Михайло Семёнович Воронцов из знатного рода, издавна служившего московским князьям. Его отец возглавлял полк Левой руки в Муроме во время казанского вторжения 1505 г. Впервые в разрядах упомянут во время Смоленского похода 1512 г., когда в числе прочих воевод с «малой ратью» посылался воевать под Браслав и Дрисвяты. Имел не менее 6 или 7 воеводских назначений, включая не менее одного боевого (т.е. опыта командования в непосредственно боевых условиях М.С. Воронцов имел ма-

---

<sup>40</sup> Хабар // Толковый словарь живого великорусского языка.

<sup>41</sup> Бахтин А.Г. Воевода И.В. Хабар-Симский. С. 70–71; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 19.

<sup>42</sup> РК 1598. С. 25.

<sup>43</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 99, 107, 109, 112, 139, 157, 162, 166, 175, 177, 183, 185; Филюшкин А.И. Василий III. С. 264–265



ло). Назначался вторым воеводой полков Правой руки, Передового и Большого<sup>44</sup>.

Отметим, что оба воеводы Большого полка, во-первых, не обладают большим опытом командования конной ратью в походных условиях, во-вторых, не отличаются родовитостью, поэтому назначения получили, скорее всего, в силу особого доверия к ним со стороны великого князя.

### *Передовой полк*

Первый воевода – Василий Андреевич Шереметев, в прошлом году начальствовавший над Сторожевым полком конной рати.

Вторым воеводой был назначен Федор Семенович Колычев – представитель одной из линий потомков Андрея Кобылы, имевший поместья в Новгородской земле<sup>45</sup>. На командных должностях ранее не отмечен.

Оба воеводы не обладали сколько-нибудь значительным полководческим опытом, а назначены были из-за близости их семейств к великому князю.

### *Полк Правой руки*

Первым воеводой Правой руки был поставлен Пётр Иванович Репнин, который в предыдущей кампании возглавлял полклевой руки конной рати и, возможно, участвовал в походе на казанские места. Хотя это было, как минимум, его седьмое назначение полковым воеводой, опыта командования в боевых условиях он имел очень мало (до этого участвовал в боях с крымскими татарами)<sup>46</sup>.

Второй воевода – Дмитрий Григорьевич Бутурлин Копос (или Кривой), который, как написано, «во всём роду у Бутурлиных большой» (старший<sup>47</sup>). Бутурлины – знатный старомосковский служилый род из потомков тиуна Ратши. Д.Г. Бутурлин в 1514/1515 г.

---

<sup>44</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 124, 127, 128, 150, 157, 158, 163, 168, 171, 174; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 157–158.

<sup>45</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 176, 181.

<sup>46</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 115, 122, 147, 148, 151, 155, 159, 161, 188; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 20, 28, 53.

<sup>47</sup> Известно, что он уже в 1500 г. был владельцем поместья в новгородской Вотской пятине [Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 170].

или июле 1519 г. участвовал в походе на литовские земли, будучи вторым воеводой Большого полка (в источнике запись дублируется)<sup>48</sup>. Воевода малоопытный, хотя и «обстрелянный».

### *Полк Левой руки*

Возглавлял полк Левой руки Иван Фёдорович Телепнёв-Оболенский Овчина, сделавший, по словам А.А. Зимина, головокружительную карьеру при дворе, и к 1524 г. значительно уже продвинувшийся в местнической иерархии. Имел не менее 5 воеводских назначений, включая одно или два в полках, имевших боевые столкновения с противником (литовцами и, возможно, крымцами)<sup>49</sup>. Трудно сказать, чем продвижение по службе было вызвано больше – некими успехами на ратном поприще (о которых трудно говорить по разрядным записям) или благодаря иным заслугам перед Василием III<sup>50</sup>.

Второй воевода – кн. Андрей Александрович Кропоткин Меньшой, сын выехавшего из ВКЛ на московскую службу представителя Смоленских князей. Данные о нём в источниках запутаны из-за того, что он имел старшего брата Андрея, и в разрядах редко их можно различить. Кажется, был воеводой в Сыренске (Нейшлоссе) в 1508 г. Возможно, что ещё раньше (в 1500 г.) он был вторым воеводой Правой руки в рати, собранной по случаю ногайского похода на Казань (или это был его старший брат Андрей). Возглавлял полк Левой руки в походе на литовские земли из Ржевы в 1514/1515 г., а в июле 1519 г. участвовал в ещё одном литовском походе. Летом

---

<sup>48</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 146, 169; РК 1598. С. 63; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 161.

<sup>49</sup> РК 1598. С. 57, 62–64, 67; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 122, 167, 178; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 51.

<sup>50</sup> А.А. Зимин ошибочно отмечено, что во время крымского нашествия 1521 г. И.Ф. Телепнев находился в Серпухове и был третьим воеводой; по разрядной книге он был в Торусе и только 5-м в списке воевод. После смерти великого князя И.Ф. Телепнёв Овчина стал фаворитом его молодой вдовы – Елены Глинской (по слухам и поздним предположениям мог быть и отцом её детей, Юрия Углицкого и будущего Ивана Грозного; к сожалению, до сих пор не проведена генетическая экспертиза для решения этого вопроса).

1521 г. находился в качестве воеводы в Торопце<sup>51</sup>. Как видим, опыт командования в военных походах этот воевода всё же имел, хотя и не очень большой.

### *Сторожевой полк*

Возглавлял Сторожевой полк Иван Васильевич Колычев Лошак (Колычев-Лошаков, имел также прозвище Жук) из боярского рода Колычевых. Участвовал в войне с литовцами ещё в 1500–1502 гг. Имел не менее 5 воеводских назначений, включая мероприятия против крымских татар в 1521–1522 г.; однажды возглавлял полк левой руки, в остальных случаях был вторым и третьим воеводой полков левой руки и Сторожевого<sup>52</sup>. Можно охарактеризовать его как воеводу со средним опытом.

Вторым воеводой был кн. Иван Михайлович Чулок Засекин из Ярославских князей. И.М. Засекин числился среди землевладельцев по Дмитрову, и, видимо, служил удельному князю Юрию Ивановичу (брату Василия III)<sup>53</sup>. Командовал Передовым полком в зимне-весеннем походе 1520 г. под Витебск<sup>54</sup>, а позже (возможно) был среди воевод, направленных под Полоцк. Во время крымского вторжения 1521 г. числился среди воевод, отправленных в Торопец<sup>55</sup>. Опыт командования небольшой, но достаточно серьёзный.

Отмечается также, что «с ними» (в Сторожевом полку или со всей ратью) в поход отправились Шигоня Поджогин (приблизжённый Василия III, брат убитого в 1523 г. в Казани русского посла<sup>56</sup>) и дьяк Афанасий.

Итого отмечено 11 воевод судовой рати. Только один из них (правда, формально самый главный) не имел опыта, ещё один имел одно воеводское назначение, трое – по 3, 4 и 6 назначений, двое –

---

<sup>51</sup> Дворянские роды Российской империи. Т. 1. Князья. С. 241, 242; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 59, 146, 170, 181.

<sup>52</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 181; РК 1605. С. 64, 151, 165, 167, 181, 185.

<sup>53</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 96, 104.

<sup>54</sup> В разрядной книге поход ошибочно отнесён к 1519 г. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 223 (прим. 172).

<sup>55</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 160, 170, 181; РК 1598 – С. 64, 68.

<sup>56</sup> Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 253.

## ГЛАВА 6. Подготовка русского похода на Казань в 1524 г.

по 9, ещё двое – по 10, и двое – 11 и 14; таким образом, из 11 воевод шестеро имели очень большой опыт командования – от 9 до 14 назначений. В боевые ситуации, однако, попадали не все из них: мы отметили их только у 8 воевод (приблизительно по 2, 3, 5, 6, 9 и 10 эпизодов). Важно также отметить, что М.Ю. Захарьин бывал в Казани, а С.Ф. Курбский успешно руководил судовой ратью в походе на Югру и (видимо, неудачно) – на Каме в 1506 г. Однако, большинство воевод имели опыт командования конными ратями, а не судовыми. Несмотря на это, воеводский состав судовой рати 1524 г. выглядит весьма солидно. Возглавляет рать выехавший при Иване III на московскую службу Гедиминович. Далее идут: представитель князей Шуйских, трое выходцев из старомосковских служилых «боярских» родов и 6 служилых князей Ярославских.

Совсем иначе выглядит воеводский корпус конной рати, включавший 10 лиц. Один воевода не имел опыта, у двоих мы насчитали по 2 назначения, у одного – 3, ещё у одного – 4, у двоих – 5, ещё у двоих – 6, и у одного – 7 назначений (т.е. основная масса воевод опыт имела небольшой). С непосредственным боевым контактом тут ещё хуже: достоверно его можно отметить только у пятерых, причём у троих – по 1 эпизоду, у двоих – по 2, и у одного – 3. Шестеро из десяти воевод (включая главного) являлись представителями нетитулованной московской служилой аристократии, остальные – в основном служилые князья: двое князей Оболенских (Черниговских), один – Смоленский (из нововыехавших при Иване III) и один – из Ярославских, служивший, видимо, удельному князю Юрию Ивановичу. Иными словами, здесь мы видим преобладание лиц, не обладающих большим командным опытом, но лично преданных великому князю и происходящих из семейств, издавна служивших Москве.

В назначениях воевод отразилась, несомненно, и местническая иерархия, но разница в уровне подготовленности судовых и конных воевод может выражать и отношение к коннице, как к сугубо вспомогательному контингенту. Высшее командование могло считать, что для достижения конницей Казани и дальнейшего прикрытия осадной группировки вполне достаточно таких командиров. Как показал сам поход, в бою с казанской конницей и такое командование могло добиться успеха (уже в силу численного превосходства

над татарами), однако, как будет показано ниже, в итоге именно воеводы конной рати допустили ошибку, приведшую к неудаче во всей кампании.

### 3. Состав и численность русской рати

Территориальный состав служилых людей, шедших в поход, практически неизвестен. Исключение составляют уникальные сведения Типографской летописи о присутствии в конной рати Новгородской силы (т.е. конницы из новгородских детей боярских)<sup>57</sup>, и синодика XVII в., в котором приведены имена рязанских дворян, погибших в том походе<sup>58</sup>.

Новгородские дети боярские служили в основном на западе и принимали участие во всех наиболее значимых кампаниях московско-литовских войн<sup>59</sup>. Перевод их на восточное направление говорит о важности похода и большой численности участвовавших в нём ратей. По мнению А.Н. Лобина, в первой трети XVI в. новгородские дети боярские могли насчитывать ок. 2 тыс. чел. (с учётом роста поместного землевладения и ок. 3 тыс. чел. на 1562 г.)<sup>60</sup>. Однако в походе на Казань вряд ли участвовали все помещики – какая-то их часть могла оставаться «по домам» на случай прихода «воинских людей» из Литвы или Ливонии.

Рязанцы, поднаторевшие в столкновениях с татарами на своей южной «украине», также были многочисленны. Известно, что в 1562 г. их насчитывалось не менее 626 человек<sup>61</sup>. В начале века их могло быть ок. 400 чел. Привычность к столкновениям со степняками и упоминание павших рязанцев в последовавшей во время похода конной битве на Свияге позволяют предположить присутствие их именно в конной рати, хотя какая-то часть рязанских ратников могла присутствовать в судовой рати (логистически это было оп-

---

<sup>57</sup> Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. С. 222.

<sup>58</sup> Синодик 1684 г. // Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. С. 465–466.

<sup>59</sup> Бенцианов М.М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. С. 113.

<sup>60</sup> Лобин А.Н. Битва под Оршей. С. 100–101.

<sup>61</sup> Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 119–154.

равдано – им достаточно было спуститься на судах вниз по Оке до Нижнего, где и был пункт сбора).

При этом, следует отметить, что из-за осложнения политической ситуации вокруг Рязанского княжества до пленения и бегства рязанского великого князя рязанские ратники (за исключением детей боярских, перешедших вместе с частью княжества под власть Москвы раньше), возможно, не участвовали в войнах Московского государства 1505–1521 годов<sup>62</sup>.

Известно также об участии в походе детей боярских из коломенской корпорации<sup>63</sup>. Коломенский служилый город в 1562–1577 гг. насчитывал ок. 310–318 человек<sup>64</sup>. В первой трети века их могло быть человек 200–250.

С. Герберштейн упоминал также полторы сотни татар из двора Шах-Али (в 1533 г. «царёв») двор насчитывал не менее 200 чел.<sup>65</sup>; об участии других служилых татар источники молчат), и наёмников из немцев и литвы (видимо, артиллеристов; могли иметься в виду не только этнические литовцы, но и литвины – типа упоминавшегося выше Якуба Ивашенцова)<sup>66</sup>.

Фигурирующие в источниках данные о численности русских ратей многократно преувеличены. «Казанский летописец» сообщает о 150 тыс. воинства<sup>67</sup>. Сигизмунд Герберштейн привёл ещё большую цифру – 180 тыс.<sup>68</sup> М.Г. Худяков не критично относился к этим сведениям, повторив в своей книге<sup>69</sup>. И.И. Смирнов, напротив, усомнился в сведениях Герберштейна и «Казанского летописца», но отметил, что такие цифры отражают большие масштабы похода в восприятии современников<sup>70</sup>.

---

<sup>62</sup> Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного. С. 22.

<sup>63</sup> Бенцианов М.М. «Князья, бояре и дети боярские». С. 183, 334, прим. 548; Синодик 1684 г. // Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. С. 465–466.

<sup>64</sup> Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 119–154; Чернов А.В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. С. 77.

<sup>65</sup> Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков. С. 180.

<sup>66</sup> Герберштейн, С. Записки о Московии. С. 178.

<sup>67</sup> Казанский летописец. С. 34.

<sup>68</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 179.

<sup>69</sup> Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 91.

<sup>70</sup> Смирнов И.И. Восточная политика Василия III. С. 55.

## ГЛАВА 6. Подготовка русского похода на Казань в 1524 г.

С учётом 11 воевод в судовой рати (плюс «наряд») и 10 – в конной, при расчёте получим в судовой рати от 6600 до 8250 условных ратников (плюс несколько сот чел. с артиллерией), и в конной – от 6000 до 7500 чел. (из которых до 2,4 тыс., предположительно, составляли новгородские, коломенские и рязанские дети боярские). К их числу можно ещё добавить не менее полутора сотен татар из двора Шах-Али, которые упоминаются Герберштейном при описании военных действий под Казанью<sup>71</sup>. В общей сумме получаем приблизительно от 13 до 16–17 тыс. воинов.

Как писал С. Герберштейн, число «судов было так велико, что река [Волга], пусть и широкая, повсюду казалась покрытой множеством кораблей»<sup>72</sup>. Это выглядит правдоподобно, поскольку использовавшиеся для передвижения по реке крупные (до 20–30 м длиной) струги и насады вмещали 30–40 человек<sup>73</sup>. Следовательно, судовая рать могла насчитывать от 188 до 275 судов, а с учётом «посохи» – ещё больше.

### 4. Подготовка к войне в Казанском ханстве, отъезд Сахиб-Гирея и выступление русских войск

Противопоставить многочисленному русскому воинству, оснащённому артиллерией и имевшему большой боевой опыт, казанцы могли немного.

Как говорилось выше, общее число ратников, которых могла выставить в критической ситуации Казань, не доходило и до 20 тыс., причём основная их масса состояла из непривычных к военному делу ополченцев, в основном пеших. Численность же конницы вряд ли доходила и до 7 тыс. чел.

Конные отряды из Ногайской Орды, скорее всего, не могли участвовать в войне на стороне Казани – ногайские мирзы были врагами крымских Гиреев. Правда в одном малоизвестном публицистическом сочинении XVI в. (созданном в качестве апологии Ва-

---

<sup>71</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 178.

<sup>72</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 176–177.

<sup>73</sup> Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока... С. 20–21.

## ГЛАВА 6. Подготовка русского похода на Казань в 1524 г.

силія III для затушёвывания его семейных и политических неудач) говорится о том, что казанские бии наняли «из многих орд» казаков, которые и выступили впоследствии против русской конницы<sup>74</sup>. Однако с учётом внешнеполитического положения Казанского ханства в 1524 г. и вражды ногайских мурз с Гиреям, это выглядит сомнительно (по крайней мере, вряд ли это могло значительно увеличить численность казанской конницы). При этом в том же сочинении говорится о последовавшем за войной 1524 г. разорении ханства теми же ногаями<sup>75</sup>.

Понятно, что в рамках подготовки к войне Сахиб-Гирей пытался привлечь к военной службе как можно большее число людей, а также проверить имеющиеся мобилизационные ресурсы. Об этом, вероятно, может свидетельствовать редкий дошедший до нас документ Казанского ханства – ярлык Сахиб-Гирея, подтверждающий тарханство семерых лиц<sup>76</sup>, представлявших, видимо, казанское военно-служилое сословие.

К 1524 г. в Казани оставались орудия из захваченного в 1506 г. русского «наряда», однако их было мало и не хватало специалистов-пушкарей (о чём писал в Крым Сахиб-Гирей), а Герберштейн сообщал, что у казанцев имелся один единственный пушкарь<sup>77</sup>.

Сахиб-Гирей понимал, что, несмотря на громкую победу Мухаммед-Эмина в 1506 г., противостоять Московскому государству в одиночку Казанскому ханству затруднительно. Поэтому он, не добившись помощи из Крыма и Османской империи, покинул Казань накануне русского похода. Новым ханом был объявлен его племянник – тринадцатилетний Сафа-Гирей.

Источники русского происхождения однозначно трактовали такой шаг как проявление трусости, поскольку Сахиб-Гирей бежал, узнав о сборе против него огромного воинства. М.Г. Худяков возражал

---

<sup>74</sup> Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Русское летописание. С. 162.

<sup>75</sup> Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Русское летописание. С. 163.

<sup>76</sup> Мустахимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 5. С. 31–46.

<sup>77</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 178.



## ГЛАВА 6. Подготовка русского похода на Казань в 1524 г.

авторам, безусловно, ангажированных летописей, указывая на то, что сперва Сахиб вызвал из Крыма Сафа-Гирея (на что понадобилось бы не менее нескольких недель), передал ему престол, и уже после этого поехал просить помощи в Крыму и Османской империи<sup>78</sup>.

Сам Сахиб много позже объяснял свой поступок тем, что будто бы всегда думал о возвращении в Крым<sup>79</sup>. Отчасти так и могло быть, поскольку в дальнейшем он мало обращал внимания на Казань с её суровой северной природой и беспокойной аристократией (хотя С. Герберштейн и предполагал, что отъезд Сахиба был временным – для просьбы помощи у султана<sup>80</sup>). Эту же версию привёл и биограф Сахиба – Реммаль Ходжа в 1553 г.<sup>81</sup> В так называемом «Пафнутьевском летописце» имеется неясное сообщение об изгнании из Казани «Саап Кирея» казанскими князьями за то, что тот посылал мордву и черемису без их ведома разорять русские укреплённые пункты. Вместо него они приняли из Крыма «Сааддеи Гирея». События ошибочно датированы 1519 г.<sup>82</sup> Сейид Мухаммед Риза (крымско-османский историк XVIII в.) также писал о «беспрерывных мятежах и смутах» в Казани, вынудивших Сахиба уступить беспокойное место племяннику<sup>83</sup>.

Можно допустить, что все озвученные в источниках причины могли иметь место, но заметим, что обвинять Сахиб-Гирея в трусости всё же неправомерно: он адекватно оценил ситуацию и не пошёл на чрезмерный риск, однако всё же смог оставить Казань за Гиреями (всё-таки не Сафа-Гирей учинил убийство посла и купцов, поэтому можно было предполагать смягчение великого князя в отношении нового хана).

Отъезд Сахиб-Гирей показывает, что основная тяжесть подготовки к войне непосредственно перед вторжением неприятеля и са-

---

<sup>78</sup> Подробно этот вопрос рассмотрен в книге «История татар» [Т. 4. С. 305–306].

<sup>79</sup> История татар. Т. 4. С. 306.

<sup>80</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 176.

<sup>81</sup> История татар. Т. 4. С. 305.

<sup>82</sup> Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Русское летописание. С. 160.

<sup>83</sup> Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 399; История татар. Т. 4. С. 305.

## ГЛАВА 6. Подготовка русского похода на Казань в 1524 г.

ма оборона Казанского юрта легли на плечи местной военно-политической элиты – казанских биев (Сафа-Гирей, вопреки заявлению Герберштейна и встречающемуся в литературе мнению<sup>84</sup>, не мог принимать в этом участия по малолетству), хотя нельзя исключать и вклад в это дело Сахиб-Гирея в предыдущие годы.

В Пафнутьевском летописце приводятся сведения о попытке перехвата Сафа-Гирея («царевича Саадея Гирея») касимовскими казаками (служилыми татарами). Но царевич с матерью смогли прорваться и уйти в Казань<sup>85</sup>. По сведениям же Герберштейна, прорусски настроенный верховный казанский сеид<sup>86</sup> намеревался поймать Сафа-Гирей по прибытию к городу и выдать русским людям, но был схвачен и, несмотря на большое уважение к подобным ему особам в исламской стране, всенародно зарезан<sup>87</sup>. Как комментирует это сообщение Д.А. Котляров, «произошла консолидация «всей земли Казанской», всех этносоциальных групп вокруг нового хана перед лицом общей угрозы»<sup>88</sup>. Действительно, как мы уже отмечали, с начала XVI в. можно наблюдать участие широких масс населения ханства в отражении военной угрозы со стороны западного соседа. Большое значение в обороне Казанского государства играли горные черемисы, через земли которых проходили русские конные рати. Черемисы могли значительно задержать их продвижение, что ставило прибывавшую под Казань по воде пешую рать с артиллерией в опасное положение.

Как сообщает летопись, «тоя же весны послал князь велики рать свою х Казани, Шигалея царя, а с ним воевод своих»<sup>89</sup>. Шах-Али формально был знатнее воевод, но к командованию его, разумеется, не подпускали. Как и в прошлые войны, к Казани шли судовая и конная рати. В Вологодско-Пермской летописи сообщается, что это бы-

---

<sup>84</sup> Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. С. 72; История татар. Т. 4. С. 306.

<sup>85</sup> Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Русское летописание. С. 160.

<sup>86</sup> Видимо, именно он просил посадить Шах-Али на трон умершего Мухаммед-Эмина.

<sup>87</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 176.

<sup>88</sup> Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому государству... С. 202.

<sup>89</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 44

## ГЛАВА 6. Подготовка русского похода на Казань в 1524 г.

ло в мае, а в Типографской указана и дата – 12 мая. Однако это расходится со сведениями разрядных книг, поскольку в них говорится об отправке судовой рати за день (или за неделю) до Троицына дня и о выступлении конной – на Троицу (50-й день и 8-е воскресенье после Пасхи)<sup>90</sup>. При расчёте по формуле Гаусса получается, что пасха на Руси в 1524 г. отмечалась 27 марта. Значит, Троица пришлась на 15 мая; судовая рать выступила 8 или 14 мая, конная – 15-го.

Некоторые историки дату отбытия судовой рати определили по разрядной книге 1475–1598 гг. – за неделю до Троицы<sup>91</sup>. Но, как нам видится, в данном случае в этом источнике допущена ошибка, и судовая рать выступила за день до Троицы, а не за неделю – по опыту прошлых походов было известно, что по рекам достичь Казани гораздо быстрее, чем по «полю», поэтому посылка конницы ещё на неделю позже неминуемо привела бы к простою осадной группы под Казанью.

В Типографской летописи отмечена погодная аномалия 1524 г. В лето 7032 (1523/1524 гг.) зима была морозной и долгой, стояла до Троицына дня, причём снег ещё не успел полностью сойти. Выпускать скотину и преступать к полевым работам начали только на Петрово заговенье<sup>92</sup> (первое после Троицы воскресенье, проводы весны, т.е. конец мая). Такая погода значительно усложняла путь конной рати, предполагала необходимость везти большой запас провианта и фуража. По этой же причине выступление в поход могло быть таким поздним (в 1506 г. к Казани отбыли уже в апреле).

В Нижнем Новгороде был важный перевалочный пункт<sup>93</sup>; тут концентрировались суда и запоздавшие контингенты, прибывавшие по разным речным и сухопутным путям.

Видимо, учитывая неудачный опыт 1506 г., на этот раз на Каму судовую рать посылать не стали.

---

<sup>90</sup> Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 312; Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. С. 222; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 189; РК 1598. С. 69.

<sup>91</sup> Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 261; Волков В.А. Войны и войска Московского государства. Москва: Эксмо, 2004. С. 92–93.

<sup>92</sup> Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. С. 222.

<sup>93</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 176.

## ГЛАВА 7

### РУССКИЙ ПОХОД НА КАЗАНЬ В 1524 ГОДУ

#### 1. Поход 1524 г. в русских летописях и разрядных книгах

Официальные летописные сведения о походе немногословны<sup>1</sup>. После сообщения о бегстве Сахиб-Гирея и воцарении Сафа-Гирея говорится о том, что «царь Шигалей с великого князя воеводы судовые пришед х Казани и сташа на берегу Волги выше Казани на Казанской стороне. А про конных воевод сведавши Казанцы, что идут х Казани, и собравшиися князи и мурзы и вся земля Казаньская и встретиша великого князя воевод за двадцать верст от Казани, от города на Свияге, и бысть им бой, и поможе Бог великого князя воеводам, и на том бою многих князей и мурз и Татар и Черемису и Чювашу избиша, а иных князей и мурз многих живых поимаша. И снидошася конная рать с судовою, и начаша приступати ко граду, и многих Татар под градом побиша; и Казанци видя свое неизможение и добиша челом великого князя воеводам, да и шерть дали на всей воли государя великого князя»<sup>2</sup>.

По летописной версии поход прошёл гладко: обе рати соединились под городом, как и было запланировано, попутно нанеся поражение коннице противника. Осада вскоре закончилась, поскольку казанцы били челом великому князю. Поход заканчивается фактически победой Москвы. Достоверность такой трактовки итогов войны ставилась под сомнение ещё С.М. Соловьёвым<sup>3</sup>.

Помимо прочего, данные Никоновской летописи позволяют говорить о составе казанской рати, встретившей русскую конницу на

---

<sup>1</sup> В некоторых летописях присутствуют списки воевод, выписанные из разрядных книг.

<sup>2</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 44; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. С. 203.

<sup>3</sup> Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Книга первая. Т. 5. Ст. 1637.

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

Свияге: это татарские бии и мурзы с казаками (нобилитет), а также ополчение из черемисов и чувашей. Подчеркнём, что казанцы «сведали» об идущей конной рати и встретили её, зная примерный маршрут; о подходе неприятеля могли сообщить гонцы из местного населения, или специальные разведывательные отряды.

В Разрядной книге 1475–1605 гг. имеется сокращённый пересказ летописного текста, но при этом ошибочно записано, будто воеводы посадили в Казани Шах-Али<sup>4</sup>.

Сведения Типографской летописи короче, но в ней приведена дата боя на Свияге – 24 июня. Возможно, дата сражения была сообщена участником похода или взята из документов походной канцелярии. Если учесть, что время пути конницы от Москвы до Казани – от 37 дней<sup>5</sup>, то дата 24 июня выглядит правдоподобно. Далее в летописи сразу говорится о том, что воевода И.Ф. Бельской и Шах-Али с биями и «со всеми казанци мир вечный взял»<sup>6</sup>. Трактовка окончания войны отличается от официальной: выражение «взять вечный мир» может означать ничью, в отличие от челобитья казанцев и даче ими шерти, о чём пишут иные источники. Это отмечал ещё И.И. Смирнов<sup>7</sup>.

Иная дата боя на Свияге (на Итякове или Отяковом поле) приведена в продолжении Хронографа 1512 г. – 28 июля<sup>8</sup>. Этот вопрос подробнее будет рассмотрен ниже в связи с анализом сведений Герберштейна.

Дополнительная информация о боях на берегах Свияги и под Казанью, взятые из неопубликованных источников, ныне хранящихся в РГАДА (Пафнунтьевский летописец и Волоколамская летопись), приводятся в работе А.А. Зимина и в «История татар».

В Волоколамской летописи даётся иная хронология: начало похода отнесено к 29 мая, прибытие судовой рати под Казань – к 3 июля (причём отмечено, что русский стан был разбит на Царёвом лугу). Отмечено и то, что какой-то город (укреплённый лагерь – острог, или

---

<sup>4</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 190–191.

<sup>5</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 289–290.

<sup>6</sup> Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. С. 222

<sup>7</sup> Смирнов И.И. Восточная политика Василия III. С. 55, прим. 176.

<sup>8</sup> Русский хронограф // ПСРЛ. Т. 22. С. 520.

Казань?) сгорел, а 19 июля русские полки «с великим нарядом, с пушками и с пищальями» были атакованы татарами, но отбились. Также неудачно для казанцев окончились последующие рейды. За неделю до Оспожина дня (15 августа), т.е. 8 числа произошёл новый серьёзный бой, после которого казанцы и запросили мира<sup>9</sup>.

Сообщается также, что против конницы Ивана Хабарова Симского выступили 2 тыс. «избранных татар» (тот самый нобилитет, о чьей малой численности мы писали) и ополчение из мари, чувашей и мордвы. Кроме того, отмечается, что казанцы «пришли на воевод безвестно»<sup>10</sup>, т.е. использовали фактор внезапности, что стало возможно из-за плохо организованной или отсутствовавшей разведки у русского войска, а также благодаря лучшему знанию местности казанцами.

Даты выступления на Казань и прибытия туда следует считать ошибочными, поскольку они противоречат приведённым в официальных московских и близких к ним источниках (летописях и разрядных книгах) и полученным непосредственно от великокняжеской и походной канцелярий. Сведения о столкновениях под Казанью подтверждаются другими источниками. Также возможно, что Волоколамская летопись подтверждает сообщение Герберштейна о сожжении казанских деревянных укреплений (см. ниже).

### 2. Поход 1524 г. в описании Сигизмунда Герберштейна

Оригинальные данные о походе на Казань содержатся в сочинении С. Герберштейна<sup>11</sup>.

В его рассказе судовая рать достигла Гостиного острова на Волге у Казани 7 июля, и встала на нём лагерем, ожидая конницу. Если воеводы судовой рати выступили 14 мая с Москвы, их путь до Казани занял 54 дня, что заметно больше, чем в 1487 г. (37 дней)<sup>12</sup>.

---

<sup>9</sup> Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 262–263.

<sup>10</sup> Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 261–265; История татар. Т. 4. С. 307. Ссылка на: РГАДА. Ф. 201. Рукописное собрание М.А. Оболенского. №42, л. 20 об.

<sup>11</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 176–179.

<sup>12</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 289–290.

Это может быть связано с неблагоприятной ситуацией на дорогах и реках в виду отмеченной выше погодной аномалии. Но, в целом, даты выглядят правдоподобно. Само плавание от Нижнего Новгорода (который, вероятно, и был отправной точкой, местом сбора пеших контингентов) должно было занять не больше недели.

Пока судовая рать стояла на Гостином острове, несколько русских «шпионов» подожгли деревянные стены Казани, после чего они полностью сгорели. Однако командующий «из страха и малодушия» не воспользовался таким случаем, не пошёл на штурм, а стены были скоро восстановлены татарами. Не должно вызывать удивление и сообщение о бездействии судовой рати. И дело скорее не в малодушии воевод, а в соблюдении ими приказа и учёте предыдущих кампаний, особенно 1506 г., когда выступившая без поддержки конницы пешая рать с «нарядом» была разгромлена. В идеале конная рать должна была подойти к Казани одновременной с судовой, но и в этот раз достичь синхронности не удалось.

Наконец, 28 июля войска переправились на берег Волги и встали лагерем у реки Казанки, где и простояли ещё двадцать дней. В это время напротив русского лагеря татарский «царёк» (видимо, подразумевался Сафа-Гирей) разбил свой, и выслал из него черемисских воинов тревожить неприятеля.

Конная русская рать по неизвестным причинам задерживалась в пути. В благоприятных условиях конница от Москвы добиралась до Казани менее чем за 40 дней; а в 1552 г. даже идя значительно южнее, степями, в 5 днях езды от войска царя, рать А. Курбского, по его собственному утверждению, от Мурома до Свяжска шла около 40 дней<sup>13</sup>. В 1506 г. конница достигла цели на месяц позже, чем судовая рать, что и стало одной из главных причин поражения<sup>14</sup>. Видимо, после 20 дней простоя на Гостином острове воеводы решились на какую-то активность, дабы не дать противнику почувствовать полное тактическое превосходство и не допустить разложения

---

<sup>13</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск. С. 289–290; Курбский. А. История о делах великого князя московского. С. 33.

<sup>14</sup> Илюшин Б.А. Казанский поход 1506 г.: анализ подготовки и боевых действий // Российская история, 2018. №3 (3). С. 98; Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 67.

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

в собственном лагере. Однако казанские бии (сомнительно, что войска возглавлял тринадцати-четырнадцатилетний хан) сами перешли к активности и начали наносить удары силами черемисского ополчения (благоразумно сберегая татарскую конницу).

Герберштейн также отметил, что приплывший с воеводами под Казань Шах-Али принялся увещевать Сафа-Гирея отступить от его (Шаха-Али) «наследственного» царства, на что последний ответил: «Если ты добиваешься моего царства, давай решим (дело) оружием: пусть владеет им тот, кому оно будет даровано судьбой».

Провиант в русском лагере подходил к концу, начался голод, а добыть что-то или послать гонца за подмогой было нельзя из-за вездесущих черемисских лучников (отмечается, что черемисы опустошили окрестности, лишив русских «загонщиков» возможности вести фуражировку). Похожая ситуация наблюдалась в 1469 г., когда прибывшая под Казань судовая рать простояла месяц или два на Ирыхове острове, после чего пришлось отступить без какого-либо результата и неся потери от преследовавших татар<sup>15</sup>.

Тем временем великий князь послал своим войскам под Казань подкрепление их двух контингентов. Судовая под началом кн. Ивана Палецкого должна была из Нижнего Новгорода доставить провиант «осаждавшим» и разузнать об их положении, после чего сообщить о ситуации в Москву. Конный отряд в 500 сабель (серьёзная боевая сила) с той же целью форсировано двигался к Казани, но был почти в полном составе перебит черемисами (начальник её попал в плен и на третий день умер от ран); спаслось лишь 9 человек.

Видимо, отправка резерва планировалась сразу, или же дополнительные силы были заранее выдвинуты в Нижний Новгород, Муром и Василь-город.

В стоявшем под Казанью лагере царили голод и уныние, усугубленные ложным слухом об уничтожении всей конницы (которая ещё продолжала движение к городу). Даже рассматривались варианты отступления: вверх по Волге, или вниз, дабы потом добираться до Руси окружным путём. Вскоре в лагерь прибыли 9 спасшихся конников и сообщили о подходе судов кн. Палецкого. Как видно, в

---

<sup>15</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 76–79.



## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

отличии от основной конной рати, этот отряд, а затем его остатки, не задерживался в пути и двигался прямо к Казани.

Однако и рать кн. Палеццкого попала в засаду к черемисам. После долгого пути ратники высадились на ночлег на берег, куда следом подошли черемисы и принялись кричать и спрашивать, кто это приплыл, но русские люди их обругали и пригрозили высечь плетью за нарушение покоя князя, приняв, как пишет Герберштейн, за кого-то из своих холопов (видимо, из других лагерей, разбитых вдоль реки, поскольку в одном месте ратники со всех судов не могли бы разместиться)<sup>16</sup>. Черемисы ответили, что «завтра у нас с вами будет другой разговор, ибо мы всех вас отведём связанными в Казань». Утром, воспользовавшись густым туманом, черемисы напали на русский лагерь и захватили якобы 90 судов по 30 человек в каждом, а князь Палецкий бежал к остальному войску (становится понятно, что в этом лагере на берегу расположилась только часть контингента). Собрав больше людей, он пошёл к тому же берегу, но снова попал в засаду и спасся с немногими людьми<sup>17</sup>. Численность потерь не фантастическая (2,7 тыс.), но всё же многократно преувеличенная.

Тем временем основная конная группа переправилась через Свиягу<sup>18</sup>, и, после двух столкновений с татарами и черемисами, в которых обе стороны понесли больше потери (но после которых казанцы отступили), наконец соединилась с судовой ратью под Казанью. Произошло это до 15 августа, когда объединённые силы уже приступили к осаде города.

Сафа-Гирей со своими силами находился вне города, и казанцы регулярно тревожили осаждающих. Рядом с лагерем конники обеих сторон занимались «травлей» (или гарцем по польской терминологии)

---

<sup>16</sup> Предположение о том, что черемисы прибыли на судах (почему и были приняты за кого-то из судовой рати) [История татар. Т. 4. С. 697], спорно: в источниках о черемисских судах не говорится, зато Герберштейн прямо пишет, что черемисы «прибежали» по берегу.

<sup>17</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 178.

<sup>18</sup> Герберштейн ошибочно указал, что она находится от Казани в 8 милях. При этом он указал, что Углич отстоит от Москвы на 24 мили, а от Ярославля – на 30. Соответственно, он или пользовался разными милями, или ошибался в расстояниях.

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

гии). Как пишет Герберштейн, однажды Шах-Али с полутора сотнями своих татар попытался поймать шестерых казанских конников, подъехавших к русскому лагерю, но воеводы его не пустили, опасаясь потерять столь важное лицо. Против этих татар были высланы якобы 2 тыс. конных. «Они хотели окружить [казанских] татар, чтобы те не спаслись бегством, но татары [расстроили этот план (прибегнув) к такой хитрости], когда московиты наседали на них, они мало-помалу отступали и, отъехав немного дальше, останавливались. Так как московиты делали то же самое, то татары заметили их робость и, взявшись за луки, принялись пускать в них стрелы; когда те обратились в бегство, они преследовали их и ранили очень многих. Когда же московиты снова обратились против них, они стали понемногу отступать, снова останавливаясь, разыгрывая перед врагом притворное бегство. В это время две татарские лошади были убиты пушечным выстрелом, но всадников не задело, и остальные четверо вернули их к своим целыми и невредимыми на глазах двух тысяч московитов»<sup>19</sup>. Помимо, видимо, многократного преувеличения численности русских всадников, занятых травлей, Герберштейн упускает самую суть «травли»: она как раз и состояла в том, что бойцы с обеих сторон перестреливались из лука, то отходя, то внезапно переходя к контратаке; притворное бегство использовалось и русскими ратниками.

«Пока конница обеих сторон забавлялась таким образом», русские и наёмные пушкарки обстреливали казанскую крепость. Герберштейн писал, что защитники также отстреливались из пушек, но вскоре единственный казанский пушкарь (видимо, специалист-командир и наводчик) был убит ядром. После этого, по заявлению автора, немецкие и литовские наёмники захотели побыстрее взять город, но этому помешал верховный командующий, коим теперь каким-то образом стал Иван Палецкий. Существует предположение, что это ошибка, а вместо него имелся в виду М.Ю. Захарьин – ведавший «нарядом» и, соответственно, осадными работами<sup>20</sup>. Возможно также, ниже идёт речь о И.Ф. Бельском, командовавшем

---

<sup>19</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 178.

<sup>20</sup> Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 264.

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

всем войском (по окончании кампании он вынужден был давать крестоцеловальную запись о верности великому князю).

Как утверждает в комментариях к изданию «Записок...» Герберштейна, в глазах С.Ф. Курбского (информатора дипломата), И.В. Ляцкого и европейских наёмников (начальников «наряда» – Я. Ивашенцова и др.?), М.Ю. Захарьин – «не только малодушный трус, но и взяточник, склонившийся к переговорам с казанцами из-за даров, полученных от осаждённых»<sup>21</sup>. Думается, кто бы не имелся в виду под пошедшем на переговоры начальником, такое категоричное утверждение неоправданно.

Вероятно, видя истощение припасов и усталость изголодавшихся воинов, командующий хотел для «соблюдения выгоды своего государя» заключить с казанцами перемирие и привезти назад в относительной сохранности войска и орудия. Наёмников же, пытавшихся вопреки его приказам штурмовать город, он повелел схватить и пригрозил наказанием (напомним, что в предыдущую кампанию излишняя инициативность детей боярских в захвате лагеря-ярмарки привела к плачевным последствиям).

Татары охотно согласились отправить послов в Москву и договориться о мире. Князь Палецкий (Захарьин? Бельской?) снял осаду и отбыл на Русь. Герберштейн утверждает, что потом ходили слухи о подкупе князя татарами, хотя положение русского войска в любом случае было тяжёлым и рассчитывать на успех было трудно. В подтверждение слухов посол привёл сообщение о задержании русскими ратниками наёмника из Савойи, намеревавшегося за серебро и золотые кубки перейти к казанцам вместе с пушкой; он также должен был агитировать к перебежке других воинов (видимо, также наёмников). Несмотря на серьёзность проступка и учинённую пытку, князь Палецкий наёмника-пушкаря простил, что и должно было свидетельствовать о позиции самого командующего. Однако напомним, что специалисты-пушкари высоко ценились в Московском государстве и ими не «разбрасывались». Ценили их и в Казанском ханстве, что видно и по попыткам татар их переманить. Поэтому

---

<sup>21</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 341. Примечание 631.

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

прощение (к тому же, вряд ли полное) неудачливого перебежчика ещё не говорит о сговоре командующего с неприятелем.

Задабривание русского военачальника подарками вполне могло иметь место, причём вряд ли он стал бы это афишировать и делиться дарами с великим князем и коллегами. При этом отступление было необходимо, но отступить от Казани без дополнительных условий означало показать свою слабость. А так выходило, что пойти на переговоры русскую сторону сподобили подарки, а не тяжесть положения. Князь Палецкий (или же М.Ю. Захарьин, или И.Ф. Бельской) «делал хорошую мину при плохой игре».

Таковы основные сведения о походе в сочинении С. Герберштейна и наши соображения на их счёт.

Соотнесём даты похода в разных источниках. Отметим, что судовая рать в любом случае не могла пребыть к Казани ранее середины июня. Вопрос в том, насколько достоверны другие даты и, соответственно, действительно ли судовая рать несколько недель вынуждена была стоять в ожидании конницы. Ведь Типографская летопись указывает 24 июня в качестве даты боя на Свияге, от которой до Казани от силы два дневных перехода. Или Герберштейн путает даты, растягивая хронологию, или вместо движения к близкой цели конная рать задержалась где-то более чем на полтора месяца. Есть ещё один вариант, если предположить ошибку в Типографской летописи, но верную дату в другом источнике – 28 июля<sup>22</sup>. В этом случае путь конницы от Москвы до Свияги занял около 74 дней! (почти на полтора месяца дольше, чем это было в 1487 г.). Логичнее предположить, что надолго она задержалась в пути до Свияги, а не между Итяковым полем и Казанью. Причиной могли стать плохие дороги (с учётом отмеченной выше погодной аномалии, из-за чего начало пути выдалось особо тяжёлым) и стычки с черемисами (марийцами и чувашами). В последнем случае можно предположить, что воеводы конной рати вместо продвижения к Казани занялись разорением черемисских селений и увязли в них на несколько недель. Кроме того, вспомним, что почти все воеводы конной рати не имели сколько-нибудь значительного опыта коман-

---

<sup>22</sup> Русский хронограф // ПСРЛ. Т. 22. С. 520.

дования в условиях продвижения по вражеской территории, что также могло привести к задержкам в пути.

Однако, соединение ратей по Герберштейну произошло перед 15 августа, когда начался штурм Казани. Или ошибочны даты по крайней мере одного из источников, или же конница после боя на Свяге задержалась на 3 недели для «зачистки» черемисских поселений. Возможно также, что между 28 июля и 15 августа произошло ещё одно столкновение с участием русской конницы, о котором говорит Герберштейн, но не упоминают летописи.

Впрочем, именно версия о задержке конницы для разорения черемисских сёл находит подтверждение в «Казанском летописце».

### 3. Поход 1524 г. в «Казанском летописце»

«Казанский летописец», как и Герберштейн, приводит сведения о погроме русских судов черемисами. В «теснинах» и островных местах они устроили засаду, навалив в проливах между островами большие деревья и камни, натянув канаты (браги). Русские ладьи сгрудились, стали налетать на препятствия и друг на друга, а черемисы принялись с высокого берега скатывать на них деревья<sup>23</sup> и обстреливать из луков. Утверждается, что были уничтожены Яртоульный (5 тыс. чел.) и Передовой (15 тыс. чел.) полки, а в Большом убито 10 тыс. чел. Помимо этого потонуло и было потеряно много больших и малых пушек, боеприпасов, а также военного снаряжения; всё это, включая пушки и боеприпасы, черемисы подняли со дна (отмели же) и передали татарам в Казань<sup>24</sup>.

Цифры потерь, разумеется, нереальные, а упоминание Яртоула – анахронизм (такой полк был введён во время военных реформ Ивана Грозного). Однако в целом сообщение не выглядит домыслом. Проходы между островами могли быть мелководными, и для их перекрытия достаточно было свалить несколько крупных деревьев. Перекрыть движение по Волге в узком месте можно было попытаться и с помощью судов – казанцы так поступили в 1469 г.<sup>25</sup>

<sup>23</sup> Дуб и осокорь (тополь чёрный).

<sup>24</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. С. 35.

<sup>25</sup> Алексеев Ю.Г. Военные походы русских войск при Иване III. С. 83;

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

Скатывающиеся по склону или падающие с обрыва деревья должны были производить деморализующий эффект и принести значительные повреждения ближним судам. Основной же удар был нанесён знаменитыми черемисскими лучниками, постоянно фигурирующими в источнике. Вряд ли можно предполагать, что в засаду попала вся судовая рать, насчитывавшая до 250 и более судов; скорее – только её часть, везшая, однако «наряд».

Неясно, почему в «Казанском летописце» на этом эпизоде оканчивается поход судовой рати. Возможно, автор, желая показать неудачу более трагично, не стал расписывать последующее «стояние» под Казанью, окончившееся фактически ничем. Отметим, что у Герберштейна даётся описание иного эпизода с русскими судами и черемисами, а именно нападение на рать кн. Палецкого, посланного с подкреплением позже.

С.М. Соловьёв, полностью принимая версию «Казанского летописца», считал, что в данном случае описан разгром основной судовой рати. Причём для соотнесения этого сообщения с данными Герберштейна предположил, что часть судов с кн. Палецким и «нарядом» задержалась в Нижнем Новгороде, а часть – с кн. Бельским сразу отправилась под Казань. И.И. Смирнов возражал против такой трактовки, поскольку в разрядах кн. Палецкий не фигурирует, а артиллерия подчинялась М.Ю. Захарьину и была под Казанью, что было бы невозможно при её разгроме черемисами. По И.И. Смирнову, таким образом, черемисы разбили резерв, шедший с И.Ф. Палецким, что и описано как у Герберштейна, так и в «Казанском летописце»<sup>26</sup>. Схоже объяснены эти сведения в «Истории татар»: суда кн. Палецкого сперва были атакованы на стоянке на левом берегу (по Герберштейну), после чего флотилия сместилась к противоположному берегу, где подверглась новому нападению с использованием спущенных по склону деревьев (по «Казанскому летописцу») <sup>27</sup>.

Однако, если приведённые сведения как-то отражают реальные события, то эпизод со спущенными по склону деревьями и потерей артиллерии относится к основной рати кн. Бельского, а не резерв-

<sup>26</sup> Смирнов И.И. Восточная политика Василия III. С. 56–57, прим. 184.

<sup>27</sup> Глава 6 за авторством А.Г. Бахтина и Б.Л. Хамидуллина: История татар. Т. 4. С. 306.

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

ной под командованием кн. Палецкого, поскольку сомнительно, чтобы под Казань в условиях начавшейся нехватки продовольствия и при неясной ситуации с конницей был послан дополнительный «наряд», как и отправка его только спустя несколько недель после выдвижения основных сил.

А.А. Зимин также считал, что описанный в «Казанском летописце» эпизод относится к флотилии кн. Бельского. В труд Герберштейна он не попал, как предположил историк, поскольку о походе послу рассказывал С.Ф. Курбский, не заинтересованный «в увековечении собственной неудачи»<sup>28</sup> (он командовал Передовым полком, который и понёс наибольшие потери).

У чувашей, кажется, бытовало схожее предание. В нём говорится о татарском городе на Сундырской горе близ совр. с. Малый Сундырь, вокруг которого раньше рос дубовый лес, укрывавший город от проплывавших и проезжавших мимо русских войск. А при нападении русских ратей с Волги жители города катили на них с вершины горы дубовые кряжи. Записанное в XIX в. предание этнограф С.М. Михайлов связывал как раз с событиями 1524 года<sup>29</sup>. Если предание записано верно и не навеяно историческими трудами XVIII–XIX вв., можно считать его подтверждением сведений рассматриваемого источника.

М.Г. Худяков, исходя, видимо, из данных «Казанского летописца» и чувашских преданий, локализовал описанное Герберштейном происшествие с судовой ратью кн. Палецкого близ с. Малый Сундырь в 15 верстах ниже Козьмодемьянска<sup>30</sup>. Точнее было бы в устье одноимённой реки – от Козьмодемьянска в 12 км ниже по течению; село же ближе к Чебоксарам и находится в 4 км от реки. Более поздние исследователи уточняют, что это может быть местность возле Мало-Сундырского или Важнангерского городища

---

<sup>28</sup> Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 265.

<sup>29</sup> Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. С. 35, 43; Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времён до середины XIX века. С. 393, прим. 5.

<sup>30</sup> Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 92. Об этом см. ниже.

(оно же Аламнер), расположенного на горе в километре от берега Волги, в междуречье Малого Сундыря и Большой Сундырки<sup>31</sup> (совр. Горномарийский р-н респ. Марий Эл).

В «Казанском летописце» также приводятся подробности похода конной рати.

Конница И.В. Симского шла через «поле великое многими денми» (видимо, сильно углубившись на юг), и у Свяиги, на Итяковом поле столкнулась с казанцами. Возглавляли казанское войско «первый князь» Отуч-бий и ханский аталык. В разделе по казанской войне 1530 г. в том же источнике содержится характеристика этого аталыка<sup>32</sup>. Это был удалой военачальник и боец, неоднократно нападавший на превосходящие численно русские полки, бывало обращая их в бегство (поскольку русские «вои» его боялись), меткий (якобы из лука за версту мог сразить человека или зверя) и сильный (будто бы саблей мог разрубить всадника в доспехе от головы до седла)<sup>33</sup>. А.Г. Бахтин сравнивает аталыка с батыром из тюркского эпоса<sup>34</sup>. Князь Отуч был крупным политическим деятелем ханства, отцом известного впоследствии Чапкуна, погибшего при обороне Казани в 1552 г. На средства Отуча в Кураишевой слободе на левом берегу Булака была построена Отучева мечеть, пережившая падение ханства<sup>35</sup>. Сафа-Гирей, по версии «Казанской истории», затворился в Казани. Битва у реки (видимо, за переправу) длился три дня, после чего казанцы побежали, оставив убитыми якобы 42 тыс. чел. Воеводы преследовали их до Волги, где многие казанцы утонули, а другие спаслись, сев в ладьи или уйдя в леса.

---

<sup>31</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 220. Ссылка на: Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламнер: мифы и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола, 2006. К XVI в. укрепление было, судя по всему, уже заброшено.

<sup>32</sup> М.Г. Худяков упоминает его имя – Талыш, однако, по какому источнику оно известно, не указывает [Очерки по истории Казанского ханства. С. 94] (подсказано А.В. Аксановым).

<sup>33</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. С. 39.

<sup>34</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 221.

<sup>35</sup> Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 282.



## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

После этого конные воеводы «стояще на побоищном месте» (видимо, встали станом) и воевали окрестные улусы. Источник объясняет это тем, что они ожидали прибытия судовой рати. Когда же до них добрались уцелевшие лады, командование конницы решило, что без «наряда» под Казанью делать нечего, и, разорив землю горной черемисы, ушла на Русь<sup>36</sup>.

Попробуем соотнести это сообщение со сведениями других источников. Вряд ли конные воеводы должны были дожидаться между Свиягой и Волгой основную судовую рать, которая, как свидетельствуют летописи и С. Герберштейн, оперативно добралась до Казани. Возможно, что ожидался подход судов кн. Палецкого, посланного с припасами после потери части «наряда» и простоя под Казанью основных пеших сил (о выступлении резерва воевода Симский мог узнать от гонцов или людей конного отряда, выступившего к Казани, но разбитого черемисами, о чём писал Герберштейн). Другое объяснение – автор источника пытался затушевать неумелое руководство Ивана Симского, который вместо скорого движения к Казани принялся разорять черемисские улусы.

В целом, «Казанский летописец» рисует поход 1524 г. как провальный, чем полностью противоречит официальной летописной версии. Однако и тут бой на Итяковом поле окончился отступлением казанцев, что с учётом сообщения Герберштейна можно считать твёрдо установленным фактом.

«Казанский летописец» и, судя по всему, опирающаяся на его текст «Скифской истории» А.И. Лызлова<sup>37</sup> бой на Итяковом поле преподносят как сражение, сопоставимое по масштабу с Мамаевым побоищем (Куликовской битвой). Отмечается, что среди 42 тыс. убитых казанцев было 37 князей и мурз (последняя цифра, впрочем, не выглядит фантастической).

Отталкиваясь от этих сочинений того же мнения придерживаются и некоторые современные историки. Так, В.А. Волков и А.Г. Бахтин оценивают численность казанского войска в 20 тысяч<sup>38</sup>,

<sup>36</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. С. 35–36.

<sup>37</sup> Лызлов А. Скифская история. М., 1990. С. 58, 418.

<sup>38</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII – XXV веках. С. 221–222; Бахтин А.Г. Воевода И.В. Хабар-Симский // Военно-исторический журнал. 2017 (№6).

что нереально. Значительная часть казанских сил должна была оставаться при Казани для отражения судовой рати, и на Итяково поле выступила от силы половина конницы плюс ополчения черемисов и чувашей, а как нами было показано, общая численность боеспособных людей ханства вряд ли доходила до 20 тысяч. Именно поэтому Волоколамская летопись говорит лишь о 2 тыс. «избранных татар»; остальные тысячи две оставались у столицы с ханом. Напомним, что по произведённым выше расчётам и русская конница могла насчитывать только до 7,5 тыс. воинов. Думается, с обеих сторон в сражении приняли участие около 10–12 тыс. человек. Масштаб не совсем «куликовский»<sup>39</sup>, хотя для своего времени и это была крупная битва. Кстати, сам характер передвижения по казанской территории говорит о значительном (и ожидаемом) численном перевесе русской конницы: как хорошо известно по литовским войнам, в XVI в. для русской стратегии характерно избегание крупных полевых сражений, а в походе воеводы непременно рассылали разведки для проводывания значительных сил противника, дабы избежать «прямого дела», на которое шли только в крайнем случае и при уверенности в своей силе. Тут же конница шла без разведки (почему и наткнулась на неприятеля у Свяги), не опасаясь татар.

Рассмотрим вопрос о местонахождении Итякова поля. М.Г. Худяков локализовал его близ с. Утяково Свяжского уезда<sup>40</sup>. Одно из значений татарского глагола үтү – «переправляться». Соответственно, Утэк – «Переправа». Видимо, за стратегически важный пункт и развернулось сражение. В летописи говорится, что Итяково поле находилось в 20 верстах от Казани; это только 43 км (даже если брать версту в 1000 сажений, хотя бытовала и верста в 500 сажений<sup>41</sup>), а с. Утяково даже по прямой отстоит от города почти на 48 км. Данные источника или локализация М.Г. Худякова могут быть

---

С. 77; Волков В.А. Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия III. С. 91. Прим. 280.

<sup>39</sup> В 1380 г. только с русской стороны могло участвовать до 10 тыс. бойцов. Причём в то время это была действительно «тёмночисленная» рать – в отличие от первой половины XVI в.

<sup>40</sup> Худяков М.Г. Очерки по истории... С. 93.

<sup>41</sup> Шостьин Н.А. Очерки истории русской метрологии. С. 256.

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

ошибочны. Если принимать летописные сведения, выходит, что битва должна была состояться где-то в районе устья Свияги (только так можно насчитать около 20 вёрст до Казани). Впрочем, заявленные в источнике 20 вёрст также вызывают сомнение, поскольку, во-первых, конница двигалась не по волжскому берегу, а гораздо южнее, и, во-вторых, шла к Перевозу через Волгу, что в 30 верстах к югу от Казани (район совр. сёл Кызыл-Байрак и Шеланга?). Причём в данном случае имеется в виду скорее 500-саженная верста (30 вёрст – ок. 32 км). Кроме того, имеется версия, что Итяково поле (луг) находится у устья Свияги, где в 1551 г. был поставлен Свияжск и имелся остров Итяков<sup>42</sup>.

В связи с этим отметим, что близ совр. деревни Кулганы Апастовского р-на Республики Татарстан имеется старое татарское кладбище, на котором ещё в дореволюционное время насчитывалось до 10 надгробных камней с надписями. Татары из соседней деревни Куштово посещали его и читали Коран, поскольку по их преданиям на кладбище захоронены казанские военачальники, павшие в битве с русскими<sup>43</sup>. Кулганы расположено на левом берегу Свияги и на пути к Перевозу через Волгу, которым к Казани должна была продвигаться русская конница. Отметим, что к востоку от Кулганы до сих пор сохраняется небольшой лесной массив, а татарское «итэк» как раз может означать «край леса», т.е. Итяково поле – «поле на краю леса». Поскольку других крупных столкновений русских и татарских войск в течение казанских войн на Свияге не отмечено<sup>44</sup>, логично будет предположить, что именно тут и состоялось сражение 1524 г.

---

<sup>42</sup> Акты Российского государства. Архивы московских монастырей... С. 432.

<sup>43</sup> Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. С. 496; Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. С. 31.

<sup>44</sup> Только в «Казанском летописце» говорится о бое хана Ильхама с русским войском на Свияге [Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. Ст. 21]; Ю.Г. Алексеев отмечал, что это позднее сообщение не соответствует современному походу 1487 г. известиям [Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 283].

#### 4. Резерв в Муроме и фантомный поход на Казань в 1526 г.

В других источниках о посылке подкреплений к Казани не сообщается, но в разрядной книге расписаны воеводы, которые с 6 августа находились с полками в Муроме. Однако князя Палецкого среди них нет. И.И. Смирнов предположил, что отсутствие в разрядах записи о И. Палецком объясняется разгромом его рати и нежеланием бросать тень на репутацию воеводы<sup>45</sup>.

В Муром же на случай казанского контрудара прибыли пять воевод (они не были расписаны по полкам)<sup>46</sup>, с которыми могло находиться 3–4 тыс. человек. Этого было вполне достаточно для отражения контрудара казанской конницы, уже изрядно прореженной в бою на Свияге. Среди воевод были: Даниил Дмитриевич Пронский, имевший небольшой, хотя и боевой опыт, сталкивавшийся с литовцами и крымцами<sup>47</sup>; Фёдор Юрьевич Щука Кутузов – ветеран двух прошлых казанских походов; князя Иван Борисович Туренин, отмеченный в 1519/1520 г. среди воевод на Торусе<sup>48</sup>, и, видимо, впервые получивший воеводское назначение Борис Дмитриевич Щепин.

В конце имеются разночтения: «Василий Алексеев сын Давыдова, Семён Внук» и «Василей Олексеев (Александров) сын Давыдова, да Семен Внук Григорьев». Второй вариант, видимо, возник из-за ошибки переписчика. Вероятно, это Василий Алексеевич Давыдов – воевода удельного князя Дмитрия Ивановича. В 1506 г. он был третьим воеводой Большого полка конной рати А.В. Ростовского, посланной к Казани<sup>49</sup>.

Отметим, что это не мог быть тот контингент, что выступил к Казани и понёс урон от черемисов, поскольку в Муроме он оказался только 6 августа. Тем не менее, двое из пяти воевод были ветеранами казанских войн, а Ф.Ю. Кутузов, к тому же, имел весьма солидный опыт, так что вероятной его задачей было выступление непо-

---

<sup>45</sup> Смирнов И.И. Восточная политика Василия III. С. 56–57. Прим. 184.

<sup>46</sup> РК 1598. С. 70; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 191.

<sup>47</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 116, 121, 167.

<sup>48</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 173.

<sup>49</sup> Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 56.

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

средственно на Казань. Впрочем, вступить в боестолкновения с противником в этой кампании им не довелось.

В разрядной книге за лето 7034 (1525/1526 г.) имеется запись о посылке полков на Казань<sup>50</sup>. В других источниках нет никаких указаний на этот поход. Это, а также слова Герберштейна о неудачном казанском походе, кажется, современном второму пребыванию посла в Русском государстве, и разночтения между «Записками о Московии» и «Казанским летописцем», позволило С.К. Свечникову выдвинуть предположение о том, что поход в 1526 г. действительно состоялся и, более того, был провальным.

По интерпретации учёного, говоря о большом поражении русских войск под Казанью (после подробностей русско-литовской войны), Герберштейн имел в виду событие, современное его второму пребыванию в Москве (1526 г.), о котором он, к тому же, успел получить лишь самые краткие сведения. Этим же С.К. Свечников снимает разночтения между «Записками о Московии» и «Казанским летописцем» о походе 1524 г., поскольку второй источник заявляет о потере артиллерии и приходе конницы И. Симского под Казань раньше судовой рати, что противоречит и Герберштейну, и летописям. Эпизод со спуском на русские корабли деревьев относится С.К. Свечниковым к 1526 г. Верно указана и неточность в хронологии, характерная для «Казанского летописца»<sup>51</sup>.

Отмеченные нами противоречия в источниках о событиях 1524 г. удачно снимаются такой интерпретацией. Однако против этого имеются серьёзные возражения.

Во-первых, в «Казанском летописце» описанный поход отнесён именно к лету 7032, т.е. 1524 г., а до него описана только катастрофа 1506 г. (т.е. масштабные кампании 1523 и 1524 гг. при интерпретации С.К. Свечникова оказываются пропущены в таком, в общем-то, подробном источнике). Причём бой на Свяге дублируется, поскольку по другим источникам он произошёл в 1524 г. (а по некоторым – ещё и в 1523 г.).

---

<sup>50</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 196–197.

<sup>51</sup> Свечников С.К. Присоединение Марийского края. С. 138–141.

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

Во-вторых, русские летописи, при всей их ангажированности, не умалчивают о крупных военных акциях государей, даже провалных (как в случае с походом 1506 г.), а никаких сведений о походе 1526 г. в них нет. И не только в них.

В-третьих, самое главное возражение касается как раз ключевого момента концепции: разрядной записи. Состав воеводского корпуса по ней почти идентичен таковому в казанском походе 1530 г. (о чём будет сказано ниже)<sup>52</sup>. Таких совпадений разряды не знают. Даже в кампаниях 1523 и 1524 г. состав воевод сильно различался. Кроме того, тут отсутствуют записи о судовой рати (а, значит, наряде, без которого не было смысла посылать большую рать под город). Тем более данный источник (компиляция частного происхождения<sup>53</sup>) пестрит ошибками и повторами (как в случае с воеводами в Муроме в лето 7014), а также недостоверными записями, иногда сопровождающимися пометами, что те же воеводы и события в иных разрядах пишутся под другой датой<sup>54</sup>.

Исходя из этого, мы приходим к выводу, что никакого казанского похода в 1526 г. не было.

### 5. Опыт реконструкции похода 1524 г.

Таким образом, перед нами три заметно отличающиеся друг от друга версии похода 1524 г. Попробуем с учётом всех замечаний реконструировать ход событий.

Контингенты, составившие ядро судовой рати, отбыли из Москвы 14 мая, и к июню, видимо, достигли Нижнего Новгорода, где соединились с остальными судовыми силами, подошедшими туда по Клязьме, Оке и Волге. Оттуда ближе к концу июня соединённая рать отплыла к Казани. Передовой полк судовой рати попал в засаду и понес значительные потери в людях, орудиях и боеприпасах, но основные силы всё же достигли Казани 7 июля. Воеводы, строго выполняя распоряжения великого князя, обосновались сперва на Гостином острове, а 28 июля перебрались на казанскую сторону, разбив

---

<sup>52</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 198.

<sup>53</sup> Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями... С. 11.

<sup>54</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 161, 168, 169 и др.

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

стан на берегу Волги выше Казани или ниже – на Царёвом лугу. Для приступа к городу нужна была конница, но она по неизвестным причинам задерживалась. Под деревянными стенами города, видимо, сильно пострадавшими от ранее случившегося пожара, произошло несколько серьёзных сражений, однако разгромить русский лагерь казанцам не удалось. Вскоре у осаждавших, продолжавших отбивать казанские атаки, начал заканчиваться провиант. Ситуация усугублялась тем, что казанцы, видимо, заранее опустошили окрестности, лишив возможности вести фуражировку силами «загонов».

Заранее выдвинутый в Нижний Новгород, Муром и/или Васильгород резерв также выступил к Казани (в составе судовой рати кн. И.Ф. Палецкого и пятисот всадников, шедших берегом). Этот судовой контингент должен был доставить под Казань дополнительные продовольствие и припасы, после чего вернуться в Нижний Новгород с известиями для великого князя (или, скорее, выслать гонца). Однако обе рати попали в засаду к черемисам и понесли большие потери (конный отряд, видимо, был перебит почти весь), но всё же смогли добраться до стана под Казанью.

Позже в Муром на случай казанского контрудара были выдвинуты дополнительные силы под командованием пяти воевод, прибывшие туда 6 августа.

Конная рать воеводы И. Симского, выступившая 15 мая, идя Подем, только 28 июля достигла Свяги, где столкнулась с казанским войском (возможно, в виду плохой разведки русской стороны казанцам удалось атаковать противника внезапно). Это была воинская элита ханства под началом бия Отуча и аталыка, усиленная отрядами чувашей, марийцев и мордвы. Казанцы узнали о движении русской конницы от чувашских и марийских гонцов, или разведывательных отрядов. Хотя в масштабной битве на Итяковом поле (с обеих сторон в ней могло участвовать 10–12 тыс. воинов) русская сторона и понесла, вероятно, большие потери, казанцы были разбиты и обращены в бегство. В данном случае можно считать, что казанцы допустили серьёзный стратегический просчёт, выступив в поле против русской конницы, поскольку столкновение с численно превосходящим или равным противником не могло пройти без серьёзных потерь, тем самым снизив боевой потенциал казанского

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

войска, необходимого для отражения неприятеля под стенами города (правильнее было бы дожидаться подхода русской конной рати к Казани, дабы иметь возможность опереться на поддержку защитников города и лишить противника возможности маневрировать, или же сразу атаковать пешую рать, после разгрома которой русская конница стала бы для города не опасной). Помимо вероятного численного перевеса победу русских полков предопределили лучшая вооружённость и большая опытность воинов (практически, профессиональные военные – дети боярские, многие из которых наверняка имели за спиной многие удачные походы и сражения двух литовских войн<sup>55</sup>, столкнулись с войском, состоявшим из ополченцев и небольшого числа также малоопытных служилых татар).

После этого конные воеводы занялись разорением черемисских и татарских улусов, несмотря на необходимость продвижения к Казани. Получив сведения о разгрома резервной группы, воевода Симский всё же двинулся к конечной цели похода. Верховное командование, лежавшее, видимо, на И.Ф. Бельском и И.Ф. Палецком, проявило упорство и, несмотря на голод, потерю части артиллерии и боеприпасов, а также разгром резерва, после прихода конницы 15 августа пошло на штурм. Тем не менее, это был скорее блеф: уйти ни с чем воеводы опасались, и ждали реакции казанской стороны. Понеся значительные потери в боях на Волге и Свияге, видя упорство великокняжеских воевод, казанцы не смогли бы предпринять серьёзных контрмер. Обе стороны выдохлись, после чего начались переговоры о мире. Русские полки от Казани отступили.

В целом, стратегия русской стороны провалилась: не удалось оперативно соединить конную рать с судовой (без чего осаждать Казань было малоперспективно), а когда это всё же произошло, обе они были истощены от голода, людских и материальных потерь, что и предопределило скорое завершение войны. Кроме того, казанцы сумели нанести серьёзный ущерб и резервным русским силам (чему способствовало знание местности).

---

<sup>55</sup> Как минимум 1507–1508 и 1512–1522 гг., а то имели и более значительный послужной список.



## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

Отметим также, что в 1524 г. (в отличие от 1487 и 1506 гг.) хан не остался в осаждённом городе, что было стратегически верно, поскольку для недопущения подчинения Москве следовало не только (и не столько) отстоять столицу, сколько обезопасить хана. С поля можно было отступить даже в случае падения Казани.

Как можно заметить, важнейшее значение для обороноспособности ханства и защиты столицы имели марийские и чувашские силы, задерживавшие и трепавшие русскую конницу (иногда также и судовую рать) на пути к Казани<sup>56</sup>. Видимо, по мере «отставания» черемис (чувашей и горных марийцев) от Казани и их перехода на русскую сторону<sup>57</sup> обороноспособность ханства значительно ослабла, что вместе с наращиванием численности русских войск привело к катастрофе 1552 г. Поэтому применительно к первой трети XVI в. мы не можем согласиться с мнением Д.А. Котлярова, будто для большинства населения казанский суверенитет не имел значения и ради спокойствия они готовы были им поступиться<sup>58</sup>.

Русской стороной был допущен ряд серьёзных просчётов. Прежде всего, это очень слабый воеводский корпус, возглавлявший конную рать – как говорилось выше, воеводы не имели достаточного опыта для выполнения вверенных им задач. Видимо, вместо того, чтобы форсированным маршем идти под Казань, они увязли в черемисских землях, подвергнув их разорению, и ввязались в одно или два масштабных сражения, хотя хорошо организованная разведка могла бы помочь обойти казанскую конницу, особенно с учётом вероятного численного перевеса над ней. Тем самым высадившаяся под Казанью судовая рать вынуждена была простаивать в нужде, что вместе с вероятной потерей части «наряда» в черемисской засаде предопределило исход всего предприятия. Взаимодействия между конной и судо-

---

<sup>56</sup> Н.М. Карамзин полагал, что опасность, которую представляли черемисы на войне, породила подзабытую русскую пословицу: «С одной стороны черемиса, а с другой берегися» [Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 221].

<sup>57</sup> В следствие людских потерь и усталости от постоянных разорений, чинимых русскими войсками, а также не самого дружественного отношения к чувашам казанских владетелей.

<sup>58</sup> Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 200–201.

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

вой ратями достичь не удалось. Даже резервные группы (судовая и конная) оказались биты по отдельности.

Поэтому мы не можем согласиться с мнением А.Г. Бахтина, что победой на Итяковом поле Иван Симский «спас Русское государство от поражения в войне, а его войска под Казанью – от уничтожения»<sup>59</sup>. Да, русская конница оттянула казанскую от столицы, чем отвела удар от своей судовой рати. Однако, слишком долгий путь к Итякову полю, или же задержка после битвы для разорения черемисской земли привели к тому, что судовая рать осталась без поддержки и не смогла реализовать план по осаде города. Тем самым, фактически, командование Ивана Хабарова Симского привело к срыву первоначального плана. Отметим, что другим прозвищем Ивана Симского, было Дикой, Дикий. Если он действительно отличался необузданным нравом, легко шёл на риск, совершал «дикие» поступки, то в случае победы на Итяковом поле вполне мог поддаться искушению и отправиться вместо Казани разорять черемисские и татарские сёла. Кстати, оба прозвища воеводы могут отражать одни и те же черты характера, только «Хабар» подчёркивает его удачливость и смекалку в положительном ключе, а «Дикой» – скорее в отрицательном.

И.Ф. Бельской и другие воеводы судовой (пешей) рати, напротив, действовали в созданных условиях верно: они не пошли на приступ без прикрытия конницы, поскольку это было весьма чревато повторением разгрома 1506 г. Кроме того, их упорство скрасило безрезультатный итог похода: приступ к Казани с оставшимся «нарядом» и конницей давал лишний повод заявить в летописях и на переговорах с литовцами о своей победе над казанцами, бившими челом после обстрела города.

---

<sup>59</sup> Бахтин А.Г. Воевода И.В. Хабар-Симский // Военно-исторический журнал. 2017 (№6). С. 77.

## 6. Потери сторон. Переговоры. Последствия войны 1521–1524 гг.

В первой половине XX в. на старинном татарском кладбище у д. Малая Атия, что находится в 50 км к северо-востоку от исторического центра Казани (в совр. Атнинском районе), была обнаружена могила человека, погибшего, видимо, в бою с русскими ратниками в 1524 г. Эпитафия на надгробье гласит: «Тарих токуз йуз отузда Рамазан айында Ябынчы Табын Ак-Булат урус килге(нде) шахид булды. Нур Аллах кабир». В переводе: «В 930 [году] в месяц Рамазан, Ябынчы Табын Ак-Булат, когда пришли русские, стал шахидом [мученически погиб за веру]. Да осветит Аллах его могилу!»<sup>60</sup>. Дата по Хиджре соответствует июлю-августу 1524 года<sup>61</sup>.

К сожалению другие сведения о потерях казанцев отсутствуют, хотя они должны были быть немалыми. Большие потери понесли и русские полки.

Имена погибших русских ратников были занесены в синодики, один из которых частично сохранился в составе сборного текста 1684 г. В сплошном тексте перечисление имён павших начинается с фразы: «Помощію Бога Вседержителя Господа нашего Иисуса Христа егда бишася на реце Свяязе [Свяяге] с людьми Казанскими, и всю рать их побиша, и землю их всю плениша, и на том бою храбрствовавшим и избіенным...», и далее по списку<sup>62</sup>. В синодик записаны имена павших в боях на Свяяге и под Казанью. По специальному упоминанию рязанцев можно предположить рязанское происхождение данного синодика (как в случае с более ранним синодиком по погибшим под Казанью в 1506 г., где перечисляются в основном вологодцы). Всего же перечислено 29 или 30 имён, однако не все относятся к рязанцам. Так, Г. Тютков сын Лихорев был из

---

<sup>60</sup> Транслитерация и более близкий к оригиналу перевод Б.А. Илюшина. В оригинале также стоит слово «тарих» («история»), т.е. «истории в 930-й год».

<sup>61</sup> Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. С. 122.

<sup>62</sup> Синодик 1684 г. // Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. С. 465–466.

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

коломенских помещиков<sup>63</sup>. Кроме того, известно о гибели «на Итякове» Быка Григорьева сына – одного из новгородских помещиков Аничковых (помечено, что он бездетен)<sup>64</sup>.

Общие потери русской стороны могли исчисляться тысячами, однако источники не рисуют результат похода катастрофичным – в отличие от 1506 г. Впрочем, летописцы и славословы Василия III в то время всячески старались затушёвывать его неудачи. О больших потерях в этой войне сообщают только «Записки о Московии» и «Казанская история». В первом источнике говорится о каком-то неудачном походе, когда русская рать потеряла почти половину состава, но подхалимы-придворные предпочитали заявлять о победе их государя<sup>65</sup>. Во втором же сообщается о страданиях русского войска на обратном пути от голода и болезней (вкуче с высокими потерями на Волге от черемисов)<sup>66</sup>. Всё же потеря половины состава кажется слишком завышенной. Ничего неизвестно и о гибели воевод в этом походе. Так что сведения этих нарративов вряд ли отражают реальные потери.

Осенью того же 1524 г., 24 ноября в Москву приехали казанские послы – Аппай-улан, Бахты-Кельди-бий и прочие. Они, как сказано в летописи, «биша челом великому князю о всей земле Казанской за свою вину и о цари Сафа-Киреи. И государь их по их челобитью пожаловал». В Казань отправились русские послы – князь Василий Данилович Пенков и Афанасий Фёдоров сын Курицын<sup>67</sup>. Но обе стороны не хотели идти на уступки, из-за чего переговоры затянулись и не принесли ясности в московско-казанские отношения. Тем не менее, какие-то временные договорённости между Москвой и Казанью были. Судя по описи царского архива XVI в., там в

---

<sup>63</sup> Бенцианов М.М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. С. 183, 334, прим. 548.

<sup>64</sup> Акты Российского государства. Архивы московских монастырей... С. 432 (В издании почему-то указано, что вероятнее это произошло в 1530 г.); Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 12. С. 301.

<sup>65</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 72.

<sup>66</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. Ст. 36.

<sup>67</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 44; Филюшкин А.И. Василий III. С. 269.

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

32-м ящике хранились книги по ситуации 1521 г. («измена» казанцев, изгнание Шах-Али и принятие Сахиб-Гирея), а в 33-м – книги казанские о пожаловании Василием III царя Сафа-Гирея и всех казанцев, после чего «мир сстался»<sup>68</sup>. Крымской стороне московские дипломаты также сообщали: Василий III «пожаловал казанских князей и всех людей и дал им на Казань Сафа Кирея царя», подчёркивая, тем самым, что единственным источником власти для Казанского ханства является великий князь<sup>69</sup>.

Как писал Герберштейн, когда он находился в Москве (март–ноябрь 1526 г.), там же пребывали казанские послы, но надежды на заключение мира не было, поскольку «даже ярмарку, которая обычно устраивалась близ Казани на острове купцов, Василий в обиду казанцам перенёс в (Нижний) Новгород, пригрозив тяжкой карой всякому из своих (подданных), кто отправится впредь торговать на остров». Великий князь надеялся нанести большой ущерб экономике ханства, быть может, даже вынудить казанцев признать своё верховенство над собой, поскольку те якобы могли получать соль только через торговлю с русскими купцами. Однако, перенос ярмарки принёс не меньший ущерб и Московии, поскольку возник недостаток многих товаров из Астрахани, Персии, Армении, а также белуги и рыбы других дорогих пород с нижнего течения Волги, а цены на них сильно выросли<sup>70</sup>.

Тут стоит поправить дипломата. Во-первых, казанцы не могли быть столь зависимы от привоза соли с Руси, поскольку Казанская земля и её восточные и южные соседи не были лишены источников соли. Так, соледобыча и солеторговля были важной частью доходов Астраханского ханства (продавали её астраханцы, в первую очередь, жителям поволжских городов)<sup>71</sup>.

---

<sup>68</sup> Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года // под ред. С.О. Шмидта. М.: Издательство Восточной литературы, 1960. С. 22.

<sup>69</sup> Моисеев М.В. Обоснование прав на Казанское ханство в русском средневековом нарративе. С. 400.

<sup>70</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 179.

<sup>71</sup> Зайцев И.В. Астраханское ханство. С. 215.

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

Во-вторых, вопрос с ярмаркой оказался сложнее, и в итоге её перенесли на устье р. Керженец, что приблизительно в 70 км от Нижнего Новгорода ниже по течению Волги. Видимо, поначалу торгов вывести намеревались действительно в Нижний, что отразилось в Русском Хронографе и тексте цитированного выше публицистического сочинения, в котором приведено «Послание к Казанскому царю о торгу». Согласно этому источнику, посланные к казанскому царю Саадею Гирею<sup>72</sup> В.Д. Пеньков и А. Курицын напомнили тому его «челобитье» о мире, якобы данное под угрозой уничтожения Казанского царства (ни много ни мало!), по которому торг следовало перевести из-под Казани в Нижний Новгород. «И царь бы велел своим гостем и всеи Казанской земле торговати в Нижнем Новгороде. И царь Сааддей Гирей сътворил волю великого князя, и князь Василей Данилович [Пеньков] и перевел торг ис Казани в Новгород в Нижнеи» в лето 7033 (1525 г.)<sup>73</sup>. Если опустить угрозу уничтожения ханства («чтобы царства Казанского не потребили»), в целом сообщение выглядит достоверно – вывод ярмарки с казанской территории мог быть одним из условий мира.

Прибывшими в марте 1526 г. казанскими послами были бии Казы, Чура и бакши («секретарь») Девель (Тевель)<sup>74</sup>. Результатов их миссия не принесла. Возможно, казанцы не желали соглашаться на перенос ярмарки со своей земли<sup>75</sup>.

В итоге ярмарка была реорганизована на левом берегу Волги, в устье Керженца, в месте, где когда-то находилась обитель преподобного Макария Желтоводского и Унженского. Интересное совпадение: по легенде, вскоре после своего основания (в 1438/1439 г.) обитель Макария была атакована татарами Улу-Мухаммеда и его сына Махмутека. Братию татары посекали, но старца Улу-Мухаммед пощадил и отпустил, запретив, однако, восстанавливать в том месте оби-

---

<sup>72</sup> Конечно, не к Саадет-Гирею, а к Сафа-Гирею. В тексте несколько раз повторяется эта ошибка.

<sup>73</sup> Русский хронограф (Хронограф редакции 1512 года) // ПСРЛ. Т. 22. Вып. 1. С. 520; Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 164.

<sup>74</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 45.

<sup>75</sup> Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству... С. 207.

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

тель<sup>76</sup>. Возобновлён Макарьевский Желтоводский монастырь был только в 1620 г.<sup>77</sup>, рядом с ярмаркой, которая, в свою очередь, после сильного пожара в 1816 г. была переведена в Нижний Новгород.

Хотя Московское государство понесло убытки от перевода ярмарки, в далёкой перспективе перенос главного поволжского торгового центра на русскую территорию оказался экономически выгоден, а в последующие века он превратился в одну из крупнейших ярмарок России. Правда, после захвата Казанского ханства торговля в любом случае оказалась бы под контролем Москвы, так что единственным плюсом переноса торгового центра на ближайшую четверть века стала безопасность русских купцов (впрочем, судя по всему, не очень боявшихся нового русского погрома в Казани, зато недовольных повышением цен на многие товары).

Осенью 1528 г. в Москву прибыло новое посольство с биями Табаем, Данаем и бакши Ибрагимом, а следом, в начале 1529 г. – посольство биев Мамыша, Курата и Шир-Мергена Чурачикова (вернее, Шемердена Чуракова). Последним удалось даже заключить договор, но мир продлился недолго<sup>78</sup>.

В историографии итоги похода 1524 г. оцениваются неоднозначно. Затратные приготовления русской стороны, постройка Васильгорода и отправка многочисленного войска с Шах-Али говорят о том, что целью похода была ликвидация крымского влияния в ханстве, изгнание Гиреев и возвращение на казанский престол московского ставленника. Ничего этого сделано не было. Поэтому ещё С.М. Соловьёв писал: «Не для того посылал он [великий князь] такую многочисленную рать против казанцев, чтобы оставить у них царём Гирея»<sup>79</sup>. Это же повторил М.Г. Худяков, а также многие поздние исто-

---

<sup>76</sup> Филатов Н.Ф. Три века Макарьевско-Нижегородской ярмарки. С. 9, 10, 254.

<sup>77</sup> Поньрко Н.В. Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. – ревнители благочестия // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 43. Л.: Наука, 1990. С. 59.

<sup>78</sup> Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 94.

<sup>79</sup> Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Книга первая. Т. 5. Ст. 1637.

рики<sup>80</sup>. Тем не менее встречается и другая точка зрения, согласно которой поход был победным и в пользу Руси<sup>81</sup>. В более умеренной версии поход считается хотя и не особо успешным, но и не провальным<sup>82</sup>. Исходя из намерений сторон конфликта и его итогов, верной выглядит всё же первая точка зрения (Сахиб-Гирей не понёс наказания, Гирей не ушли из Казани, а Василь-город в будущем не показал себя «щитом» восточного русского пограничья).

Причины войны никуда не делись, а характер Василия III не позволял оставить всё как есть. Однако великий князь решение казанского вопроса на ближайшие годы всё же отложил. На казанском берегу Суры оставался Василь-город, где должны были находиться русские ратники на случай новой войны.

В возникшем незадолго до кончины Василия III апологетическом произведении сообщается, что того же лета (т.е. в 1524 г.) на казанского царя «Сааддеи Гиреа» пришли войной ногайские князья «и вконец царство его доспели пусто», что неизвестный автор объяснил наказанием за грехи казанцев<sup>83</sup>.

Сообщение это уникально, его нет в других источниках. А.И. Филюшкин, например, посчитал, что разорительный ногайский набег на Казанское ханство имел место быть<sup>84</sup>. Однако схожесть ситуации с разорением Крыма в 1523 г., путаница с именами крымского и казанского ханов, а также общий апологетический тон произведения позволяют предположить, что ногайского нашествия

---

<sup>80</sup> Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 93; Смирнов И.И. Восточная политика Василия III. С. 56; Алишев С.Х. Казань и Москва. С. 65; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 96.

<sup>81</sup> Филюшкин А.И. Василий III. С. 268–269; Михайлова И.Б. Москва и Казань: военные кампании 1523 и 1524 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 2. С. 35–44; Белов Н.В. Начало военно-политической карьеры Шах-Али: на пути к казанскому походу 1524 г. // История военного дела: исследования и источники. 2019. Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв. Ч. 2. С. 210–211.

<sup>82</sup> Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 265–266.

<sup>83</sup> Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 163.

<sup>84</sup> Филюшкин А.И. Василий III. С. 269.



## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

на Казанское ханство не было (хотя он и было возможным в тех военно-политических условиях).

Великий князь негодовал на своих воевод. По возвращению из похода Ивану Бельскому и его брату Дмитрию, «отличившемуся» ещё во время крымского вторжения, пришлось, по-видимому, отвечать за свои неудачи перед самим Василием III, результатом чего стали данные ими грамоты о верности государю. В грамотах говорилось, что оба брата в чём-то провинились («проступили») перед Василием III, но в итоге тот «вины им отдал»<sup>85</sup>.

А.А. Зимин упоминает также «список обыскной о казанском деле князя Ивана Кубенского». Исследователь предположил, что это как-то связано с деятельностью его брата Михаила в неудачном походе под Казань<sup>86</sup>.

Неудача в войне была по позициям Московского государства на международной арене, хотя московские дипломаты и пытались представить всё в ином свете. Весной 1525 г. посол в Литву должен был откровенно врать насчёт итогов прошлогодней кампании. По наказу ему следовало говорить так: «которые лихие люди в Казани государю нашему изменили, и государь наш к Казани посылал воевод своих и лихих достав, государь наш велел казнити. А царя государь наш на Казани посадил из своих рук потомуж, как государь наш князь великий Иван и государь наш великий Василей сажали на Казани наперед того царей из своих рук»<sup>87</sup>.

Впрочем, к заметному ухудшению реального положения Великого княжества Московского это не привело. С Литвой сохранялся мир. Более того, весной 1524 г. Литва обрушила большое войско на крымские земли, расположенные вне полуострова<sup>88</sup>.

---

<sup>85</sup> Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 265.

<sup>86</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 94. Ссылка на: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М.: Тип. Н.С. Всеволожского, 1813. №152–153.

<sup>87</sup> Посылка от великаго князя Василия Ивановича к королю Сигизмунду Казимировичу дворянина Федора Афанасьева [9 апреля – 10 июля 1525] // Сборник РИО. Т. 35. Док. 98. С. 695.

<sup>88</sup> Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 259.

Не обошлось и без религиозной составляющей. Как было давно обещано, Василий III после окончания татарской войны поставил под Москвой, за посадом, близ монастыря св. Саввы девичий монастырь<sup>89</sup>. Ныне это известный Новодевичий монастырь, расположенный на Девичьем поле в излучине Москвы-реки, близ Лужников, в самом конце Большой Пироговской улицы (исторической Пречистенки).

Выведенный из Казанского ханства полон русские власти отослали подальше от восточной границы. С. Герберштейн писал, что много черемисов, объявленных «ворами», русские власти перевели на западные окраины, к литовской границе, но те «в конце концов рассеялись в разные стороны»<sup>90</sup>. Известно, что какое-то число черемисских семей было сослано в район гг. Торопец и Белый (юг совр. Тверской обл.). Оттуда черемисы (включая женщин и детей) в конце 1526 – начале 1527 гг. сбежали на юго-запад, в литовские пределы. Они встали под Оршей и просились за Днепр, а затем без дозволения литовских властей переправились на плотках и пошли лесом вниз по течению. Судя по всему, русская сторона намеревалась требовать выдачи беглецов. По рекомендуемым мерам можно предположить, что численность черемисов была значительной<sup>91</sup>. Если действительно к 1670-м гг. численность *украинских чемерисов* достигла 10 тыс. чел., то выходит, что в Западную Русь изначально бежало не менее нескольких тысяч черемисов. Достаточно подробно их историческую судьбу проследил А.Г. Бахтин. Беглецы расселились на новых землях достаточно широко, о чём говорит и топонимика: городки Чемерис, Черемисский Бар, Чемерполь, пригород г. Сальник – Черемисовка, сс. Чемерисы Волоские, Чемеровцы, и др. Черемисы влились в состав военно-служилого сословия Речи Посполитой на положении, близком к липкам (служилым татарам). Центром их, судя по всему, был г. Бар в Подолье, в Винниц-

---

<sup>89</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 45.

<sup>90</sup> Герберштейн, С. Записки о Московии. С. 164; Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 223.

<sup>91</sup> Посольство от великаго князя Василя Ивановича к королю Сигизмунду Казимировичу с окольничим Иваном Васильевичем Лятцким и дьяком Елизаром Цыплятевым... [9 декабря 1526 – 27 апреля 1527] // Сборник РИО. Т. 35. Док. 102. С. 753–754.

кой области (одна из исторических частей города носит название Чемерисы-Барские). Поначалу они оставались язычниками, но затем приняли православие. Окончательно они ассимилировались только в XIX веке<sup>92</sup>.

### **7. Отражение татарской войны 1521–1524 гг. в культуре и народной памяти**

Сюда можно было бы также поместить ряд мифов, возникших в публицистике и поздних научных работах относительно рассмотренной нами войны, однако эти вопросы (битва на Итяковом поле, результаты походов на Казань и др.) тесно связаны с военной составляющей, почему и анализируются в соответствующих параграфах. Тут же рассмотрим только то, что не имеет непосредственного отношения к реальным событиям военной истории.

Отступление крымских татар, опасавшихся нападения собираемой русской рати, привело к возникновению повести сразу о нескольких чудесах (знамениях, видениях, явлении Сергия Радонежского и др.). Попала она и в официальное летописание. Спасение Москвы в ней приписали заступничеству божественных сил и божьих угодников – якобы рядом со столицей возникло видение бесчисленного христианского воинства, которое напугало и прогнало «царя» и татар. Создана это повесть, видимо, в 40-е гг. XVI в. в окружении митрополита Макария и по его заказу<sup>93</sup>.

В Воскресенской, Никоновской и Львовской летописях описание событий 1523–1524 гг. было дано в библейском осмыслении. Так, крымский и казанский «цари», судя по всему, уподоблены вавилонским царям, также проливавшим «кровь аки воду», только

---

<sup>92</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 223–226.

<sup>93</sup> Зимин А.А. Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Вып. 20. С. 189–198; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 247; Амелькин А.О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV – первой половины XVI вв. С. 11; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 37–43.

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

богоизбранным народом в летописи выступают уже не евреи, а русские христиане<sup>94</sup>.

Параллели из Библии и греческой истории к событиям 1521 г. привёл в своём сочинении и Максим Грек, о чём «послании» уже говорилось. Создано это послание к великому князю было вскоре после крымского нашествия и в нём вынужденный греческий мигрант<sup>95</sup> излагает свои представления о современной политике. Василия III он сравнивает с Давидом, на которого восстал его сын Авессалом, отмечая, что раз такое бывает между родичами, то чего же ждать от «безбожного скифа» (крымского хана). Максим призывал к нападению на наиболее слабого из мусульманских «мучителей» – на «змея, гнездящегося в проклятом городе Казани» в то время, как Руси не угрожает новое нашествие и с литовцами идут переговоры о мире. Автор отрицает любые компромиссы с «варварами», считая их бесчестными и злыми врагами христианства. В пример он приводит византийского императора Ираклия (610–641), успешно воевавшего с персами. Максим был в крайней степени враждебен всем мусульманам – и туркам, и крымцам, и казанцам – этим «нечестивым» «ненасытным» «скифам» и «варварам»<sup>96</sup>. Понятно, что это было следствием переживания из-за османского владычества над бывшей Византией и крымского нашествия на Русь,

---

<sup>94</sup> Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь. С. 158–159.

<sup>95</sup> Приехав в Московское государство в 1516 г., грек застрял там до конца своих дней. Поначалу его не отпустили как ценного специалиста, хотя москвитов и возмутило его неприятие «автокефальности» восточно-русской церкви и её самовольное поставление митрополитов (несмотря на завоевание Константинополя турками, процедуру формально должен был осуществлять вселенский патриарх константинопольский), а затем и вовсе Максима обвинили в преступлениях против государства и церкви, провоцировании султана к нападению на Русь и др. Ряд обвинений выглядит нелепо в виду чётко озвученной книжником анти-мусульманской позиции. Плюс ко всему он был горячим сторонником нестяжателей. Максим Грек остаток жизни провёл в ссылках. См.: Плигузов А.И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М.: Квадрига, 2017. С. 207–252; Филюшкин А.И. Василий III. С. 289–295.

<sup>96</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII – XVI веках. С. 431; Ржига В.Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. С. 95–102, 111–120.

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

свидетелем которого он тут стал. Можно ли в таком случае считать его сочинение объективным отражением ситуации в Восточной Европе? Особенно с учётом того, что сам Максим Грек прибыл в Москву только в 1516 г. и явно некритично воспринимал историю предыдущих московско-казанских отношений. Думается, что нет.

С татарской войной 1521 г. связано возникновение устойчивой легенды о Коромысловой башне нового нижегородского кремля. Будто разезд татарского войска, шедшего грабить Нижний Новгород, наткнулся возле неё на группу местных жительниц, которые прогнали татар коромыслами, после чего всё войско ушло восвояси. По мнению Ф.А. Селезнёва, данная легенда сложилась в народе для объяснения названия башни (изначально она называлась, видимо, Карамышевой, но затем название исказилось). А уже в XIX в. деятель местного краеведения П.И. Мельников-Печерский (создатель Феда Литвича) переосмыслил легенду, добавив в неё упоминаемые в Нижегородском летописце имена казанских военачальников – Сеита, Булата и Кучелея, и заменив нескольких «баб» на одну «девицу-красавицу»<sup>97</sup>. Эти «предания» прочно вошли в местное популярное краеведение вместе с историей о метком литвине.

Сюда же логично будет поместить ещё один сюжет. В одном сборнике, составленном в сер. XVI в. в Иосифо-Волоколамском монастыре, приводится краткое житие мученика Иоанна Казанского. Оно же включено в «Казанский летописец». Речь идёт о нижегородце Иване, пленённом татарами во время их набега на Русь и отданном «дядьке царёву Алишкуру» (Али-Шукир, или Али-Шакир<sup>98</sup>). Тот с муллой попытался обратить Ивана в ислам, но полоняник был твёрд в вере, за что татары его иссекли мечем, оставив лежать на морозе, посчитав мёртвым. Но Иван всё же выжил, очнулся и пришёл к людям великого князя (посыльным в Казань), рассказал им о своих страданиях за веру, причастился, после чего и умер; похоронен был на некоем старом русском кладбище, укрытом в лесу у Казани. Про-

---

<sup>97</sup> Нижегородские предания и легенды. С. 35–38; Резанова Н.В. Нижний Новгород. Тайны, легенды, истории. С. 10–12; Селезнёв Ф.А. История Нижегородского края с древнейших времён до конца XVI в. С. 157; Резанова Н.В. Нижний Новгород. С. 10–12.

<sup>98</sup> Судя по летописи – реальное историческое лицо

## ГЛАВА 7. Русский поход на Казань в 1524 году

изошло это 24 января 1529 г.; к тому же дню (6 февраля по новому стилю) приурочено поминовение<sup>99</sup>. Пленение Ивана отнесено к большому походу казанцев на Русь, в частности, к Нижнему Новгороду. Произойти это могло в 1521 г. Однако не исключено, что случилось это во время менее масштабной военной акции в 1522–1523 гг., когда татары и черемисы совершали набеги на Муромские и Нижегородские места. В таком случае пленяник провёл в казанской неволе несколько лет, прежде чем был убит. Другой вариант – захватили его незадолго до этого, во время какого-то маломасштабного набега, не отразившегося ни в каких источниках.

Вероятно, отголоски казанских набегов на Унжу в 1521–1522 гг. имеются в житии Макария Желтоводского и Унжинского. В нём рассказывается о чуде явления преподобного в виде огромного монаха, который стрелял из пращи по осаждавшим город татарам, дождём загосил городской пожар, а затем спугнул «поганных», явившись перед ними на сивом коне<sup>100</sup>.

---

<sup>99</sup> Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1882. Ст. 243; Дмитриева Р. П. Волоколамские четвы сборники XVI в. // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. С. 221–222; Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. Ст. 263–265; Электронный ресурс: <http://web.archive.org/web/20110524221358/http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=3895>

<sup>100</sup> Житие Макария Желтоводского и Унженского // [Электронное издание] [<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10577>]

## ГЛАВА 8

### ПОСЛЕДНЯЯ КАЗАНСКАЯ ВОЙНА ВАСИЛИЯ III

#### 1. Московско-казанские переговоры и эскалация нового конфликта

После событий 1524 г. зыбкое перемирие между двумя государствами продлилось около пяти лет. Основная опасность для Московского государства исходила с юга, от Крыма, поэтому к Оке каждый год направлялись полки. Но и восточное направление не оставалось без охраны. В лето 7034 (1525/1526 гг.) в Муроме находилась рать под началом Ивана Васильевича Кашина (Оболенского) и Григория Андреевича Колычева Большого<sup>1</sup>. Силы, вероятно, были небольшими – ок. 1 тыс. ратников. Параллельно продолжались переговоры с Казанью. Весной или летом 1527 г. Василий III направил в Казань своего посла – Андрея Фёдорова сына Пильмова<sup>2</sup>.

Видимо, летом 1528 г. на восток было направлено значительно больше войск. В Мещере с полками стояли Юрий Ушаков, Иван Клепиков, Девлет Сабака, Юрий Гундоров, Михайло Ильин сын Бокеев и Иван Мезецкой Сухой<sup>3</sup> (до 2–3 тыс. ратников по нашим приблизительным расчётам). Позже, в августе М.И. Бокеев уехал в Муром к В.В. Шуйскому, стоявшему там с ратями в 1–1,5 тыс. чел. Самая многочисленная рать (до 3,6 тыс. чел.) стояла в Нижнем Новгороде с 6 воеводами – Семёном Фёдоровичем и Фёдором Михайловичем Курбскими (Чёрным), Иваном Андреевичем Прозоровским Лугвицей, Юрием и Василием Чулком Васильевичами Ушатыми, Семёном Фёдоровичем Сицким.

---

<sup>1</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 192.

<sup>2</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 46; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 199.

<sup>3</sup> По другой версии – Мещерский, однако в данном случае это Иван Фёдорович Мезецкой. Пуганица между Мещерский/Мезецкий м.б. связана с вариантом названия города Мезецка – Мещовск, Мещеск.

События 1521–1522 гг. показали опасность для северо-восточных волостей Великого княжества Московского с казанской стороны. Теперь верховное командование стало направлять туда значительные воинские контингенты. В Чухломе были воеводы Микита Васильевич Борисов сын Бороздин, Данило Васильевич Несвицкой и Фёдор Супонев (с учётом низкого местнического статуса части воевод, характера местности и боевых задач возьмём наименьшие показатели для расчёта – до 1,2 тыс. ратников). В Унже – Иван Иванович Барбашин<sup>4</sup>, Никита Фёдорович Палецкой и Василий Замыцкой (до 1,2 тыс. ратников). В другом варианте воеводы Бороздин и Несвицкой находились в Унже. В Костроме – Михайло Данилович Щенятев и Иван Григорьевич Морозов (ок. 800 чел.). На Плесе – Андрей Васильевич Сабуров (ок. 500–750 чел.)<sup>5</sup>.

Посылка многочисленных (до 12 тыс. чел.) ратей в тот год могла быть вызвана внутривосточной ситуацией в Казани и общей активностью в казанцев при неясности исхода переговоров. Интенсивность их как раз усиливается осенью 1528 г., а многочисленные войска должны были способствовать сговорчивости казанцев.

Осенью из Казани в Новую слободу, где Василий III осеивал (проводил осень) прибыли «большие» казанские послы – князья Табай, Данай и бакши Ибрагим. Они били челом от Сафа-Гирея, что он в некоторых делах перед великим князем неправ, и хочет за них «исправиться» и «правду дать». После такого предложения в Казань был направлен Андрей Пильемов, перед которым «вся земля Казанская» «правду давала на шертной грамоте». Вскоре в Москву прибыли казанские князья Мамыш, Курат и Шемерден Чураков. Всё шло к заключению мира, однако Василий III пожелал, чтобы казанский царь ему «во всех делах по шертной грамоте исправил», т.е. пошёл на уступки по всем московским требованиям. С этим заявлением в Казань поехал князь Иван Фёдорович Палецкой. Сафа-Гирея такой расклад не устроил, и послу Пильемову он «нечесть и срамоту учинил великую». После этого переговоры были прерваны, а И.Ф. Палецкой, доехав уже до Нижнего Новгорода, в Казань «к царю не пошел»<sup>6</sup>.

<sup>4</sup> Представитель одной из вестей нижегородско-суздальских князей.

<sup>5</sup> РК 1598. С. 71–72; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 206–208.

<sup>6</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 46.



После этого Василий III принялся совещаться с боярами об ответе хану. В конце концов было принято решение о новом походе<sup>7</sup>. Как видим, несмотря на отсутствие военных эксцессов на восточных «украинах» Московского государства, Василий III решил предпринять новый поход на Казань, т.е. продиктовано это было не интересами обороны, а экспансионистскими устремлениями великого князя и его окружения, унаследованными ещё от Ивана III<sup>8</sup>.

После событий мая 7037 (т.е. за лето 1529 г.) имеется запись о посылке полем под Казань конной рати<sup>9</sup>. Отмечено всего пять воевод: кн. Иван Барбашин Суздальский (возглавлявший рать в Унже в августе 1528 г.) в Большом полку, кн. Юрий Ушатой – в Передовом, кн. Иван Лугвица Микулинской – в Правой руке, кн. Семён Сицкой – влевой руке и Василий Чулок Ушатой – в Сторожевом полку.

В историографии эта операция, за редким исключением, не отмечается. Судя по статусу воевод и их числу, с ними могло быть не более 4 тыс. ратников. Это говорит о характере операции: стремительный рейд по Горной стороне, возможно, почти до Казани. Отсутствие его упоминаний в других источниках может свидетельствовать о его малом значении, или о том, что он не состоялся. Об отсутствии в данном случае крупных столкновений пишет и С.К. Свечников<sup>10</sup>.

Далее в разрядной книге 1475–1605 гг. записаны в Нижнем Новгороде, Муроме, Костроме, Чухломе и Унже те же воеводы, что и в 1528 г. с пометой, что по иным разрядам те назначения относятся к лету 7036<sup>11</sup> (как и в книге 1475–1598 гг.). Можно допустить, что это очередная ошибка переписчиков (тем более, что ниже И.

---

<sup>7</sup> Иногда можно встретить ошибочную датировку прерывания переговоров – 1529 или 1530 гг. [Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 364; История татар. Т. 4. С. 308; Свечников С.К. Присоединение Марийского края. С. 141], хотя в летописях статья о них начинается с сообщения о выезде Василия III в Новую слободу осенью 7037 г. (т.е. в 1528 г.), куда к нему и прибыли казанские послы.

<sup>8</sup> Это же подчёркивает, например, С.К. Свечников [Свечников С.К. Присоединение Марийского края... С. 141–143].

<sup>9</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 209–210.

<sup>10</sup> Свечников С.К. Присоединение Марийского края... С. 141.

<sup>11</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 212–213.

Барбашин снова записан как воевода в Унже), и воеводы в восточных городах стояли в 1528 г., однако и нахождение их там летом – осенью 1529 г., во время рейда конной рати в казанские переделы или после него выглядит логичным.

Сообщение о конном набеге на казанские земли заполняет пробел в московско-казанских отношениях между осенью 1528 г. (когда были прерваны переговоры) и весной 1530 г. Василий III, видимо, достаточно долго раздумывал насчёт похода, или долго его готовил. В казанские земли в это время была послана рать для подрыва мобилизационного потенциала ханства.

### 2. Русский воеводский корпус 1530 г.<sup>12</sup>

Вопреки сведениям Казанского летописца и некоторым следующим за ним исследователям<sup>13</sup>, количество воевод в этом походе не достигало 30, а только 20. Сведения о составе воеводского корпуса известны из нескольких источников. В Разрядной книге 1475–1598 гг. имеется только роспись воевод<sup>14</sup>. В Разрядной книге 1475–1605 гг. список воевод заметно отличается, приводятся подробности, связанные с походом, а также точные даты, что предполагает использование походных записей<sup>15</sup> (при этом в обоих источниках есть уникальные сведения). Вариант второй книги почти без изменений вошёл в официальный летописный свод – Никоновскую летопись, а также в другие нарративы<sup>16</sup>, что подтверждает его достоверность.

Рассмотрим воевод судебной рати (как и в прошлых походах, именно она была основной и командование ею считалось наиболее престижным).

---

<sup>12</sup> В данный раздел вошёл дополненный и уточнённый материал из нашей публикации 2019 г.: Илюшин Б.А. Воеводский корпус в Казанском походе 1530 г. // *Novogardia* [Электронный журнал]. 2019. №3 (3). С. 62–77.

<sup>13</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. С. 37; Свечников С.К. Присоединение Марийского края... С. 143.

<sup>14</sup> РК 1598. С. 74–75.

<sup>15</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 214–217.

<sup>16</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 47; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. С. 204.

Первый воевода Большого полка – князь Иван Фёдорович Бельской – сын выехавшего на службу к Ивану III представителя Гедиминовичей – Ф.И. Бельского, который в 1499 г. оборонял Казань от ногаев и в 1506 г. был вторым воеводой Большого полка разбитой под Казанью судовой рати. Брат Ивана Фёдоровича принимал участие в возведении на казанский трон Шах-Али<sup>17</sup>. Таким образом, ближайшие родственники И.Ф. Бельского были хорошо знакомы с казанским театром военных действий. Возможно, именно это (наряду с родовитостью) обеспечило ему назначение первым воеводой судовой рати в походе на Казань 1524 г. несмотря на его неопытность (впервые он появляется в разрядах в 1522 г., когда сопровождал Василия III в Коломну)<sup>18</sup>. В 1529 г. с марта вместе с братом и М.В. Горбатым был воеводой в Коломне на случай крымского вторжения<sup>19</sup>. В целом, главнокомандующий малоопытный, хотя знакомство его близких родственников с театром военных действий и могло иметь положительное значение.

Вторым воеводой был новгородский наместник – боярин кн. Михайло Васильевич Горбатой Кислый, из потомков суздальско-нижегородских князей Шуйских. В 1524 г. он был вторым воеводой Большого полка отправленной к Казани судовой рати (первым был И.Ф. Бельской)<sup>20</sup>. Судя по всему, и тогда вся тяжесть командования легла на него, поскольку первый воевода опыта почти не имел. Несмотря на ряд просчётов в организации этого похода и в действиях воевод конной рати, И.Ф. Бельский и М.В. Горбатый в создавшихся условиях под Казанью действовали верно и с упорством, что скрасило провал всего военного предприятия. После этого он трижды был воеводой в городах и «от поля», и к 1530 г. имел уже не менее

---

<sup>17</sup> РК 1598. С. 28; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 56, 165–166. (в этой книге Фёдор ошибочно записан как Иван Фёдорович); Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 47.

<sup>18</sup> РК 1598. С. 68; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 126.

<sup>19</sup> РК 1598. С. 72.

<sup>20</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 74; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 47.

14 воеводских назначений (включая 10 в боевых условиях)<sup>21</sup>. Как видим, М.В. Горбатый был многоопытным воеводой, знакомым с казанским театром военных действий и уже назначавшийся на должность одного из главных руководителей похода на Казань. Можно предположить, что и в 1530 г. он был главным руководителем, уступавшим формальное первенство в силу большей знатности кн. Бельского.

За «наряд» отвечал князь Михайло Иванович Кубенской<sup>22</sup> из Ярославских князей. В казанском походе 1524 г. он возглавлял Сторожевой полк судовой рати. Видимо, неплохо показал себя под Казанью, почему и продолжил продвижение по карьерной лестнице и был назначен командовать «нарядом» в 1530 г. В полевом войске дважды назначался первым воеводой Правой руки, и один раз – Сторожевого полка. Воеводский опыт у М.И. Кубенского был немалый (6 назначений, включая 3 боевых)<sup>23</sup>, и он был знаком с казанским театром военных действий и противником. Отметим и его давние связи с М.В. Горбатым и И.Ф. Бельским, что предполагает их сработанность и ровные личные отношения (как отметил А.А. Зимин, после смерти Василия III он из-за этого поддерживал Шуйских). После неудачи 1530 г., в отличие от ряда других воевод, избежал опалы<sup>24</sup>, что может говорить, как о расположении к нему великого князя и связях при дворе, так и об удачном командовании в походе.

Первый воевода Передового полка – Фёдор Васильевич Лопата Телепнев из старомосковского служилого княжеско-боярского рода Оболенских<sup>25</sup>. Впервые в разрядах он появился в 1517 г., когда удачно начальствовал над «лёгкой ратью», действовавшей против

---

<sup>21</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 110, 134, 136–138, 142, 143, 146, 160, 164, 169, 172, 183, 184; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 206, 209, 210; Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 161; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 69, 74.

<sup>22</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 47; РК 1598. С. 75.

<sup>23</sup> После 1524 г. дважды числился среди воевод на «Берегу» [РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 209, 210].

<sup>24</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 94–95.

<sup>25</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 43.

осадившего Опочку литовского войска<sup>26</sup>. В 1519 г. возглавлял полк Левой руки в войске В.В. Шуйского, отправленного на литовские земли. В 1521 г., будучи одним из воевод в Кашире, попал в плен к крымцам, но был выкуплен Иваном Симским. Участвовал в отражении крымских набегов: в 1527 г. находился с ратью в Рославле, а в 1529 г. – по направлению к устью Осётра<sup>27</sup>. В целом, воеводский опыт у Ф.В. Телепнева средний (5 назначений), но он успел поучаствовать в боестолкновениях против литовцев и крымцев.

Второй воевода – Семён князь Фёдоров сын Петровича Сицкой – сын Ф.П. Сицкого, одного из воевод судовой рати, ходившей к Казани в 1506 г. (Сицкие – ответвление Ярославских князей)<sup>28</sup>. По А.А. Зимину впервые в разрядах встречается с 1515 г., однако в одной разрядной книге С.Ф. Сицкой (видимо, этот же) отмечен уже за осень 1510 г., когда он был среди воевод, посланных к литовским «украинам», видимо, в связи с попыткой бегства в Литву брата великого князя<sup>29</sup>. С 1515 по 1530 гг. С.Ф. Сицкой имел не менее 7 назначений на должность воеводы, правда, только три раза в полевых полках (дважды бывал вторым воеводой Левой руки, один раз – третьим в Сторожевом)<sup>30</sup>. Участвовал в походе на литовские земли в 1519 г. и, вероятно, в обороне Коломны от крымцев в 1527 г. Как видим, С.Ф. Сицкой имел сравнительно небольшой воеводский опыт, а назначения имел невысокие.

Первый воевода полка Правой руки – Фёдор Юрьевич Щука Кутузов – престарелый ветеран трёх предыдущих казанских кампаний (его первый воеводский опыт относится к походу на Казань в 1506 г.)<sup>31</sup>. К 1530 г. он имел не менее 11 воеводских назначений (включая, как минимум, четыре, связанные с боевыми действиями

---

<sup>26</sup> Лобин А. Н. Оборона Опочки... С. 41; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 51.

<sup>27</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 51.

<sup>28</sup> Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 54.

<sup>29</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 105 (примечание 185); РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 114; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 13.

<sup>30</sup> РК 1598. С. 56, 58, 63, 67, 71, 72, 74.

<sup>31</sup> Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 53.

на литовской территории<sup>32</sup>, против крымцев, и одно – у Казани). Дважды участвовал в войне с литовцами; остальное – в основном оборона границ на случай крымского прихода<sup>33</sup>. Во время войны с Казанью в 1523 г. возглавлял Передовой полк конной рати, выдвинутой на Суру для оберегания строительства острога<sup>34</sup>. Во время казанского похода 1524 г. был вторым воеводой резервной рати в Муроме<sup>35</sup>. Возглавлял «лёгкую рать» в походе на литовские земли. Дважды возглавлял Передовой полк, единожды – Сторожевой. Бывал вторым воеводой Большого полка, и третьим – Сторожевого. Как видим, Ф.Ю. Кутузов имел большой воеводский опыт и был хорошо знаком с казанским театром военных действий, возможностями и тактикой противника.

В товарищах у Фёдора Юрьевича был Фёдор княж Михайлов сын Курбский – младший сын погибшего под Казанью в 1506 г. Михаила Карамыша Курбского. Впервые в разрядах Фёдор Михайлович (с братьями) появляется в связи с отражением крымского похода 1521 г.<sup>36</sup> В последствии воеводская карьера у Ф.М. Курбского не сложилась. Он числился вторым воеводой в Нижнем Новгороде на случай крымского или казанского вторжения в 1526 г. В 1529 г. был первым воеводой на Мещере по «крымским вестям», а позже – в Нижнем Новгороде<sup>37</sup>. В целом, малоопытный воевода. Вся тяжесть руководства полком должна была ложиться на более старшего Ф.Ю. Кутузова.

Возглавлял полк Левой руки Иван Микитин сын (Никитич) Бутурлин, боярин. Бутурлины – боярский род, ветвь потомков полулегендарного немца Ратши (XII в.) служивших московским князьям ещё с XIV в. (ранее они были тверскими боярами)<sup>38</sup>. Впервые на воеводской должности упоминается в 1512 г. (возглавлял Стороже-

---

<sup>32</sup> РК 1598. С. 48, 61, 63; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 124.

<sup>33</sup> РК 1598. С. 46, 50–51, 57, 62, 66, 70; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 118, 128–129.

<sup>34</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 187.

<sup>35</sup> РК 1598. С. 70.

<sup>36</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 177.

<sup>37</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 206, 211, 212.

<sup>38</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 164–166; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 213.

вой полк в летнем походе к Осётру). Позже был вторым воеводой полка Левой руки в рати И.М. Оболенского. В 1519 г. был одним из воевод в Стародубе. Во время крымского похода 1521 г. был среди воевод в Серпухове или Кашире. Участвовал в военных мероприятиях 1529 года<sup>39</sup>. Воеводский имел опыт небольшой, особенно что касается участия в боестолкновениях.

Второй воевода полка Левой руки – Андрей Микитин сын (Никитич) Бутурлин – младший брат И.Н. Бутурлина; кажется, уже имел звание окольничего, однако А.А. Зимин в этом сомневался<sup>40</sup>. Впервые в разрядах в качестве воеводы появляется в 1512 г. К 1530 г. имел не менее 11 воеводских назначений, причём не менее 4 из них были связаны непосредственно с участием в боевых действиях. Воевал в основном против литовцев, а также участвовал в военных мероприятиях против крымцев (в 1521 г. был среди воевод в Рязани). Тем не менее, назначения получал не самые высокие. По одному разу возглавлял полки Сторожевой и Левой руки, бывал вторым воеводой в полках Большом и Правой руки, дважды был вторым в Сторожевом, один раз – третьим в Передовом<sup>41</sup>. Возможно, не проявлял выдающихся качеств во время военных действий, или же сказывалось сравнительно невысокое место в местнической иерархии.

Первый воевода Сторожевого полка – боярин и князь Иван Иванович Барбашин (Борбашин), представитель одной из ветвей Шуйских (Суздальских князей). А.А. Зимин отмечал, что И.И. Барбашин появляется в разрядах в весьма зрелом возрасте<sup>42</sup>. Впервые – в июне 1521 г. во время крымского прихода, но, видимо, не на воеводской должности. В 1527–1529 гг. имел три воеводских назначения на Берег, против крымцев, а также был воеводой на Унже в 1528 г. и возглавлял конную рать, которая в 1529 г. должна была

---

<sup>39</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 170–171.

<sup>40</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 171.

<sup>41</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 120, 148, 149, 151, 153, 159, 160, 164, 169, 177, 178, 181–183, 185; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 171.

<sup>42</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 72, 73

ходить в Казанскую землю<sup>43</sup>. Опыт небольшой, но князь был знаком с казанской «украиной».

Второй воевода – Михайло Ильин сын Семёновича Бокеев (Бакеев) – представитель выехавшего на московскую службу в последней трети XV в. тверского боярства. В разрядах фигурирует как сын боярский ещё в 1495 г., а по летописи – в 1523 г. среди воевод в Василь-городе<sup>44</sup>. Однако далее встречается в разрядах только в 1526–1527 гг. в качестве второго воеводы в Муроме и на Мещере<sup>45</sup>. Опыта командования полком в походе и в боевой ситуации, судя по всему, не имел.

При назначении воевод судовой рати возникли местнические споры. Претензии к высокому назначению Фёдора Лопаты Оболенского первым воеводой Передового полка высказали сразу М.В. Горбатый, Ф.М. Курбский и А.М. Бутурлин; князя Горбатый и Курбский увидели поруху своей части также в назначении первым воеводой Лево́й руки И.М. Бутурлина. Князь А.М. Бутурлин, кроме того, не соглашался быть ниже Фёдора Курбского и Семёна Сицкого. Однако, как чаще бывало, великий князь не пошёл на поводу у спорщиков и заявил, что служба без мест, а счёт воеводам он даст после её окончания<sup>46</sup>.

Переходим к рассмотрению воевод конной рати.

Возглавлял её и Большой полк Михайло Львович Глинский – престарелый (род. в 1470 г.) литовский магнат, крупный военный и государственный деятель Великого княжества Литовского<sup>47</sup>, перешедший в 1508 г. на службу к Василию III в качестве служилого князя, и принимавший деятельное участие в Смоленских походах 1512–1514 гг., окончившихся взятием этого города. Имел большой военный опыт, в том числе воеводский. В молодости участвовал в

---

<sup>43</sup> РК 1598. С. 65, 71–73; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 209–210.

<sup>44</sup> Русский Хронограф // ПСРЛ. Т. 22. С. 519.

<sup>45</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 260–264, 278; РК 1598. С. 26, 71, 74.

<sup>46</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 213, 214.

<sup>47</sup> По легенде Глинские были потомками выходца из Орды времён Витовта. См.: Бычкова М.Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки отдела рукописей, Вып 38. С. 107.



военных действиях на территории Западной Европы. В 1506 г. разгромил крымских татар в Клецкой битве<sup>48</sup>. Однако с 1514 по 1527 г. пробыл в темнице после неудачной попытки возврата в Литву. Был выпущен в связи с женитьбой Василия III на его племяннице. Вскоре после освобождения М.Л. Глинский и был назначен главным воеводой конной рати. Большой опыт и родство с новой женой великого князя определили это назначение. А.А. Зимин отмечал, что М.Л. Глинский был послан к Казани, поскольку имел владения на Волге<sup>49</sup>. Думается, что причина всё же была иная, поскольку большая часть воевод уделов на Волге не имела.

Несмотря на оказанное доверие, М.Л. Глинский способствовал провалу похода, поскольку затеял с И.Ф. Бельским местнический спор о том, кому первым входить в захваченное татарское укрепление, за что, однако, не понёс наказания<sup>50</sup>.

Второй воевода Большого полка – Василий Андреевич Шереметьев – представитель старомосковского боярского рода<sup>51</sup>. В 1523 г. возглавлял Сторожевой полк конной рати, ходившей ставить в устье Суры Василь-город, а уже в следующем году был первым воеводой Передового полка конницы, ходившей к Казани. После этого имел несколько назначений по «крымским вестям» (отмечены 5, но 3 из них приходятся на одно лето 7037)<sup>52</sup>. Воеводский опыт у В.А. Шереметьева на 1530 г. не очень большой (особенно по части непосредственных боестолкновений), но ему были хорошо знакомы казанский театр военных действий и противник в лице черемисов и казанских татар.

Далее в источниках возникает путаница относительно воевод оставшихся полков. Единственный, кто во всех вариантах на одном месте – Д.С. Воронцов, возглавлявший Сторожевой полк.

Разрядные книги приводят две сильно различающиеся версии назначений. По Разрядной книге 1475–1598 гг.:

---

<sup>48</sup> Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 86.

<sup>49</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 142–143.

<sup>50</sup> Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 265.

<sup>51</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 189.

<sup>52</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 199, 209–212.

В Передовом полку – Ф.В. Овчина Телепнев Оболенский и И.С. Мезецкой

В полку Правой руки – И.Ф. Овчина Телепнев Оболенской и И.М. Чулок Засекин

В полкулевой руки – В.И. Репнин и Фёдор Денисьев

В Сторожевом полку – Д.С. Воронцов и Ф.С. Мезецкой.

По Разрядной книге 1475–1605 г.:

В Передовом полку – И.Ф. Овчина Оболенской Телепнев<sup>53</sup> и И.М. Чулок Засекин.

В полку Правой руки – П.И. и В.И. Репнины.

В полкулевой руки – Ф.В. Телепнев Овчина Оболенский и Фёдор Денисьев сын Юрьев Резанец.

В Сторожевом полку – Д.С. Воронцов и Ф.С. Мезецкой

Отметим, что в первой версии отсутствует П.И. Репнин, а во второй – И.С. Мезецкой. В Никоновской и Ермолинской летописях приводится версия Разрядной книги 1605 г., но вторым воеводой Сторожевого полка там записан Иван Мезецкой, а не Фёдор<sup>54</sup>. В Вологодско-Пермской летописи разряды не приводятся, однако И.Ф. Оболенский также назван воеводой Передового полка<sup>55</sup>.

Ситуация усложняется тем, что в Разрядной книге 1605 г. за лето 7034 (1525/1526 гг.) приводится перечень воевод, направленных на Казань<sup>56</sup>. По другим источникам об этом неизвестно, а состав воевод почти полностью совпадает с версией Разрядной книги 1598 г. по 1530 г., кроме того, что в ней отсутствуют вторые воеводы Правой илевой руки, и вместо Ф.С. Мезецкого записан Федор Денисьев Резанец (который по другой версии был вторым воеводойлевой руки).

В связи с этим возникает необходимость выяснить причины такого разнобоя и определить финальный вариант росписи для Казанского похода. Вероятно, дело тут не только в ошибках составителей

---

<sup>53</sup> В одном списке разрядной книги 1475–1605 гг. он записан в полкулевой руки.

<sup>54</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 47; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. С. 204.

<sup>55</sup> Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 314.

<sup>56</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 196–197.

разных книг, или их «исправлениях», а в том, что при назначении воевод возникли какие-то сложности, и воевод приходилось менять. Это и отразилось в разных копиях разрядов.

Поскольку версия Разрядной книги 1475–1605 г. почти без изменений вошла в официальную летопись, становится понятно, что именно этот вариант был финальным. Однако всё же стоит сверить обе версии с прошлыми назначениями воевод и определить, кому с кем было «вместно» служить.

Фёдор Васильевич Овчина Телепнев Оболенский. Брат Фёдора Лопаты и двоюродный брат – И.Ф. Овчины<sup>57</sup>. Был одним из поручителей М.Л. Глинского<sup>58</sup>. В разрядах появляется в 1521 г., и то в качестве одного из голов в полках, стоявших в Торусе по случаю прихода крымцев. Воеводой (вторым и третьим) числился на Кашире в 1527 и 1529 гг. – также «по крымским вестям»<sup>59</sup>. Воеводский опыт, таким образом, у Ф.В. Телепнева-Оболенского был очень незначительный. По Разрядной книге 1598 г. возглавлял Передовой полк, а по Разрядной книге 1605 – полк Лево́й руки. Заметим, что его назначение выше более опытного двоюродного брата – И.Ф. Телепнева-Оболенского вряд ли мог остаться без изменений и не вызвать местнический спор. Это может свидетельствовать в пользу того, что версия Разрядной книги 1605 г. точнее отражает состав воевод к началу похода.

Иван княж Семёнов сын Мезецкой из перешедших в конце XV в. на московскую службу Черниговских князей, растерявших свои владения и низведённых до положения служилых княжат. Появляется в разрядах в 1515 г. Имел не менее 6 воеводских назначений в мероприятиях «по крымским вестям». Бывал вторым воеводой Правой руки, Лево́й руки и Сторожевого полка, и третьим – в

---

<sup>57</sup> По другой версии И.Ф. Овчина – сын Ф.В. Овчины. См.: Корзинин А.Л. Порядок иерархии полковых воевод в последней четверти XV – конце XVI в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Серия 2. Вып. 4. С. 14.

<sup>58</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 51.

<sup>59</sup> РК 1598. С. 66, 70, 73.

Левой руке<sup>60</sup>. Отметим, что А.А. Зимин ошибочно приписал ему назначение вторым воеводой на Мещере в 1527 г. (по указанной разрядной книге – в Одоеве). Как видим, воеводский опыт сравнительно большой, но не связанный с масштабными боевыми действиями; невысоки и назначения.

По версии Разрядной книги 1475–1598 г., в 1530 г. он был вторым воеводой Передового полка, а в Разрядной книге 1605 г. он отсутствует. Однако в Никоновской летописи Иван Мезецкой – второй воевода Сторожевого полка вместо брата – Фёдора.

Иван Фёдорович Овчина Телепнев Оболенский – ещё один представитель этого старомосковского княжеско-боярского рода<sup>61</sup>. В разрядах встречается с 1512 г. К 1530 г. он имел не менее 9 воеводских назначений, включая, как минимум, одно, связанное с боевыми действиями (в зимнем походе в литовские пределы). Назначения связаны в основном с «крымскими вестями». Возглавлял Передовой полк, позже бывал вторым воеводой Левой руки и Сторожевого полка<sup>62</sup>. Как видим, воеводский опыт у И.Ф. Оболенского был сравнительно большой, однако в основном не боевой. В 1530 г. по РК 1598 г. возглавлял полк Правой руки (что записано поверх счищенного текста), по РК 1605 г. – Передовой.

Иван Чулок княж Михайлов сын Засекин из Ярославских князей, видимо, служил удельному князю Юрию Ивановичу (брату Василия III). Впервые с казанским театром военных действий познакомился в 1524 г., когда был вторым воеводой Сторожевого полка конной рати<sup>63</sup>. До этого имел 3 воеводских назначения в условиях боевых действий (см. выше). Следующее его воеводское назначение состоялось только в 1530 г. Опыт воеводства сравнительно небольшой, но бое-

---

<sup>60</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 135–136; РК 1598. С. 70, 73; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 147, 148, 151, 156; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 198, 201, 206.

<sup>61</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 43.

<sup>62</sup> РК 1598. С. 57, 62–64, 66, 67, 71–73; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 122, 167, 177; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 51.

<sup>63</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 96, 104; РК 1598. С. 64, 68; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 160, 170, 181; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 190.

вой. По Разрядной книге 1598 г. – второй воевода Правой руки; по Разрядной книге 1605 г. – второй воевода Передового полка.

Пётр Иванович Репнин – сын боярина И.М. Репни Оболенского. Упоминается в разрядах с 1510/1511 г. К 1530 г. имел не менее 8 полковых назначений (и 4 – воеводой в города и на Берег), однако достоверных случаев участия в боевых действиях из них немного – два или чуть больше. Участвовал в основном в мероприятиях против крымцев (в т.ч. не менее одного раза при непосредственном боевом контакте), и дважды – против казанцев. Летом 1523 г. возглавлял полклевой руки конной рати в походе на Суру для постройки Васильгорода. На следующий год П.И. Репнин возглавлял полклевой руки конной рати, шедшей под Казань<sup>64</sup>. По-видимому, это был его первый опыт командования полком непосредственно в условиях боевых действий. Дважды он возглавлял полки Передовой, Правой илевой руки, по одному разу был вторым воеводой Большого и Сторожевого полков, третьим – в Передовом<sup>65</sup>. Это был опытный воевода, знакомый с казанским театром военных действий и противником. Присутствует под 1530 г. только в Разрядной книге 1605 г., по версии которой возглавлял полклевой руки.

Василий Иванович Репнин по прозвищу Меньшой. Младший брат Петра Репнина. Послужной список на 1530 г. имел небольшой. Впервые встречается в разрядах как воевода в 1519/1520 г. (был в Новгороде-Северском на случай крымского прихода). Несколько его назначений на воеводскую должность (до 1530 г.) падают на лето – осень 1527 г. (в разрядных книгах записи повторяются за лето 7036 и 7037), когда воеводы с полками направлялись на Берег и в украинные города для обороны от большого крымского войска. В.И. Репнин были среди воевод в Новгороде-Северском, Серпухове, на Коломне (причём, последний город несколько дней «сидел» в осаде от крымцев). Русские рати не дали татарам переправить основные силы через Оку и многих побили<sup>66</sup>. В.И. Репнин в эти годы

---

<sup>64</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 188, 190.

<sup>65</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 53; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 115, 122, 147, 148, 151, 155, 159, 161, 188; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 190, 199, 204, 210.

<sup>66</sup> РК 1598. С. 175, 198–201, 205, 208, 210; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 67, 71, 72.

## ГЛАВА 8. Последняя казанская война Василия III

не числился воеводой какого-либо полка, однако принял участие в военных действиях, как минимум, в качестве одного из воевод в осаждённом городе. Несмотря на это, можно прийти к выводу, что для воеводы конного полка он имел мало опыта. По версии РК 1598 г. в 1530 г. он возглавлял полк левой руки, а по РК 1605 г. – был вторым в полку правой руки.

Фёдор Денисьев сын Юрьев Резанец – представитель рязанского боярства (откуда и прозвище), только в 1521 г. вошедшего окончательно в состав Великого княжества Московского. В московских разрядах встречается, возможно, уже в 1514/1515 г.<sup>67</sup> Однако в последующие годы упоминается в неясном качестве в Переяславле-Рязанском, который он в числе великокняжеских воевод оборонял от крымских татар в 1521 г., а также в связи с «крымскими вестями» 1527 и 1529 гг.<sup>68</sup> Таким образом, опыта командования полевым конным полком он, видимо, не имел. По обеим разрядным книгам был вторым воеводой полка левой руки, но в РК 1605 в ошибочной записи под летом 7034 – второй в сторожевом.

Дмитрий Семёнович Воронцов – представитель служилого старомосковского рода<sup>69</sup>. Упоминается в разрядах с 1519 г., и к 1530 г. имел не менее 4 назначений, в т.ч. – первым воеводой в Дорогобуже во время войны с литовцами, 4-м – в Серпухове и 6-м на Мещере по «крымским вестям»<sup>70</sup>. Как видим, воеводский опыт имел небольшой, особенно по части командования полком в поле. Однако источники однозначно свидетельствуют о его назначении первым воеводой сторожевого полка.

Фёдор князь Семёнов сын Мезецкой – брат И.С. Мезецкого. В разрядах отмечается с 1515/1516 г. (участвовал в походе в литовские земли в качестве второго воеводы сторожевого полка). Позже имел не менее трёх воеводских назначений, в основном «от поля»

---

<sup>67</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 145.

<sup>68</sup> РК 1598. С. 66, 70, 73.

<sup>69</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 157–158, 160.

<sup>70</sup> РК 1598. С. 63, 64, 66; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 171, 174.

(против крымцев)<sup>71</sup>. При назначениях в «украинные» города ни разу не числился первым воеводой<sup>72</sup>. Его небольшой воеводский опыт в определённой степени компенсировался «обстрелянностью» в литовской войне. По обеим разрядным книгам в 1530 был вторым воеводой Сторожевого полка, однако в «ошибочной» записи под 7034 г. (Разрядная книга 1605) вместо него записан рязанский боярин Фёдор Денисович, а в Никоновской летописи – Иван Мезецкой.

Если попарно сравнить воевод из списков обеих разрядных книг, то увидим, что соотношение их опыта и количества прошлых назначений вполне соответствует именно основному варианту Разрядной книги 1605 г. (И.М. Чулок Засеки явно был более маститым воеводой, чем В.И. Репнин, почему и был переведён в Передовой полк; И.Ф. Овчина Оболенский также оказался выше П.И. Репнина, но, видимо, по иным критериям). Вероятно, Фёдор Мезецкой мог быть заменён на брата Ивана потому, что тот имел чуть больше воеводского опыта.

Путаность иерархии воевод в разрядных записях (вернее, в дошедших до нас копиях, снятых с документов, по этому случаю составлявшихся) отражает напряжённую ситуацию с назначениями перед походом и во время него. Напомним, что одной из причин неудачи и высоких потерь под Казанью стал местнический спор между верховными командующими судовой и конной ратей – князьями Бельским и Глинским<sup>73</sup>. Поэтому существование двух версий с вариантами можно объяснить сложностями, возникшими в связи с назначениями 1530 г. Можно предположить, что под лето 7034 в Разрядной книге 1475–1605 г. помещён наиболее ранний разряд, составленный до версии Разрядной книги 1475–1598 г., в которой сохранился другой вариант разряда. Финальным был ос-

---

<sup>71</sup> По Разрядной книге 1475–1605 гг. ошибочно отмечен среди воевод в Стародубе дважды – за лето 7025 и 7027. Полное повторение списка воевод и отсутствие упоминания о наряде их в Стародуб в Разрядной книге 1598 г. говорит об повторе в первом источнике.

<sup>72</sup> РК 1598. С. 59, 62, 73; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. С. 153, 158, 163; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 209.

<sup>73</sup> Софийская Вторая летопись // ПСРЛ. Т.6. Вып. 2. С. 265; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 314.

новой вариант из Разрядной книги 1605 г. Он же попал и в летописи как официальный. Однако наличие разночтений между текстами разрядной книги и летописи может говорить об изменениях в составе воевод уже непосредственно после составления разрядов, лёгших в основу этой частной разрядной книги (т.е. вместо Ф.С. Мезецкого в поход мог пойти И.С. Мезецкой).

На основании этого мы реконструируем последовательность изменений списка воевод конной рати в 1530 г.

*Ранний вариант (версия Разрядной книги 1605 под лето 7034):*

Передовой полк – Ф.В. Оболенский и И.С. Мезецкой.

Полк Правой руки – И.Ф. Оболенский

Полклевой руки – В.И. Репнин

Сторожевой полк – Д.С. Воронцов и Ф. Денисьев Рязанец

*Промежуточный вариант (версия Разрядной книги 1598):*

Передовой полк – Ф.В. Оболенский и И.С. Мезецкой.

Полк Правой руки – И.Ф. Оболенский и И.М. Чулок Засекин (в Правую руку записаны по счищенному тексту)

Полклевой руки – В.И. Репнин и Ф. Денисьев

Сторожевой полк – Д.С. Воронцов и Ф.С. Мезецкой

*Финальный вариант (версия Разрядной книги 1605)*

Передовой полк – И.Ф. Оболенский и И.М. Чулок Засекин (из Правой руки).

Полк Правой руки – П.И. Репнин (новый) и В.И. Репнин (переставлен с первого воеводылевой руки)

Полклевой руки – Ф.В. Оболенский (переставлен с первого воеводы Передового полка) и Фёдор Денисьев сын Юрьев

Сторожевой полк – Д.С. Воронцов и Ф.С. Мезецкой.

Уже перед походом Ф.С. Мезецкой был заменён на И.С. Мезецкого, что отразилось в Никоновской летописи.

При сличении разрядных книг выходит, что в поход мог не пойти один из братьев Мезецких – Фёдор или Иван. Однако при дальнейшем анализе учтём их обоих, поскольку социально-правовое положение этих лиц, происхождение и воеводский опыт схожи.

Также следует отметить, что в «Скифской истории» А.И. Лызлова (вторая половина XVII в.) среди других воевод упомянут и Иван Хабар Симский. Однако, как обосновано пишет А.Г. Бахтин, в



разрядных книгах тот не упомянут, а воеводские места, на которые он мог рассчитывать в соответствии со своим местом в местнической иерархии, были заняты другими лицами<sup>74</sup>.

Теперь рассмотрим данные о воеводах суммарно для оценки качества воеводского корпуса и его соответствия конкретной боевой ситуации и задачам.

Состав воевод судебной рати был такой: во главе неё стояли представители высшей аристократии – Гедиминович и князь из суздальско-нижегородских Рюриковичей (причём назначение определялось не только их знатностью, но и большим воеводским и боевым опытом, а также знакомством с театром предстоящих военных действий). Далее присутствуют трое князей Ярославских, ещё один представитель нижегородско-суздальских князей, один представитель тверского боярства и четыре – старых московских боярских родов.

Воеводский состав конной рати менее представительен: во главе неё – литовский аристократ, хотя также отличающийся большим полководческим и боевым опытом. Кроме него присутствуют: служащий брату Василия III представитель Ярославских князей (воевода удельного князя Московского дома), шесть представителей старомосковских служилых боярских родов, один служилый князь Черниговский (кто-то из Мезецких) и один рязанский боярин, недавно включённый в военно-служилую систему Великого княжества Московского.

Почти все воеводы имели опыт воеводства. В судебной рати по количеству назначений можно выделить две группы. В первую входят 7 воевод с 2, 3, 5 (по двое в каждом случае) и 4 назначениями. Во вторую входят трое воевод (включая второго воеводу Большого полка), имеющие по 9, 11 и 14 назначений. Во всех полках, кроме Сторожевого, воеводы имели средний или большой опыт, причём в Большом, Передовом илевой руке наибольшим опытом обладал именно второй (видно, при назначении воевод полка учитывали, как знатность, так и опытность).

---

<sup>74</sup> Бахтин А.Г. Воевода И.В. Хабар-Симский // Военно-исторический журнал. 2017 (№6). С. 78.

Воеводы конной рати снова менее представительны. Цифры назначений выглядят следующим образом: один воевод имел 1 или 2 назначения, пятеро – 4, 5, 6, 8 и 9 назначений в походах, а также трое имели «городовые» и «береговые» назначения – (у одного их 3, у двоих – по 4). Отдельно нужно отметить М. Глинского, воевавшего в Западной Европе, больше знакомого с западными, а не восточными реалиями.

Если посмотреть на опыт командования в условиях непосредственно боевых, то тут цифры иные, хотя воеводы судовой рати опять более опытные: четверо из них имели в своей воеводской карьере один установленный боевой эпизод, один – 3, двое – 4, и один – 10. В конной рати, если не считать кн. Глинского, достоверно он устанавливается только у пятерых воевод: у двоих – по 1 эпизоду, у двоих же – по 2, и у одного – 3. Четверо воевод, судя по всему, такого опыта не имели.

Наконец, отметим такой важный фактор, как знакомство с театром военных действий и противником. В судовой рати двое главных воевод и начальник «наряда» участвовали в судовом походе на Казань в 1524 г. Первый воевода Передового полка (Ф.Ю. Кутузов) был ветераном судового похода 1506 г. и участвовал в постройке Василь-города. И. Барбашин, вероятно, возглавлял конный рейд в Казанскую землю в 1529 г.

В конной рати таких лиц было трое. Как и в 1524 г., они возглавляли конные полки. Впрочем, следует отметить, что конная рать в 1524 г. действовала, видимо, неудачно: увязла в черемисских землях и слишком поздно пришла под Казань, что и стало причиной провала всего похода.

Отметим, что иерархия полков и, соответственно, воевод пока ещё старая, т.е. наиболее почётным был Большой, затем шли Передовой, Правой руки,левой руки и Сторожевой. В 1530-е гг. положение меняется: Передовой полк уступит первенство полку Правой руки, а полклевой руки – Сторожевому<sup>75</sup> (в предыдущие годы примеры подобного нарушения сложившейся иерархии единичны).

---

<sup>75</sup> Корзинин А.Л. Порядок иерархии полковых воевод в последней четверти XV – конце XVI в. //Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Серия 2. Вып. 4. С. 13–16.

### 3. Подготовка к походу русского войска

Городовой состав ратей неизвестен. Скорее всего, в нём не обошлось без участия крупнейших служилых городов – прежде всего, рязанцев<sup>76</sup> и новгородцев, а также детей боярских из восточных уездов. Точно известно, что, помимо детей боярских, пищальников и пушкарей, в походе участвовала и «посоха» (посошные люди упомянуты при «наряде»). С артиллерией же отмечены стрельцы<sup>77</sup>, но в данном случае под ними понимаются именно артиллеристы и бойцы с ручными пищальями.

Как и раньше, численность войска можно оценить только приблизительно, путём подсчётов по количеству воевод. В обеих русских ратях числилось по 10 воевод, что при расчётах даёт от 6 до 7,5 тыс. ратников в каждой. В судовой рати, к тому же, был «наряд», а это ещё несколько сот человек (таким образом, в ней было до 8 тыс.). В общем же это от 12–13 тыс. до 15 тыс. чел. Плюс «посоха», численность которой определить не получается.

Во время похода 1530 г. впервые в восточно-русской военной практике упоминается гуляй-город – передвижное полевое укрепление, представляющее собой круг или квадрат из телег, оснащённых большими щитами. Телеги, скорее всего, шли с конной ратью и использовались для транспортировки доспехов и припасов, но защищать от казанской конницы должны были, в первую очередь, пешую рать с «нарядом» (большие щиты могли быть привезены и на судах). Под Казанью гуляй-город должен был быть поставлен перед городскими стенами, а в нём расположена полевая и, возможно, осадная артиллерия. Ставился гуляй-город гораздо проще и быстрее, чем система земляных укреплений (шанцев). В Казанском летописце говорится о захвате черемисами «малого градца гуляя 80 городен»<sup>78</sup>. Обычно городня – это древо-земляная конструкция из

---

<sup>76</sup> Среди имён погибших под Казанью аристократов упомянут Г.И. Коробин Рязанец (см. ниже).

<sup>77</sup> Вторая Софийская летопись // ПСРЛ. Т. 6 (1853). С. 265; Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 16.

<sup>78</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. С. 39; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 314.

отдельного сруба, чаще всего наполненного грунтом. Упоминание её вместе с гуляй-городом позволяет предположить, что в данном случае имеется в виду не сруб с землёй, а иная, переносная деревянная конструкция (например, станковый щит<sup>79</sup>). По мнению В.В. Пенского, гуляй-город мог быть заимствован русскими людьми от крымских и ордынских татар, которые переняли эту идею от османов (с их *зарбузан арабалары*)<sup>80</sup>, или, скорее, из западноевропейской (имперской) практики<sup>81</sup>, где такая конструкция именовалась ваген-бургом (т.е. «тележным городом»).

В летописи попали некоторые сведения о русской артиллерии, отправленной к Казани. Причём типология «наряда» фиксируется тут впервые<sup>82</sup>. В разных версиях фигурируют 7 пушек<sup>83</sup> или 70 затинных пищалей<sup>84</sup> (крепостных ружей), пищали полуторные, семипядные, сороковые и затинные<sup>85</sup> (это только те, что были захвачены казанцами). Путаница насчёт 7 пушек или 70 пищалей касается не только количества стволов, но и характера: затинные пищали это тяжёлые крупнокалиберные «крепостные ружья» (другое название – гаковницы<sup>86</sup>), а пушки – гигантские орудия для навесной или настильной стрельбы огромными ядрами. Сомнительно, чтобы такие большие стволы, не имевшие цапфа и лафета, казанцы смогли оперативно угнать в город (как это сообщается в источнике). Поэтому в данном случае или имелись в виду пищали, или пушки верховые – более мелкие, чем просто пушки, короткоствольные орудия для

---

<sup>79</sup> История татар. Т. 4. С. 309.

<sup>80</sup> Пенской В.В. Военное дело Московского государства. С. 174–175.

<sup>81</sup> Имеется в виду Священная Римская империя. См.: Пенской В.В. «Янычары» Ивана Грозного. С. 226–232.

<sup>82</sup> Лобин А.Н. Артиллерия Ивана Грозного. С. 179. Правда, автор высказывает некоторое сомнение в том, что в 1530 г. действительно использовались полуторные пищали, поскольку в источниках имеется разночтение относительно того, какие именно орудия захватили казанцы.

<sup>83</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. С. 39.

<sup>84</sup> Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 314.

<sup>85</sup> Вторая Софийская летопись // ПСРЛ. Т. 6 (1853). С. 265; Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 16.

<sup>86</sup> Гак – крюк или специальный выступ под стволом, который цеплялся за стену или другую опору для амортизации сильной отдачи.

верховой стрельбы. Однако гигантские бомбарды для «городового дела» также должны были иметься в русской рати.

Полуторными пищальями назывались русские аналоги европейских фельдшлангов и фальконов – полевых орудий с узкими стволами, использовавшихся для стрельбы по навесной траектории. В Московском царстве XVI в. полуторными пищальями именовали орудия со стволом длиной в 15 пядей (ок. 2,66 м) и калибром около 6 фунтов (ок. 3,2 кг). Семипядные пищали – аналог европейских фальконетов, т.е. орудия более мелкие, чем полуторные пищали (длина ствола – 133 см или 7 пядей). Сороковые пищали – это, судя по всему, многоствольные (от 2 до 6 и больше) мелкокалиберные орудия из обрезков оружейных стволов или соединённых на одном ложе нескольких небольших пищальных или пушечных; другие названия такого орудия – шутихи, органки, органы, сороки<sup>87</sup>.

Как видим, против защитников Казани русские ратники собирались использовать разнообразный огнестрельный арсенал, причём обращает на себя внимание наличие примитивных систем залпового огня (сорок). Прикрытие осаждающих под стенами города и должен был осуществлять малый «наряд», т.е. полевая артиллерия. Большой же «наряд» – крупнокалиберные пушки для настильной и верховой стрельбы – был «ключом» к самому городу.

### 4. Подготовка к отражению русского войска в Казани

Идя на ссору с великим князем, Сафа-Гирей, вероятно, заранее подготовился ко встрече с его войском. Замечание «Казанского летописца» о мобилизации уже после вестей о выступлении большого русского войска, скорее всего, является авторским вымыслом – узнать об этом казанцы могли самое раннее недели за две до его прихода к Казани, а за такой срок подготовиться и собрать все силы, включая ногаев, было невозможно.

Как обычно, для защиты столицы собирались силы из татар и черемисов. По «Казанскому летописцу», Сафа-Гирей разослал по улусам указ о сборе всех князей, мурз и казаков. Из-за многочис-

---

<sup>87</sup> Лобин А.Н. Артиллерия Ивана Грозного. С. 67–68, 74–76, 130.

ленности русской рати (что было известно ещё по прошлым войнам, а не установлено соглядатаями уже по ходу войска), хан решил сконцентрировать основные силы в Казани, а не высылать часть их для перехвата русской конницы<sup>88</sup>. Против неё должны были действовать только малочисленные отряды татар и, видимо, местные формирования Горной стороны.

Мобилизация началась, предположительно, в марте–апреле, поскольку раньше мая русскую рать можно было не ждать. Помимо этого, Сафа-Гирей заручился военной поддержкой ногаев из Орды и Астраханского ханства. В источниках фигурируют Мамай мурзин большой сын<sup>89</sup> «со многими людьми», князь Яглыч – также «со многими людьми», и астраханские люди<sup>90</sup>. Ранее Сафа-Гирей женился на дочери мурзы Мамая<sup>91</sup>, почему и получил от него поддержку под началом его старшего сына – Алея. В Казанском летописце отмечено, что хан нанял ногаев за плату и возможность набрать русского ясыря (полона). То, что ногаи были не только и, видимо, не столько союзниками, сколько наёмниками, Сафа-Гирей писал в письме Сигизмунду I и даже просил у того тысячу золотых, дабы ногайские князья, мурзы и уланы впредь охотнее шли на помощь казанцам против московитов. По версии «Казанского летописца», на призыв казанского хана польстились якобы 30 тыс. ногаев, пришедших в Казань «на свою погибель»<sup>92</sup>. Позже сам Сафа-Гирей в письме литовскому великому князю писал о 10 тыс. ногаев. Как видим, даже он, несомненно заинтересованный в преувеличении своих сил, говорит только о 10, но не о 30 тыс. ногаев (хотя в письме присутствуют и фантастические цифры казанских ратей в 70

---

<sup>88</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. С. 37.

<sup>89</sup> В книге А.В. Аксанова в данном случае ошибочно записан мурза Мамай [Аксанов А.В. Казанское ханство... С. 164].

<sup>90</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 46; Синодик 1684 г. С. 466–467.

<sup>91</sup> Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 181.

<sup>92</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. С. 37; От Сапкгирея царя. Слово. Божью милостью королю польскому великому князю литовскому рускому прускому и далее, отцу моему великому королю Жикгимонту // История татар. Т. 4. С. 924.

тыс.). При этом отряд от астраханского хана Сафа-Гирей оценивал в тысячу бойцов<sup>93</sup>; видимо, их действительно было значительно меньше, чем тех, кто пришёл с ногайскими мурзами, однако и в этом случае казанский хан преувеличивал. Для сравнения: в 1521 г., пользуясь уходом крымского войска на Русь, астраханцы пограбили крымские земли, направив туда три станицы, насчитывавшие в общей сложности только 580 человек<sup>94</sup> (и это для важной военной операции!); население Астраханского ханства было значительно малочисленнее, чем в Казанском царстве (по достаточно оптимистическим подсчётам – 40–100 тыс.<sup>95</sup>); следовательно, в 1530 г. астраханский отряд вряд ли мог насчитывать больше 500 всадников. По мнению И.В. Зайцева, присутствие тут астраханцев является косвенным свидетельством об установлении ногайскими мурзами контроля над Астраханским ханством<sup>96</sup>.

С учётом вышесказанного и наших расчётов мобилизационных возможностей ханства, можно предположить, что в Казани собралось порядка 12–13 тыс. ратников из татар и черемисов, а также около 1–2 тысяч ногаев (в противном случае можно было бы ожидать выход татар и ногаев против русской конницы в поле, что позволило бы избежать осады и разрушений города). Кроме того, отряды черемисов и татар на Горной стороне должны были разведывать обстановку и нападать на русские разезды.

Как отмечает В.В. Трепавлов, в 20–30-е гг. Ногайская Орда была охвачена междоусобной войной, из-за чего мурзы не могли активно заниматься казанскими делами. К тому же они опасались усиления в ханстве крымского влияния не меньше, чем московского, а любая поддержка Гиреев против Москвы на Средней Волге была на руку именно Крыму<sup>97</sup>. Это ещё раз косвенно подтверждает

---

<sup>93</sup> Сафагирей царь. Слово. Божью милостью королю польскому, великому князю литовскому рускому прускому жомойтскому мазовецкому иных, отцу моему великому королю Жикгимонту // История татар. Т. 4. С. 924; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 182.

<sup>94</sup> Зайцев И.В. Астраханское ханство. С. 87.

<sup>95</sup> История татар. Т. 3. С. 753–754.

<sup>96</sup> Зайцев И.В. Астраханское ханство. С. 110.

<sup>97</sup> Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 180.

наше предположение о сравнительной малочисленности ногайского отряда в Казани в 1530 г.

Для защиты от артобстрела и штурма на подходах к посаду и Арку был возведён «острог» с воротами (острогом обычно называли укрепление, состоящее из частокола и тарасов-башен). На его постройку было мобилизовано множество «ближних» черемисов. Судя по скудным сведениям источников, это было протяжённое укрепление со стенами и башнями из брёвен, протянувшееся по Арскому полю от Булака и до Казанки, т.е. полумесяцем или подковой огибая город с юго-восточной равнинной стороны. Перед стенами был вырыт ров, а двумя своими концами, сложенными из камня и земли, «острог» соединялся с городом. Как сказано в источнике, «яко и граду помощь будет и посады целы от запаления огненного». Укрепление должны были оборонять черемисы (пешая рать; татары сражались на конях)<sup>98</sup>. Если же судить по археологическим материалам, имеется в виду постройка деревянных стен с башнями. Установлено, что начинались они от юго-западной стороны Арка, шли по правому берегу Булака, затем пересекали холмы с посадом и Черноозёрским оврагом, после чего заворачивали к Арку с восточной стороны. Перед стенами был прорыт ров, по крайней мере, в поздний период соединённый с Булаком и заполненный водой<sup>99</sup>.

В «Описании» А.И. Свечина, материалы которого были собраны в 1762–1765 гг., отмечается, что построенные в 1530 г. укрепления казанского «ostroга» имели протяжённость в 3 версты 250 сажень. Источник сведений неизвестен, но по предположению С.П. Саначина, скорее всего, подполковник пользовался неким более ранним чертежом Казани, составленном, судя по всему, ещё на основе сохранившихся укреплений. Если использовались современные А.И. Свечину меры длины, то протяжённость укреплений 1530 г. (или тех, которые за них приняли) равнялась 3947 м<sup>100</sup>.

---

<sup>98</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. С. 37.

<sup>99</sup> История татар. Т. 4. С. 621. Рис. 3.

<sup>100</sup> Саначин С.П. Городские укрепления на территории Татарстана в описании XVIII века подполковника А.И. Свечина и гипотезы их местоположений. С. 147–149.



Со стен должна была вестись стрельба из луков<sup>101</sup> и, возможно, пушек и пищалей. Источники упоминают о захвате казанских пушек и пищалей в остроге<sup>102</sup>. С прошлых войн у казанцев могли остаться трофейные русские стволы. Возможно также, что какие-то орудия хан мог получить из-за рубежа.

Казанские войска расположились в самой Казани, новом «остроге» (по линии укреплений), на Арском поле (там был разбит лагерь). Сафа-Гирей с гвардией засел в Арке. «Казанский летописец» отмечает, что в городе и вокруг него собралось столь много народу, что все не помещались в нём<sup>103</sup>. Какой-то частью казанских войск, оставшихся вне городских стен, командовал ханский аталык<sup>104</sup>. Ногайские отряды подчинялись, видимо, своим мурзам и действовали самостоятельно.

Как видим, Сафа-Гирей и его окружение провели немалую работу по укреплению столицы юрта перед угрозой русского вторжения. Концентрация почти всех войск в одном месте, отказ от полевого сражения с русской конницей, возведение новых укреплений создавали неплохие условия для отражения не самого большого русского войска.

### 5. Продвижение русских войск к Казани

Наиболее подробные известия о походе 1530 г. содержатся в Патриаршей (Никоновской) и Вологодско-Пермской летописях, Казанском и Постниковском летописцах, а дополнительные, но важные сведения – также в Типографской летописи. Ермолинская и Львовская летописи повторяют сведения Никоновской<sup>105</sup>. Холмогорская летопись содержит лишь такую лапидарную запись: «Послал князь великий Михаила Глинского х Казани, татар побил, а

---

<sup>101</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. С. 39.

<sup>102</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 46.

<sup>103</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. С. 37.

<sup>104</sup> Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 314.

<sup>105</sup> Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 406-407; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. С. 205.

Казани не взял»<sup>106</sup>. Взаимоотношение этих текстов друг с другом относительно похода 1530 г. проанализировал А.В. Аксанов<sup>107</sup>. Данные источников не имеют значительных противоречий и друг друга органично дополняют, что позволяет реконструировать ход кампании без больших трудностей.

Исходя из примерной численности судовой и конной ратей, можно предположить, что русское воинство выдвинулось к Казани на 250–300 судах (вместе с «посохой» и припасом) и с 15–25 тыс. коней (с учётом обоза). По версии Постниковского летописца, рати выступили с Москвы в апреле<sup>108</sup>. Судя по тому, что к Казани они приступили 10 июля<sup>109</sup>, на дорогу ушло почти три месяца (выступление произошло после 12 апреля, поскольку в этот день один из воевод – Ф. Щука Кутузов – сделал вклад в Троицкий монастырь<sup>110</sup>). Другие даты отсутствуют, что не позволяет оценить организацию продвижения и его ход. В 1487 г. судовая рать достигла Казани за 37 дней, из которых 4 – путь от Нижнего Новгорода<sup>111</sup>, т.е. в 1530 г. путь занял почти в два раза больше времени. При этом никаких подробностей о стоянии судовой рати под Казанью и боях не сообщается, что было бы неизбежным, особенно с учётом концентрации основных казанских сил у города. Казанцы несколько раз в разных местах атаковали конную рать, но были отбиты<sup>112</sup>. В стычке на Свияге казанцами был захвачен Иван Михайлов сын Кляпиков, приведён в Казань и казнён<sup>113</sup> (сын дипломата М. Кляпика Еропкина – того самого, которого Мухаммед-Эмин бросил в темницу в 1505 г.), причём несмотря на то, что татар тогда «поби-

---

<sup>106</sup> Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. 33. С. 136.

<sup>107</sup> Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь. С. 164–170.

<sup>108</sup> Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 16.

<sup>109</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 46.

<sup>110</sup> Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 431–432. Прим. 5; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 62.

<sup>111</sup> Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 74; 289–290.

<sup>112</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 46.

<sup>113</sup> Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 314. Горькая ирония – 24 года назад в Казани чуть было не погиб его отец.

ли»<sup>114</sup>. Это говорит о том, что незначительные боестолкновения татар и черемисов с русской конницей и разъездами имели место. Однако сведений о крупных полевых сражениях с участием конницы, как в 1524 г. на Свияге, нет. Казанский летописец наоборот подчёркивает, что казанцы боялись огромную русскую рать и заперлись в Казани<sup>115</sup>. Исходя из вышесказанного, логично предположить, что серьёзного сопротивления конная рать не встретила, без больших трудностей перебралась через Волгу и соединилась с судовой. Таким образом, уже на этом этапе был достигнут определённый стратегический успех и слаженность действий конницы и судовой рати. Поэтому можно полагать, что судовая рать вышла из Нижнего Новгорода в начале июля и достигла Казани в одно время с конницей, или же продвигались конная и судовая рати параллельно (с оставками судов на берегу под защитой конницы).

Однако в разрядных книгах выступление ратей отнесено к маю<sup>116</sup>, что сокращает время их пути минимум на несколько дней, а возможно, почти на месяц, что даёт срок близкий к тем же «идеальным» 37 дням 1487 года. В этом случае опять же можно говорить, что продвижение не встретило серьёзных препятствий. Правда, в Разрядной книге 1475–1605 гг. датой соединения судовой и конной ратей названо 12 июня<sup>117</sup>. Это вступает в противоречие с указанными в других источниках датами боёв, сроков осады Казани и возвращения ратей, причём отмечены числа отхода от города, переправы через Волгу, выхода к муромским местам и возвращения воевод в Москву, и все они, как ниже будет показано, выстраиваются в непротиворечивую хронологию, т.е. ошибка присутствует в разрядной книге (перепутан месяц и добавлена лишняя буква-цифра 2, как вариант – она утрачена в остальных источниках, и соединение ратей состоялось 12 июля).

---

<sup>114</sup> Прибавление к Второй Новгородской летописи // ПСРЛ. Т. 3. С. 199.

<sup>115</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. Ст. 37.

<sup>116</sup> РК 1598. С. 74; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 213.

<sup>117</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 215.

## 6. Осада и штурм города

Русские войска заняли Царёв луг между Булаком и Волгой, и 10 (12?) июля воеводы со «многими людьми» пошли к городу, который теперь был прикрыт новыми укреплениями.

Тут против осаждающих из Казани вышел сам хан с татарским и ногайским войском. Произошла кровопролитная битва, в которой защитники были разбиты и ретировались<sup>118</sup>. После этого воеводы, не торопясь, начали разворачивать у стен «острога» артиллерию. Необходимо было сперва взять стены, прикрывавшие посад. Сделать это вскоре удалось, причём при этом было убито и пленено множество татар, черемис, их жён и детей, захвачены пушки и пищали<sup>119</sup>. Возвращение захваченных русскими ратниками орудий было одним из вопросов последовавших после войны переговоров<sup>120</sup>.

Подробности взятия острога и последующих событий описаны в «Казанском летописце». Обилие деталей позволяет видеть тут рассказ очевидца, хотя некоторые моменты вызывают сомнение, а именно то, что защитники острога, якобы, уставшие от дневных боёв, на ночь наелись и напились, и уснули пьяные. Бодрствовала только стража на воротах. Ближе к рассвету 15 июля десять храбрых русинов<sup>121</sup> (русских) подползли к острогу и заложили под стену пушечное зелье и смолу, после чего это всё подпалили. Затем они через командиров сообщили воеводе Ивану Овчине о поджоге. Тот подхватил инициативу и приказал трубить сигнал к атаке. На рассвете острог и ворота атаковали пешие и конные русские ратники.

Заметим, что в данном случае речь идёт не о подкопе. Горючие материалы положили у основания стены («под стеноу»), а не в яму. В противном случае можно было бы считать данный эпизод самым ранним упоминанием в русской военной практике подкопа под стену для её подрыва и пролома. Однако, как заметил в личной переписке по этому поводу А.Н. Лобин, первое знакомство русских во-

---

<sup>118</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 46.

<sup>119</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 46.

<sup>120</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 54.

<sup>121</sup> Так в источнике. В ВКМ, наряду с официальным этнонимом «русский человек» продолжал использоваться и древний – русин (мн. ч. – русь).

енных с таким приёмом состоялось только в 1535 г. при штурме литовцами Стародуба, о чём прямо сказано в летописи<sup>122</sup>. Поджечь же стены можно было и без подкопа.

Отмечается, что во время штурма «сарацын всех избиша, аки скот, числом 60.000, и Нагаи храбрых воинов». Пожар перекинулся на посад, который сгорел вместе с жителями, а сражение (вернее, избиение казанцев) переместилось на Арское поле. Там, судя по всему, располагался казанский стан, в котором в своём шатре спал ханский аталык. В том, что тот спал, можно усомниться – всё же в нескольких сотнях метров шёл бой и полыхали пожары. Однако по «Казанскому летописцу» тот был пьян, почему и не слышал гул сражения. Конечно, это также вызывает сомнения – всё-таки автор этого произведения явно пристрастен, а подобное поведение для мусульманина и военачальника выглядит слишком легкомысленным и неподобающим. Тем не менее, в истории имеются примеры, когда даже в ожидании близкого боя военачальники и ратники злоупотребляли алкоголем, тем самым становясь жертвой неприятеля (вспомним, например, известное побоище на р. Пьяне в 1377 г.). По свидетельству источника, аталык успел только вскочить на коня и попытался бежать в город – без доспехов и оружия, в одной сорочке без пояса и босой. Однако конь, видимо, испугавшись происходившей кругом свалки, его понёс, доскакал до Булака и перепрыгнул через реку, а аталык, не удержавшись, свалился и был заколот копьями. Отмечается, что это был сильный батыр, которого боялись русские воины<sup>123</sup>; его убийство должно было произвести удручающее впечатление на защитников города.

О гибели аталыка при штурме острога и гибели его жены в самом остроге сообщает и Вологодско-Пермская летопись. После этого Сафа-Гирей бежал из Казани в Арский городок<sup>124</sup>. «Казанский летописец» добавляет, что он с 3 тыс. крымцев (цифра на совести

---

<sup>122</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 87. Если же в «Казанском летописце» имелся в виду подкоп, то это – очередной анахронизм.

<sup>123</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. С. 37–39.

<sup>124</sup> Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 314.

автора) ночью с боем пробился сквозь русские полки и, израненный ушёл в Крым<sup>125</sup> (тут автор снова ошибся).

В погоню за ханом бросился И.Ф. Овчина Оболенский со своим Передовым полком и многими детьми боярскими из других полков<sup>126</sup>. Однако тому удалось уйти.

Далее Никоновская летопись сообщает только то, что воеводы принялись обстреливать Казань, пока казанские князья и жители не били им челом. Однако источники менее официального характера сообщают некоторые нелицеприятные подробности, предшествовавшие переговорам.

По Вологодско-пермской летописи главные воеводы – князья Бельской, Горбатый, Глинский и иные оплошали, гуляй-город не сомкнули, а промеж собой имели брань (ссору). Люди же их были «в разстрое». Пользуясь этим, черемисы захватили гуляй-город вместе с находившимся там нарядом (около 70 затинных пищалей с зельем). Затем последовала «стравка» (бой), в которой погибли многие знатные лица – кн. Ф.В. Лопата Телепнёв-Оболенский (командующий Передового полка судовой рати), кн. Иван Осипович Пароша (Пороша) Дорогобужский, Игнатий Иванович Жулебин, Григорий Андреев сын Васильевич Сабуров, Фёдор Тимофеевич Замятнин Сабуров<sup>127</sup>.

Ещё более неприятные подробности приводит Постниковский летописец и Вторая Софийская летопись. После поджога острога и избиения его защитников, город (острог или часть Казани?) три часа стоял без людей, поскольку все разбежались, а ворота были открыты. Однако князья Глинский и Бельской затеяли спор о местах – кому первому въезжать в город. К этому добавилась пришедшая грозная туча, обрушившая на Казань необычайно сильный дождь (он, видимо, затушил пожары), из-за чего пушкари и посоха побросали выдвинутый на телегах к городу «наряд» и разбежались. Из города вышли казанцы и угнали весь обоз с «нарядом» к себе (перечислены пищали полуторные, семипядные, сороковые и затинные). Далее последовала та сшибка, в которой погибло несколько знат-

<sup>125</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. С. 39–40.

<sup>126</sup> Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 314.

<sup>127</sup> Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 314.

ных людей и воевода<sup>128</sup> (перечислены те же имена, что и в предыдущем источнике).

О захвате черемисами у гуляй-города 80 городен и семи пушек в нём, гибели Иосифа Дорогобужского (на «съезде», в конной сшибке его «прободали» копьём) и Фёдора Лопаты (его со стены подстрелили «в мышцу» – видимо, в грудь) говорится в «Казанском летописце»<sup>129</sup>. Городня – сруб, заполненный землёй и камнями, образующий укрепление или ограду, или же более простое заграждение<sup>130</sup>. В данном случае скорее имеются в виду именно телеги со щитами, хотя можно допустить, что посошные люди успели к тому времени построить древо-земляные укрепления для «городового дела».

Таким образом, можно реконструировать эти события таким образом. Несмотря на пожар и опустошение острога, главнокомандующие не выдвинули полки на штурм города, поскольку затеяли деструктивный спор о первенстве. Из-за этого русские войска пришли в расстройство. К этому добавилось ненастье – сильный ливень, из-за чего выдвинутый к Казани гуляй-город, в котором уже начали размещать артиллерию, не был сомкнут и, видимо, остался без должного охранения, к тому же порох отсырел. Воспользовавшись этим, казанцы (татары и черемисы) захватили и увезли к себе «наряд» (от 7 до 70 стволов разного калибра). Спohватившись, воеводы с ратями попытались отбить артиллерию, но, будучи атакованы, в том числе, со стен, понесли значительные потери. «Наряд» достался казанцам, которые, однако, не смогли им воспользоваться (видимо, по той же причине – из-за сырости). Заметим, что взятие древо-земляных укреплений само по себе ещё не гарантировало капитуляцию города – внутри оставалась ещё мощная крепость (Арк).

---

<sup>128</sup> Вторая Софийская летопись // ПСРЛ. Т. 6 (1853). С. 265; Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 16.

<sup>129</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. С. 39.

<sup>130</sup> Даль В.И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Т. 1. СПб., 1880.

## 7. Окончание осады и уход русских войск

После 15–16 июля положение, судя по всему, стабилизировалось: хан отсиживался в Арском городке, численность защитников Казани сильно сократилась<sup>131</sup>, а русские полки обложили город и принялись обстреливать его из оставшихся орудий. Обстрел принёс ещё больше потерь казанцам. Продлился он минимум 13 дней, после чего из города выехали князья Булат, Табай и Апай-улан, и били челом воеводам о мире. Те заставили парламентёров присягнуть по их вере (на Коране) неотступно прямить великому князю и впредь брать себе «царей» только по его дозволению<sup>132</sup>. По крайней мере, так оканчивает статью о походе официальная Никоновская летопись, спустя какое-то время переосмыслившая более ранние сведения<sup>133</sup>. В «Казанском летописце» сказано также, что казанцы обязались выплатить великому князю оброк со всего царства за три года вперёд<sup>134</sup>.

После 20 дней стояния под Казанью, 30 июля русские полки выдвинулись домой. Через Волгу конная рать переправилась 31 июля, а к Успению (15 августа) она вышла на Муромские и Темниковские места<sup>135</sup>. На Семён день (день Семёна Летопроводца – 1 сентября) воеводы прибыли в Москву<sup>136</sup>. Как видим, для беспрепятственного передвижения русской конницы от Москвы до Казани вполне могло хватить месяца.

Разрядная книга 1475–1605 гг. и в этом вопросе отличается от других источников, растягивая время стояния под Казанью до четырёх недель<sup>137</sup>. Трудно сказать, какой из вариантов вернее, но наличие сразу нескольких точных дат именно в летописях заставляет считать, что осада длилась три, а не четыре недели.

Зато в разрядной книге имеется дополнение: окончание кампании воеводы действительно посчитали победой или постарались вы-

---

<sup>131</sup> Хотя в Казанском летописце и говорится о 12 тыс. черемисских бойцов.

<sup>132</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 46.

<sup>133</sup> Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь. С. 164.

<sup>134</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. Ст. 40.

<sup>135</sup> Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 16.

<sup>136</sup> Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. С. 223–224.

<sup>137</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 215.



ставить её в таком свете, почему к великому князю с сеунчем (вестью о победе) был послан Юрий князь Иванов сын Темкин Ростовский<sup>138</sup>. Если он отбыл от Казани, то прибыть в Москву мог 10–15 августа; однако далее в источнике следует неясная приписка, что «бог дал царевича», с вестью о чём Ю.И. Темкин был послан в Новгород Великий и Псков. Под царевичем подразумевается сын Василия III – Иван, родившийся 25 августа. Следовательно, с сеунчем Темкин Ростовский мог прибыть накануне, выехав из полков уже по их прибытию в русские пределы. За победную реляцию гонец был награждён.

Итак, несмотря на удачное для русской стороны начало похода и достижение кооперации между судовой и конной ратями, результат был не самыми впечатляющим: Казань взята не была (причём помешало этому, в том числе, чванство главнокомандующих), потери велики, а хан не схвачен. Тем не менее, взять внешние укрепления города почти удалось<sup>139</sup>, неприятелю был нанесён большой урон в людях, Сафа-Гирей сбежал, что уже можно было объявить победой, и впредь использовать в политических интригах. При этом такие результаты были достигнуты сравнительно небольшими силами: ок. 15 тыс. ратников против основной части казанского воинства и ногайских отрядов. Казанцы же, несмотря на основательную подготовку и упорство в защите укреплений, не смогли повторить триумф 1506 г. и даже, если доверять летописям, капитулировали, запросив мира. Причин могло быть несколько: слабость казанской артиллерии, малоопытность основной массы ратников и военачальников, бегство хана, что могло удручающе подействовать на защитников города. Тем не менее, результат осады мог бы быть куда более плачевным для казанцев, если бы не возведение укреплений вокруг посада, принявших на себя русский удар и в значительной степени его погасивших. Василий III и вовсе посчитал поход провальным и сильно разгневался на воевод (о чём ниже).

---

<sup>138</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 215.

<sup>139</sup> Хотя оставались ещё укрепления Арка.

## 8. Потери сторон и последствия похода

Большие потери казанцев, в том числе среди мирного населения, уже отмечались (хотя они и не могли быть столь высокими, как говорит Казанский летописец). Кроме того, Сафа-Гирей потерял одного из своих ближайших людей – аталыка.

В литературе упоминается известное ещё с XIX в. надгробие татарского знатного воина (бека), павшего в июне-июле 1530 г. от рук неверных. Это Мухаммед-Али-бик, сын Шах-Мухаммед-бика; памятник ему поставил сын – Тенгри-кулы-бик<sup>140</sup>.

С русской стороны также можно предполагать высокие потери в первые дни войны, в том числе из-за стрельбы со стен «острога», от которой погиб даже первый воевода Передового полка судовой рати Ф.В. Лопата Телепнёв. По его душу в Кириллов-Белозёрский монастырь позже был сделан вклад в размере 50 рублей<sup>141</sup>.

Помимо воевод, известны имена некоторых других погибших представителей знати, занимавших более низкие командные должности (скорее всего, были головами)<sup>142</sup>, хотя в литературе их иногда и считают воеводами<sup>143</sup>. Интересно, что упомянуты тут в основном сыновья участников казанской кампании 1506 г.:

Иван Осипович (Иосифович) Дорогобужский Пороша (Пороша) – сын О.А. Дорогобужского, того самого, который осенью 1506 г. был одним из воевод в Нижнем Новгороде на случай «казанского дела».

Игнатий Иванович Жулебин – сын И.А. Жулебина, в казанском походе 1506 г. командовавшего полком на Собне, (в нашей работе 2018 г. последний был спутан с И.В. Жулебиным под осень 1506 г.).

---

<sup>140</sup> Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-казанские памятники в Казанской губернии. С. 474.

<sup>141</sup> Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) / публикация А.И. Алексеева // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 36.

<sup>142</sup> Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 314; Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 16; Синодик 1684 г. С. 466–467.

<sup>143</sup> Свечников С.К. Присоединение Марийского края... С. 146; Волков В.А. Войны и войска Московского государства. С. 95.

Григорий Андреевич Сабуров – видимо, сын А.В. Сабурова, в 1506 г. бывшего одним из начальников «наряда».

Фёдор Тимофеевич Замятнин (Замятин) Сабуров<sup>144</sup> – ещё один представитель этого ненадолго возвысившегося при Василии III семейства.

Иван Михайлов сын Кляпиков Яропкин (Еропкин) – единственный сын дипломата Михаила Яропкина, захваченного в 1505 г. в Казани Мухаммед-Эмином.

Григорий Иванов сын Коробьин – представитель рязанских дворян.

Тут же, вероятно, следует отметить Прокофия Жука Иванова сына Зачесломского, Григория Дмитриева сына Тактыкова (Таптыкова?), Матвея и Потапа Ивановых детей Полуектова Бутурлиных<sup>145</sup>.

Добавим, что вскоре после похода (не позже 1531/1532 г.) скончался старый воевода полка Правой руки судовой рати Фёдор Юрьевич Щука Кутузов – единственный ветеран сразу четырёх казанских кампаний<sup>146</sup>.

О большом масштабе боёв и потерь говорит запись в прибавлении ко Второй Новгородской летописи: «как и Казань стала и такова сеча не бывала»<sup>147</sup>. Василий III итогами похода был, разумеется, недоволен<sup>148</sup>. Как сообщается в «Казанском летописце», он сильно гневался на воевод, и особенно на И. Бельского, заспорившего с М. Глинским об очереди вхождения в «острог». Возможно, последнего спасло родство с молодой женой великого князя, родившей, наконец, Василию III наследника, или же какие-то иные соображе-

---

<sup>144</sup> Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 191; Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 91.

<sup>145</sup> Синодик 1684 г. С. 467.

<sup>146</sup> Его сын сделал по его душе вклад в Троицкий монастырь в лето 7040. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 431–432. Прим. 5.

<sup>147</sup> Прибавление к Второй Новгородской летописи // ПСРЛ. Т. 3. С. 199; Свечников С.К. Присоединение Марийского края... С. 146.

<sup>148</sup> Хотя официальные летописи и изображают поход как победный, что является большой натяжкой. См.: Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь. С. 166–167.

ния (показания других воевод, разбор местнического спора – тем не менее, Глинский виноват в не меньшей степени, т.к. видя глупость оппонента, он и сам не уступил ему, застопорив штурм). И.Ф. Бельского посчитали главным виновником неудачи. Его даже подозревали в принятии взятки от казанцев. Напомним, что в казанском походе 1524 г. он возглавлял судовую рать, а Герберштейн передаёт похожий сюжет о подношениях главнокомандующему от казанцев (только в «Записках о Московии» фигурирует князь Палецкий в качестве главнокомандующего), причём по окончании кампании И.Ф. Бельской за какие-то проступки давал великому князю грамоту о верности. Повторная неудача могла быть расценена как свидетельство неблагонадёжности князя, как нарушение им присяги (как минимум, он поставил свои родовые интересы выше государственных). Лишённый имущества, князь был брошен в темницу и закован в железо, «яко злодей»; от смерти его спасло только заступничество митрополита Даниила и игумена Троице-Сергиевского монастыря Порфирия, а свободу ему вернули только после смерти великого князя<sup>149</sup>. Остальных воевод Василий III скоро простил<sup>150</sup>.

Отыскать следы войны 1530 г. в фольклоре и общественном восприятии того времени оказалось затруднительно. Это также показательно: в отличие от двух предыдущих войн, теперь не произошло каких-то столь запоминающихся и экстраординарных событий.

Отражением событий 1530 г. можно, предположительно, считать одно марийское историческое предание. Как пишет С.К. Свечников, в записанных в 30–40-е гг. XX в. фольклористом А.М. Бердниковым рассказах о захвате Иваном Грозным Казани встречается сюжет, в наибольшей степени соответствующий именно 1530 г., а не 1552 г. В нём казанский царь по поведению кошки догадался о русском подкопе под городскую стену, взял имущество, царицу с

---

<sup>149</sup> Об опале кн. И.Ф. Бельского сообщает «Казанский летописец»; в других источниках такая информация нам не встречалась. В связи с этим можно допустить, что автор нарратива снова путается в хронологии, и временная опала имела место быть как раз после похода 1524 г.

<sup>150</sup> Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. Ст. 41; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 366; Свечников С.К. Присоединение Марийского края. С. 146.

дочерью и кошку, сел в лодку и тайно бежал из города<sup>151</sup>. При взятии Казани в 1552 г. хан был захвачен; в критический момент бежал хан в 1530 г. Более поздняя история о подкопе под стены могла заслонить более раннюю – об их поджоге.

### 9. События 1530–1532 гг.

Нельзя согласиться с мнением И.И. Смирнова, будто в событиях вокруг Казани 1530–1532 гг., результатом которых было низложение Сафа-Гирея, главную роль играла дипломатия, а войска были лишь средством давления<sup>152</sup>. Масштабы похода и ожесточённость боёв говорят как раз о том, что именно военные действия позволили «примиренческой» группировке казанской знати скинуть Сафа-Гирея. Последним многие казанцы были недовольны, поскольку хан раздавал высокие должности и земли крымцам, слишком радикально вёл себя с Москвой, а в критической ситуации бежал, бросив столицу, атакованную неприятелем<sup>153</sup>.

Непосредственно после похода начались переговоры. Ход их был таков.

В Москву из Казани прибыли бии Табай и Тевекель с бакши Ибрагимом, и били челом от Сафа-Гирея и всей земли Казанской о том, чтобы великий князь опалы своей не держал, и Сафа-Гирея братом и сыном себе учинил. Василий III якобы во избежание кровопролития согласился простить казанцев и послать к ним сына боярского с грамотой, которую хану следовало заверить. Среди условий мира были возвращение казанцами пленных и захваченных пищалей (отдать их следовало сыну боярскому, который направится в качестве посла в Казань).

В январе 1531 г. в Казань в сопровождении ханского человека Бауша был направлен сын боярский Иван Васильев сын Полев (казанские же бии были задержаны в Москве). Уже 26 марта от него в Москву приехал посланец, сообщивший, что Сафа-Гирей правды на

---

<sup>151</sup> Свечников С.К. Присоединение Марийского края. С. 147.

<sup>152</sup> Смирнов И.И. Восточная политика Василия III. С. 60.

<sup>153</sup> История татар. Т. 4. С. 309.

шертной грамоте не учинил, не желая возвращать пищали, а также требовал отпустить казанских биев и пленных.

На этот раз Василий III не стал затевать новый поход, а потребовал от задержанных казанских послов объяснений насчёт несговорчивости хана. Те сетовали на плохой нрав Сафа-Гирея, что «не прямит» великому князю, а про них забыл (хотя в действительности хан просил послов отпустить). В конце концов, пытаясь спастись, бии, и так, видимо, недовольные ханом, попросили на царство Шах-Али, которого следовало отправить вместе с ними и отпущенными казанскими пленными до Васильсурка. Бии подчёркивали, что у них и других казанских людей, томящихся в русском плену, дома остались родственники и друзья, которые непременно поддержат Шах-Али и будут прямить великому князю в случае его жалования<sup>154</sup>.

Тем временем, наступила осень 1531 г. Путём угроз и посулов московскому правительству удалось укрепить оппозицию в Казанском ханстве. В октябре 1531 г. в Нижнем Новгороде на случай проблем с Казанью стояли полки под началом 11 воевод (до 6–8 тыс. ратников). Там же теперь был и Шах-Али<sup>155</sup>. В декабре в Нижний Новгород направились и московские послы; оттуда же было велено разослать «посольные грамоты» (или, скорее, «прелестные грамоты») казанской верхушке<sup>156</sup>.

Не оставили без прикрытия и северо-восточное направление. В Галиче воеводы: И.С. Колычев и А.Д. Годунов, А.Ф. и И.Ф. Сицкие (до 2,4 тыс. чел.); на Унже – Д.И. Курлятьев и В.Ф. Палецкой (до 1 тыс. ратных); в Чухломе – Ю.И. Тёмкин-Ростовский и Д.В. и В.В. Несвицкие (ок. 1,5–1,8 тыс. ратных)<sup>157</sup>.

Отправка войск на северо-восток оказалась оправданной. Нежелание Василия III возвращать военнопленных и отпускать послов, его требование вернуть трофейные пищали и другие жёсткие условия привели к тому, что Сафа-Гирей в январе – феврале 1532 г. организовал набеги на северо-восточные уезды Московского государства, пытаясь, тем самым, настоять на своих более-менее почёт-

<sup>154</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 54–56.

<sup>155</sup> РК 1598. С. 79.

<sup>156</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 56.

<sup>157</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 229.

ных условиях. Это же показывает, что, несмотря на картину тяжёлой осады столицы, силы казанцев не были подорваны.

На Крещение татары (видимо, с черемисами) пришли в волости Толшму<sup>158</sup>, Тиксну<sup>159</sup>, Сянжему<sup>160</sup>, Тавто, Городишну<sup>161</sup> и другие, где посекали и увели в полон много народу. В Ефимьеве монастыре сожгли три кельи и безуспешно пытались зажечь церковь. Простояв в Толшме две недели, на Масляной неделе в четверг (в феврале) казанцы повернули к себе<sup>162</sup>. В житии Макария Желтоводского сообщается также о нападении на Солигалич 18 января 1532 г. («поганных» якобы было 14 тыс.): татары внезапно обложили город, начали обстреливать его и пытались поджечь (по житию город отстояли только благодаря заступничеству преподобного Макария, во имя которого затем тут была заложена церковь)<sup>163</sup>.

Как можно заметить, удару подверглись весьма отдалённые северные волости, расположенные в центре совр. Вологодской области, т.е. казанцы обошли русские полки, стоявшие в Унже, Галиче и Чухломе, неожиданно атаковав незащищённые места. Фактор внезапности усиливало время года, непривычное для набегов.

Тем не менее, им вслед было отправлено войско, сформированное в Чухломе из квартировавших неподалёку ратей (видимо, на сбор ушло значительное время, позволившее татарам беспрепятственно действовать на севере).

---

<sup>158</sup> Поселение на одноимённой реке, протекающей в основном по Тотемскому р-ну Вологодской обл. и Солигаличскому району Костромской области.

<sup>159</sup> К западу от Толшмы (Тотемский и Сокольский р-ны Вологодской обл.).

<sup>160</sup> Река Сямжена к северо-западу от предыдущих рек (Сямженский р-н).

<sup>161</sup> Видимо, с. Городищина в 110 км от Тотьмы [Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. С. 246].

<sup>162</sup> Дополнения к летописному своду 1497 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 162.

<sup>163</sup> Житие Макария Желтоводского и Унженского / Подготовка текста, перевод и комментарии И.М. Грицевской // Библиотека литературы Древней Руси. [Электронное издание] / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Т. 13: XVI век [<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10577>]

В Большом полку – Юрий Иванович Тёмкин-Ростовский<sup>164</sup> (возглавлял рать на Чухломе) и Дмитрий Иванович Курлятьев (до этого возглавлял рать на Унже).

В полку Правой руки – Андрей Сицкой (был одним из воевод в Галиче); по другим разрядам – Юрий Большой и Юрий Меньшой Стародубские Сорокины.

В Передовом полку – Василий и Давыд Палецкие (Василий был вторым воеводой на Унже).

В Сторожевом полку – Василий Фёдорович Меньшик Полев.

В полкулевой руки – Данило Бурмак и Василей Ляпун Невские (были воеводами в Чухломе при кн. Тёмкине-Ростовском).

Отмечается, что воевод за казанскими людьми отпустил Фёдор Сукин, приехавший с речью от государя<sup>165</sup>. Войско могло насчитывать около 2–4 тыс. ратников. Интересно, что тут мы уже видим изменения в статусе полков: полк Правой руки уже стал «честнее» Передового, а Сторожевой – престижнеелевой руки<sup>166</sup>.

Неизвестен исход этого мероприятия. То, что о его результате не сообщается, свидетельствует скорее об отсутствии успеха. Кроме того, казанское вторжение вызвало переполох («замятню велику») в Вологде, Устюге, Готьме и их волостях<sup>167</sup>.

Видимо, тогда же (или в 1530 г.) пострадали владения Троице-Сергиева монастыря в Галицком и Костромском уездах. В жалованной грамоте, выданной Василием III в марте 1533 г. игумену Иосафу (1529–1539), упоминается о том, что казанские татары и черемисы повоевали сёла и деревни, принадлежавшие монастырю: сельцо Гнезниково (у Соли Галицкой Галицкого у.), сельцо Верхний Березовец и Троицкие деревни, а также с. Ликурга<sup>168</sup> (Костромской у.), «а иные деревни пожгли и людей в полон вывели, а иные люди из тех... деревень и из селца розбежались». В Гнезникове и деревнях

---

<sup>164</sup> Тот, что привёз Василию III сеунч о «победе» под Казанью в 1530 г.

<sup>165</sup> РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 229–230.

<sup>166</sup> Корзинин А.Л. Порядок иерархии полковых воевод в последней четверти XV – конце XVI в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Серия 2. Вып. 4. С. 13–16.

<sup>167</sup> Дополнения к летописному своду 1497 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 162.

<sup>168</sup> Почти в 30 км к северо-западу от Галицкого озера.



остались 2 жеребья (жеребья, т.е. участка) в 246 четвертей пашни, а третий жеребий того сельца и деревень «воёван и пуст», причём пустой пашни – 90 четвертей. В Верхнем Березовце осталось также 2 жеребья деревень и дворов с людьми, 240 четвертей пашни, а третий жеребий «воёван и пуст», пустых пашен на 105 четвертей. Как видим, в первом случае в результате набега запустела четверть пашни (26%), во втором – почти треть (30%). В грамоте предписывалось возвращать на эти земли бежавших местных жителей и давать им освобождение от налогов на 5 лет, а тем деревням и дворам, где люди ещё оставались – на 3 года<sup>169</sup>.

Такие набеги не могли заставить Василия III отказаться от своих планов (он был упорен, даже упрям, что иной раз приводило к положительным результатам – напомним, что даже разгром русского войска под Оршей в 1514 г. и дальнейшие литовские набеги не остановили его в решении «Смоленского вопроса»). Зато всё больше настраивалась против Сафа-Гирея промосковская, или скорее – примирительная «партия». Тот решил радикально пресечь попытки дальнейших переговоров с Москвой, для чего весной 1532 г. попытался убить московских послов, но царевна Гаухаршад (сестра Мухаммед-Эмина), некоторые бии и жители Казани не дали ему этого сделать, а самого хана изгнали, перебив при этом многих его приближённых. Сафа-Гирей вынужден был покинуть пределы ханства. На казанский трон был посажен 15-летний брат Шах-Али – Джан-Али, поскольку предыдущего «казанского царя» казанцы принять категорически отказались<sup>170</sup>.

Судя по всему, условия мира с Москвой остались прежними: возврат пищалей (хотя их в итоге, всё же, оставили в Казани для обороны от неких недругов), отпуск русских пленных, а также выплата дани и участие казанского войска в войнах Московского государства (в 1534 г. казанские татары, черемисы и чуваша, по видимому, участвовали в Стародубской войне с Литвой на стороне

---

<sup>169</sup> Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. 2. Грамоты и записи // сост. М.А. Дьяконов. Юрьев, 1897. №7. С. 6–7.

<sup>170</sup> История татар. Т. 4. С. 310; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 56, 57; Дополнения к летописному своду 1497 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 162.

Москвы<sup>171</sup>). Кроме того, хан не мог жениться без дозволения великого князя<sup>172</sup>. Ярмарку великий князь в Казань не вернул, а торговать казанские купцы с русскими могли только там и в Нижнем Новгороде. Как видим, условия, в которых оказалось Казанское ханство, были тяжёлыми и унижительными. За это великий князь должен был отпустить военнопленных.

Однако, несмотря на то, что казанский трон занял ставленник Москвы, казанцы не смирились с иноземным протекторатом, и принялись совершать набеги на окраины Московского государства.

В сентябре 1533 г. черемисы под началом некоего Сеита пограбили Узольскую волость Балахнинского уезда, расположенную в Заволжье, на левом берегу Волги к северу от Балахны; черемисы и позже приходили на эти места (источник содержит ёмкое слово «сеитовщина»)<sup>173</sup>. Можно предположить, что этот же Сеит отмечен в Нижегородском летописце под 1521 г., когда он с двумя другими казанскими военачальниками напал на Нижний Новгород.

Позже, зимой «многие Казанские люди» приходили под Нижний Новгород и нижегородские места «пусты учиниша», пограбив, убив или уведя в полон много народу, включая местных детей боярских<sup>174</sup> (напомним, что даже в то время плотное русское население в тех местах присутствовало в основном в районе самого Нижнего Новгорода, к северу от р. Кудьмы, так что для опустошения этих мест было достаточно отряда в несколько сотен человек.

Имеются свидетельства о русско-татарских боестолкновениях 1533 г. и в казанских эпиграфических материалах. Известно, например, татарское каменное надгробие, на котором записано, что некий Мульк Аман Мамайгул (или Мамай огул, т.е. сын Мамае?) в

---

<sup>171</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 231; Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство... С. 152; Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии... С. 234; Новгородская IV летопись // ПСРЛ. Т. 4. С. 300.

<sup>172</sup> Алишев С.Х. Казань и Москва. С. 71; История татар. Т. 4. С. 310.

<sup>173</sup> Сотная 1533 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда / Публикация и комментарии С.В. Сироткина // Очерки феодальной России. Сборник статей. Вып. 6. С. 122, 149–151; Чеченков П.В. Казанское порубежье во внешней политике русского государства первой трети XVI в. С. 159.

<sup>174</sup> Русский хронограф // ПСРЛ. Т. 22. С. 523.

940 г.х. (1533 г.) «мученически пал» от руки неверных (*кафир кудындын шахид булды* – дословно: «стал шахидом от рук неверных») <sup>175</sup>.

*Кроме того, не прекратил военной активности в отношении Великого княжества Московского и Сафа-Гирей, нашедший поддержку у своих крымских родственников. В июне 1533 г. он вместе с крымским войском совершил масштабное вторжение в Мещерские места и на Касимов городок. Татары пришли «безвестно и много зла починиша и возвратися назад вскоре» <sup>176</sup>. Позже Сафа-Гирей сообщал об этой операции в письме великому князю литовскому, преподнося её как свидетельство своего полководческого таланта <sup>177</sup>.*

Как видим, теперь уже и посаженный на казанский трон царь не гарантировал соблюдение русских интересов в Среднем Поволжье. Это было обусловлено слабостью ханской власти в ханстве и повышением враждебности к русским людям среди «казанских людей», чему способствовали не только сопутствующие протекторату явления (дань, участие казанских войск в войнах Московского государства, отказ от Вятки и Перми, откуда ещё с домонгольских времён болгары получали меха, медь и соль), но и военные конфликты последних трёх десятилетий.

---

<sup>175</sup> Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. С. 121.

<sup>176</sup> Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив, Том 7. М.-Л., 1951. С. 284; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 240.

<sup>177</sup> Сафакгирии царь. Слово. Божью милостью королю польскому, великому князю литовскому рускому прускому жомойтскому мазовецкому иных, отцу моему великому королю Жикгимонту // История татар. Т. 4. С. 924.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Триумф Василия III над Казанью продлился недолго. В сентябре 1533 г. он занемог, затем слёг и, после долгих мучений, преставился в ночь на 4 декабря того же года<sup>1</sup>. Кончина государя, выполнявшего роль арбитра для правящей элиты, да ещё в отсутствии механизма регентства, привела к тому, что аристократия вскоре погрязла в распрях<sup>2</sup>, а с 1534 г. – ещё и в войне с Литвой (т.н. Стародубская война 1534–1537 гг.). Этим воспользовались все недруги умершего великого князя и его государства, которых он нажил немало. В Казанском ханстве подняли голову поборники независимости: они убили Джан-Али и приняли назад Сафа-Гирея, который на этот раз был настроен к Русскому государству ещё более непримиримо. Наследник же Василия III, будущий Иван Грозный (и покончивший в итоге с Казанским ханством), пока был ещё совсем мал – по иронии истории он родился как раз в конце казанской кампании 1530 г. – 25 августа<sup>3</sup>.

Предпринятый нами анализ московско-казанских войн первой трети XVI в. с экскурсом в историю военных конфликтов между Москвой и Казанью позволяет сделать ряд важных выводов.

Закрепление на территории бывшего Булгарского улуса Золотой Орды ханов-Чингисидов и создание Казанского ханства произошло в условиях нарастающей русской экспансии в этот регион, активизировавшейся после 1359 г. в связи с Великой Замятней. Несмотря на её некоторый спад к 30-м гг. XV в., болгарское и черемисское население региона, в целом, должно было благосклонно принять Махмутека б. Улу-Мухаммеда и его татар, поскольку те смогли установить на некоторое время военный паритет с Великим княжеством Московским (причём для этого оказалось достаточно 3–4 тыс. конных воинов). Татары наносили чувствительные удары

---

<sup>1</sup> Видимо, гнойный периостит в острой форме. См.: Филошкин А.И. Василий III. С. 318–322.

<sup>2</sup> Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. С. 138–144.

<sup>3</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 48.

по центральным районам Московского государства (а после разгрома Василия II в 1445 г., возможно, даже брали дань с великого князя), но уже к 50–60-м гг. снизили военную активность, причём перенесли её на север – против тогда ещё самостоятельной Вятки, поскольку это был источник поступления пушнины и других ценных ресурсов. Москва же при Иване III перешла в наступление почти по всем фронтам, присоединила Тверь, Новгород; постепенно было сформировано поместное войско, всё больше увеличивавшееся, тогда как силы ханства сохраняли прежнюю численность. В итоге Казань была подчинена Москве в 1487 г., капитулировав перед русскими полками. Начавшись с конфликтов и вражды<sup>4</sup>, московско-казанские отношения закономерно вылились в подчинение слабого государства более сильному. Таким образом, ханство оказалось на положении вассала московского государя, а казанские ханы даже вынуждены были участвовать в ненужных им войнах с ордынцами и литовцами. Однако, в конце концов, это привело к подъёму антирусских настроений и взрыву возмущения, как среди казанской правящей верхушки, так и в широких слоях населения<sup>5</sup>.

Несмотря на «вечный мир» 1508–1521 гг., 1505 г. можно считать переломным в московско-казанских военно-политических отношениях. Начиная с этого времени, казанцы перешли к активной обороне и даже к попыткам наступления на западного соседа, причём в войнах стали принимать участие широкие массы «казанских людей». Поэтому при десятикратном перевесе в численности населения, огромном боевом опыте по части полевых сражений и градоимства, полном превосходстве в артиллерии Московскому государству потребовалось колоссальное напряжение ресурсов и полвека неудачных походов для того, чтоб захватить и «зачистить» Ка-

---

<sup>4</sup> А с учётом предыдущей истории, текущей политической ситуации, религиозной розни, социально-экономических и политических реалий того времени это было неизбежно.

<sup>5</sup> В конце концов, почему казанские татары, марийцы и другие жители ханства должны были быть более лояльны к соседним правителям-иноверцам, чем русские люди, которые подняли бунт, узнав о приводе Василием II на Русь нескольких сотен служилых татар? [Новгородская четвёртая летопись. Вып. 2. / Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Л., 1925. С. 443]

заны. А потом ещё десятилетия для удержания Казанского края, подавления «казанских людей» и черемис в трёх Черемисских войнах<sup>6</sup>. Соппротивление приходившим под Казань русским войскам оказывало всё боеспособное население ханства, поскольку казанское служилое сословие вряд ли насчитывало более 5 тыс. человек.

Поэтому нет оснований полагать, будто «ограничение суверенитета Казанского ханства в пользу великого князя Московского получило поддержку в широких слоях населения этого государства, ориентировавшегося на сильную власть русского государя, обладавшего достаточной военной силой, чтобы обеспечить стабильное существование и оборону от внешних врагов, на что казанские правящие круги сами по себе были неспособны»<sup>7</sup>. Разве при такой позиции поднялись бы широкие массы населения на защиту Казани от русской рати в 1506, 1524, 1530 и последующие годы?

Критикуя наблюдаемые в национальных историографиях современные тенденции модернизировать межэтнические отношения XVI в. и раздувать идею об «отечественной войне» татар и марийцев против русских колонизаторов, несложно впасть в другую крайность: «Можно ли говорить об «отечественной войне» одного народа против другого в одном государстве? Занимаемая авторами позиция представляется бесперспективной, поскольку в корне противоречит многовековым традициям добрососедского сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества различных народов в рамках многонационального Российского государства»<sup>8</sup>. Налицо явная модернизация межэтнических отношений XVI в. Татары и черемисы в середине XVI в. не являлись народами Русского государства, они были им завоёваны, а во второй половине века пытались выйти из-под русской власти. На момент завоевания говорить о добрососедских отношениях между русскими людьми и народами ханства, значит противоречить всем имеющимся источникам. Более века постоянных войн, враждебное отношение к казанцам со стороны официальных русских авторов, которые, как выше пишет сам

---

<sup>6</sup> Иногда встречается указание на четвёртую черемисскую войну, но это был маломасштабный локальный бунт, быстро потухший.

<sup>7</sup> Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству... С. 181.

<sup>8</sup> Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству... С. 276.

Д.А. Котляров, являлись выразителями чаяний широких слоёв русского населения, русские погромы и набеги на восточные уезды Московского государства со стороны казанцев, многочисленные жертвы на протяжении всего этого времени – разве это могло быть заслонено выгодами торговли для небольшой части населения обоих государств? Последующие четыре с лишним века в составе одного государства не отменяют озвученных выше фактов.

Источники не содержат сведений о массовых народных восстаниях против власти татарских ханов и биев (что, кстати, отмечалось в историографии ещё в XIX в.<sup>9</sup>). Это может говорить о том, что хотя она и была тяжёлой, но не настолько, чтоб массы брались за оружие. В Черемисских же войнах участвовали все слои населения Луговой стороны, включая земледельцев, скотоводов и охотников – «мужиков», о массовых казнях которых сообщают некоторые реляции воевод в Москву<sup>10</sup>. И, тем не менее, три масштабные войны<sup>11</sup> с русской властью. Это свидетельствует о непринятии значительной частью населения Среднего Поволжья новой власти, что в основном неизбежно подразумевало восстановление прежних порядков, существовавших в ханстве, столицу которого так упорно защищали те же черемисы.

Стратегия тесно связана с политикой. Политические факторы всегда учитывались казанской элитой, а зачастую определяли её военные мероприятия. В 1505 г. Мухаммед-Эмин пошёл на разрыв с Москвой во время болезни Ивана III и неясной ситуации с его наследниками. Позже сложная внутривластная ситуация в Москве в связи с малолетством Ивана IV и интригами боярства была учтена и Сафа-Гиреем, перешедшим к активной наступательной стратегии как раз в это время.

У казанских ханов и аристократии имелись масштабные проекты военно-политических союзов против Москвы, которые, однако, как таковые, реализованы не были. Мухаммед-Эмин после победы

---

<sup>9</sup> Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 167. Сноска 39.

<sup>10</sup> Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 269–270; Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. С. 378.

<sup>11</sup> Имеются в виду Черемисские войны.

1506 г. под Казанью обращался к крымскому хану и великому князю литовскому с предложением трёхстороннего наступления на Московское государство. Сафа-Гирей пытался реанимировать эту идею<sup>12</sup>. Ещё ранее Сахиб-Гирей действовал в тесном союзе с Мухаммед-Гиреем, когда в 1521 г. выступил против Москвы (здесь нужно учитывать и несамостоятельность казанцев, втянутость их в планы крымского хана по восстановлению Золотой Орды, но нельзя забывать и о том, что после изгнания московского ставленника из столицы русский удар по ханству был неизбежен, поэтому в 1521 г. казанцы действовали на опережение). Периодически казанцев в войне с Московским государством поддерживали те или иные ногайские мурзы и би. Таким образом, пытаясь избавиться от русского «протектората» и ища опоры у соседей, казанцы неизбежно оказывались втянуты в русско-крымские и русско-ногайские конфликты, стороны которых преследовали, прежде всего, свои собственные интересы.

Сахиб-Гирей попытался перейти в наступление против Великого княжества Московского с опорой на крымскую военную силу, однако затея провалилась из-за разгрома Крыма ногаями в 1523 г. Последовательно и активно осуществлять наступательную стратегию в отношении Московского государства начал только Сафа-Гирей со второй половины 30-х гг. XVI в. в связи с неразберихой в среде московской правящей элиты, вызванной малолетством наследника Василия III и литовской войной 1534–1537 гг. Учащение набегов на восточные «украины» Московского царства и углубление фронта в заокские уезды, вероятно, имело целью вынудить противника принять свои условия мира, в частности, отказаться от посягательств на самостоятельность казанского хана и его связи с Крымом, а также на Нукратский юрт (Вятку) и Пермь<sup>13</sup>. Подобная

---

<sup>12</sup> От Сапкгирея царя. Слово. Божью милостью королю польскому великому князю литовскому рускому прускому и далее, отцу моему великому королю Жикгимонту // История татар. Т. 4. С. 924.

<sup>13</sup> Сафа-Гирней, кроме того, стал требовать выплачивать ему «поминки», что А.Г. Бахтин приравнивал к дани [Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI века. С. 254]. Однако поминки представляли собой сравнительно небольшие выплаты разной регулярности. Поминки крымскому хану в XVI–XVII вв. да-



стратегия постоянно использовалась русскими политиками и полководцами в войнах с литовцами, шведами и ливонцами: максимальное разорение сельской местности и увод в полон населения с избеганием генерального сражения и последующим навязыванием выгодных условий мира<sup>14</sup>. Так и Сафа-Гирей чередовал набеги с запросами о мире; кроме того, этого же от Москвы требовал крымский хан<sup>15</sup>. Если посмотреть на географию набегов, то видно, что они в значительной степени были направлены на северные области, которые в прошлом были подчинены Казани или находились в сфере её влияния<sup>16</sup> (прежде всего, это Пермь и Вятка), но были отняты Иваном III. Успешные набеги, кроме того, приносили доход их участникам<sup>17</sup> и, вероятно, способствовали пополнению войска Сафа-Гирея казаками со стороны (из Ногайской Орды и Крымского ханства в первую очередь).

---

вали как московские, так и литовские государи, что должно было обезопасить их окраины от набегов, но кроме этого, поминки вообще посылались с послами в качестве подарков адресатам посольств. К дани они не приравнивались [Фаизов С.Ф. Поминки-«тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом... С. 49–55; История татар. Т. 4. С. 112]. Впрочем, и Сафа-Гирею московские дипломаты отказали, заявив, что никогда такого не было, чтоб русский государь давал поминки казанским царям. Это тоже показательно: несмотря на многочисленные успешные и безнаказанные набеги, Казанское царство оставалось на порядок менее опасным и значимым, чем Крымское ханство.

<sup>14</sup> Добавим, что не только русскими. Боевые действия в Восточной Европе в XVI в. вообще свелись в основном к осаде и обороне крепостей, а также опустошению территории противника; крупные полевые сражения (как битвы при Ведроши, Орше) стали большой редкостью. Соответственно, крупные полевые армии требовались редко [Пенской В.В. Некоторые соображения по поводу статьи А.Н. Лобина... С.93; Пенской В.В. От Нарвы до Феллина. С. 30–31; Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного. С. 13.

<sup>15</sup> Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 122, 123, 125.

<sup>16</sup> Крайний север и северо-восток Европы входил в сферу интересов ещё Волжской Булгарии.

<sup>17</sup> Поскольку менее масштабные, корыстные интересы участников и организаторов набегов, разумеется, также имелись, но попутная добыча ясыря и «зипунов» явно не была определяющим фактором казанской политики.

Писцовые книги второй половины XVI в. фиксируют значительное запустение восточных «украин» Руси, ставшее следствием «казанской войны»<sup>18</sup> (так, в левобережных Заузольской и Везломской волостях Балахнинского уезда в 1558/1559 г. насчитывалось 179 селений, 97 «пустошей и селищ и заимещ», пострадавших во время Казанской войны<sup>19</sup>). Однако это – результат, в первую очередь, событий 1536–1549 гг., особенно первого десятилетия, когда из-за политической неразберихи при дворе и литовской войны восточные дела в Москве были пущены на самотёк. Только применительно к этим годам можно говорить о регулярном разорении русских окраин татарами и черемисами (поскольку это была война), но нельзя переносить эту ситуацию на всю историю московско-казанских отношений, определявшихся иными факторами.

Результатом набегов 1536–1549 гг. могло стать приостановление освоения русскими людьми мордовских и марийских земель в бассейне Волги. Однако, даже эти многочисленные набеги не смогли нанести Московскому государству настолько серьёзный ущерб, чтобы склонить Москву к миру на казанских условиях и заставить свернуть экспансионистскую политику в отношении ханства (т.е. отказаться от требований распоряжаться казанским тронном, контролировать международные связи Казани, привлекать казанское войско к участию в войнах). Зато они ожесточили соседей и радикализировали «казанский вопрос» в Русском государстве. Причин неэффективности такой военной политики Казани могло быть несколько. Прежде всего, большие людские и материальные ресурсы Московского царства, позволявшие снова и снова посылать полки

---

<sup>18</sup> К сожалению, материалы писцовых книг даже по второй половине XVI в. не дают целостной картины заселения и хозяйственного освоения восточных уездов Московского царства, тем более фрагментарны сведения по более раннему времени [Писцовые книги Русского Севера. С. 5–6, 13–14]. Тем не менее, изучение писцовых книг, сотных и других подобных материалов может дать дополнительную информацию и по казанским войнам, вернее – их последствиям для русской стороны.

<sup>19</sup> Описания 1558/59 гг. и 1590/91 гг. Заузольской и Везломской волостей Балахольского (Балахнинского) уезда // Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века. М., 1997. С. 5, 26, 29, 41.

на Казань, и, в то же время, малочисленность казанских вооружённых сил. Московская верхушка и (позже) молодой Иван IV проявили упорство в проведении прежней политической линии в отношении ханства. Сказалось и не самое большое значение в экономике Московского государства восточных окраин и городов – это не центр и не богатый северо-запад. Сокращение притока мехов и других поступлений с северо-востока не наносило критического урона обороноспособности Московского государства, зато провоцировало ответные жёсткие действия против Казани. Успешность казанских набегов в 1536–1540-е гг. объясняется нерешительностью боярского правительства, больше озабоченного проблемами на западных границах и дворцовыми интригами. Как только бразды правления взял Иван IV со своими советниками, ситуация поменялась кардинально: в 1545–1552 гг. мы видим тотальное военное доминирование русской стороны, окончившееся захватом Казани.

Русские фольклор, нарративы и агиография середины XVI в. изобилуют картинами казанских набегов<sup>20</sup>, при этом честно очерчивая их географию – в основном, малонаселённые восточные окраины, в недавнем прошлом даже не русские, а мордовские и марийские. В то же время русские рати наносили ущерб наиболее экономически важным регионам ханства – Горной стороне и столичной округе. Анализ театра военных действий чётко показывает, что московско-казанские войны наносили гораздо больший ущерб казанской стороне.

Ярких подробностей о русских вторжениях в казанские земли письменные источники не содержат, но тут вполне подойдут описания действий российских ратей<sup>21</sup> во время Ливонской войны, в изобилии содержащиеся как в русских, так и в европейских источниках<sup>22</sup>. Кроме того, память о «кровавых набеггах» русских ратников

---

<sup>20</sup> Наверное, наиболее яркие их описания содержатся в «Казанском летописце».

<sup>21</sup> В состав которых уже входили также татары, марийцы, чуваша, мордва, черкесы и др.

<sup>22</sup> Для примера: «Да посылали голов к городку Конгуду... и у Конгуда посад пожгли и людей побили многих и полон поимали многой. Да под Лаюс-город посылали голов стрелецких... а с ними их сотцкие и стрельцы, да голо-

на татарские и черемисские деревни сохранил фольклор местных народов<sup>23</sup>.

Как уже было замечено, главным отличием московско-казанских войн первой трети XVI в. от предыдущих было участие в них широких масс населения ханства. Только это позволяло в течение полувека отбивать атаки многочисленных русских войск. Сложно сказать, однако, какова была основная причина этого – возникновение у населения ханства идеи необходимости обороны столицы или же появление механизма, позволявшего ханам и знати поднимать население на защиту города.

Однако, позже (в 40-е гг. XVI в.) можно наблюдать обратный процесс: в ходе постоянных московско-казанских войн «горные люди» (жители Горной стороны), являвшиеся важным звеном в обороне ханства, и существенно затруднявшие продвижение русской конницы к Казани, постепенно начали переходить на русскую сторону. Причин могло быть несколько: усталость от войн, во время которых страдали прежде всего их земли<sup>24</sup>, недовольство политикой татарской правящей элиты и хана Сафа-Гирея, который в немалой степени сам провоцировал конфликты с Московским царством, пе-

---

вы с детми з боярскими... и Татар и Черкас и Мордву... И головы под город пришли и посад пожгли и побили многих людей, убили болши трёх тысяч, и поимали множество полону и жеребцов и всякие рухляди... А Немецкую землю повоевали и выжгли и людей побили в многих местех и полону и богатства множество поимали» [Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 290]. «Русские и татары двинулись сначала в Вик к Гапсалу, на дороге страшно опустошили всю область Падис, всё побережье у Падиса и Кегеля, людей избили и очень многих увели в плен. И хотя русские до этих пор часто и многократно опустошали эти земли, однако, они никогда так не свирепствовали как в этот раз. Потому что Всемогущий Господь послал еще на страну и то наказание, что во всю эту зиму не выпало снегу; поэтому русские и татары разъезжали повсюду, не спрашивая никакой дороги, и проезжали не только через деревни в той стране, но и по ужасным пустырям, чащам и болотам, выгоняли в поле волков и медведей, и всяких диких животных, отыскивая людей и скот» [Рюсов, Бальтазар. Ливонская хроника. С. 239].

<sup>23</sup> Филошкин А.И. Василий III. С. 108.

<sup>24</sup> Вероятно, опустошения раз за разом Горной стороны, по мысли русских стратегов, и должны были способствовать переходу под московскую власть местного населения.

реманивание русскими людьми на свою сторону родовой черемисской знати щедрыми подарками и т.д.

Помимо этого, в войнах 20–40-х гг. должен был быть в значительной степени подорван мобилизационный потенциал казанцев, и им всё труднее было сдерживать непрекращающийся напор многочисленного противника, которому в 1551 г. без больших проблем удалось возвести Свияжский острог всего в одном дневном переходе от Казани. Сказалось тут численное русское превосходство и упорство в проведении военно-политической линии.

Всё это привело к снижению военного потенциала ханства, который, как мы выяснили, в военном отношении по ряду пунктов и так значительно уступало Московскому государству.

Во-первых, мобилизационный потенциал ханства по сравнению с западным соседом был низким. Причём большее число свободных общинников в ханстве не влияло на численность полевого конного войска, так что казанцам оставались только глухая оборона столицы и сравнительно маломасштабные набеги на русские земли (захватывать и удерживать неприятельские опорные пункты, сдерживать противника на границах ханства казанцы не могли).

Во-вторых, это более бедная материально-техническая база. Понятно, что Московское государство было значительно более сильным в плане сельского хозяйства, международной торговли, производственных мощностей и технологий. Пушкарского дела в Казани не было вовсе, а ВКМ уже стало ведущей пороховой державой. Видимо, значительно уступало казанское войско и по части вооружённости.

В-третьих, отсутствие единства в правящей элите ханства. Это неоднократно подчёркивалось в историографии, и прямо заявляется в источниках в качестве одной из причин конфликтов с Москвой и колебаний политического курса ханства.

В-четвёртых, превосходство русских воевод и ратников в плане опыта. Для наглядности сравним его в рассматриваемый нами период и четыре десятилетия, ему предшествующие. Войска Московского государства удачно вели войны с Литвой (1487–1494, 1507–1508, 1512–1522), Швецией (1495–1497), Ливонией и Литвой (1500–1502), отбивали вторжения орыднских войск (1472, 1480 и др.) и

крымские набеги, разгромили и подчинили Новгород (1471, 1477–1478), заняли Вятку (1489), ходили за Урал (1499), подчинили Казань (1487); Казанское ханство же никаких существенных военных достижений не имело (набеги на Вятку и северо-восточные русские уезды не в счёт) – казанцы дважды просили мира при начале русского похода на них, неудачной для них была и война 1467–1469 гг., в 1487 г. они капитулировали после осады столицы русским войском, а в 1495, 1499 и 1500 гг. не могли сами отбить вторжения ногайских и сибирских отрядов и просили помощи в Москве. Как видим, контраст разительный. Можно сказать, что казанским «воеводам» и воинам приходилось приобретать военный опыт только в войнах с Московским государством, причём и в этом случае они сильно отставали от русских «коллег».

Сюда же отнесём и консерватизм стратегического мышления казанских главнокомандующих. Проявляется это, например, в том, что в XVI в. ими не применялись суда для передвижения войск и военных действий (притом, что во второй половине XV в. отмечен ряд подобных эпизодов). Между тем, эффективность тактики быстрых набегов на приречные районы показали ещё набеги ушкуйников в XIV – начале XV в. Об ограниченности людских ресурсов, технических средств и стратегического мышления казанского командования говорит и тот факт, что казанцы даже не пытались выбить русских людей из Васильсурска и других крепостей, расположенных вблизи их территории. Ещё более вопиющим просчётом станет допущение ими постройки Свяжска в 1551 г., который без помех простоял до осени 1552 г. и принял огромное русское войско, шедшее брать Казань. Казанцы не пытались укрепиться на территориях, даже когда теоретически имели возможность привести туда значительные людские силы (как в случае с Васильсурском или северными землями, прилегающими к их Луговой стороне), надеясь, видимо, попросту запугать неприятеля и вынудить уйти, чего сделать не удалось. Ещё более странно выглядит отсутствие попыток казанцев помешать русским судовым ратям высадиться под городом (возможно, тут сказывалось численное превосходство русской стороны и оснащённость русских судовых ратей огнестрельным оружием).

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тем не менее, определённые подвижки в казанской стратегии имелись. В трёх рассмотренных нами войнах казанские стратеги экспериментировали в вопросе обороны столицы: в 1506 г. организовали ловушку с лагерем или ярмаркой у стен города; в 1524 г. пытались не допустить русскую конницу на казанский берег, одновременно обороняя Казань от судовой рати (в идеале задержка конницы позволяла надеяться на отступление судовой рати или на её попытку атаковать город, подставившись удару со стороны казанской конницы); в 1530 г. отказались от серьёзного противодействия русской коннице, сконцентрировав большинство сил у столицы («маскированная» пассивная оборона). Во всех случаях действия казанцев предотвратили захват города, а в первом даже привели к уверенной победе над русским войском.

Ко второй половине 30-х гг. казанцами была пересмотрена прежняя практика летних набегов. Теперь казанские войска нередко атаковали зимой. Это позволяло увеличить глубину проникновения на русскую территорию и поставить под удар ранее почти недоступные районы. Если до 1536 г. случаи перехода казанцев через Оку были очень редки<sup>25</sup> (летом переправа была сложна и опасна, а русские рати могли отрезать татарам путь к отступлению с левого берега), то начиная с этого года стали регулярны и проводились в зимнее время (теперь казанцы переправлялись по льду в любом месте и без угрозы встретить быстро организованный серьёзный отпор). Неоднократно страдали Муром, Владимир, Гороховец, Стародуб-на-Клязьме, Балахна и их окрестности<sup>26</sup>. Удаче казанских боевых операций в этот период способствовали также накопление опыта набегов, разведывание территорий противника и путей в них.

Русская же стратегия в отношении ханства за рассматриваемое время практически не поменялась. Усвоив общий и оптимальный план действий, выработанный их предшественниками, великий князь и воеводы старались осуществить его из раза в раз. Трудно понять, почему при значительном перевесе в численности войск

---

<sup>25</sup> В 1447 г. казанцы ходили к Мурому и Владимиру. Возможно, в 1521 г., в условиях крымского вторжения, казанцы рискнули пройти до Владимира.

<sup>26</sup> Ход этой войны подробно рассмотрен, например, А.Г. Бахтиным [Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI века. С. 246–260].

великий князь не попытался добиться победы путём постоянного военного давления на ханство: ежегодные походы, сожжённые сёла, поля, увод пленных – всё это подрывало экономический и мобилизационный потенциал ханов, снижало их и без того не очень высокий престиж среди всех групп населения. Возможно, тут сказалось укоренившееся представление о царе (или князе) как о центре всего социума и государства, когда для победы над ним нужно одолеть именно его (и, желательно, захватить), а также надежда на относительно мирное подчинение Казанской земли, в случае чего поля, скот и податное население стали бы источником пополнения великокняжеской казны.

Неудачи же Василия III в войнах с Казанским ханством можно объяснить тремя основными причинами: недооценкой на первых порах противника, занятостью на более важном западном направлении (литовские войны 1507–1508 и 1512–1522 гг. с постоянной угрозой нового конфликта) и превосходством казанцев в морально-психологическом плане, их более высокой мотивацией и «боевым духом»<sup>27</sup>. Кроме того, в политическом плане существенной ошибкой Ивана III и Василия III было крещение всех живых потомков Улу-Мухаммеда – использование в своей политике законных наследников могло значительно снизить градус насилия в московско-казанских отношениях.

Кроме того, предпринятый нами анализ русского воеводского корпуса в казанских походах первой трети XVI в. показал, что воеводы в основном не имели чёткой «казанской» или «татарской» специализации. В широкомасштабных казанских походах приняли участие свыше 60 воевод, из которых только 12 – более чем в двух казанских кампаниях; с учётом периода правления Ивана III – таких можно отметить 19 человек. Из этих ветеранов только С.Ф. Курбский и А.В. Сабуров участвовали сразу в трёх кампаниях, и только Ф.Ю. Щука Кутузов – в четырёх.

---

<sup>27</sup> Думается, десятилетия спустя Иван Грозный неспроста писал, что бояре и дети боярские ходили в казанские походы нехотя [Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 146].



В этот период источники ещё не говорят о приезде из Казанской земли на царёву службу «многих» князей, мурз и казаков<sup>28</sup> (что будет характерно для последующего периода), однако в московско-казанских войнах на русской стороне участвовали и татары. Сложившаяся в середине XV в. этно-социальная группа служилых татар насчитывала в то время, судя по всему, приблизительно 1–2 тыс. бойцов. Большую часть из них составляли городецкие татары, группировавшиеся вокруг Мещерского Городка (на месте или вблизи будущего Касимова) и испомещённого там татарского «царя» (в первой трети XVI в. этим титулом последовательно владели Сатылган, Джанай, Шейх-Аулияр, Шах-Али и Джан-Али). В то время из среды городецких татар уже выделился отряд Канбар-мурзы<sup>29</sup>. Кроме них имелись татары, служившие за жалование или с поместий, разбросанных по разным уездам<sup>30</sup>, а также (не позднее 1528 г.) темниковские татары и мордва во главе с князьями Кугушем и его сыном Тенишем<sup>31</sup>. Как нами было отмечено, городецкие татары участвовали в казанской войне 1505–1506 гг., татары двора Шах-Али – в кампаниях 1523–1524 гг., а мещерские казаки (видимо, городецкие, темниковские и др. татары) патрулировали юго-восточ-

<sup>28</sup> За исключением сообщения литовцам в 1523 г. о выезде татарской знати.

<sup>29</sup> Беляков А.В. Чингисиды в России... С. 183.

<sup>30</sup> Например: Жалованная обельно-несудимая грамота вел. кн. Василия Ивановича Кулчуку Мамедзянову сыну Каракучукова на его поместье д. Завражное Поле в Гусской волости Владимирского уезда. С. 70; Разрядная книга 1475–1598. С. 41; Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василия Ивановича кн. Хозяшу Чегодаеву сыну на д. Черную Унжинскаго стана Муромскаго уезда. №119. С. 101.

<sup>31</sup> Жалованная данная (поместная) и несудимая грамота в. кн. Василия Ивановича кн. Тенишу Кугушеву на сц. Верхнее Пыжово и д. Козлово в Подлеской вол. в Мещере, с подтверждениями: 1) в. кн. Ивана Васильевича 1538 г., февраля 25; 2) ц. Ивана Васильевича 1554 г. марта кн. Еникею, Имашу-мурзе и Исяшу-мурзе Тенишевым детям Кугушева (9 марта 1528 г.) // АСЗ. Т. 3. Док. 185, С. 155–156; Жалованная кормленная грамота ц. Ивана Васильевича кн. Еникею Тенишеву на кабак в Темникове (30 октября 1572 г.) // АСЗ. Т. 3. Док. 188, С. 157.

ное степное пограничье, «проведывали» воинских людей и перехватывали посольства, блокируя связи Казанского ханства с Крымом<sup>32</sup>.

Московско-казанские войны первой трети XVI в. демонстрируют ряд инноваций и прогрессивных подвижек в военном деле обеих сторон. Для русской стороны это, прежде всего, рост числа ратников, вооружённых ручным огнестрельным оружием и увеличение значимости полевой артиллерии. Уже в 1530 г. для защиты «наряда» и, видимо, пищальников, был использован гуляй-город (причём, это его первое упоминание в русском военном деле). Казанские татары также шире или заново (после конца XIV в.) осваивают огнестрельное оружие; отмечено применение ими трофейных русских пищалей, хотя наладить его производство, импорт и широко использовать в бою казанцы так и не смогли. Массовое использование русским командованием пешей рати в дальнем походе в период полного господства в поле конницы, можно полагать, было прогрессивной чертой – тем самым отработывались действия пищальников, из которых в середине века «выросли» огненные стрельцы Ивана Грозного. Само по себе неоднократное участие пушкарей и других «осадных» людей в осаде Казани должно было повышать их мастерство, которое пригодилось в войнах с Литвой.

В заключении отметим, что московско-казанские войны периода правления Василия III, обусловленные попыткой казанцев избавиться от русского протектората, усложнённой политикой Крыма, предопределили особенности следующего этапа московско-казанских отношений, характеризующегося максимальной эскалацией конфликта с обеих сторон при неизбежной победе более мощного Московского царства.

---

<sup>32</sup> Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Ивану Васильевичу // Сборник РИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 175–176; Посольство от великого князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Константином Малечкиным // Сборник РИО. Т. 41. № 45. С. 202.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРГ – Акты Русского государства 1505–1526 гг. М.: Наука, 1975.  
435 с.

АСЗ – Акты служилых землевладельцев (несколько томов)

История татар – История татар с древнейших времён  
(в семи томах)

кн. – князь

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РК 1598 – Разрядная книга 1475–1598 гг.

РК 1605 – Разрядная книга 1475–1605 гг. (несколько томов  
и частей)

Сборник РИО – Сборник Русского исторического общества  
(несколько томов)

СТТГ – Средневековые тюрко-татарские государства.

ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы  
(несколько томов)

## БИБЛИОГРАФИЯ

### Источники

1. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. 2. Грамоты и записи // сост. М.А. Дьяконов. Юрьев, 1897. 130 с.
2. Архангелогородский летописец / Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. // ПСРЛ. Т.37. Л.: Наука, 1982. 228 с.
3. Блез де Вижинер. Описание Польского королевства и порубежных с ним стран // История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 82–84.
4. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. 440 с.
5. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись // ПСРЛ. Т. 30. М.: Наука, 1965. 240 с.
6. Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. М.–Л., 1959. 413 с.
7. Галицкая летопись // История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1905. (XI, 681 с., 10 табл.). С. 601–607.
8. Герберштейн, Сигизмунд. Записки о Московии / пер. с нем. А.И. Малеина, А.В. Назаренко, вст. ст. А.Л. Хорошкевич, под ред. В.Л. Янина // М.: изд. МГУ, 1988. 430 с.
9. Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с предложением военного союза против Москвы [18 ноября 1514] // История татар с древнейших времён (в семи томах). Т. 4. Татарские государства в XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 920
10. Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с описанием победы над войском Василия III и с предложением военного союза против Москвы [18 июня 1516] // История татар с древнейших времён (в семи томах). Т. 4. Татарские государства в XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 921–922.
11. Грамота великаго князя Василия Ивановича датскому королю о том, что он не может, по случаю предпринятаго похода на Казань,

оказать помощь против его дяди Фредерика, завладевшего Любеком и другими городами; о посылке воеводе Сэрэну Норбю опасной грамоты на проезд его в Россию // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 16. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1897. №11, Ст. 33–34.

12. Грамота духовная князя Дмитрия Иоанновича Углицкого // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся. Изд. 2. Ч. 3. М.: Типография компании Типографической, 1788. С. 21.

13. Грамота московского великого князя Василия на Вятку наместнику г. Слободского Гавриилу Мансуровичу от 29 июня 1522 года о привлечении татарских каринских князей, удмуртов и чуваш к участию в постройке в г. Слободском городских укреплений, в очистке его улиц в осадное время и в охране города // Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. Ижевск, 1958. №78. С. 349–350.

14. Грамоты великаго князя Ивана Васильевича в Крым // Сборник РИО. Т. 41. Ч. 1. СПб.: 1884. № 30. С. 114–118.

15. Грамоты к великому князю Василию Ивановичу из Крыма [12 сентября 1509] // Сборник РИО. Т. 95. СПб., 1895. № 4. С. 77–78.

16. Грамоты к великому князю Ивану Васильевичу из Крыма [9 июля 1503 г.] // Сборник РИО. Т. 41. СПб., 1884. № 90. С. 471–480.

17. Данная Анны с детьми Юрием, Василием и Иваном по духовной её мужа Дмитрия Васильевича иг. Троице-Сергиева м-ря Досифею на сц. Лаврентьевское и сц. Ивановское в Пошехонском у. // АРГ. № 26. С. 33.

18. Датский Архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. Сообщил Член-Соревнователь Ю.Н. Щербачев // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при московском университете. 1893. №1 (164). М.: Университетская типография, 1893. С. 1–340.

19. Дополнения к летописному своду 1497 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 161–163.

20. Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая царственная книга // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1906. 532 с.

21. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.) // подг. П.Н. Милюков. М.: Университетская типография, 1901. 314 с.

22. Духовная грамота Федора Борисовича Волоцкого // Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2. Ч. 3. М., 1788. С. 32–39.

23. Духовная грамота (в копии) князя Фёдора Борисовича Волоцкого // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М.: Тип. Н.С. Всеволожского, 1813. №151. С. 417–420.

24. Духовная запись в. кн. Василия III Ивановича с подтверждением своей прежней духовной грамоты и приписного списка к ней о постройке девичьего монастыря в Москве «на посаде» в честь возвращения Смоленска и Смоленской земли в состав России [июнь 1523] // Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начало XVII вв. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1998. №124. С. 293–294. Пояснения: С. 483–484.

25. Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. СПб: Типография М.А. Александрова, 1910. 342 с.

26. Жалованная грамота жителям Смоленска [1514] // Древняя российская вивлиофика. Ч. 3. М., 1788. С. 22–26.

27. Жалованная грамота того же московского великого князя арским князьям Матфею Девятлярову и Шамаю Казыеву от 20 января 1556 года на деревни Шептиковскую и Желтиковскую и на прилегающие к ней угодья, с освобождением жителей этих деревень от суда и хлыновских наместников и слободских волостелей, от поборов праветчиков и доводчиков // Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / сост. Луппов П.Н. Ижевск, 1958. №19. С. 93–94.

28. Жалованная грамота угличского кн. Дмитрия Ивановича иг. Троице-Сергиева м-ря Досифею о присуждении м-рю 54 деревень с починками у сс. Прилуки и Красново в Угличском у., отмежеванных от монастырских земель слободчиком Семёном Фоминым сыном Борода-того // АРГ. № 21. С. 30.

29. Жалованная грамота угличского кн. Дмитрия Ивановича иг. Троице-Сергиева м-ря Досифею на беспошлинный проезд монастырских судов мимо Углича и Мологи // АРГ. № 22. С. 30–31.

30. Жалованная данная (поместная) и несудимая грамота в. кн. Василия Ивановича кн. Тенишу Кугушеву на сц. Верхнее Пыжово и д. Козлово в Подлеской вол. в Мещере, с подтверждениями: 1) в. кн.

Ивана Васильевича 1538 г., февраля 25; 2) ц. Ивана Васильевича 1554 г. марта кн. Еникею, Имашу-мурзе и Исяшу-мурзе Тенишевым детям Кугушева [9 марта 1528 г.] // АСЗ. Т. 3. / сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2002. №185. С. 155–156.

**31.** Жалованная кормленная грамота ц. Ивана Васильевича кн. Еникею Тенишеву на кабак в Темникове [30 октября 1572 г.] // АСЗ. Т. 3 / сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2002. №188. С. 157.

**32.** Жалованная льготная и несудимая грамота Василия III каринскому татарину Девлечьяру Магмет Казыеву сыну на деревни в Чепецком стане Хлыновского у. [18 дек. 1510] // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Академии наук СССР, 1988. №1. С. 35–36

**33.** Жалованная несудимая грамота в. кн. Василия Ивановича Фёдору Михайловичу Киселёву на сс. Дуброву и Новое с деревнями в Дубровском ст. и д. Пополутовскую в Унженском ст. Муромского у. [29 марта 1506] // АРГ. № 16. С. 25.

**34.** Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василия Ивановича кн. Хозяшу Чегодаеву сыну на д. Черную Унжинскаго стана Муромскаго уезда [29 февраля 1524] // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при московском университете. 1898. №2 (185). М.: Университетская типография, 1898. №119. С. 101.

**35.** Жалованная обельно-несудимая грамота вел. кн. Василия Ивановича Кулчуку Мамедзянову сыну Каракучукова на его поместье д. Завражное Поле в Гусской волости Владимирского уезда / Новые источники по истории землевладения касимовских татар // Русский дипломатарий, Вып. 5. М.: Археографический центр, 1999. С. 70.

**36.** Жалованная «опасная» грамота и бережельная грамота Ивана IV каринским князьям Сейтяку Алисуфову, Касыму Газыеву и Шеисламу Мурсеитову с позволением призывать в их вотчины казанских удмуртов и «чувашей» [1542] // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Академии наук СССР, 1988. №3. С. 37–38.

**37.** Житие Макария Желтоводского и Унженского / Подготовка текста, перевод и комментарии И.М. Грицевской // Библиотека литературы Древней Руси. [Электронное издание] / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Т. 13: XVI век [http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10577]

- 38.** Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года / Баранов К.В. // Русский дипломатарий, Вып. 10. М.: Древлехранилище, 2004. С. 119–154.
- 39.** Запись Афанасия Афанасьева сына Кривого Троице-Сергиеву и Симонову м-рям об условиях совместного с ними владения и пользования двором в Чухломе... [1524/1525 г.] // АРГ. №242. С. 242.
- 40.** Казанский летописец (История о Казанском царстве) // ПСРЛ. Т. 19. Под ред. Г.З. Кунцевича. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. 530 с.
- 41.** Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) // подг. текст К.В. Петров. СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. 108 с.
- 42.** Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506 г. // Сборник князя Оболенского. № 1. 1838. 120 с.
- 43.** Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. 344–708 с.
- 44.** Книги разрядные, по официальным оных спискам изданныя с высочайшаго соизволения II-м отделением Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии. СПб.: В Тип. II отд-ния Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии, 1853. Т. 1. 1380 стб.
- 45.** Контарини, Амброджо. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / вступ. статья, подг. текста, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. 275 с.
- 46.** Колло, Франческо де. Доношение о Московии // Подгот. текста, пер. на рус. яз., вступ. ст., с. 5–31, и коммент. О. Симчич. М.: Специализир. изд.-торговое предприятие "Наследие", 1996. 84 с.
- 47.** Курбский А. История о делах великого князя московского // подг. К.Ю. Ерусалимский, пер. А.А. Алексеев. М.: Наука, 2015. 944 с.
- 48.** Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. М.: Наука, 1965. 390 с.
- 49.** Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. 28. М.-Л., 1963. 411 с.
- 50.** Летопись Авраамки (Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки) // ПСРЛ. Т. 16. Под ред. А.Ф. Бычкова и К.Н. Бестужева-Рюмина. СПб., 1889. 320 с.



- 51.** Литовские упоминки татарским ордам. Скрабовая книга метрики литовской 1502–1509. Симферополь: Типография Спиро, 1898. 94 с.
- 52.** Лызлов А. Скифская история / Подг. текста, комм., указ. А.П. Богданов; отв. ред. Е.В. Чистякова. М.: Наука, 1990. 520 с.
- 53.** Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. Под ред. С.А. Адрианова. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. 418 с.
- 54.** Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. Под ред. С.А. Адрианова. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1914. С. 420–686.
- 55.** Максим Грек. Послание великому князю Василию III // Ржига В.Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. С. 111–120.
- 56.** «Местная» грамота нижегород. в. кн. Димитрия Константиновича боярам, князьям, а также дьякам и прочим дворянам, «кому с кем сидеть и кому под кем садитца» // Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. М., 1964. Т. 3. № 307. С. 335–337.
- 57.** Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 464 с.
- 58.** Наказной список, данный Третьяку Котенину, с установлением взимаемых на великого князя доходов в половине Галичского наместничества [1535–1542] // АСЗ. Т. 1. / сост.: А.В. Антонов, К.В. Баранов. М.: Археографический центр, 1997. № 123. С. 97–98.
- 59.** Нижегородский летописец / Работа А.С. Гациского. Нижний Новгород: тип. Губ. правл., 1886. [3], XII, 144 с.
- 60.** Никоновская летопись (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью) // ПСРЛ. Т. 11. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1897. 254 с.
- 61.** Никоновская летопись (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью) // ПСРЛ. Т. 12. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 267 с.
- 62.** Никоновская летопись (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью) // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1904. 302 с.
- 63.** Новгородская Четвёртая летопись // ПСРЛ. Т. 4. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. 360 с.
- 64.** Новгородская Четвёртая летопись (по списку Дубровского) // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 321–536 с.

65. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. Т. 43. Подг. текста О.Л. Новиковой. М., ЯСК. 2004. 367 с.
66. Новый памятник московской политической литературы XVI в. / Тихомиров М.Н. // Русское летописание. М., 1979. С. 155–166.
67. Олеарий, Адам. Описание путешествия в Московию / пер. А.М. Ловягина. М.: Русич, 2003. 480 с.
68. «От Сапкгирея царя. Слово. Божью милостью королю польскому великому князю литовскому рускому прускому и далее, отцу моему великому королю Жикгимонту» // История татар. Т. 4. С. 924.
69. Отправление посольства от великаго князя Василья Ивановича в Константинополь к турецкому султану Селиму I с Василием Андреевичем Коробовым с товарищами // Сборник РИО. Т. 95. СПб.: 1895. № 7. С. 105–135.
70. Отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку // ПСРЛ. Т. 6. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1853. С. 277–315.
71. Отрывок следственного дела о Иване Берсеневе и Федоре Жареном, с допросами старцу Максиму Греку и келейнику его Афанасию [февраль 1525] // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. Том 1. СПб., Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. № 172. С. 141–145.
72. Отпуск из Москвы от великаго князя Василия Ивановича к магистру Прусскому Альбрехту Бранденбургскому гонца Александра Семенова Шерна [март – май 1520] // Сборник РИО. Т. 53. №21. С. 208–220.
73. Описания 1558/59 гг. и 1590/91 гг. Зауольской и Везломской волостей Балахольского (Балахнинского) уезда // Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века. М., 1997. 308 с.
74. Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года // под ред. С.О. Шмидта. М.: Издательство Восточной литературы, 1960. 195 с.
75. Первая полковая роспись ржевских воевод (1581 г.) // Документы о Ливонской войне // Археографический ежегодник за 1960 г. / ред. В.И. Буганов. М.: Наука, 1962. С. 267–269.
76. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) / публикация А.И. Алексеева // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 17–117.

77. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Под ред. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыкова Ленинград: Наука, 1979. 432 с.
78. Пересветов И.С. Большая челобитная // Сочинения / Подг. А.А. Зимин. М.-Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1956. 388 с
79. Петрей, Петр. О начале войн и смут в Московии. М.: Фонд Сергея Дубова – Рита-принт, 1997. 560 с.
80. Письмо крымского хана Мухаммед-Гирея I османскому султану Сулейману I с объяснением причин невозможности осуществления похода крымских войск на Польшу // История татар. Т. 4. С. 901–903.
81. Послание русского духовенства Углицкому князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке [29 декабря 1447] // Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка: Типография Губернского Правления, 1881. №8. С. 6–8.
82. Посольская книга по связям России с Ногайской ордой. 1489–1508 гг. М., 1984. 87 с.
83. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. 360 с.
84. Посольство короля польского и великого князя литовского Сигизмунда Казимировича к великому князю Ивану Васильевичу с панами Яном Щитом Богушем Боговитиновичем, для переговоров, при посредстве императорского посла Сигизмунда Герберштейна, о заключении мира [июль – 22 ноября 1517] // Сборник РИО. Т. 35. СПб.: 1882. № 85. С. 500–547.
85. Посольство от великаго князя Василья Ивановича к королю Сигизмунду Казимировичу с боярами Василием Григорьевичем Морозовым и Андреем Никитичем Бутурлиным с товарищами, отправленных для присутствия при крестном целовании короля на перемирных грамотах [30 ноября 1522 – 2 мая 1523] // Сборник РИО. Т. 35. №94. С. 642–672.
86. Посольство от великаго князя Василия Ивановича к королю Сигизмунду Казимировичу с Григорием Загряжским и приезд к великому князю от короля гонца Станислава Довгирдова [февраль – 5 июня 1524] // Сборник РИО. Т. 35. №96. С. 678–688.
87. Посольство от великаго князя Василия Ивановича к королю Сигизмунду Казимировичу с окольничим Иваном Васильевичем Лятцким и дьяком Елизаром Цыплятевым, отправленных для присутствия

при крестном целовании короля на перемирных грамотах [9 декабря 1526 – 27 апреля 1527] // Сборник РИО. Т. 35. СПб., 1882. № 102. С. 732–760.

**88.** Посольство от великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Дмитрием Васильевичем Шеиным // Сборник РИО Т. 41. СПб., 1884. № 19. С. 62–71.

**89.** Посольство от великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Василием Васильевичем Ромодановским // Сборник РИО. Т. 41. Ч. 1. № 27. С. 98–104.

**90.** Посольство от великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Константином Малечкиным // Сборник РИО. Т. 41. № 45. С. 199–208.

**91.** Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Ивану Васильевичу // Сборник РИО. Т. 41. Ч. 1. №39. С. 170–180.

**92.** Посольство польскаго короля Сигизмунда к Ливонскому магистру Валтеру Плеттенбергу // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II. 1506–1544. СПб., 1848. № 15. С. 13–14.

**93.** Постниковский летописец / Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы // ПСРЛ. Т. 34. М.: Наука, 1978. С. 8–30.

**94.** Посылка от великаго князя Василия Ивановича к королю Сигизмунду Казимировичу дворянина Федора Афанасьева [9 апреля – 10 июля 1525] // Сборник РИО. Т. 35. № 98. С. 692–698.

**95.** Посылка от находившагося в литовском плену князя Фёдора Васильевича Овчины-Телепнева-Оболенского в Москву к князю Ивану Фёдоровичу Овчине-Телевневу-Оболенскому [22 сентября 1535 – 27 февраля 1536] // Сборник РИО. Т. 59. СПб., 1887. №3. С. 14–29.

**96.** Посыльная грамота митр. Ионы к казанскому хану Махмутеку с просьбой оказать содействие митрополичьему посланцу Агафону // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М.: Наука, 1964. № 10. С. 26–27.

**97.** Посыльная грамота митр. Ионы в Казань ко князю Шаптяку об охранении от обид слуги митрополичьего Агафона, посланного с рухлядью // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М.: Наука, 1964. №11. С. 27.

**98.** Прибавление к Второй Новгородской летописи / Новгородские летописи // ПСРЛ. Т. 3. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1841. С. 198–201.

**99.** Приезд в Москву к князю Ивану Фёдоровичу посланца от Юрия Николаевича Радивиля [8 мая – 11 июня 1536] // Сборник РИО. Том 59. СПб., 1887. №4. С. 30–41.

**100.** Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. 301 с.

**101.** Продолжение Хронографа редакции 1512 года / Шмидт С.О. // Исторический архив. 1951. Т. 7. С. 254–299.

**102.** Разрядная книга 1475–1598 гг. / ред. В.И. Буганов. М.: Наука, 1966. 615 с.

**103.** Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1 / ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР, 1977. 188 с.

**104.** Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. / ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР, 1977. 189–406 с.

**105.** Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1 / ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР, 1982. 109 с.

**106.** Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. / ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР, 1982. С. 110–440.

**107.** Разрядная книга 1598–1604 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. Москва: Ин-т истории СССР, 1974. С. 14–179.

**108.** Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. М.: Языки русской культуры, 2000. 540 с.

**109.** Русский Хронограф (Хронограф редакции 1512 года) // ПСРЛ. Т. 22. Вып. 1 / Ред. С. П. Розанова. СПб., 1911. 580 с.

**110.** Рюссов, Бальтазар. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига: Типография А.И. Липинского, 1879. С. 159–406.

**111.** Рядная Аксиньи Плещеевой её зятю кн. Ивану Васильевичу Оболенскому на приданое за её дочерью Анастасию движимое имущество, людей, половину с. Богородицкого с деревнями и половину сц. Коряковского... [1513/1514] // АРГ. № 111. С. 113–114.

**112.** «Сафакгирии царь. Слово. Божью милостью королю польскому, великому князю литовскому рускому прускому жомоитскому мазовецкому иных, отцу моему великому королю Жикгимонту» // История татар. Т. 4. С. 922–924.

**113.** Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. 328 с.

## БИБЛИОГРАФИЯ

114. Синодик 1684 г. // Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. М., 1788. С. 420–506.
115. Синодик по убитым в битве под Казанью 1506 г. / Гневашев Д.Е. Вологодский служилый «город» в XV – начале XVI века // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и Новое время. Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 680–681.
116. Сметный список 7139 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Книга 4. М.: Университетская типография, 1849. С. 18–51.
117. Сношения боярина Григория Фёдоровича с воеводою виленским Николаем Радивилом [январь–июнь 1520] // Сборник РИО. Т. 35. №86. С. 547–562.
118. Сокращённый летописный свод 1493 г. // ПСРЛ. Т. 27. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 165–294.
119. Сотная 1533 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда / Публикация и комментарии С.В. Сироткина // Очерки феодальной России. Сборник статей. Вып. 6. М., 2002. С. 119–169.
120. Софийские летописи // ПСРЛ. Т. 6. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1853. 358 с.
121. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. / подг. текста С.Н. Кистерева и Л.А. Тимошиной, предисл. Б.М. Клосса. М., 2001. 446 с.
122. Судный список по делу об оговоре Фёдором Ивановым сыном Крыжина муромских детей боярских в намерении бежать в Литву [осень 1523?] // АСЗ. Т. 4 / сост.: А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2008. № 502. С. 386–388
123. Тверская летопись // ПСРЛ. Т. 15. М.: Языки русской культуры, 2000. 608 с.
124. Типографская летопись (Летопись по Типографскому списку) // ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. 272 с.
125. Устюжская летопись (Список Мациевича) // ПСРЛ. Т. 37. Л.: Наука, 1982. 228 с.
126. Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. 33. Л.: Наука, 1977. 250 с.
127. Хроника Быховца // ПСРЛ. Т. 32. М.: Наука, 1975. 235 с.

**Исследования**

1. Агафонов С.Л. Нижегородский кремль. Архитектура, история, реставрация. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1976. 136 с.
2. Аксанов А.В. Сыновья Улуг Мухаммада на казанском престоле // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 3. С. 551–568.
3. Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 288 с.
4. Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начало XVII вв. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1998. 731 с.
5. Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII в. Автореф. дисс. к.и.н. М., 1998. 23 с.
6. Алексеев Ю.Г. Военная история допетровской России. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 743 с.
7. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. Второе издание. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. 464 с.
8. Алишев С.Х. Казанское ханство: возникновение и развитие // Материалы по истории татарского народа: Сборник трудов / Отв. ред. С.Х. Алишев. Казань, 1995. 160 с.
9. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.
10. Акчурин М.М., Басманцев Д.В., Кочетков В.Д. О службе и жалованиях свияжского князя Тугуша Девлет Бахтыева во второй половине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. №8. 56–62.
11. Акчурин М.М., Беляков А.В. Мещера и Крым в конце XV–XVI в. // История военного дела: исследования и источники. 2019. Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв. Ч. 2. С. 156–181. [Электронный ресурс] <[http://www.milhist.info/2019/06/28/akchyrin\\_belyakov](http://www.milhist.info/2019/06/28/akchyrin_belyakov)> (28.06.2019)
12. Амелькин А.О. О ком плачет часовой? // Живая старина. 1996. № 2. С. 29–30.
13. Амелькин А.О. Отражение взаимоотношений Руси со Степью в памятниках русского фольклора. Воронежские народные сказки и

предания / Подгот. текстов, сост., вступ. ст. и примеч. А.И. Кретьова. Воронеж, 2004. 310 с.

14. Амелькин А.О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV – первой половины XVI вв. (По материалам агиографических сказаний и памятникам фольклора): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М., 1992. 223 с.

15. Амелькин А.О., Селезнёв Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М.: Квадрига, 2011. 384 с.

16. Бабулин И.Б. Битва под Конотопом. 28 июня 1659 года. М.: ООО «Издательство «Цейхгауз», 2009. 48 с.

17. Бабулин И.Б. Смоленский поход и битва при Шепелевичех 1654 года. М.: Фонд «Русские витязи», 2018. 228 с.

18. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: Издательство МГУ. 1952. 2-е изд. 554 с.

19. Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1882. 616 ст.

20. Бархатная книга. Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих. Ч. II. М., 1787. 453 с.

21. Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. 192 с.

22. Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Монография. Мар. гос. ун-г. Йошкар-Ола, 2012. 660 с.

23. Бахтин А.Г. Воевода И.В. Хабар-Симский // Военно-исторический журнал. 2017 (№6). С. 70–79.

24. Бахтин А.Г. «Начало царства Казанского...» (Образование Казанского и Касимовского ханств). Нижний Новгород: НИЭЛ, 2019. 218 с.

25. Бахтин А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории. 2001. №5. С. 52–72.

26. Белов Н.В. Начало военно-политической карьеры Шах-Али: на пути к казанскому походу 1524 г. // История военного дела: исследования и источники. 2019. Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв. Ч. 2. С. 184–233. [Электронный ресурс] <[http://www.milhist.info/2019/10/31/belov\\_1](http://www.milhist.info/2019/10/31/belov_1)> (31.10.2019).

27. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: Прологографическое исследование. Рязань, 2011. 512 с.



28. Беляков А.В. Канбаровы (Камбаровы) в Московском государстве XVI–XVII вв. // СТТГ. Казань, 2017 (№9). С. 15–20.
29. Бенцианов М.М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М.: Центрполиграф, 2019. 351 с.
30. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина эпохи позднего средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002. С. 106–168.
31. Борисов Н.С. Иван III / ЖЗЛ. Вып. 776. М.: Мол. гвардия, 2000. 644 с.
32. Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России (1719–1917 гг.) // Советская этнография, 1980. № 6. С. 18–34.
33. Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М.: Наука, 1986. 224 с.
34. Бычкова М.Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки отдела рукописей, Вып 38. М.: Государственная библиотека СССР им В.И. Ленина, 1977. С. 104–125.
35. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1863. XIII, 558 с.
36. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 586 с.
37. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища, фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.
38. Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Территория и население России в XV–XVIII веках // Российская империя: от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. 880 с.
39. Волков В.А. Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII вв.). М., 2004. 572 с.
40. Волков В.А. Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия III. М.: Прометей, 2016. 393 с.
41. Володихин Д.М. Князь Александр Владимирович Ростовский, воевода Ивана Великого. Серия: Ратное дело. М.: Фонд «Русские Витязи», 2017. 52 с., ил.

42. Воронцов И.А. Организация военного дела Золотой Орды (по материалам Нижнего Поволжья): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 // Волгоград, 2006. 295 с.
43. Воротынцев Л.В. «Люди из Черкас»: «ордынские казаки» и «служилые татары» лесостепного пограничья (конец XIV–XV вв.) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. №1. С. 107–122.
44. Гневашев Д.Е. Вологодский служилый «город» в XV – начале XVI века // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и Новое время. Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 672–681.
45. Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. С. 244–269.
46. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
47. Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города // отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН; 2018. 592 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 24).
48. Гришкина М. В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половине XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Академии наук СССР, 1988. С. 20–40.
49. Грязнов А.Л. Белозёрские князья в годы правления Ивана III // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта – 1 апреля 2017 г., Калуга) / отв. редакторы И.Н. Берговская, В.Д. Назаров. Калуга: Издатель Захаров С. И. («СерНа»), 2017. С. 134–165.
50. Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. Археология евразийских степей. 2019 (№3). Казань, 2019. 323 с.
51. Дворянские роды Российской империи. Т. 1. Князья // Коллектив авторов. СПб.: ИПК «Вести», 1993. 344 с.
52. Двуреченский О.В. Масштабы Донского побоища по данным палеографии и военной археологии // Воинские традиции в археологическом контексте. От позднего латена до позднего средневековья. Тула: Куликово поле, 2014. С. 124–129.

53. Двуреченский О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства (Конец XV – начало XVII века) // автореферат дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. СПб., 2008. 25 с.

54. Демин А.С. Отголоски «Слова о полку Игореве» в «Казанской истории» (Гипотеза о промежуточном источнике) // ТОДРЛ. Т. 43. Л.: Наука, 1990. С. 124–130.

55. Дмитриев В.Д. Землевладение служилых чувашей Свияжского уезда в середине XVII века // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. М., 2005. С. 53–71.

56. Дмитриев В.Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времён до середины XIX века. Чебоксары, 1993. 446 с.

57. Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 202–230.

58. Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 4. СПб., Типография III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. 482 с.

59. Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 259 с.

60. Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хронологический перечень документов). Казань, 1980. 262 с.

61. Ерусалимский К.Ю. Исторические exempla Посольского приказа // Труды Кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 1: Материалы международной научной конференции "Иван III и проблемы российской государственности: к 500-летию со дня смерти Ивана III (1505–2005)", 25–26 ноября 2005 г. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 307–328.

62. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Вост. лит., 2004. 303 с.

63. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). Очерки. М.: Рудомино, 2004. 217 с.

64. Зимин А.А. Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Вып. 20. М., 1958. С. 189–198

65. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972. 452 с.

66. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. М.: Наука, 1988. 350 с.

67. Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. 444 с.
68. "И бе их столько, еже несть числа": форум // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. №1–2. С. 120–150.
69. Измайлов И.Л. Вооружение и военное искусство Казанского ханства XV – первая половина XVI в.: комплексный анализ источников // *Археология евразийских степей. Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии*. 2017. №5. С. 196–209.
70. Измайлов И.Л. Вооружение Казанского ханства (XV–XVI вв.) (к постановке проблемы) // *Заказанье: проблемы истории и культуры. Материалы конференции*. Казань: Заман, 1995. С. 135–139.
71. Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Казань: Татарское книжное издательство, 2008. 206 с.
72. Илюшин Б.А. Воеводский корпус в Казанском походе 1530 г. *Novogardia* [Электронный журнал]. 2019. №3 (3). С. 62–77.
73. Илюшин Б.А. Военное дело служилых татар Российского государства середины XV – XVII вв. Дисс. к.и.н. Новосибирск, 2017. 238 с. (прил. 239–344 с.)
74. Илюшин Б.А. Ещё раз о потерях русского воеводского корпуса под Казанью в 1506 г. // *Novogardia* [Электронный журнал]. 2019. №2 (2). С. 177–180.
75. Илюшин Б.А. Казанский поход 1506 г.: анализ подготовки и боевых действий // *Российская история*, 2018. №3 (3). С. 93–103.
76. Илюшин Б.А. «Война лета 7014»: Московско-казанский конфликт 1505–1507 гг. Нижний Новгород: Стимул-СТ, 2018. 128 с.
77. Илюшин Б.А. К вопросу о военном потенциале и стратегиях Казанского ханства // *Военная археология (Сборник материалов семинара «Военная археология»)*. №6. 2020. С. 171–179.
78. Илюшин Б.А. Мухаммед-Эмин – «царь» казанский: биографический очерк // Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 168 с., 10 с. ил.
79. Илюшин Б.А. Русско-булгарские военные конфликты и военный потенциал Булгарского улуса (1360–1431 гг.) // *Novogardia*. 2020. №1 (5). С. 138–162. (электронный журнал).
80. Илюшин Б.А. Служилые татары в военных походах Василия Тёмного и Ивана Великого (1430-е – 1505 гг.) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2020. №2(64). С. 5–11.

**81.** Илюшин Б.А. Участие мордвы, марийцев и чувашей в военных мероприятиях Московского государства XVI века // Вестник Пермского государственного университета. История. 2020. №2 (49). С. 24–33.

**82.** Илюшин Б.А. Участие служилых татар в войнах Василия III (1505–1533 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2020. Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв. Ч. III. С. 236–259 <[http://www.milhist.info/2020/05/21/ilyushin\\_2](http://www.milhist.info/2020/05/21/ilyushin_2)> (21.05.2020).

**83.** История татар с древнейших времён (в семи томах). Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Издательство «РухИЛ», 2006. 960 с.

**84.** История татар с древнейших времён (в семи томах). Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2009. 1056 с.

**85.** История татар с древнейших времён. В семи томах. Т. 4. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1080 с. + илл.

**86.** Исхаков Д.М. Из истории титула «Булгарский князь» // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа. Казань, 2000. С. 46–49.

**87.** Казачество в тюркском и славянском мирах: колл. монография / отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Трепавлов; Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, 2018. 804 с., 48 с. ил.

**88.** Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М.: Прометей, 2000. 418 с.

**89.** Карамзин Н.М. История государства Российского. Изд. 2-е. Т. 7. СПб.: Типография Н. Греча, 1819. 359 с.

**90.** Каргалов В.В. На степной границе. Оборона «крымской украинны» Русского государства в первой половине XVI столетия. М.: Наука, 1974. 83 с.

**91.** Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 104 с.

**92.** Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961. 107 с.

**93.** Комаров К.И. Археологическая карта России. Костромская область. М: Восточная литература, 1999. 368 с.

- 94.** Корзинин А.Л. Порядок иерархии полковых воевод в последней четверти XV – конце XVI в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Серия 2. Вып. 4. С. 11–23.
- 95.** Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: у истоков национальной политики России. Ижевск: изд. дом «Удмуртский университет», 2005. 314 с.
- 96.** Котляров Д.А. «Служащий царь» – казанский хан Мухаммед-Амин и великие князья всея Руси // Вестник Удмуртского университета. Вып. 3. 2010. С. 23–31.
- 97.** Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству: вхождение народов Поволжья в состав России. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 352 с.
- 98.** Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI вв. Второе изд., испр. и доп. М.: Квадрига; Объединённая редакция МВД России, 2010. 320 с.
- 99.** Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.
- 100.** Кром М.М. Стародубская война. 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений. М.: Рубежи XXI, 2008. 140 с.
- 101.** Кульпин Э.С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. Изд. 2-е. М., 2006. 175 с.
- 102.** Курбатов О.А. Отклик на статью А.Н. Лобина «К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства в XVI в.» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. №1–2. С. 104–119.
- 103.** Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: Идейные источники и цели реформ Царского войска // Единогор: Сб. документов и материалов по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 1. С. 196–225.
- 104.** Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород: Кварц, 2011. 269 с.
- 105.** Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза: ГУМНИЦ, 2006. 124 с.
- 106.** Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Изд. 2. Т. 1. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1895. 467 с.
- 107.** Лобин А.Н. Артиллерия Ивана Грозного. М.: Эксмо, Яуза, 2019. 320 с.

**108.** Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2011. 251 с.

**109.** Лобин А.Н. К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства в XVI в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. №1–2. С. 45–78.

**110.** Лобин А.Н. Оборона Опочки 1517: Бесова деревня против армии Константина Острожского. Серия «Ратное дело». Фонд «Русские Витязи», 2017. 72 с.

**111.** Макарихин В.П. Казанская эпопея Ивана Грозного // Мининские чтения. Материалы научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (10 декабря 2002 г.). С. 69–77.

**112.** Малов А.В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейхгауз, 2006. 48 с.

**113.** Мартяхина А.А., Кузнецов А.А. Нижегородская легенда о «Феде Литвиче»: источник или фальсификация? // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). Нижний Новгород: Редакционно-издательский отдел Центрального архива Нижегородской области, 2010. С. 372–385.

**114.** Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1–36. М.: Наука, 1966. 184 с.

**115.** Мельников П. Жолныряне, спасшие Нижний Новгород в 1506 году // Нижегородские губернские ведомости. 1845. № 3. С. 30–32.

**116.** Мельников П. События, случившиеся в Нижнем Новгороде от 1462 до 1600 года // Нижегородские губернские ведомости. 1846. № 51.

**117.** Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. 423 с

**118.** Михайлова И.Б. Москва и Казань: военные кампании 1523 и 1524 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 2. С. 35–44

**119.** Моисеев М.В. «Казанский вопрос» в русско-ногайских отношениях конца XV – первой половины XVI столетий // СТТГ. 2012. № 4. С. 107–112.

**120.** Моисеев М.В. Крах Большой Орды и формирование новой системы межгосударственных отношений (1502–1521) // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных тра-

дициях народов Евразии. Материалы Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г.). К 750-летию образования Золотой Орды. Москва: Медина, 2017. С. 346–352.

**121.** Моисеев М.В. Латышки Василия Ржевского. Опыт комментирования одного завещания // Известия Саратовского университета. Серия: история, международные отношения. Саратов, 2018. №4. Т. 18. С. 414–418.

**122.** Моисеев М.В. Обоснование прав на Казанское ханство в русском средневековом нарративе // Мининские чтения. 2008. Нижний Новгород, 2010. С. 395–400.

**123.** Моисеев М.В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // // СТТГ. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 20–30.

**124.** Моисеева Г.Н. Автор «Казанской истории» // ТОДРЛ. Т. 9. Л.: Наука, 1953. С. 266–288.

**125.** Мустакимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея // СТТГ. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 31–46.

**126.** Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Репринтное воспроизведение кандидатской диссертации (Институт истории АН СССР, г. Москва, 1951 г.). Сост. и отв. ред. Р.Г. Галлям; авторы предисл. Р.Г. Галлям, С.М. Исаков, А.А. Бурханов. Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 276 с. + 4 с. вкл.

**127.** Несин М.А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 432–491. <[http://www.milhist.info/2019/02/27/nesin\\_13](http://www.milhist.info/2019/02/27/nesin_13)> (27.02.2019).

**128.** Нижегородские исторические песни // сост. М.А. Гришин и др. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка, 2000. 331 с. (Серия: Нижегородские были).

**129.** Нижегородские предания и легенды / сост. В.Н. Морохин. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1971. 240 с.



**130.** Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI в.: Материалы второй областной научно-практической конференции 5–6 декабря 2001 г. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области, 2002. 220 с.

**131.** Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л., 1948. 452 с.

**132.** Орлов А.С. Героические темы древнерусской литературы. М.–Л. 1944. 143 с.

**133.** Павлов Н.П. Была ли Русь данницей Казани? // Ученые записки Красноярского гос. педагогического института. 1957. Т. 9. Вып. 1. С. 157–165.

**134.** Пахомов И. Пищальники Василия III // Цейхгауз. 2002. №4 (20). С. 6–9.

**135.** Пенской В.В. Военное дело Московского государства. От Василия Тёмного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. М.: Центрполиграф, 2018. 351 с.

**136.** Пенской В.В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII вв. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. №2. С. 56–66.

**137.** Пенской В.В. Некоторые соображения по поводу статьи А.Н. Лобина «К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства в XVI в.» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. №1–2. С. 91–103.

**138.** Пенской В.В. От лука к мушкету. Вооружённые силы Российского государства во 2-й половине XV–XVII вв.: проблемы развития. Белгород, 2008. 256 с.

**139.** Пенской В.В. От Нарвы до Феллина: очерки военной истории Ливонской войны 1558–1561 гг. Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2014. 150 с.

**140.** Пенской В.В. Полоцкая война. Очерки истории русско-литовского противостояния времён Ивана Грозного. 1562–1570 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 350 с.

**141.** Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. «Центрполиграф», 2017 (Новейшие исследования по истории России). 318 с.

**142.** Пенской В.В. Численность и развёртывание московского и татарского войска в кампанию 1521 г. // Война и оружие: Новые иссле-

дования и материалы. Международная научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 года. СПб., 2010. Ч. 2. С. 194–209.

**143.** Пенской В.В. «Янычары» Ивана Грозного: стрелецкое войско во 2-й половине XVI – начале XVII вв. М.: Эксмо – Яуза, 2019. 320 с.

**144.** Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М: Тип. Грачева И.В., 1877. 338 с.

**145.** Писцовые книги Русского Севера / Сост. Н.П. Воскобойникова, В.Ю. Беликов, Н.Ф. Демидова, М.Ю. Зенченко, Г.А. Иванова. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 480 с.

**146.** Плигузов А.И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М.: Квадрига, 2017. 420 с.

**147.** Поньрко Н.В. Житие Макария Желтоводского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (Вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1 (А–К). Под ред. Д.С. Лихачёва. Л.: Наука, 1988. С. 291–293.

**148.** Поньрко Н.В. Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. – ревнители благочестия // ТОДРЛ. Т. 43. Л.: Наука, 1990. С. 58–69.

**149.** Похлёбкин В.В. Татары и Русь: 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). Справочник. М., 2005. 192 с.

**150.** Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии: история и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб.: Евразия, 2012. 384 с.

**151.** Пудеев А.А. О дате закладки Нижегородского кремля XVI в. <http://www.opentextnn.ru/space/nn/kremlin/?id=4303> (22.12.2017). [Электронный ресурс]

**152.** Разин Е.А. История военного искусства VI–XVI вв. СПб.: Издательство Полигон, 1999. 656 с.

**153.** Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. 207 с.

**154.** Резанова Н.В. Нижний Новгород. Тайны, легенды, истории. Нижний Новгород: Деком, 2019. 232 с.

**155.** Ржига В.Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист // Акад. наук СССР. Труды Отд. древне-рус. литературы ИРЛИ. 1. С. 1–120.

**156.** Руденко К.А. «Чёрная смерть» и судьба Булгарского улуса Золотой Орды (Археологические свидетельства) // Эпидемии и при-

родные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 126–139.

**157.** Руммель В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1886. 972 с.

**158.** Русский биографический словарь, издаваемый Императорским Историческим Обществом. Петроград: Типография Главного Управления Уделов, 1916. 588 с.

**159.** Саначин С.П. Гипотеза фортификации столицы Казанского юрта в его последние дни // СТТГ. Выпуск 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 73–89.

**160.** Саначин С.П. Городские укрепления на территории Татарстана в описании XVIII века подполковника А.И. Свечина и гипотезы их местоположений // Первые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Региональные аспекты губернских реформ XVIII–XIX веков в России», Круглого стола «Стратегическое планирование развития музеев-заповедников», Круглого стола «Всемирное и национальное культурное наследие и человеческий капитал» (Казань, 20–21 ноября 2008 г.). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 147–160.

**161.** Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М.: Московский университет, 1959. 238 с.

**162.** Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 276 с.

**163.** Свечников С.К. Присоединение Марийского края к Русскому государству. Казань, 2014. 268 с.

**164.** Селезнёв Ф.А. История Нижегородского края с древнейших времён до конца XVI в.: Учебное пособие. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2014. 198 с.

**165.** Ситдииков А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006. 288 с.

**166.** Скрынников Р.Г. Иван III. М.: АСТ, 2006. 285 с.

**167.** Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. 1948. Т. 27. С. 18–66.

**168.** Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. 772 с.

## БИБЛИОГРАФИЯ

**169.** Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Книга первая. Т. 1–5 (5). СПб.: Товарищество "Общественная польза", 1851. 1726 ст.

**170.** Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён через тридцать лет собранная и описанная покойным Тайным Советником и Астраханским Губернатором, Васильем Никитичем Татищевым. Книга пятая, или по сочинителю часть четвертая древней летописи русской. М.: Императорский Московский Университет, 1848. 534 с.

**171.** Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 583 с.

**172.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Том 4. авт.-сост. В.И. Даль. 2е изд. СПб.: Типография М.О. Вольфа, 1882. 710 с.

**173.** Голочко А.П. "История Российская" Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005. 544 с.

**174.** Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М., 2002. 752 с

**175.** Трепавлов В.В. «Отецкие дети»: элита Казанского ханства в литовской метрике // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. №3. С. 600–611.

**176.** Трофимова Н.В. Повесть о Мустафе-царевиче // Русская речь. М.: Наука, 2010. №2. С. 69–73.

**177.** Фаизов С.Ф. Поминки-«тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (к вопросу о типологии связей) // Отечественные Архивы. 1994. №3. С. 49–55.

**178.** Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.

**179.** Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М.: Госкультпросветиздат, 1956. 139 с.

**180.** Филатов Н.Ф. Три века Макарьевско-Нижегородской ярмарки. Нижний Новгород: Изд-во «Книги», 2003. 512 с

**181.** Филюшкин А.И. Василий III (Серия ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия, 2010. 346 с.

**182.** Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России с Европой: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. 880 с.

**183.** Филюшкин А.И. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. [Электронный ресурс] // История воен-

ного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI–XIX вв. Ч. II. С. 219–289 <[http://www.milhist.info/2015/02/10/filychkin\\_1](http://www.milhist.info/2015/02/10/filychkin_1)> (10.02.2015).

**184.** Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: Фэн, 1994. 164 с.

**185.** Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: Татарское книжное издательство, 2002. 170 с.

**186.** Хлебникова Т.А. История археологического изучения Булгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987. С. 34–89.

**187.** Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV–начала XVI в. М., 1980. 293 с.

**188.** Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Едиториал УРСС, 2001. 336 с.

**189.** Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Изд. 3-е, дополненное. М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. 320 с.

**190.** Чернов А.В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I). М.: Воениздат, 1954. 224 с.

**191.** Чеченков П.В. Казанское порубежье во внешней политике русского государства первой трети XVI в. // Мининские чтения: труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (29–30 октября 2004 г.). Нижний Новгород. С. 150–165.

**192.** Чеченков П.В. Нижегородский кремль XIV–XV веков // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI в.: Материалы второй областной научно-практической конференции 5–6 декабря 2001 г. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области, 2002. С. 111–118.

**193.** Чеченков П.В. Нижегородский край в составе Российского государства в XV – третьей четверти XVI в. Проблемы интеграции / автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. М., 2005. 17 с.

**194.** Чеченков П.В. Спорные вопросы истории Нижегородского кремля XIV – начала XVI в. // Материалы V Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Святыни земли Нижего-

родской. Нижегородский кремль». Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2010. С. 13–25.

**195.** Чеченков П.В. Новая песня о «Старом» // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2012. С. 5–31.

**196.** Чеченков П.В. Новая песня о «Старом». Электронный ресурс: Открытый текст. Дата размещения: 09.12.2012 [<http://opentextnn.ru/space/nn/kremlin/index.html?id=4661>].

**197.** Чураков В.С. Ещё раз о происхождении русского административно-территориального термина дорога // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: История и современность». Глазов, 2005. С. 142–143.

**198.** Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород, 2006. 281 с.

**199.** Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Труды Московского историко-архивного института. Т. 6. М., 1954. С. 187–257.

**200.** Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. 620 с.

**201.** Щербатов М.М. История Российская от древнейших времён. Сочинена Князь Михайлом Щербатовым. Т. 4. Ч. 2. СПб, 1783. 542 с.

**202.** Шостьин Н.А. Очерки истории русской метрологии. XI – начало XX века. М.: Издательство стандартов, 1975. 272 с.

**203.** Экземплярский А.В. Палицкие, князя // Русский биографический словарь: в 25 томах. Т. XIII. СПб.–М., 1902. 745 с.

**204.** Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 165 с. + Табл. + Илл.

**205.** Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М.: Наука, 1981. 296 с.

## ПРИЛОЖЕНИЯ

### Приложение 1. Хронология московско-казанских войн первой трети XVI в.

#### Год 1505

**24 июня 1505** – арест московского посла и погром русских купцов в Казани

**13 июля 1505** – весть о погроме достигла Москвы

**Ок. 18-21 августа 1505** – выступление Мухаммед-Эмина походом на русские окраины

**Август 1505** – на Москве стало известно, что казанское войско переправляется через Волгу для похода. В Муром посланы полки

**30 августа 1505** – татары переходят Суру

*Лето 7014 от сотворения мира*

**4 сентября 1505** – на Москву пришла весть о переправе казанцев через Суру. В Муром направлены дополнительные силы под командованием касимовских «царевичей». Свадьба будущего вел. кн. Василия Ивановича.

**Начало сентября 1505** – татары и ногаи подошли к Нижнему Новгороду, и после 2 дней осады ушли.

**27 октября 1505** – скончался вел. кн. Иван III Васильевич. Престол перешёл к Василию III Ивановичу.

**7 декабря 1505** – отправка московского посольства в Крым

**21 декабря 1505** – крещение «царевича» Кудайкула – брата Мухаммед-Эмина (возможно, московского кандидата на замену последнему)

#### Год 1506

**25 января 1506** – женитьба Кудайкула (Петра Ибрагимовича) на сестре Василия III

**Апрель 1506** – выступление русских войск на Казань

**22 мая 1506** – приход судовой рати Дмитрия Жилки к Казани, первый приступ и поражение на Арском поле

**9 июня 1506** – на Москву прибыл гонец с вестью о поражении. С Москвы выступили воеводы с резервом, а воеводам под Казань посла-

## ПРИЛОЖЕНИЯ

на грамота с новыми инструкциями (о необходимости дожидаться подхода резерва).

**22 июня 1506** – приход конной рати кн. Ростовского под Казань

**25 июня 1506** – второй приступ русских войск, окончившийся поражением и бегством

**Ок. 1-2 июля** – стычка отрядов Джаная и Ф. Киселёва с преследовавшими их казанцами в 40 верстах к востоку от р. Суры

**До 19 августа 1506** – прибытие в Великое княжество Литовское казанских послов с предложением о совместном ударе по Великому княжеству Московскому

### *Лето 7015 от сотворения мира*

**1 сентября 1506** – Москва направила послов к ногайским мурзам

**13/16 октября и позже** – на случай казанского нападения или для нового похода в Муром и Плёс посланы полки

**Осень 1506** – в Нижнем Новгороде кн. Дмитрия сменили другие воеводы

### Год 1507

**Февраль/март 1507** – литовский посол прибыл в Ливонию и склонял магистра к войне с Москвой

**Март 1507** – в Москву от Мухаммед-Эмина прибыл Абдула с предложениями мира

**25 марта 1507** – отъезд Абдулы и А. Лучина с ответом к хану

**Весна 1507** – переговоры между Москвой и Казанью

**Лето 1507** – В.Д. Холмский с ратью в Нижнем Новгороде на случай возобновления войны

**4 августа** – возвращение в Москву ездивших к ногаям гонцов

**Осень 1507** – русские полки на Мещере на случай казанского вторжения (?)

### *Лето 7016 от сотворения мира*

**8 сентября 1507** – Бараш-сеид, окольный И.Г. Поппевин и А.Лукин выехали с Москвы в Казань (до этого, возможно, летом были отпущены русские пленники в Казани)

### Год 1508

**Январь 1508** – возвращение И.Г. Поппевина с шертными грамотами от Мухаммед-Эмина.

### Год 1518

Смерть Мухаммед-Эмина



## ПРИЛОЖЕНИЯ

### Год 1519

Возведение на казанский трон русского ставленника – Шах-Али

### Год 1521 (*лето 7029*)

**Апрель** – выступление крымского войска в поход – на Великое княжество Московское? (далее – ВКМ)

**Апрель** – Сахиб-Гирей вступил в Казань и воссел на трон; русский погром в Казани, Шах-Али бежал

**Весна** – размещение русских войск в украинских городах против татар (вкл. 10–13 тыс. ратников против казанцев)

**Начало мая** – выступление казанских отрядов на северо-восточные уезды ВКМ

**26 мая** – татары и черемисы напали на Унженские волости и подошли к Парфеньеву

**4 июня** – безуспешная осада Унжи казанцами

**28 июня** – крымское войско перешло Оку

**Лето** – казанцы разоряют северо-восточные и юго-восточные уезды ВКМ, возможно, доходя до Коломны и, в соединении с крымцами – до Москвы

**21 августа (?)** – казанцы разорили окрестности Нижнего Новгорода и атаковали город

### Год 1522

**Лето** («*лето 7030*») – выдвижение Василия III с полками в Коломну и другие украинные города на случай крымского вторжения

### *Лето 7031 от сотворения мира*

**15 сентября** – казанцы напали на Галицкие волости и «разогнали» великокняжескую заставу в Парфеньеве

**28 сентября** – казанское нападение на Южную

### Год 1523

**Март** – Мухаммед-Гирей занял Астрахань и был там убит ногаями. Ногайский поход в Крым

**Апрель (?)** – казни русских людей в Казани (в т.ч. убит великокняжеский посланник)

**28 июля** – выступление Василия III с полками из Москвы в поход на Казань

**23 августа** – прибытие Василия III с полками в Нижний Новгород

**27 августа** – выступление полков из Нижнего Новгорода в казанском направлении

## ПРИЛОЖЕНИЯ

### *Лето 7032 от сотворения мира*

**1 сентября** – в устье Суры заложен Василь-город (Васильсурск)

**Сентябрь** – нападения русских ратей на Луговую и Горную стороны Казанского ханства

**15 сентября** – предположительное возвращение Василия III в Москву (по Никоновской летописи)

**1 октября** – прибытие Василия III в Новую Слободу, позже – в Москву (по Типографской летописи)

**17 октября** – казанский поход к Галичу (сожжён посад)

**Осень** – черемисские набеги на Муромские окрестности

**Декабрь** – прибытие в Крым казанского посла с просьбой о военной помощи против ВКМ

### Год 1524

**Март** – в Москве узнают о затруднениях казанского хана с организацией обороны ханства

**Вторая половина весны** – отъезд Сахиб-Гирея из Казани; новым ханом стал Сафа-Гирей

**8/14 мая** – выступление из Москвы русской судовой рати

**15 мая** – выступление из Москвы русской конной рати

**7 июля** – прибытие судовой рати под Казань

**28 июля** – пешая русская рать перебралась с Гостиного острова на казанскую сторону; бои на Царёвом лугу

**28 июля** – бой на Свяге между русской и казанской конными ратями; поражение казанцев и разорение черемисских и татарских улусов русскими ратниками

**15 августа** – русская конница достигла Казани; попытка штурма Казани и отступление русских ратей

### *Лето 7033 от сотворения мира*

**24 ноября** – в Москву прибыли казанские послы; начало долгих переговоров

### Год 1526

**Март** – прибытие в Москву очередного казанского посольства

### Год 1527

**Весна/лето** – московский посланец направлен в Казань

**Осень** – казанское посольство в Москву

**Год 1528**

**Лето** – направление до 14 тыс. ратников в «украинные» русские города и волости на востоке и северо-востоке (Мещера, Муром, Нижний Новгород, Чухлома, Унжа, Кострома, Плѣс)

**Осень** – прибытие к Василию III в Новую слободу казанского посольства; в Казань направлен русский посланник, но хан не шёл на уступки и фактически прервал переговоры

**Год 1529**

**Лето** – полем под Казань послана небольшая (до 4 тыс.) конная русская рать для нанесения ущерба и разведывания обстановки

**Лето/осень** – многочисленные русские рати размещены в восточных и северо-восточных волостях (или имеется в виду 1528 г.?)

*Лето 7038 от сотворения мира*

**Год 1530**

**После 12 апреля** – выступление русских войск на Казань

**10 июля (?)** – соединение конной и судовой русских ратей под Казанью

**12 июля** – попытка штурма Казани

**15 июля** – сожжение деревянных казанских укреплений, ожесточённые бои на Арском поле и на посаде; бегство хана

**Вторая половина июля** – интенсивный обстрел казанских укреплений; казанцы просят о мире

**30 июля** – русские рати отправились домой

**31 июля** – переправа через Волгу конной рати

**15 августа** – выход конной рати в Муромские и Темниковские места

**25 августа** – родился Иван Грозный

*Лето 7039 от сотворения мира*

**1 сентября** – возвращение воевод в Москву

**Осень** – прибытие в Москву казанских послов

**Год 1531**

**Январь** – в Казань направлен русский посланник

**24 марта** – вести из Казани от посланника

*Лето 7040 от сотворения мира*

**Осень** – в Нижнем Новгороде сосредоточено до 8 тыс. русских ратников; несколько тыс. воинов направлены также в северо-восточные волости; продолжение переговоров с казанской верхушкой

**Год 1532**

**Январь–февраль** – набеги татар и черемисов на северо-восточные волости

**Весна** – Сафа-Гирей со сторонниками изгнан из Казани после неудачной попытки убийства русского посла; новым ханом стал московский ставленник Джан-Али

**Осень–зима** – набеги татар и черемисов на восточные русские «украины»

**Приложение 2. Синодик по убитым под Казанью в 1506 г.**

Текст воспроизводится по изданию: Гневашев Д.Е. Вологодский служилый «город» в XV – начале XVI века // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и Новое время. Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 680–681 (оригинал хранится в Российской национальной библиотеке: Собрание Погодина. 1596. Л. 169 об., 170).

«Иже дерзнувше Христа ради пострадати за святыя церкви и за правоверную веру христианскую под градом Казанию оубиенным от того ж безбожного царя Магмед[а]мния.

Князю Феодору Ивановичю Палецкому, Дмитрию Васильевичю Шеину, князю Михаилу Феодоровичю Карамышу Курбьскому вечная память.

Князю Александру Даниловичю Пенкову, князю Василью Васильевичю Ногтеву, князю Феодору Борисовичю Горбатого, князю Ивану Васильевичю Шастунову, князю Роману Корбьскому, князю Ивану Михайловичю Деева, князю // Дмитрию Юхотцкому, князю Михаилу Мезецкому, князю Семену Лугвицыну, князю Дмитрию да князю Ивану Лвовым, князю Семену Неледенскому, князю Феодору Шелешпалскому, князю Василью, князю Феодору, князю Ивану Дябринским, князю Феодору Кемскому, князю Григорию, князю Ивану Вадбалским, князю Ивану Пенке Оухтомскому, князю Феодору Хулюю, князю Семену, князю Данилу княжим Ивановым детем Волковым Оухтомского, Феодору Игнatieвичю Образцову, Григорию Никифоровичю Крелеву, Ивану Коробову, Афонасию Хвостову и сыну его Афонасию, Феодору Васильеву сыну Оушакова и иж с ними оубиенным под Казанью вечная память.

Детем боярским вологодским на том же бою избиемым в Казани.

Никите, Данилу, Михаилу, Данилу, Протасию, Григорию Тимофеевым детем Матафтина, Нестеру Дедевшину, Андрею Трусову, Семену Васильеву сыну Татарину, Феодору Неправдину, Василью Пороше, Афонасию Фунику, Василию да Григорию Андреевым детем Ступина, Левашу Никит[ин]у Волоцкого, Михаилу Константинова Смешкова, Логину Кутлунину, Максиму Феофанову, Кирилу Ромянцову, пострадавшим за православную веру, вечная память».

**Комментарий Б.А. Илюшина к списку князей**

«Князю Феодору Ивановичю Палецкому, Дмитрию Васильевичу Шеину, князю Михаилу Феодоровичю Карамышу Курбьскому вечная память». Это – большие воеводы, командовавшие полками судовой рати. Далее идут служилые князья – командовавшие более мелкими контингентами («головы»).

Александр Данилович Пенков – сын Даниила Александровича Пенко, представителя князей Ярославских. Его отец был последним удельным князем на Ярославле (и уступил вотчину Ивану III), отчего эта линия фактически перешла на положение служилых князей, причём лично близких к Василию III. Александру Даниловичу принадлежал замечательный рукописный памятник XV в. – Буслаевская Псалтырь, отличающаяся высоким уровнем каллиграфии и оформления<sup>1</sup>. Видимо, после его смерти книга стала вкладом в Троице-Сергиев монастырь<sup>2</sup>.

Князь Василий Васильевич Ногтев. Можно предположить, что речь идёт о представителе одной из линий Суздальско-Нижегородских князей (утративших удельные права и ставших служилыми ко второй половине XV в.). Однако известно, что князь В.А. Ногтев (младшим сыном которого был Василий Васильевич, не имевший потомства) служил ещё в 1533 г.<sup>3</sup> Так что, если мы верно определили человека из синодика, выходит, что В.В. Ногтев был ещё совсем молод (от 15 лет).

Князь Фёдор Борисович Горбатый. Ещё один представитель Суздальско-Нижегородских князей. Фёдор Борисович Кузнец – внук И.В.

<sup>1</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 92; Кучкин В.А. О времени написания Буслаевской Псалтыри // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. Сб. 1. С. 218–225.

<sup>2</sup> Борисова Т.С., Турилов А.А. Буслаевская псалтырь // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 390–391.

<sup>3</sup> История родов русского дворянства. Т. 1. С. 118.

Горбатого, получившего в «вотчину» Городецкий уезд ещё от Василия П. Отметим, что П.Н. Петров писал о смерти Фёдора Кузнецца под Казанью в 1552 г., а по данным А.А. Зимина это случилось в 1506 или 1530 гг.<sup>4</sup> Как видим, дату можно уточнить.

Иван Васильевич Шастунов. Шастуновы были ответвлением Ярославских князей<sup>5</sup>. Иван Васильевич был бездетным сыном основателя фамилии – Василия Васильевича Шастуна-Великого<sup>6</sup>.

Князь Роман «Корьбский» – упоминаемый и в другом источнике<sup>7</sup> брат воеводы Передового полка судовой рати М.Ф. Курбского.

Князь Иван Михайлович Деев. Видимо, внук Ивана Дмитриевича по прозвищу Дей, что происходил из Ярославских князей<sup>8</sup>.

Князь Дмитрий Юхотцкий – Дмитрий Фёдорович, внук Ивана Даниловича, получившего прозвище по названию удела (Юхоть), и происходившего из князей Новленских (одной из ветвей Ярославских). На сыне Дмитрия Юхотского Иване фамилия пресеклась<sup>9</sup>.

Михаил Романович Мезецкий, в 1492/1493 гг. перешедший на службу к Ивану III от великого князя литовского. Мезецкие были ответвлением Черниговских князей, и имели удел в верховьях Оки – в совр. Мещовске<sup>10</sup>. В рассматриваемое время Мезецкие были низведены до положения княжат; занимались войной и в ходе русско-литовских войн растеряли свои земли, так что в ВКМ они прочных корней не имели<sup>11</sup>. В «Бархатной книге» приводится без ссылки на источник сообщение о гибели под Казанью вместе с Михаилом Романовичем и его сына – Андрея<sup>12</sup>.

<sup>4</sup> История родов русского дворянства. Т. 1. С. 122; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 74.

<sup>5</sup> Долгоруков П.В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. 2. СПб., 1855. С. 293.

<sup>6</sup> Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 2. С. 87.

<sup>7</sup> История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. С. 28.

<sup>8</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 42.

<sup>9</sup> История родов русского дворянства. Т. 1. С. 88.

<sup>10</sup> Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 100, 103, 198; Синодик 1684 г. // Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. 1788. С. 464.

<sup>11</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 135–136.

<sup>12</sup> Родословная книга Князей и Дворян российских и выезжих. Ч. 1. Сост. Н.И. Новиков. М.: Университетская типография, 1787. С. 211.

Князь Семен Лугвицын. Определить его происхождение не удалось. Ясно, что он сын или потомок человека по прозвищу Лугвица (луговка – птица чибис).

Князья Дмитрий и Иван Львовы. Ещё одна ветвь ярославских князей (?). Увязать их с известными фигурами нам не удалось. Можно предположить, что Дмитрий это Д.Л. Векошка<sup>13</sup>, но Иван никак не может быть его сыном, и вряд ли – племянником. Оставим вопрос открытым.

Семён Нелединский. Нелединские происходили от поляка Станислава Яновича Мелецкого, выехавшего в ВКМ в первой половине XV в., а фамилия их – от вотчин по р. Нелединке. Однако среди известных представителей Неледенских рассматриваемого периода Семёна нет. Вопреки тексту Синодика, Нелединские не имели княжеского титула<sup>14</sup>.

Фёдор Шелешпальский. Князья Шелешпанские (Шелешпальские) были младшей отраслью Белозёрских и владели восточной зашекснинской половиной удела – Сугорьем, причём во второй половине XV в. они были служилыми князьями вологодских удельных князей, а в 1495 г. Андрей Шелешпанский служил уже Ивану III<sup>15</sup>. Тут упомянут, видимо, продолжатель рода в XVI в. – Фёдор Юрьевич по прозвищу Бедра<sup>16</sup>. А.Л. Грязнов не исключает также гибель во время войны 1505–1507 гг. Ивана Головы Шелешпальского<sup>17</sup>.

Князья Василий, Фёдор и Иван Дябринские – из князей Белозёрских. Род владел вотчинами на Вологодчине, в Пошехонье<sup>18</sup>.

---

<sup>13</sup> Дворянские роды Российской империи. Т. 1. Князья... С. 275–277.

<sup>14</sup> Синодик по убитым в битве под Казанью... Прим. 40; Руммель В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1886. С. 129.

<sup>15</sup> Грязнов А.Л. Двор Верейско-белозерских князей в 1389–1486 годах // Кириллов (Краеведческий альманах). Вып. 4. 2001. С. 24–51.

<sup>16</sup> Петров П.Н. История родов русского дворянства. Т. 1. СПб.: Книгоиздательство Герман Гоппе, 1885. С. 108.

<sup>17</sup> Грязнов А.Л. Реконструкция вотчинных архивов князей Ухтомских // История и культура Ростовской земли. 2014. Ростов, 2015. С. 21–44. С. 25, прим. 17.

<sup>18</sup> Каштанов С.М. Белозерско-пошехонские князья и другие вкладчики Павлова Обнорского монастыря // История и культура Ростовской земли. 2005 г. Ростов, 2006. С. 207–248.

Фёдор Кемский – князь из угасшей в XVI в. ветви Белозёрских князей<sup>19</sup>. Наименование происходит от р. Кема. Видимо, это – бездетный Фёдор Давидович Кемский, из-за чьих владений в 1508 г. судились с его вдовой его племянники Даниил и Давыд Юрьевичи, поскольку Анна Кемская нарушала их с дядей договор о продаже<sup>20</sup>.

Князья Григорий и Иван Вадбалские. Князья Вадбольские были ответвлением Белозёрских (прозвание пошло от одноимённой волости, в которой они имели владение)<sup>21</sup>.

Кн. Иван Пенка Оухтомской – это, видимо, сын князя Василия Ивановича Ухтомского – воеводы и героя битвы с татарами на Волге в 1469 г. Ухтомские – ещё одно ответвление Белозёрских князей<sup>22</sup>.

«Князю Феодору Хулуу, князю Семену, князю Данилу княжим Ивановым детем Волковым Оухтомского» – Фёдор Васильевич Холуй Ухтомский, чья вотчина (включавшая сёла Борисоглебское и Мошенкино) после его гибели была поделена между двумя сыновьями<sup>23</sup>, и его двоюродные братья – Семён и Даниил Ивановы дети Волковы-Ухтомские (сыновья Ивана Ивановича Волка)<sup>24</sup>.

Фёдор Игнатьевич Образцов. Мы можем предположить, что это сын Игнатия Борисовича Образца (из могущественного старомосковского рода Кобылиных) – воеводы удельного князя Андрея Васильевича Большого Углицкого (1446–1493)<sup>25</sup>.

<sup>19</sup> Виноградов. А. Ростовские и Белозерские удельные князья // Русский биографический словарь: в 25 томах. Т. XVII. СПб.–М., 1918; Каштанов С.М. Белозерско-пошехонские князья... С. 207.

<sup>20</sup> Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.–Л., 1951. С. 33; Правая грамота об отсуждении от княгини Анны Кемской села Гридинского с деревнями в пользу князей Даниила и Давида Кемских // Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою комиссиею // СПб.: 1838. № 13. С. 25–27.

<sup>21</sup> Черкасова М.С. Северная Русь... С. 19; Петров П.Н. История родов русского дворянства. Т. I / сост. П.Н. Петров. СПб.: 1885. С. 114.

<sup>22</sup> Черкасова М.С. Северная Русь: история сурового края XIII–XVII вв. Москва: Центрполиграф, 2017. С. 19; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 83–84.

<sup>23</sup> Грязнов А.Л. Реконструкция вотчинных архивов князей Ухтомских... С. 33.

<sup>24</sup> Петров П.Н. История родов русского дворянства... С. 111.

<sup>25</sup> Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 175.



Григорий Никифорович Кренин – возможно, это костромской помещик Григорий Дедевша Кренин, от которого произошла фамилия вологодских Дедевшиных<sup>26</sup>. Нестер Дедевшин упомянут в Синодике ниже – среди 19 вологодских детей боярских.

Иван Коробов – представитель ещё одного служилого семейства. Синодик 1684 г. содержит его отчество – Андреевич<sup>27</sup>. Судя по всему, это сын А.И. Коробова – одного из воевод Сторожевого полка конной рати (так что, возможно, И. Коробов находился в том же войске).

Афанасий Хвостов и сын его Афанасий. Предположительно это представители старомосковского знатного рода, правда, потерявшего бывшее влияние ещё со смерти основателя фамилии – Алексея Хвоста (1356 г.), и перешедшего на службу к удельным князьям. Ко времени рассматриваемых нами событий Хвостовы снова служили великим князьям московским, но на куда более скромном положении. Потомком Алексея Хвоста в 7 колене был Афанасий Прокофьевич, живший примерно в конце правления Ивана III и Василия III<sup>28</sup>. Видимо, в Синодике записан именно он с сыном.

Феодор Васильев сын Оушаков – предположительно, представитель одной из ветвей потомков Михаила Сорокоума, родственной ряду знатных фамилий, не имевших высоких придворных должностей.

#### **Из примечаний Д.Е. Гневашева по детям боярским**

Матафтины – старинный костромской род, известный по Вологде с 1464/1465 гг., когда отцу убитых в 1506 г. братьев Тимофею Никифоровичу Матафтину была пожалована дер. Бурдуковская с пустошами (Комельская вол.)<sup>29</sup>.

Дедевшины – возможно, происходят от костромского же помещика Григория Дедевши Кренина (ум. в 1495 г.?)<sup>30</sup>. Возможно, что и Григорий Дедевша погиб в 1506 г.

<sup>26</sup> Гневашев Д.Е. Вологодский служилый «город» в XV – начале XVI века... Прим. 43.

<sup>27</sup> Синодик 1684 г. // Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. 1788. С. 464.

<sup>28</sup> Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1856. Ч. 3. С. 289–290; Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев... С. 244–246.

<sup>29</sup> Д.Е. Гневашев ссылается на работу С.М. Каштанова «Очерки русской дипломатики» [М, 1970. С. 481–482. № 78]

<sup>30</sup> Автор ссылается на книгу: Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974. С. 93

Трусовы – вологодские вотчинники; известны с конца XV в.

Василий Порошин – вероятно родоначальник вологодских Порошиных. Возможно, это его детям в 1506/1507 гг. была выдана от лица Василия III известная по упоминанию жалованная несудимая (?) грамота на вотчинную деревню Марьинскую в Ракульской волости Вологодского уезда<sup>31</sup>.

Волоцкие, как отмечает Д.Е. Гневашев, были коренным вологодским служилым родом, владевшим с XV в. вотчинами, в том числе, в районе волости Лежский волок (откуда и прозвище). К концу XVII в., однако, родовые предания исказились, из-за чего фамилию стали возводить к выходцу из Польши времён Василия III, а Леваш Никитин Волоцкий превратился в братьев Леваша и Никиту, павших под Казанью в 1552 г.

Смешковы – вологодские вотчинники, известные с начала XVI в. Кирилл Румянцев же, по предположению Д.Е. Гневашева, происходил из белозёрских Румянцевых, вотчинников первой половины XV в.

### Приложение 3. Выдержки из источников

*Сигизмунд Герберштейн о русских и татарских войнах и кампаниях 1506 г.*

#### **Описание русских воинов**

«Лошади у них маленькие, холощёные, не подкованы; узда самая лёгкая; сёдла приспособлены с таким расчётом, что всадники могут безо всякого труда поворачиваться во все стороны и стрелять из лука. Сидя на лошади, они так подтягивают ноги, что совсем не способны выдержать достаточно сильного удара [копья или стрелы]. К шпорам прибегают весьма немногие, а большинство пользуется плёткой, которая всегда висит на мизинце правой руки, так что в любой момент, когда нужно, они могут схватить её и пустить в ход, а если дело опять дойдёт до оружия, то они оставляют плётку и она свободно свисает с

---

<sup>31</sup> Ссылка на издание документа: Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2002. Вып. 8. № 2578.

руки. Обыкновенное их оружие – лук, стрелы, топор и палка [кистень]... Саблю употребляют те, кто побогаче... Хотя они держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плеть одновременно, однако ловко и без всякого затруднения умеют пользоваться ими. Некоторые из более знатных носят панцирь, латы, сделанные искусно, как будто из чешуи, и наручи; весьма у немногих есть шлем. Некоторые носят шёлковое платье, подбитое войлоком, для защиты от всяких ударов; употребляют они и копьё»<sup>32</sup>.

### **Описание татарских воинов**

«Их оружие – лук и стрелы; сабля у них редка. Сражение с врагом они начинают издали и очень храбро, хотя долго его не выдерживают, а обращаются в притворное бегство. Когда враг начинает их преследовать, то татары пускают назад в них стрелы; затем внезапно повернув лошадей, снова бросаются на расстроенные ряды врагов. Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полёта стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок. Для этого у них есть опытные в сих делах вожатые, за которыми они следуют. Но если эти (вожатые) или падут от вражеских стрел, или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладеет такое замешательство, что они не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага. Такой способ боя из-за сходства называют пляской. Если же им приходится сражаться на узком пространстве, то такой способ боя уже неприменим, и поэтому они пускаются в бегство, так как не имеют ни щитов, ни копий, ни шлемов, чтобы противостоять врагу в правильной битве. В седле они имеют обыкновение сидеть, поджав ноги, чтобы иметь возможность легче поворачиваться в ту и другую сторону; если они случайно что-либо уронят, они поднимают (вещь) без труда. Могут сделать то же самое на полном скаку. Если в них бросаешь копьё, они уклоняются от удара, внезапно соскользнув на один бок и держась за лошадь только одной рукой и ногой»<sup>33</sup>.

---

<sup>32</sup> Герберштейн, С. Записки о Московии. С. 114.

<sup>33</sup> Герберштейн, С. Записки о Московии. С. 168–169.

**Подробности разгрома русской рати под Казанью (1506 г.)**

«Казанцы, которым предстояло биться с московитами за свою жизнь и свободу, проведая об устрашающих приготовлениях великого князя, решили перехитрить врага, поскольку знали, что не смогут состязаться с ним в правильной битве. Они разбили лагерь на виду у врага, тогда как лучшая часть войска была скрыта в месте, удобном для засады. Затем, будто поражённые страхом, они вдруг бросились вон из лагеря и пустились в бегство. Московиты... увидели бегство татар и, забыв о строе, стремительно ринулись на лагерь неприятеля. Пока они, полагая себя в безопасности, были заняты грабежом лагеря, татары вместе с лучниками-черемисами выступили из засады и устроили такое побоище, что московиты вынуждены были бежать, бросив орудия и пушки. Вместе с прочими бежали, оставив орудия, и два пушкаря. Когда они вернулись в Москву, государь принял их милостиво. Одного из них, Варфоломея, по происхождению итальянца... он щедро наградил. Третий пушкарь после этого поражения вернулся с порученным ему орудием в надежде заслужить у государя великую и вечную милость за своё рвение по сбережению орудия. Но государь встретил его упрёками: «Подвергнув себя и меня такой опасности, ты, вероятно, собирался [или бежать или] сдать врагам вместе с пушкой; к чему это нелепое старание сохранить орудие? Не орудия важны для меня, а люди, которые умеют лить их и обращаться с ними»<sup>34</sup>.

***Андрей Курбский о Казани и пути к ней в 1552 г. (перевод)***

«... А нас он [царь] послал тогда с тринадцатью тысячами через Рязанскую и Мещерскую земли, где живёт мордва. Пройдя дня за три через мордовские леса, вышли мы в открытую степь и шли правее великого князя в пяти днях конной езды от него. Таким образом, мы прикрывали его тем войском, что было у нас, от заволжских татар (ведь он боялся, чтобы не напали на него внезапно ногайские князья). С великим трудом, изголодавшись, недель через пять добрались мы до Суры, большой реки при устье речки Барыша, куда и он пришёл в тот день с главными войсками. В тот день с большим удовольствием и благодарностью наелись мы сухого хлеба...: дней на девять недостало нам хле-

---

<sup>34</sup> Герберштейн, С. Записки о Московии. С. 172.

ба. Но прокормил Господь Бог нас и войско наше и рыбами и другими зверьми, ведь в степных реках там много рыбы.

Когда переправились мы через реку Суру, стали встречать нас, как бы радуясь приходу царя, по пятьсот, по тысяче человек верхних черемисов – особый народ, называемый на их языке чувашами... И от той реки шли мы с войском восемь дней степью и дубравами, кое-где и лесами, а населённых мест там очень мало, поскольку расположены они у них при больших крепостях и незаметны даже тем, кто проходит близко.

... А на третий день двинулись мы [из Свияжска] в путь и четыре мили прошли дня за три, ибо немало там рек, которые впадают в Волгу, так что перебирались по мостам и гатям, а их казанцы испортили перед нами. На четвёртый день вышли мы к крепости Казани на большие, просторные, гладкие и очень красивые луга и расположились там войском вдоль реки Волги. И тянутся те луга до города на милю с лишним, но стоят крепость и город не на Волге: река под ними называется Казань, по ней и город назван. Расположен он на большой горе, особенно если смотреть со стороны Волги, а с ногайской стороны, от реки Камы и так называемого Арского поля, к нему идёшь по равнине.

... И вот подошли мы к городу Казани, который расположен на неприступном месте: восточнее его течёт река Казань, а западнее – речка Булак, сильно заболоченная и непроходимая. Течёт она у самого города и впадает у угловой вышки в реку Казань. А вытекает она из довольно большого озера Кабан, это озеро с полверсты не доходит до города. А если перебраться через эту речку, неудобную для переправы, то между озером и городом со стороны Арского поля будет расположена гора, очень крутая и труднодоступная. И вокруг города от той реки и до озера, по названию Поганое, что расположено у самой реки Казани, выкопан очень глубокий ров. А со стороны реки Казани гора так высока, что трудно охватить её взглядом. На ней-то и находятся крепость и царский дворец и высокие каменные мечети, где положены их умершие цари»<sup>35</sup>.

---

<sup>35</sup> Курбский А. История о делах великого князя московского // подг. К.Ю. Ерусалимский, пер. А.А. Алексеев. М.: Наука, 2015. С. 33, 35, 37.

*«Казанский летописец» о казанских войнах Василия III***Казанская осада Нижнего Новгорода в 1505 г.**

«Еще не удовольися Казанскіи царь богатствомъ взятыхъ людеи Рускихъ в Казани, ниже крови ихъ напився. текущія реками, и болшою яростію свирепосердыи разжегъся. И собрався с Казанцы своими, и призва еще к себе на помощь 20.000 Нагаи, воюя, хрестьянство убивая, и прииде к Нижнему Нову граду, взяти его хотяше. и пожже около грады все посады, стояще у града 30 дней, по вся дни приступая ко граду. Воевода же был тогда во граде Хабарь Симскіи и мало с ним боицев, токмо народ градцкіи, страшливыя люди. И не успеха бо к нему с Москвы воя притти, вскоре бо царь, безвестно, пришел, и мало града не взял, аще бы во граде не Бог прилучил огненныя стрелцы, Литовскія, рекомыя желныри. Яты быша на бою, когда побили Литовскую силу на Ведроши храбрыи воевода Московскіи князь Данило, Щеня прозвищемъ; 12 воевод великихъ изыма; с нимъ же приведены те стрелцы и ту заточены в Нижнемъ, в темницахъ седяху. И мало бе ихъ числомъ, толко 300 человекъ останася живыхъ, ини бо в темницахъ изомроша, но превзыдоша бо многочисленныхъ храбростію, и побита много Казанцовъ и Нагаевъ огненнымъ своимъ стреляніемъ, и градъ ото взятія удержаша, и хрестьянски родъ от меча и от плененія избавиша, и застрелиша шурина царева Нагайского мурзу, приведшаго Нагайскія воя своя ко царю в помощь. Беста бо со царемъ стояще за некою церковью хрестіянскою, думаючи о взятіи града, и понужающа воя своя ко приступу, и прилетевъ ядро, и удари его по персемъ, и вниде ему в сердце и проиде сквозь его, и тако изчезе нечестивы. И возмутишася Нагаи, аки птичьа стада, оставше своего вожа и пастыря. Бысть межю ими брань велика усобная, и почашася сечи Нагаи съ Казанцы по своему господине, и много у града паде обоихъ стран. Царь же едва остави смятеніе вои своихъ, и убоясь, отступи от града, и побеже х Казани, и много зла хрестіянномъ учини. И за свое великое добро свобоженне быша ото удержанія града стрелцы те. Воевода же, одаривъ ихъ, и отпусти, они же радостны быша, и поиде во свояси, свободившеся смертныя горкія темницы. Московскія же тогда воеводы пришедъ стояша в Муроме, готовы, а с ними воя 100.000, посланны великимъ княземъ стерещи прихода царева, не дати воли воевати Рускія земля. Они же паче себя стрежаху, а не земля своя, и

веліим страхом объяти быша, безумии, убояхуся, и трепетаху, избранными воины блюдущиеся из града выти, толико имуща ни мало воспретити царю. А со царем толко силы 60.000 рати. Казанцы же неподалеку отъ них по местом хожуху, воююще, християнь губяху, и насмевающися воеводам безумным, великая села огнем пожигаху»<sup>36</sup>.

**«Казанский летописец» о казанском походе 1506 г.**

«На великом лузе, на Арском поле, около града, поставлеша царь до 1.000 шатров на праздники своя, и велможи его в них же кормчествоваше, и пьюще, и веселящися всякими потехами царскими, честь празднику своему творяще; тако же и гражания вси, мужи и з женами гуляюще по их, пьюще в корчемницах царевых, покупающе на цены похлажахуся. Много же народу збирающися, Черемисы на праздники тья с рухлом своим из далних улусов и торговаху з градцкими людми, продающе и купующе, и меняюще. И в тех же корчемницах испивающе, веселящися царю и велможамъ его и всему достаждному люду Казанскому – а ни ведающе они на себя ничего же – и праведного Николы чудотворца умолением, аки с небеси, падоша вои Руския на поганых варвар Казанцов и побиша напрасно Казанцов, ових же плениша, ини же во град со царем убежаша, ови же в лесы, кождо их избыти. И от великия тесноты во граде задыхахуся и задавляющися добре людие: аще бы три дни едины постояли у града вои Руския, тогда бы взяли град волею, без нужды. И ошастася на лузех стояща у града все царевы шатры и катарги велмож его со многим ядением и со многим питием и со всяким рухлом; воя же Руская от путного шествия нужного, уже аки взяша град Казань, и оставя дело Божие и приклонишася на дело дьявольское – и начаша без страха ясти и пити, и упиватися без ведания скверным ядением и питием варварским, и глумитися, играти, и спати до полудня. Царь же ис стрельницы зряще с Казанцы безчинство Руских вои, безумного их шатания, и узна царь, яко все Руския воя пьяни, от мала и до велика, яко и до самих воевод, и помышляше же царь подобна искати времяни, како бы напасти на Руских вои. И разгневаясь Господь на Руских вои, отня у них храбрость и мужество, и дал Бог поганому царю храбрость и мужество. В третий же день пришествия

---

<sup>36</sup> История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. Под ред. Г. З. Кунцевича. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. Ст. 24–25.

силы Руския х Казани, в 2 час дни, отвори царь врата градныя и выехав со 20.000 конными, а 30.000 пешцов, Черемисы злыя, и нападе на полки Руския. Руским же воям всем спящим, от труда путного опочивающим... И покрыся лице земли трупьем человеческим, поле Арское и Царев луг, кровию черленившися. И едва сами воеводы болшие возмогоша убежати, а иных же избиша, и на Русь прибегоша с великою тщетою, и много добре язвенных [сильно израненных] прибегоша... И от тое 100.000 ошастася 7.000 Руских вои, ови же мечем посечени, ови же в водах сами напрасно истопоша, бегаюице от страха варварского. Волга утопшими людми загразе, и озеро Кабан, и обе реки, Казань и Булак, наполнишася побитыми телесы христианскими и течаства по 3 дни кровию, и сверх людеи, аки по мосту, ездити и ходити Казанцом. И толик бысть плачь о сих паче того, еже бысть плачь о прежних побитых людей в Казани живуция Руси, понежи бо ту все падоша воинския главы избранныя, княжия и боярския, и храбрых воевод, и воин, яко же от Мамаи на Дону побитых. И обогатися Казански царь велми узорочьи безчисленными драгими, златом и серебром, и конми, и доспехи, и оружием, и полоном, и кто может число тому дати или счестьи или сметити, еже тогда взял Казански царь, точию гору златую; яко не на долг ему живот протяжетца, умалишася дни его, и скрати его Господь век: вскорее испивает чашу Божию отомщения»<sup>37</sup>.

### ***Казанские набеги в житии Макария Желтоводского (перевод)***

5 июля 1522 года в день памяти преподобного Афанасия Афонского. В этот день, в наказание за множество наших грехов, городу Унже случилась великая напасть от язычников. Подошла к городу большая рать поганых, и хвалились враги Христовы взять его. Окружили они Унжу, а числом их было 20 тысяч.

Невелик город Унжа, но имеет великого и крепкого помощника – блаженного отца Макария Желтоводского, который возлюбил этот город, пришел сюда, здесь же и передал душу свою в руки Господа.

---

<sup>37</sup> История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. Под ред. Г. З. Кунцевича. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. Ст. 26–28.



Эти дерзкие варвары стремительно подступали к городу; некоторые из них стреляли, некоторые поджигали дома. Три дня и три ночи неослабно сражались с ними защитники Унжи. Наступил в городе великий страх и ужас.

Воевода города Федор Супонев созвал тогда горожан на совет, спрашивая, как избыть им беду варварского нашествия. Тогда горожане поведали ему о чудесах преподобного Макария и о том, что ранее уже избавлял он город от варваров: «Достойны, господин Федор, чудеса святого того, чтобы их записать, ибо уже и прежде нападали на нас варвары, хотели сотворить много зла, но не могли: святой Макарий молился за город. Иногда враги проходили мимо Унжи, иногда осаждали, но все равно бежали; мы же от них не бежали никогда. Однажды взяли в плен мы их воинов и спросили, почему их войско ходит вдаль, почему не подходит? Варвары отвечали, что видят они, как святой либо держит город в руках, либо на облаке видят его, а иной раз преподобный ездит на коне и так отгоняет варваров от города».

Услышал Федор про чудеса Макария, тут же пошел в церковь, пал перед образом святого и стал молиться со слезами, повторяя: «Заступник, заступник, скорый помощник святой Макарий! Избавь город от поганых варваров и сохрани, блаженный, в нем своих людей от плена, да не поругаются над нами поганые, да не посмеются над твоими чудесами. Они ведь знают, Господин, что ты всегда защищал город. Защити его и ныне, а вражеские сонмища посрами!»

Так он молился, а варвары в то время подступили к городу и зажгли его. И был огонь на полгорода. Увы, воистину страшное было зрелище: огонь пожирал, а меч сек. Граждане были в отчаянии и страхе, горько плакали и единогласно призывали: «Святой Макарий, помоги нам, избавь от этой беды!». И тут многие, молясь, увидели святого, стоящего над городом и держащего в руках кувшин, и лил он воду на пламя. А поганые все до единого видели святого, стреляющего в них стрелами или бьющего в них из пращи. Это было преславное чудо: христиане видели, как он лил воду на пламя и гасил огонь, варвары – как он стрелял и отбивал их от города.

И тут же молитвами преподобного начался столь великий дождь, что город затопило; пламя угасло. И тут напал на варваров великий страх, началось смятение в их полках, и случилась между ними злая

сеча. Граждане многих из них захватили и отвели к городскому воеводе. Стали воевода и граждане расспрашивать варваров: «Почему смешались полки ваши?» Варвары подробно рассказали, как увидели преподобного над городом: «Некий монах, — говорили они, — стоявший над городом, помогал вам: он стрелял в нас, бил пращей и много зла нам сотворил. В то время, когда дождь гасил пламя, монах явился среди наших полков верхом на огромном сивом коне. Тогда и вышло смятение в рядах наших. Одни хотели схватить его, а другие — посечь его мечом, но никто ничего не мог ему сделать». О великое Божие милосердие! Воистину быстра молитва преподобного: жестоко побили они сами себя, а остатки их бежали неведомо куда. И была в городе великая радость, и все славили Бога и угодника его преподобного Макария.

Из той рати 300 варваров бежали за реку Унжу, и так оказались варвары у обители преподобного. Увидели поганые варвары обитель святого и стали помышлять разорить ее. Господь за наши грехи, а также еще более желая прославить угодника своего Макария, позволил им захватить монастырь. Увидели варвары, что церковный крест сделан из белого железа, и решили, что от него будет большая корысть. Один из них, злодей, подученный дьяволом, влез на купол и начал подсекать крест, думая, что в нем много серебра. И тут же этот варвар внезапно упал с крыши, ужасно и бесчестно отдав свою душу аду. А остальные вошли в церковь и ухватились за раку святого Макария. Но тут молитвами преподобного все они ослепли, все до единого. Испугались они, преисполнились великого ужаса, и ни один из них ничего не смог взять от раки. Воистину явилось преславное чудо: ходили варвары по церкви туда и сюда, не видя ничего вокруг. Тут подоспели христиане и стали бить ослепленных. Варвары, исполненные смертного ужаса, побросали оружие и побежали к реке, как будто кто-то их гнал. И многие из них молитвами преподобного утонули. А оставшиеся в живых ушли во свояси, дивясь чудесам святого Макария.

С тех пор поганые не только сами не творили зла обители, но и другим варварам заповедали не приближаться к обители святого. А если случалось злым варварам идти ратью мимо монастыря, то отряжался большой отряд стеречь ворота обители. Так была помилована обитель святого.

18 января 1532 года

Огромная рать поганых вторглась на Галицкую землю, войско в 14 тысяч человек подошло к городу Солигаличу. Величались варвары и похвалялись в великой своей гордыне взять город: научены были своим отцом сатаной творить зло святым Божиим церквам и православным христианам. И не ведали сыны агарянские о близкой гибели, хотя еще пророк предупреждал: «Да постыдятся все, поклоняющиеся истуканам, и похваляющиеся идолами своими погибнут». И Апостол говорил: «Верую в Господа нашего Иисуса Христа, не погибнем».

Варвары напали на город внезапно и обложили его со всех сторон. Враги веры и истины жестоко нападали на город: одни пытались его поджечь, другие обстреливали. А в городе были великий ужас и печаль, плач и стоны наполнили все. Три дня и три ночи бились горожане с варварами.

Был в городе храм во имя всеславного Успения Пречистой Владычицы нашей Богородицы, где находился образ Макария Чудотворца, от которого прежде происходили великие чудеса, да и сейчас происходят. И вот иереи того храма, служители Христовы, поведали народу о прежних чудесах от иконы и повелели народу молить Бога и Пречистую его Мать Пресвятую Богородицу, призывать на помощь и защиту угодника их преподобного Макария.

Услышали об этом горожане (знали они, что святой был небесным заступником Галича) и, желая помощи святого, стали просить представителей Христовых, чтобы для всеобщего обозрения вынесли они из церкви образ чудотворца Макария, облеклись в священнические одежды и вместе с народом сотворили молитву. Тогда иереи приказали ударить в «проповедники», и все единодушно стали молиться; молились и жены, держа на руках грудных младенцев, слыша звон колоколов-«проповедников» у святой церкви. Пресвитеры же оделись в церковное облачение и стали с «проповедниками» молить Бога. «Помилуй нас, Боже, по великой милости твоей, изыми нас из рук врагов наших. Господи, к тебе прибегаем: погуби всех, враждебных нам». А иные пели в это время канон благодарственный Святой Богородице. Народ стоял вокруг церкви и единогласно молил: «Господи, помилуй нас ради родившей тебя, ради молитв святого Макария, помощника нашего и горячего заступника». Все жалостно взывали к образу: «Святой Макарий, избавь наш город от поганых!» Жены же поднимали младенцев своих, показывали их образу, как живому человеку, и с благоговением взывали к святому: «Ради них, преподобный, будь щедр к нашему городу. Едва

они появились на свет, а уж их хотят срезать, как незрелые колосья. Тяжко нам видеть, как младенцев наших убивают на наших глазах. Лучше уж нам умереть прежде них, чтобы не сжимались от горя наши сердца». Так они молились в великом ужасе, а за городскими стенами, в солеварнях, шел неутихающий бой с погаными.

Наступила Святая Пятница, и вдруг ворота города отворились, и многие (но не все, а лишь боящиеся Бога и просвященные душами) увидели мужа, украшенного сединами; одеяние на нем было иноческого чину, огненное, багрового цвета. И был под этим старцем прекрасный сивый конь. Выехал старец из города и так обратился к поганым: «Беззаконники и злодеи, если вы не отступите, то будете побеждены!» Услышали это варвары, и началось смятение в их полках, напал на них великий страх, и не знали они, куда бежать. А пудари из солеварен во множестве убивали варваров.

О великое Божье милосердие, избавляющее от бед! Воистину быстро исполняется молитва праведного. Невооруженный победил вооружившихся, нагой – закованных в латы. А оставшиеся едва ушли, посрамленные.

Так молением и молитвами чудотворца Макария город был избавлен от врагов. Воспели тогда люди псалом: «Ты спасешь нас от врагов наших и посрамишь ненавидящих нас». Народ получил заслуженную награду: вместо плача радость, вместо печали веселие, и устроил большой праздник. И была заложена в городе церковь во имя чудотворца Макария, и большая радость была в городе. Одни восхваляли святого как победителя, другие как защитника, третьи помощником именовали: «Радуйся, святой Макарий, сберегший город невредимым от врагов! Радуйся, преподобный Макарий, воистину не будет ошибкой назвать тебя заступником нашего города. Радуйся, доблестный воин Христов, преподобный, давший нам доброе утешение: ныне радуемся мы, родственники твои, и дети наши. Слава Богородице и Христу, одарившим тебя щедро чудесами!»<sup>38</sup>.

---

<sup>38</sup> Житие Макария Желтоводского и Унженского / Подготовка текста, перевод и комментарии И.М. Грицевской // Библиотека литературы Древней Руси. [Электронное издание] / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Т. 13: XVI век [<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10577>]

ПРИЛОЖЕНИЯ

**Приложение 4. Русский воеводский корпус 1506 года  
(таблица)**

**ВОЕВОДЫ СУДОВОЙ РАТИ**

ФИО	Происхождение и статус	Число воеводских назначений (в боевых условиях)	Казанский опыт (боевой)
<b>БОЛЬШОЙ ПОЛК</b>			
Дмитрий Иванович Жилка	брат великого князя, удельный князь Углицкий	1 (1)	–
Ф.И. Бельской	Гедиминович, с 1482 г. на московской службе	2 (1)	1499 г.
Д.В. Шеин	Старомосковский боярский род Морозовых, дипломат и полководец	5 (4)	1487 г. 1499 г.
Ф.И. Палецкий	из Стародубских кн., воспитатель Василия III	1 (1)	1497 г.
<b>«НАРЯД» (АРТИЛЛЕРИЯ)</b>			
И.В. Оболен- ский (Куря)	Старомосковский княжеско-боярский род	–	–
А.В. Сабуров	Дядя жены Василия III	2 (1)	1499 г.
Д.И. Ралев	Родич матери Василия III, дипломат, наниматель европейских пушкарей	–	–
А.Ф. Нащокин	из тверских бояр	–	–
<b>ПЕРЕДОВОЙ ПОЛК</b>			
М.Ф. Курбский Карамыш	из князей Ярославских, служилый князь	3 (3)	(1500 г.)
Д.Д. Хромой Ярославский	из князей Ярославских, воевода удельного кн. Юрия Ивановича	–	–

ПРИЛОЖЕНИЯ

<b>ПОЛК ПРАВОЙ РУКИ</b>			
Ф.Б. Волоцкий	последний удельный Волоцкий князь, воевода Дмитрия Жилки	2 (2)	–
М.Ф. Телятевский	из тверских бояр	Не менее 4 (3)	–
В.А. Микулинский	служилый князь из Тверских князей	3 (3)	–
<b>ПОЛК ЛЕВОЙ РУКИ</b>			
И.М. Оболенский Репня	старомосковский княжеско-боярский род	5 (4)	–
П.И. Житов	из тверских бояр	4 (3)	–
<b>СТОРОЖЕВОЙ ПОЛК</b>			
И.И. Стригин Оболенский Щегина	старомосковский княжеско-боярский род	1 (1)	–
Ф.Ю. Кутузов Щука	московская служилая знать	–	–
Ф.П. Сицкой	из Ярославских князей	3 (2)	(1500 г.)
И.А. Жулебин*	московская служилая знать	–	–

\* А.А. Зимин ошибочно 1-е воеводское назначение И.А. Жулебина отнёс к 1509 г. [Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 169]. В нашей работе 2018 г. он ошибочно отождествлён с И.В. Жулебиным, командовавшим осенью 1506 г. ратью на Плесе [Илюшин Б.А. «Война лета 7014». С. 91].

**ВОЕВОДЫ КАМСКОЙ РАТИ**

ФИО	Происхождение и статус	Число воеводских назначений (в боевых условиях)	Казанский опыт
С.Ф. Курбский	служилый князь из Ярославских	1 (1)	Имел опыт похода на Югру
А.Ф. Оленка	служилый князь из Ярославских	–	–

ПРИЛОЖЕНИЯ

И.В. Зернов Брех	московская служилая знать, доверенное лицо Василия III	–	–
И. Андомский	удельный князь Андомский	–	–

**ВОЕВОДЫ КОННОЙ РАТИ**

ФИО	Происхождение и статус	Число воеводских назначений (в боевых условиях)	Казанский опыт
<b>БОЛЬШОЙ ПОЛК</b>			
А.В. Ростовский	ростовский князь, доверенное лицо и воевода Василия III	5 (5)	–
М.Е. Гусев	служилая знать	–	–
В.А. Давыдов	воевода Дмитрия Жилки	?	–
Г. Мещерский	князь Мещерский, воевода кн. Ф.Б. Волоцкого	–	–
<b>ПЕРЕДОВОЙ ПОЛК</b>			
П.С. Ряполовский Лобан	служилый князь из Стародубских	2 (2)	(1500 г.)
<b>ПОЛК ПРАВОЙ РУКИ</b>			
В.С. Ряполовский Мних	служилый князь из Стародубских	4 (4)	(1487 г.)
<b>ПОЛК ЛЕВОЙ РУКИ</b>			
Ф.С. Ряполовский Стрига	служилый князь из Стародубских	–	–
<b>СТОРОЖЕВОЙ ПОЛК</b>			
Ф.И. Стригин Оболенский	Старомосковский княжеско-боярский род	1 (1)	–
А.И. Коробов	тверской боярский род	2 (2)	–

## УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЁН

В список не вошли лица из вологодского синодика

(см. Приложение 2)

- Абдул-Латиф, казанский хан ... 7, 73, 87, 158, 161, 192, 159, 163, 192, 200
- Агафонов С.Л., архитектор, историк*... 21
- Ак-Девлет б. Ак-Курт, сибирский «царевич» ... 157, 170
- Аксанов А.В., историк* ... 15, 30, 37, 55, 91, 284, 294, 298
- Акчурин М.М., историк* ... 17
- Алабышев С.Ф., воевода... 163
- Алегам, казанский хан... 6, 7, 41, 251
- Алей б. Мамай, ногайский мурза... 294
- Александр Владимирович, кн. Ростовский... 10, 16, 127–131, 138, 144, 252, 360, 383
- Алексеев Ю.Г., историк*... 3, 15, 31
- Аленка А.Ф. (см. Ярославский кн. А.Ф. Аленка)
- Али-бей, казанский кн. ... 58
- Алишев С.Х., историк* ... 12
- Али-хан, казанский хан (см. Алегам)
- Алчагир, мурза... 151
- Амелькин А.О., историк* ... 18, 158
- Андрей Боголюбский, князь... 207
- Андрей Иванович, кн., брат Василия III... 183
- Аничков Б.Г., новгородский помещик... 260
- Апай-улан, казанский вельможа... 304
- Аракчеев В.А., историк* ... 16
- Афанасий, дьяк... 227
- Бакеев (Бокеев) М.И., воевода... 190, 191, 199, 201, 209, 280, 271, 280
- Барбашин И.И., воевода... 272, 273, 274, 279, 290
- Бахтин А.Г., историк*... 13, 14, 16, 18, 22, 30, 39, 59, 60, 79, 93, 117, 121, 124, 179, 180, 248, 249, 258, 266, 288
- Бауш, «ханский человек»... 309
- Баязид, османский султан... 97
- Беклемишев И.Н. Берсень, государственный деятель... 29, 77, 212, 215
- Белов Н.В., историк*... 17
- Бельской Д.Ф., воевода... 183, 191
- Бельской И.Ф., воевода... 217, 237, 242–244, 236, 247, 258, 258, 265, 268, 275, 276, 302, 307, 308, 381
- Бельской Ф.И., воевода... 10, 127, 381
- Беляков А.В., историк*... 17
- Берсенёв Иван (см. Беклемишев И.Н.)
- Бокеев (см. Бакеев)
- Бороздин М.В., воевода... 272
- Брех Иван Вельяминов сын, воевода... 128, 145, 383
- Булат, казанский военачальник... 177, 179, 269
- Булат, казанский князь (и военачальник?)... 304
- Булат-Тимур, татарский бий... 32, 55
- Булгаков А.И. Курак, воевода... 163
- Бутурлин Анд. Микитич (Никитич), воевода... 280
- Бутурлин Д.Г. Кривой (Копос), воевода... 225
- Бутурлин Ив. Микитич (Никитич), воевода... 278–280
- Бутурлин М.И., воевода... 307
- Бутурлин П.И., воевода... 307
- Василий II Тёмный, великий князь московский... 36–39, 56, 58, 85, 86, 95
- Взбражской И.П. (см. Збаражский И.П.)
- Вельяминов-Зернов В.В., историк*... 9
- Вернадский Г.В., историк*... 79
- Веселовский С.Б., историк*... 144, 145



- Вижинер, Блез де, публицист... 26  
 Витовт, великий князь литовский... 150, 280  
 Владимир Святой, русс. кн. ... 98  
*Волков В.А., историк...* 13, 179, 249  
*Володихин Д.М., историк...* 16, 129, 144, 145  
 Волоцкий Ф.Б., воевода... 128, 130, 382  
 Воронцов Д.С., воевода... 171, 281, 282, 286, 288  
 Воронцов М.С., воевода... 171, 224  
 Воронцов С.И., воевода... 115, 123, 151  
 Всеволод III Большое гнездо, русс. кн. ... 98  
 Гази-Гирей, крымский царевич и хан... 98  
 Галактион Белозёрский... 159  
 Гаухаршад (Ковгоршад)... 313  
 Герберштейн Сигизмунд, императорский посол, писатель... 8, 24, 53, 59, 60, 66, 68, 84, 106, 109, 135, 139–141, 156, 164, 178, 179, 182, 192, 207, 208, 209, 211, 212, 230–234, 237, 238, 240–247, 249, 253, 261, 266, 308  
 Глинская Е., вторая жена Василия III... 226  
 Глинский М.Л., воевода... 280, 281, 283, 287, 290, 297, 302, 307, 308  
*Гневашев Д.Е., историк...* 20, 148  
 Годунов А.Д., воевода... 310  
 Голенин В., служилый человек... 143  
 Голенин И., кн. Ростовский... 169  
 Горбатый А.Б. Бучен, воевода... 190, 191, 194–196, 207, 209  
 Горбатый Б.И., воевода... 190, 193, 194, 197, 209  
 Горбатый И.И., воевода... 115, 195, 196  
 Горбатый М.В. Кислый, воевода... 218, 219, 275, 276, 280, 302  
 Горбатый Ф.Б. Кузнец, служилый кн. ... 148, 194, 218  
*Грибов Н.Н., археолог...* 21  
*Губайдуллин А.М., археолог...* 22  
 Гусев М.Е. (Михаил Елизаров сын Хабаров), воевода... 129, 383  
 Давыдов В.А., воевода... 129, 252, 383  
 Данай, казанский посол... 263, 272  
 Даниил, митрополит... 211, 308  
 Дашкевич Е., староста черкасский... 167  
 Денисьев Ф.Д. Рязанец, воевода... 282, 286, 288  
 Джан-Али, казанский хан... 75, 87, 172, 178, 313, 316, 329, 364  
 Джанай, касимовский царь... 117, 129, 130, 133, 145, 151, 153, 157, 172, 178, 329, 360  
*Димитриев В.Д., историк...* 18  
 Дмитрий Иванович Жилка, удельный кн. ... 10, 28, 126–131, 136, 142, 144, 146, 149, 151, 152, 165, 167, 365, 359  
 Дмитрий, внук Ивана III... 6, 114  
 Дмитрий Шемяка, кн. ... 37  
 Добрынский-Симский В.Ф. Образец, служилый человек... 224  
*Долгоруков П.В., историк...* 145  
 Дорогобужский И.О. Пороша, служилый человек... 302, 303, 306  
 Евдокия Ивановна, сестра Василия III... 158  
 Едигей, эмир мангытов... 4, 33, 36, 55, 95, 107  
*Ерусалимский К.Ю., историк...* 14  
 Жеребятин С., служилый человек... 173  
 Житов П.И., воевода... 128, 382  
 Жулебин И.А. Большой, воевода... 128, 131, 306, 382  
 Жулебин И.В., воевода... 306  
 Жулебин И.И., служилый человек... 302, 306  
 Замыцкий В., воевода... 272  
 Замыцкой К.Т., воевода... 169  
 Замятнин Ф.Т. (Сабуров)... 302, 307  
 Замятнин Ю., воевода... 167  
 Замятнин Я., воевода... 167

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Засекин И.М. Чулок, воевода... 227, 282, 284, 287, 288
- Захарьин М.Ю., воевода... 190–192, 205, 206, 209, 219, 223, 228, 241–243, 246
- Збаражский И.П., воевода... 163, 169
- Збарецкой (см. Збаражский И.П.)
- Зеналей (см. Джанай)
- Зимин А.А., историк...* 11, 20, 141, 163, 167, 172, 179, 183, 188, 192, 194, 195, 197, 201, 204, 207, 214, 220, 222, 226, 237, 247, 265, 276, 277, 279, 281, 284, 366
- Ибрагим, казанский бакши... 263, 271, 309
- Ибрагим, казанский хан... 6, 39, 40, 83, 101
- Иван Голенище, кн. Андомский, воевода... 128, 383
- Иван Иванович, вел. кн. Рязанский... 168, 183
- Иван III, великий князь московский... 3, 6, 7, 15, 38, 39, 41–43, 52, 73, 76, 78, 83–85, 87, 89, 94–97, 99, 114, 115, 125, 142, 145, 150, 153, 158, 172, 192, 197, 223, 224, 228, 265, 273, 275, 317, 319, 321, 328, 359
- Иван IV Грозный, русский царь... 4, 5, 51, 60, 61, 66, 68, 90, 91, 158, 223, 226, 245, 308, 316, 319, 323, 328, 330, 363
- Ивашенцов Якуб... 173, 191, 222, 223, 230, 243
- Измайлов И.Л., историк...* 20
- Ильхам, казанский хан (см. Алегам)
- Иона, митрополит... 37
- Искандер, османский посол... 216
- Канбар-мурза... 129, 133, 329
- Каракуш, казанская ханша... 117
- Карамзин Н.М., историк...* 8, 210, 257
- Каргалов В.В., историк...* 12
- Кашин А.В., воевода... 189, 191, 200–202, 209
- Кашин И.В. (Оболенский), воевода... 271
- Кашин И.С., воевода... 171
- Кириянов И.А., историк...* 21
- Киселёв Ф., кн. ... 86, 141, 145, 146, 360
- Клепиков И., воевода... 271
- Кляпик М., посол... 114, 152, 298
- Кляпиков-Яропкин И.М., служилый человек... 298, 307
- Ковгоршад (см. Гаухаршад)
- Колло, Франческо де, итальянский посол... 26, 86
- Кольчев Г.А. Большой, воевода... 171, 173, 271
- Кольчев И., дипломат (видимо, одно лицо с И.В. Жуком Кольчевым)... 215, 216
- Кольчев И.В. Лошак (Жук), воевода... 227
- Кольчев И.С., воевода... 310
- Кольчев Ф.С., воевода... 225
- Контарини А., итальянский дипломат, путешественник... 26, 51
- Коробов А.И., воевода... 129
- Коробьин Г.И., служилый человек... 291, 307
- Котляров Д.А., историк...* 14, 33, 234, 257, 319
- Кривоборский В.А. Ковёр, воевода... 172, 173
- Кристиан II, датский король... 210
- Кром М.М., историк...* 3
- Кропоткин А.А. Меньшой, воевода... 226
- Кубенской М.И., воевода... 222, 265, 276
- Кугуш, служилый татарский кн. ... 329
- Кудайкул б. Ибрагим, казанский «щаревич»... 126, 158, 161, 167, 204, 359
- Кульпин Э.С., исследователь...* 78
- Курат, казанский бий... 263, 272
- Курбатов О.А., историк...* 19, 48–50
- Курбский А.Д., воевода... 168, 173

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Курбский А. М., князь, воевода, публицист... 26, 59, 60, 68, 71, 105, 106, 112, 113, 121, 213, 328
- Курбский В. М., воевода... 167
- Курбский М. Ф. Карамыш, воевода... 128, 130, 141, 168, 278, 381
- Курбский Р., служивый человек... 148
- Курбский С. Ф., воевода... 128, 131, 138, 190, 193, 219, 228, 243, 247, 328, 382
- Курбский Ф. М. Чёрный, воевода... 271, 278, 280
- Курицын А. Ф., посол... 260, 262
- Курлятьев Д. И., воевода... 310, 312
- Кутузов Ф. Ю. Щука, воевода... 128, 168, 191, 196, 219, 252, 277, 278, 290, 298, 307, 328, 382
- Кучелей, казанский военачальник... 177, 179, 269
- Ларев (см. Ралев)
- Либей (см. Али-бей)
- Лобин А. Н., историк*... 17, 19, 30, 47, 49, 120, 133, 229, 292, 300
- Лызлов А., публицист XVII в. ... 26, 249, 288
- Ляцкой И. В., воевода... 191, 197, 219, 243
- Макарий, русс. митрополит XVI в. ... 100, 267
- Макарий Желтоводский и Унженский, преподобный... 185, 262, 270, 311, 376–380
- Макарихин В. П., историк*... 12
- Максим Грек, публицист XVI в. ... 25, 184, 217, 268, 269
- Мамазерь-князь... 63
- Мамай, золотоордынский беглербег... 376
- Мамай, ногайский мурза... 187, 294
- Мамыш, казанский князь... 263, 272
- Марджани Ш., тат. просветитель и богослов... 117
- Махмуд, казанский хан (см. Махмутек)
- Махмутек, казанский хан... 35–39, 40, 58, 59, 73, 75, 76, 100, 262, 316
- Мезецкой Г., воевода (скорее тут Г. Мещерский)... 129
- Мезецкой И. Сухой, воевода... 271
- Мезецкий И. С., воевода... 282–284, 286, 287–289
- Мезецкий Ф. С., воевода... 282, 286, 287–289
- Мельников (Печерский) П. И., краевед*... 9, 10, 119, 120, 159, 269
- Менгли-Гирей, казанский хан... 94, 125, 150, 154, 158, 160, 161, 223
- Меховский М., публицист XVI в. ... 60
- Мещерский Г., воевода... 129, 383
- Микулинский В. А., воевода... 128, 382
- Микулинский И. Лугвица, воевода... 273
- Михайлова И. Б., историк*... 15
- Михайло Зверь, начальник «наряда»... 191, 222, 223
- Моисеев М. В., историк*... 15, 30, 71, 98, 126, 184
- Морозов И. Г., воевода... 272
- Мстислав Владимирович, тьмутаракан. князь ... 224
- Муса, ногайский бий... 117, 152, 160
- Мустафа, сын Улу-Мухаммеда... 36
- Мухаммед-Гирей, крымский хан... 7, 69, 160–162, 165–168, 179, 182, 186–188, 320, 361
- Мухаммед-Эмин, казанский хан... 6–8, 10, 16, 17, 41, 63, 73, 78, 84, 86, 87, 97, 100, 115–119, 123–126, 129, 135, 136, 145, 147, 149, 150–154, 157, 158, 161, 162, 166, 232, 234, 298, 307, 313, 319, 359, 360
- Нарыков Чура, казанский военачальник... 64, 175
- Нашокин А. Ф., воевода... 128, 381
- Несвицкий Д. В. Бурмак, воевода... 272, 310

- Несвицкий В.В. Ляпун, воевода... 312, 310  
*Несин М.А., историк*... 17, 30, 63, 87, 183  
 Нур-Султан, крымская ханша... 154, 158, 161  
 Оболенский И.В. Шкурля (Курля) (см. Телепнёв-Оболенский)  
 Оболенский И.М. Репня, воевода... 128, 198, 282, 285, 382  
 Оболенский-Серебряной С.Д. Щепа (см. Серебряной-Оболенский С.Д.)  
 Оболенский Ф.В. Лопата (см. Телепнёв-Оболенский)  
 Олеарий А., путешественник, публицист XVII в. ... 60, 68, 211  
 Отуч-бий, казанский кн. ... 248, 255  
 Охлябин П.Ф., воевода... 220  
*Павлов Н.П., историк*... 11, 36, 38, 58  
 Палецкий В.Ф., воевода ... 310, 312  
 Палецкий Д., воевода... 312  
 Палецкий И.Ф., воевода... 240–247, 249, 252, 255, 256, 272, 308  
 Палецкий Н.Ф., воевода... 272  
 Палецкий Ф.И. Большой, воевода... 127, 130, 141, 381  
 Патрикеев Д.В. Щеня, воевода... 151  
*Пеленский Я., историк*... 92, 97  
 Пенков В.Д., посол... 260  
*Пенской В.В., историк*... 19, 47, 51, 66, 71, 88, 92, 95, 167, 169, 170, 172, 292  
 Пересветов Иван, публицист XVI в. ... 26, 79, 90, 100  
*Переляткович Г., историк*... 21  
 Пётр Дмитриевич, кн. Ростовский... 170, 173  
 Пётр Ибрагимович (см. Кудайкул)  
 Пильемов А.Ф., русс. посол... 271, 272  
 Пиялов А., воевода... 186  
 Плещеев М.А., воевода... 169, 190, 193  
 Плещеев Ф.А. ... 141  
 Поджогин В.Ю., русс. посол... 187  
 Поджогин И.Ю. Шигона (Шигоня), фаворит Василия III... 227  
*Покровский М.Н., историк*... 78, 79  
 Полев В.Ф. Меньшик, воевода... 312  
 Полев И.В., сын боярский... 309  
*Похлёбкин В.В., историк*... 14  
 Прозоровский И.А. Лугвица, воевода... 271  
 Пронский Д.Д., воевода... 252  
 Пронский Ю.Д., воевода... 170  
*Разин Е.А., историк*... 11  
 Ралев Д.И. (Димитр Ралё), приближённый Василия III... 128, 381  
*Рахмязнов Б.Р., историк*... 14, 88  
 Редедя, касожский витязь... 224  
 Реммаль Ходжа, крымский историограф... 233  
 Репнин-Оболенский В.И., воевода... 282–285, 287, 288  
 Репнин-Оболенский П.И., воевода... 191, 198, 225, 282, 285, 287, 288  
 Ряполовский В.С. Мних, воевода... 129, 131, 383  
 Ряполовский П.С. Лобан, воевода... 129, 132, 151, 383  
 Ряполовский Ф.С. Стрига, воевода... 129, 144, 383  
 Саадет-Гирей, крымский хан... 14, 98, 187, 215, 216, 262  
 Саадей-Гирей (см. Саадет-Гирей)  
 Сабака Девлет, русс. воевода... 271  
 Сабуров А.В., воевода... 127, 130, 151, 170, 190, 191, 200–202, 209, 272, 302, 328, 381  
 Сабуров Г.А. служилый человек... 307  
 Сабуров (Замятнин) Ф.Т., служилый человек... 302, 307  
 Сабуров Ю.К., воевода... 151  
 Салтыков Б.И., воевода... 68  
 Салтыков В.М., воевода... 190, 191, 201, 209  
*Саначин С.П., историк*... 22, 72, 296  
 Сатылган, касимовский царь... 117, 130, 329

- Сафа-Гирей, казанский хан... 7, 64, 84, 232–234, 236, 239–241, 248, 260–262, 272, 293–295, 297, 301, 305, 306, 309, 310, 313, 315, 316, 319–321, 324, 362, 364
- Сахаров А.М., историк...* 22, 109
- Сахиб-Гирей, казанский и крымский хан... 7 – 9, 14, 72, 161, 162, 165, 166, 173, 175, 176 – 181, 187, 188, 206, 212, 214 – 217, 231 – 234, 236, 261, 264, 320, 361, 362
- Свечников С.К., историк...* 14, 30, 108, 114, 137, 164, 207, 253, 273, 308
- Сеит, казанский военачальник... 179, 269, 314
- Сеит, казанский (черемисский) военачальник... 314
- Сейид Мухаммед Риза, крымско-османский историк XVIII в. ... 233
- Селиванов Леваш, служилый человек... 168
- Семён Дмитриевич, нижегородский князь... 33
- Серебряной-Оболенский С.Д. Щепа, воевода... 219
- Сигизмунд I Старый, великий князь литовский... 147, 150, 157, 162, 294
- Симский И.В. Хабар, боярин и воевода... 16, 117, 119, 168, 223, 224, 238, 248, 249, 253, 255, 256, 258, 277, 288
- Сисеев К.С. (Сисей), воевода... 163
- Сицкий Александр, воевода... 163, 164
- Сицкий Андрей, воевода... 310, 312
- Сицкий И.Ф., воевода... 310
- Сицкий С.Ф., воевода... 271, 273, 277, 280
- Сицкий Ф.П. Кривой, воевода... 128, 130, 131, 277, 382
- Скиндер (см. Искандер)
- Смирнов В.Д., историк...* 9, 10, 161
- Смирнов И.И., историк...* 11, 179, 182, 183, 188, 217, 222, 230, 237, 246, 252, 309
- Собакин Г., начальник «наряда»... 191, 222, 223
- Собакин С., начальник «наряда»... 191, 222, 223
- Соловьев С.М., историк...* 9, 236, 246, 263
- Сорока, литовский посол в Казань... 150, 152
- Сорокин (Стародубский) Ю. Большой, воевода... 312
- Сорокин (Стародубский) Ю. Меньшой, воевода... 312
- Софья Палеолог, жена Ивана III... 6
- Стригин-Оболенский А.И., воевода... 190, 191, 197, 209
- Стригин-Оболенский И.И. Щетина, воевода... 128, 172, 390
- Стригин-Оболенский Ф.И., воевода... 129
- Стригин-Ряполовский И.Ф., воевода... 189, 191, 201, 209
- Сукин Ф., служилый человек... 312
- Султан-Ахмед б. Муса, ногайский мурза... 117
- Супонев Ф.В., воевода... 185, 272, 277
- Табай, казанский посол... 263, 272, 304, 309
- Талыш, аталык Сафа-Гирея... 248, 255, 297, 301, 306
- Тамерлан, среднеазиатский завоеватель... 33, 57–59
- Татищев В.Н., историк...* 8, 117, 121, 122, 146
- Телепнёв-Оболенский И.В. Немой, воевода... 141, 191, 196
- Телепнёв-Оболенский И.В. Курля, воевода... 127, 141, 381
- Телепнёв-Оболенский И.Ф. Овчина, воевода... 226, 282, 284, 290, 305
- Телепнёв-Оболенский Ф.В. Лопата, воевода... 167, 168, 276, 277, 282, 302
- Телепнёв-Оболенский Ф.В. Овчина, воевода... 283, 286, 291

- Телятевский М.Ф., воевода... 128, 382  
 Темкин-Ростовский Ю.И., служилый человек... 310, 312  
 Тениш, служилый татарский кн. ... 329  
 Тимур (см. Тамерлан)  
*Тихомиров М.Н., историк*... 22, 206  
*Трепавлов В.В., историк*... 13, 16, 69, 117, 162, 295  
 Троекуров И.М., воевода... 172  
 Туренин И.Б., воевода... 252  
 Усейн (см. Хусейн)  
 Улу-Мухаммед, татарский хан... 4, 6, 35, 36, 38, 58, 63, 73, 75, 78, 83, 86, 95, 100, 101, 107, 116, 118, 150, 155, 157, 160, 224, 262, 328  
 Ушаков Ю., воевода... 271  
 Ушатый В.В. Чулок, воевода... 163, 171, 172, 221, 271, 273  
 Ушатый И., воевода... 163, 164  
 Ушатый Ю.В. Большой, воевода... 169, 220, 273  
 Фатима, казанская ханша... 117  
*Филошкин А.И., историк*... 71, 85, 129  
 Фрязин Пётр, итальянский архитектор... 154  
 Хабар Симский (см. Симский И.В.)  
*Хамидуллин Б.Л., историк*... 13  
 Холмский В.Д., воевода... 117, 129, 130, 143, 144, 151, 152, 360  
*Хорошкевич А.Л., историк*... 13, 164  
*Храмцовский Н.И., краевед*... 10, 120, 159  
 Хромой Д.Д. (см. Ярославский кн. Д.Д. Хромой)  
*Худяков М.Г., историк*... 10, 63, 71, 80, 140, 230, 232, 247, 248, 250, 263  
 Хусейн, астраханский хан... 187  
 Чапкун, казанский кн. ... 248  
 Чемоданов У., дипломат... 209  
*Чеченков П.В., историк*... 18, 21, 120  
 Шамин И.М., воевода... 191, 199, 221, 222  
 Шаусейн-сеит (см. Шах-Хусейн)  
 Шах-Али, казанский и касимовский царь... 7, 17, 69, 78, 97, 158, 161, 162, 164, 165, 172, 177, 178, 181, 189, 204, 207, 217, 218, 230, 231, 234, 237, 240, 242, 261, 263, 264, 275, 310, 313, 329, 361  
 Шах-Хусейн, казанский посол... 215  
 Шеин Д.В., кн. и воевода... 127, 130, 141, 381  
 Шейбани Мухаммед, узбекский хан... 147  
 Шейх-Ахмед, большеордынский хан... 178  
 Шейх-Аулияр, касимовский царь... 329  
 Шенгурский И., начальник «наряда»... 191, 222, 223  
 Шереметьев В.А., воевода... 191, 198, 199, 202, 281  
 Шереметьев И., воевода... 167  
 Шигалей (см. Шах-Али)  
 Шир-Мерген Чурачиков, казанский князь... 263  
*Шmidt С.О., историк*... 11  
 Шуйский В.В., воевода... 50, 183, 190, 191, 192, 200, 206, 207, 209, 271, 277  
 Щенятев М.Д., воевода... 272  
 Щепин Б.Д., воевода... 252  
*Щербатов М.М., историк*... 8  
 Юрий Всеволодович, русс. кн. ... 210  
 Юрий Дмитриевич, удельный князь Звенигородский... 33, 56, 57  
 Юрий Иванович, удельный князь Дмитровский... 132, 229, 230, 287  
 Яглыч, бий... 294  
 Ямгурчи, ногайский мурза... 117  
 Янай (см. Джанай)  
 Ярославский кн. Анд. Петров сын Великого... 171  
 Ярославский кн. А.Ф. Аленка (Оленка)... 128, 382  
 Ярославский кн. Д.Д. Хромой, воевода... 128, 381

## УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

### Сокращения

г. – город, городище; оз. – озеро; о-в – остров; п-ов – полуостров; р. – река; р-н – район; с. – село; у. – уезд

- Аламнер (см. Важнангерское г.)  
Андреев Городок Каменный... 178  
Апастовский р-н... 104, 251  
Арск, г., Арский городок... 111, 301, 304  
Арское поле... 113, 139, 296, 297, 301, 359, 363, 373  
Арская дорога... 111  
Астрахань, г. ... 39, 80, 82, 91, 98, 152, 160, 162, 164, 182, 187, 188, 261, 361  
Астраханское ханство... 80, 89, 162, 261, 294, 295  
Балахна, г. ... 106, 178, 314, 327  
Балахнинский у. ... 314, 322  
Банное оз. ... 112  
Бар (см. Черемисский Бар)  
Башкирия... 102  
Белев, г. ... 35, 75, 154  
Березовец Верхний, с. ... 312, 313  
Березополье, с. ... 177  
Браслав, г. ... 224  
Булак, р. ... 112, 113, 139, 248, 296, 300, 301, 373, 376  
Булгар, г. ... 95,  
Булгарский улус... 31, 32, 33, 42, 54–58, 75, 90, 94, 95, 316  
Важнангерское городище... 247  
Василь-город, г. (см. Васильсурск)  
Васильсурск, г. ... 4, 21, 78, 102, 188–191, 198–203, 205–213, 217, 326, 240, 255, 262, 263, 264, 280, 281, 285, 290, 262  
Вачский р-н ... 177  
Везломская волость... 322  
Великое княжество Литовское... 4, 8, 24, 28, 35, 36, 42, 43, 68, 81, 89, 97, 121, 132, 136, 150, 169, 180, 221, 226, 280, 360  
Ветлуга, р. ... 37, 84, 101, 104, 108, 176  
Вильна (Вильно, Вильнюс), г. ... 24, 42, 70, 150, 152, 153  
Витебск, г. ... 227  
Владимир, г. ... 34, 37, 38, 137, 178, 182, 203, 208, 327  
Волга, р. ... 4, 22, 33, 35, 39, 40, 52, 56, 59, 80, 83, 84, 95, 96, 98, 99, 102–107, 109–112, 114–116, 137–139, 151, 160, 165, 178, 189, 204–206, 213, 231, 236, 238–240, 245, 247–249, 251, 254–256, 260–262, 281, 295, 299, 300, 304, 314, 322, 359, 363  
Волжская Булгария... 54, 56, 57, 92, 98  
Вологда, г. ... 23, 312, 369  
Волок Ламский, г. ... 167  
Вязьма, г. ... 198  
Вятка, г. (Вятская земля)... 32, 39 – 41, 43, 63, 84, 87, 88, 101, 108, 109, 155, 156, 181, 195, 315, 317, 320, 321, 326  
Вятка, р. ... 38, 39, 84, 96, 103, 104, 111, 138  
Галич, г. ... 23, 34, 56, 64, 108, 109, 121, 156, 181, 183–186, 214, 310, 311, 312, 362, 379  
Галичский у. ... 175  
Галичское оз. ... 175

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Гнезниково, с. ... 312
- Горная сторона... 26, 53, 82, 92, 96,  
105, 109, 110, 137, 178, 200, 205,  
206, 208, 214, 273, 294, 295, 323,  
324, 362
- Городишна, вол. ... 311
- Гостиный о-в... 111, 112, 238, 239,  
254, 362
- Грязовецкий р-н ... 175
- Двинская земля... 126, 132
- Днепр, р. ... 266
- Дорогобуж, г. ... 286
- Дрисвяты, г. ... 224
- Дятловы горы... 107, 118
- Жегово, с. ... 175
- Зауольская вол. ... 322
- Ильинская гора... 119–120, 412
- Итяково поле... 16, 207, 237, 244,  
248–251, 255, 258, 260, 267
- Ичка Верхняя, р. ... 112
- Ичка Нижняя, р. ... 112
- Кабан, оз. ... 112, 139, 373, 376
- Кадочка, р. ... 120
- Казанка, р. ... 111–113, 139, 239, 296
- Каспийское море... 98
- Кама, р. ... 38–40, 96, 98, 101, 103,  
104, 137, 138, 145, 193, 228, 235
- Кафа, г. ... 182
- Кашира, г. ... 191, 277, 279, 283
- Клин, с. ... 177
- Клязьма, р. ... 137, 172, 254
- Ковалиха, р. ... 120
- Коломна, г. ... 103, 179, 185, 197,  
198, 218, 222, 275, 277, 285, 361
- Конотоп ... 148
- Кострома, г. ... 56, 64, 107, 151, 173–  
175, 272, 273, 363
- Костромской у. ... 223, 312
- Краснобаковский р-н ... 176
- Крым, п-ов, ханство... 7–9, 11, 19,  
27, 28, 39, 42, 59, 62, 69, 72, 76,  
80, 81, 85, 90, 93–96, 98, 100, 110,  
125, 126, 150, 152–154, 158, 160–  
164, 166, 168, 178, 182, 184, 186–  
188, 212, 214–217, 232, 233, 261,  
264, 271, 295, 302, 320, 321, 330,  
359, 361, 362
- Крымское ханство (см. Крым)
- Кудьма, р. ... 314
- Кулганы, с. ... 251
- Кураишева слобода... 248
- Ливония... 43, 81, 87, 147, 229, 323,  
325
- Ликурга, с. ... 312
- Литва... 10, 26, 28, 68, 69, 93, 125,  
126, 150, 152–154, 183, 209, 219,  
229, 265, 277, 281, 313, 316, 325,  
330
- Луговая сторона... 52, 64, 96, 104,  
108, 109, 178, 205, 206, 209, 319,  
326, 362
- Макарьевский Желтоводский мона-  
стырь... 262
- Мало-Сундырское городище (см.  
Важнангерское г.)
- Мещера, регион... 17, 70, 103, 107,  
152, 157, 168, 170–173, 176, 178,  
179, 180, 181, 199, 221, 271, 278,  
280, 284, 286, 315, 329, 360, 363,  
372
- Могилев, г. ... 220
- Мокша, р. ... 172, 173
- Москва, р. ... 126, 137
- Муром, г. ... 36, 37, 68, 103, 106,  
115–117, 122, 123, 129, 130, 143,  
146, 151, 168, 170, 176, 177, 181,  
182, 192, 195, 196, 199, 214, 219,  
224, 239, 240, 252, 254, 255, 271,  
273, 278, 280, 327, 359, 360, 362,  
363, 374
- Нея, р. ... 107
- Нижегородский у. ... 107, 121, 176,  
270

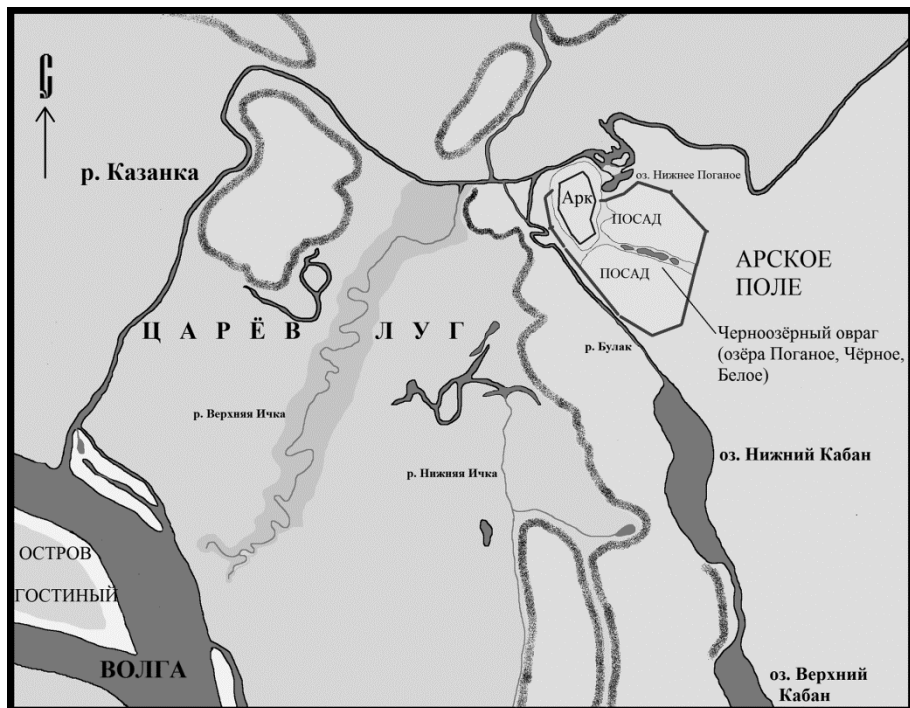


- Нижний Новгород, г. ... 4, 9, 14, 16, 18, 21, 32–34, 36, 41, 56, 80, 83, 86, 94, 95, 101, 103–107, 114–116, 118–124, 137, 138, 142, 143, 146, 151, 152, 154, 155, 157–159, 167–170, 177–179, 181, 183, 188, 189, 203–206, 208–210, 212, 213, 220, 221, 224, 230, 235, 239, 240, 246, 254, 255, 261–263, 269, 270–273, 278, 298, 299, 306, 310, 314, 359–361, 363, 374
- Нижний Новгород Новый, городок... 107, 122
- Новгород Великий, г. ... 4, 23, 31, 33, 40, 89, 150, 172, 192, 220, 224, 225, 229, 317, 326
- Новгород-Северский, г. ... 198, 285
- Новгородская земля (см. Новгород Великий)
- Новая Слобода, с. ... 208, 272, 273, 363, 369
- Новый Городок (см. Нижний Новгород Новый)
- Ногайская Орда... 11, 27, 62, 80, 85, 95, 102, 124, 231, 295, 321
- Нойда, с. ... 175
- Нукратский юрт (см. Вятка)
- Ока, р. ... 55, 103, 106, 107, 116, 137, 167, 177, 178, 179, 182, 210, 230, 254, 271, 285, 327, 361, 366
- Опочка, крепость... 195–197, 201, 202, 222, 277
- Осётр, р. ... 220, 277, 279
- Отяково поле (см. Итяково поле)
- Парфеньево, с. ... 173, 175, 186, 361
- Перевоз, переправа через Волгу у Казани ... 105, 128, 131, 134, 137, 168, 170, 229, 251
- Перекоп... 166, 215
- Переяславль-Рязанский, г. ... 16, 36, 150, 168, 179, 183, 224, 279, 286
- Пермь, Пермская земля... 38, 43, 82, 83, 88, 115, 172, 315, 320, 321
- Пермь Великая (см. Пермь)
- Плесо (Плѣс), г. ... 56, 151, 170, 272, 360, 363
- Поганое оз. ... 112, 113, 139, 373
- Почайна, р. ... 107, 120
- Почаинский овраг... 107, 120
- Псков, г. ... 4, 43, 72, 84, 150, 305
- Пьяна, р. ... 106, 301
- Рославль, г. ... 195, 277
- Рязанское кн-во... 36, 43, 89, 160, 230
- Рязань (см. Переяславль-Рязанский)
- Сальник, г. ... 266
- Самарская лука... 102
- Сарай, столица Золотой Орды... 32, 35, 40, 166
- Свияга, р. ... 104, 105, 136, 207, 229, 236, 237, 241, 244, 245, 248–253, 255, 256, 259, 298, 299, 362
- Свияжск, г. ... 4, 211, 213, 239, 251, 325, 326, 373
- Серпухов, г. ... 176, 191, 201, 226, 279, 285, 286
- Сибирь... 70, 80, 89, 91
- Слободской городок... 180
- Смоленск, г. ... 6, 72, 126, 136, 142, 204, 218
- Солигалич, г. ... 83, 103, 108, 311, 379
- Соль Галичская, г. (см. Солигалич)
- Солигаличский р-н ... 175, 311
- Старка, р. ... 120
- Стародуб, г. ... 220, 279, 287, 301
- Стародуб Ряполовский (на Клязьме), г. ... 172, 327
- Суздаль, г. ... 36, 44, 58, 63, 87, 137, 203
- Сундовик, р. ... 106
- Сундырка Большая, р. ... 248
- Сундырь Малый, р. ... 247, 248

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

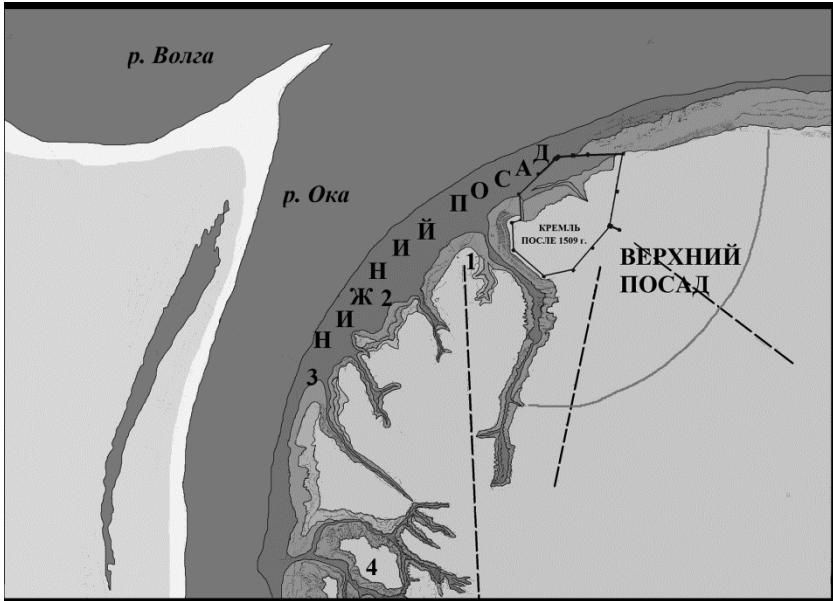
- Сура, р. ... 82, 102–106, 109, 115,  
123, 129, 145, 157, 188, 189, 191,  
195, 196, 198, 202, 204–206, 208–  
210, 212, 213, 215, 220, 264, 278,  
281, 285, 359, 360, 362, 372, 373
- Сурск, г. (см. Васильсурск)
- Сухона, р. ... 103, 107, 175
- Сянжема, вол. ... 311
- Тавто, вол. ... 311
- Тверское кн-во, Тверь, г. ... 43, 89,  
131, 132, 317
- Темгенево, с. ... 178
- Тиксна, вол. ... 311
- Толстик... 172, 221
- Толшма, с. ... 175, 311
- Торопец, г. ... 227, 266
- Тотьма, г. ... 311, 312
- Тотемский р-н ... 175, 311
- Тула, г. ... 150, 182, 220
- Тьмутараканское кн-во... 98
- Угра, р. ... 41, 200
- Узольская вол. ... 314
- Унжа, г. ... 173, 174, 181, 185, 270,  
272–274, 279, 310–312, 361, 363,  
376–378
- Унжа, р. ... 103, 104, 107, 173, 176
- Унженский стан... 146
- Устюг, г. ... 37, 40, 63, 101, 312
- Устюжский у. ... 38
- Утяково, с. ... 250
- Ухона (?), р. ... 175
- Хаджи-Тархан (см. Астрахань)
- Царёв луг... 237, 255, 300, 362
- Цивиль, р. ... 109, 145, 206, 209
- Цна, р. ... 178
- Чебоксары, г. ... 247
- Чемерис, г. ... 266
- Чемеровцы, г. ... 266
- Чемерполь, г. ... 266
- Черемисовка, с. ... 266
- Черемисский Бар, г. ... 266
- Черкасы, г. ... 36
- Чёрное оз. ... 112
- Черноозёрный овраг... 112, 139, 296
- Чухлома, г. ... 103, 108, 175, 176,  
185, 272, 273, 310–312, 363
- Чухломской р-н... 175
- Шартаново, с. ... 175
- Шацк, г. ... 70, 178
- Швеция... 81, 325
- Югра... 131, 193, 228, 382
- Южня, г. ... 186, 361
- Юрьев (Юрьев-Польский), г. ... 203

## КАРТЫ



Карта 1. Казань и округа в первой трети XVI в.

КАРТЫ



—●— Стены и башни нового каменного кремля после 1509 г.

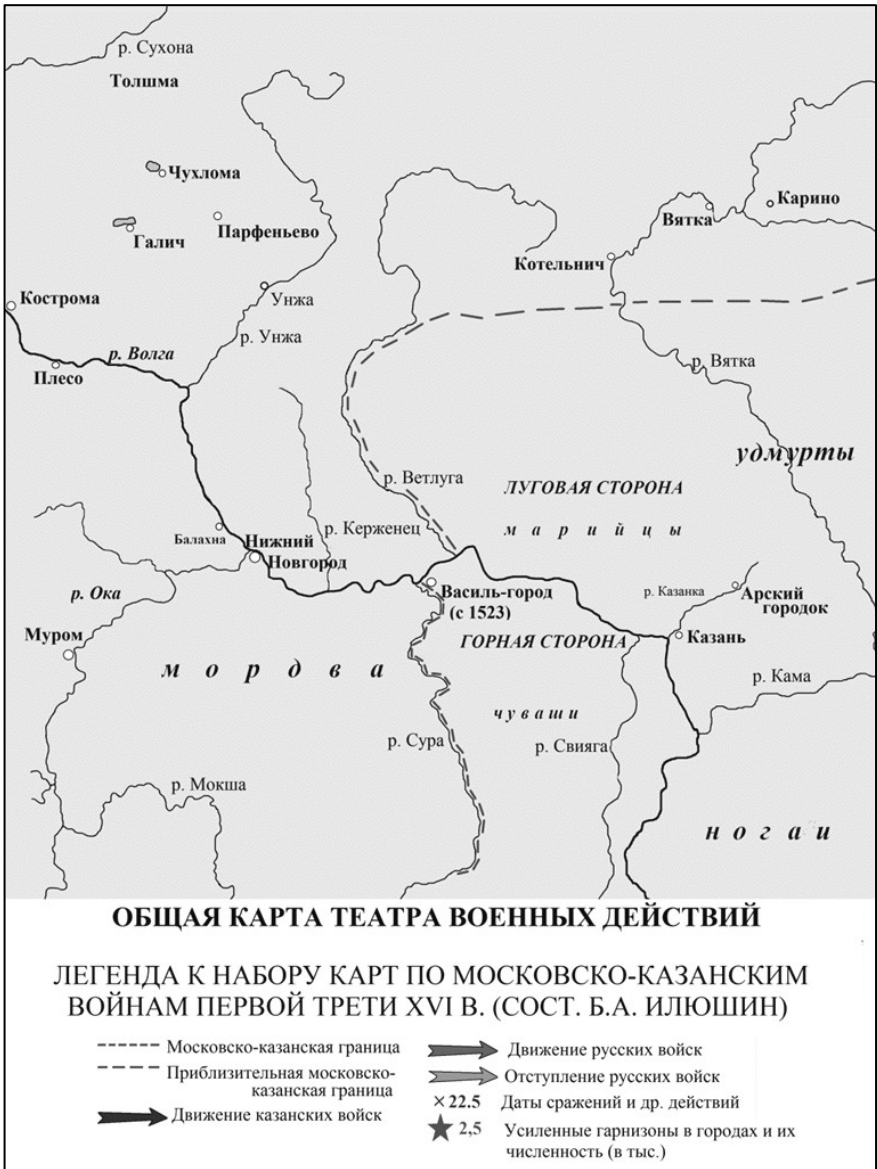
| Линий современных улиц (слева направо): Ильинская, Большая Покровская, Варварская

— Приблизительная линия древо-земляных укреплений после 1509 г.

- 1 Церковь Ильи Пророка
- 2 церковь Рождества Богородицы
- 3 Гремячий ключ
- 4 Нижний Новгород Новый (Новый Городок)

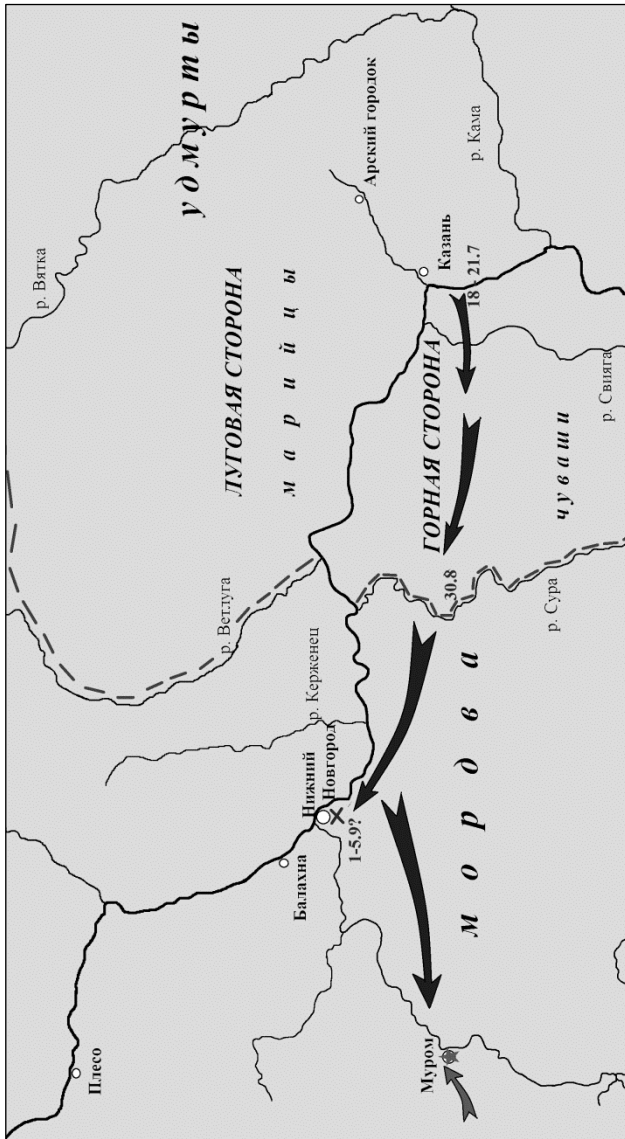
Карта 2. Нижний Новгород и округа в первой трети XVI в.  
(рис. Б.А. Илюшина)

КАРТЫ



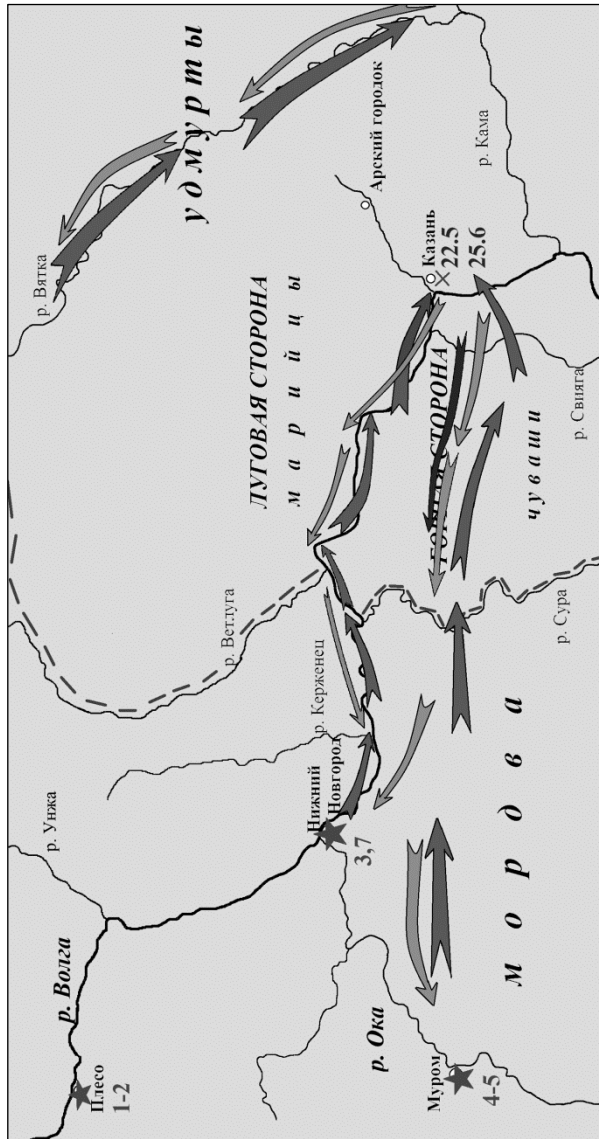
Карта 3

КАРТЫ



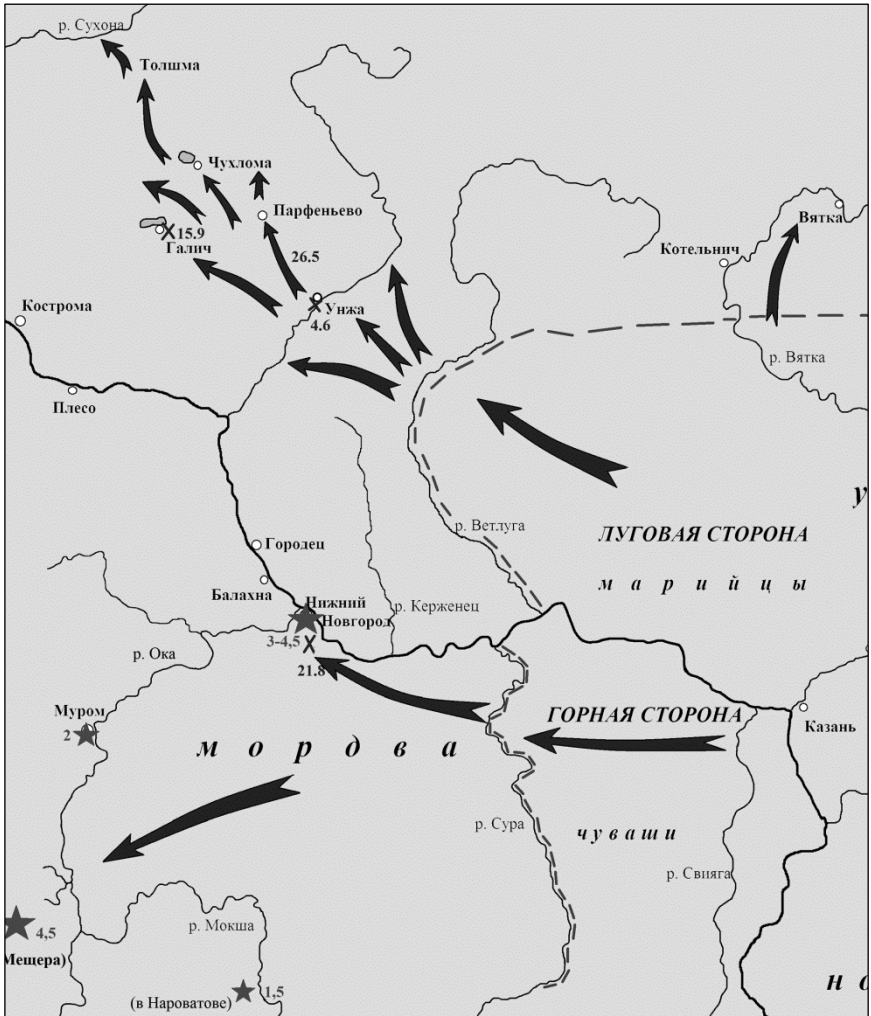
Карта 4. Поход Мухаммед-Эмина на Нижний Новгород в 1505 г.

КАРТЫ



Карта 5. Русский поход на Казань в 1506 г. и отступление

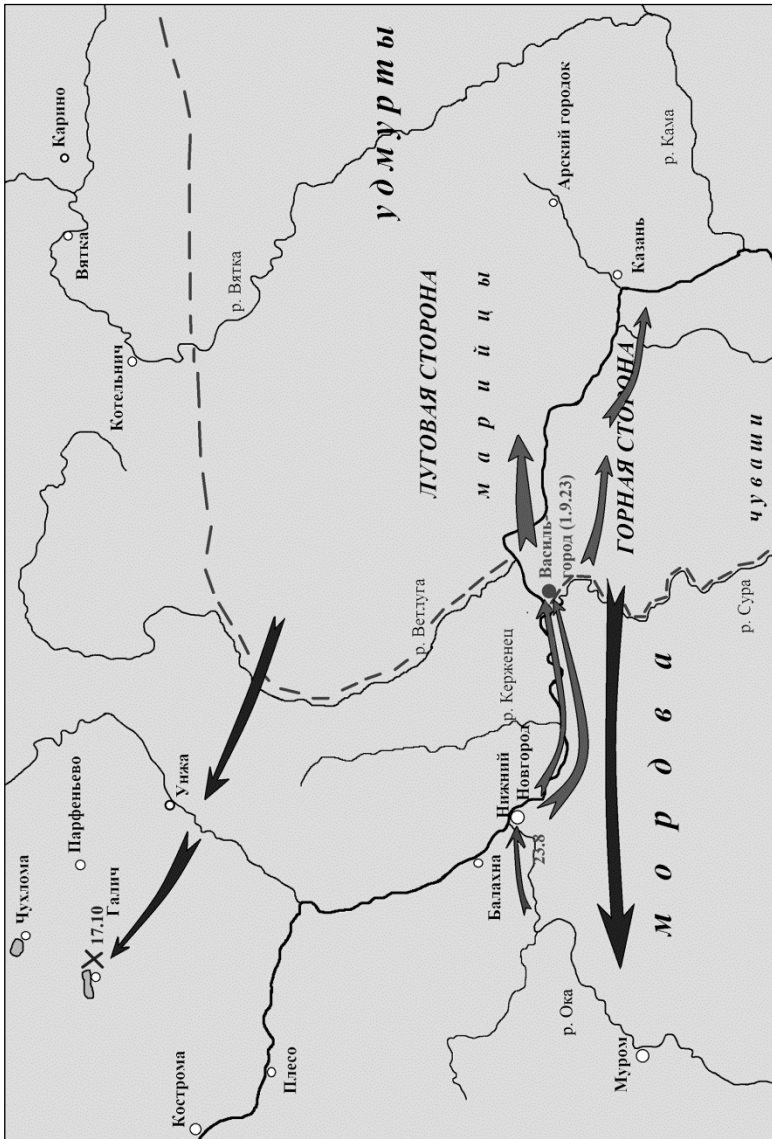
КАРТЫ



Карта 6. Казанское вторжение в восточные уезды Московского государства в 1521 г.

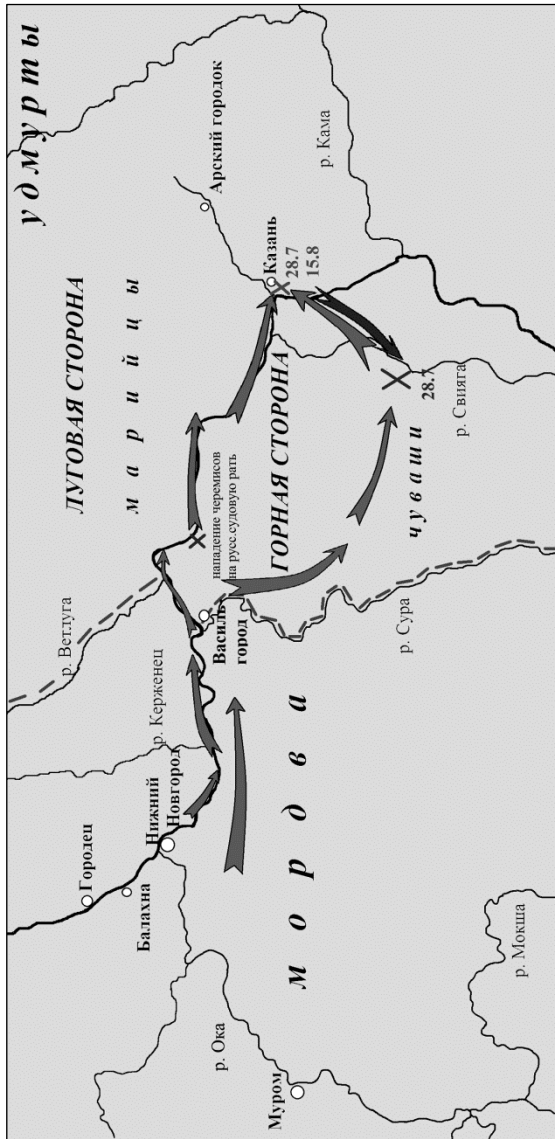


КАРТЫ



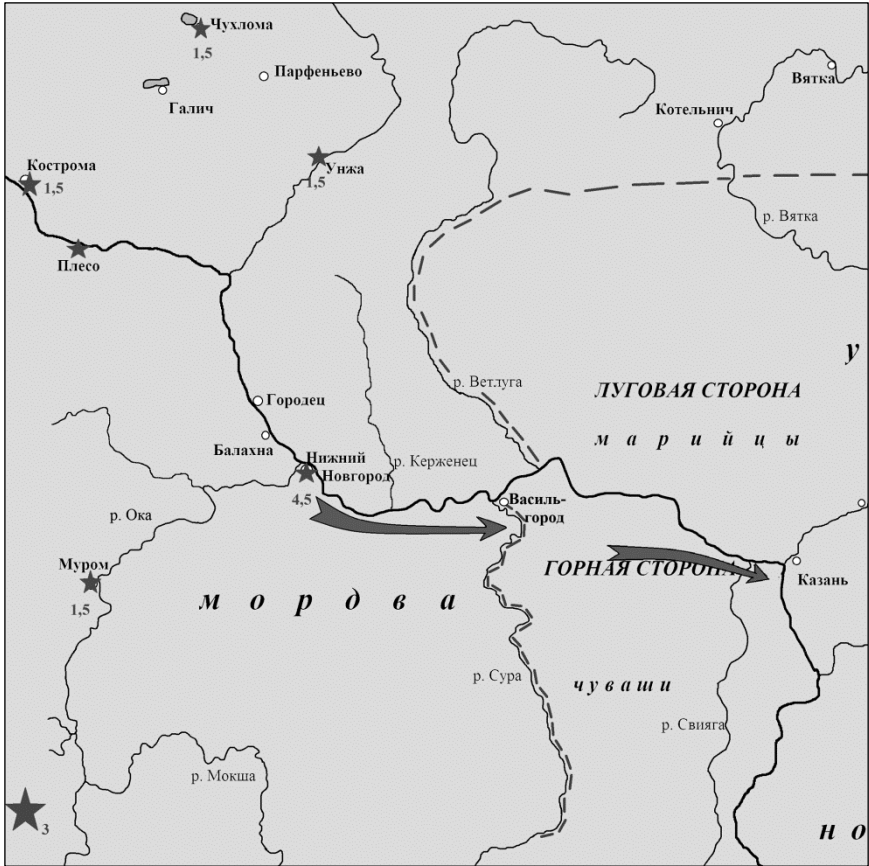
Карта 7. Русские действия против Казанского ханства в 1523 г. и казанские контрудары

КАРТЫ

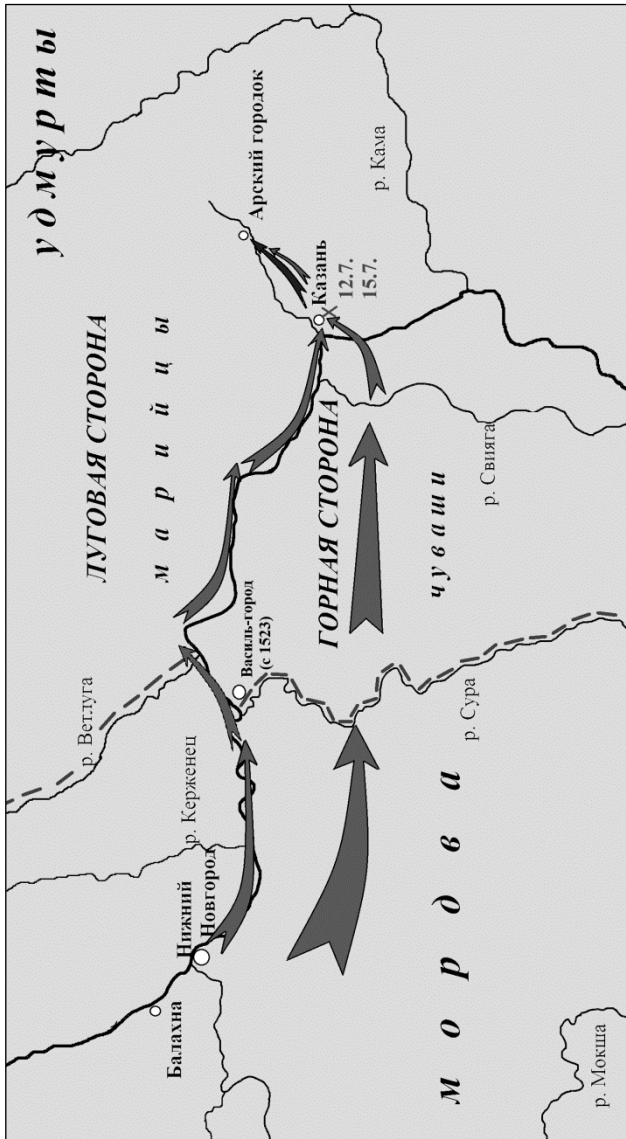


Карта 8. Русский поход на Казань в 1521 г.

КАРТЫ



Карта 9. Действия русских войск на казанском «фронте» в 1528–1529 гг.



Карта 10. Русский поход на Казань в 1530 г.

## ИЛЛЮСТРАЦИИ



Рис. 1. Картина Г.П. Мальцева «Подвиг Феди Литвича при осаде ногайцами Нижнего Новгорода в 1505 году» (1910 г.)



Рис. 2. Выступление русских войск на Казань в 1506 г.  
(миниатюры Лицевого свода)

ИЛЛЮСТРАЦИИ

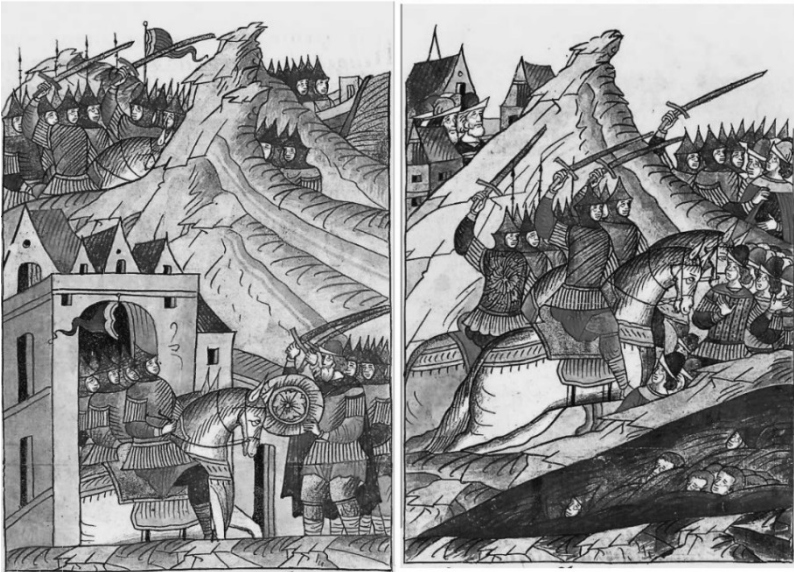


Рис. 3. Бой под Казанью в 1506 г. (миниатюры Лицевого свода)



Рис. 4. Отражение казанской погони при отступлении русского отряда летом 1506 г. (миниатюры Лицевого свода)

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Рис. 5. Основание Василь-города (Васильсурска) в устье Суры в 1523 г. (миниатюра Лицевого свода)

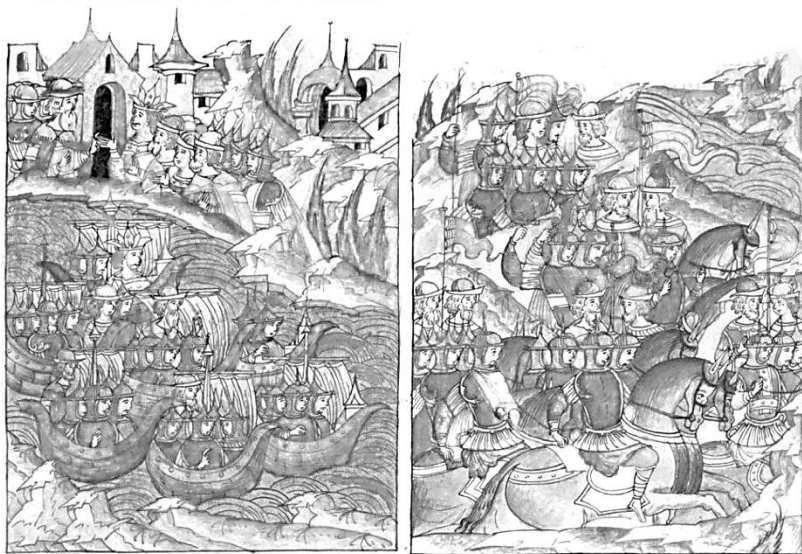


Рис. 6. Выступление русских ратей на Казань в 1524 г. (миниатюра Лицевого свода)

ИЛЛЮСТРАЦИИ

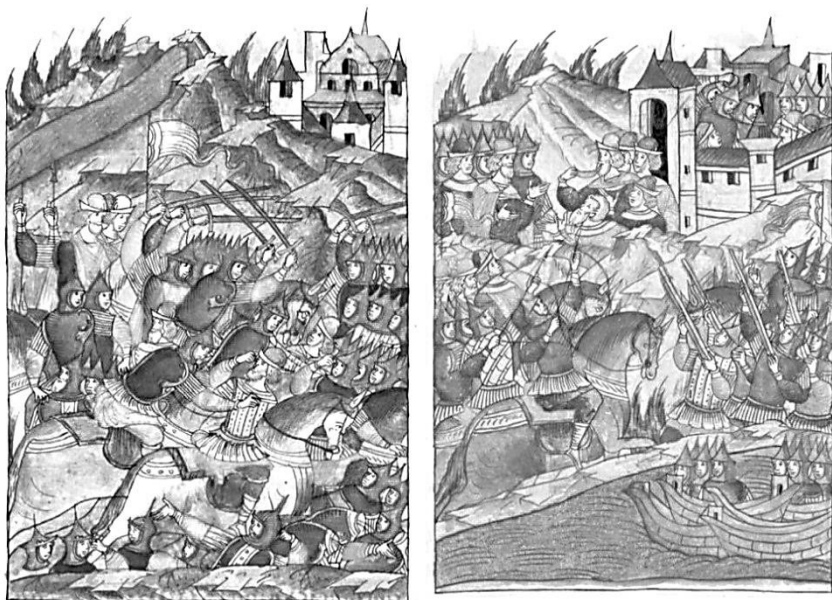


Рис. 7. Бой на Свяге и осада Казани в 1524 г.  
(миниатюры Лицевого свода)



Рис. 8. Осада города в XVI в.  
(гравюра И. Аммана в книге Л. Фронспергера, 1573 г.)



ИЛЛЮСТРАЦИИ

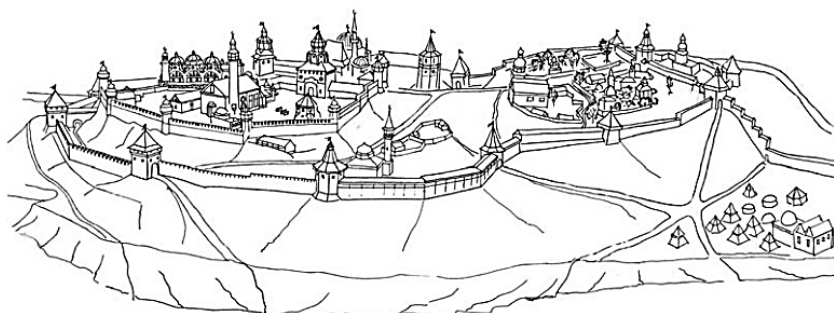


Рис. 9. Казанская крепость (Арк) в первой половине XVI века.  
Реконструкция Н.Х. Халитова и А.Н. Хабибуллина



Рис. 10. Дмитриевская и отводная башни каменного нижегородского кремля в XVI в. (рис. Б.А. Илюшина)

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Рис. 11. Дмитриевская башня нижегородского кремля  
в настоящее время (фото П.Е. Огурцова)



Рис. 12. Коромыслова башня нижегородского кремля. Поздняя легенда  
гласит, что возле неё местные жительницы побили коромыслами  
татарских налётчиков (фото Б.А. Илюшина)

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Рис. 13–14. Волга в районе Нижнего Новгорода. Основной путь русских судовых ратей на Казань (фото Б.А. Илюшина)

## ИЛЛЮСТРАЦИИ

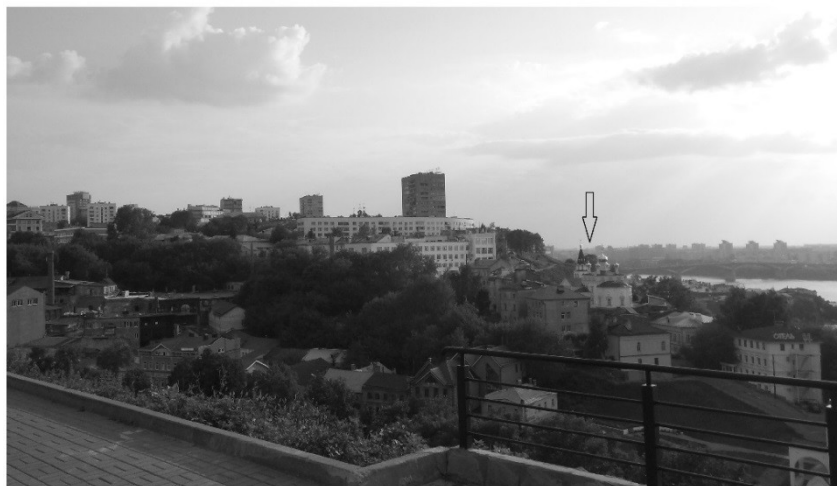


Рис. 15–16. Вид на церковь Ильи Пророка в Нижнем Новгороде со стороны кремля (отмечено стрелкой) и с Ильинской горы (фото Б.А. Илюшина). По краеведческой легенде тут был убит ногайский предводитель во время осады города в 1505 г.

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Рис. 17–18. «Ступенчатые» стены каменного нижегородского кремля  
(фото Б.А. Илюшина)

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Рис. 19. Новодевичий монастырь в Москве, заложенный по указу  
Василия III после казанского похода 1523 г.  
(фото А.А. Сорокина, 2013 г.)



Рис. 20. Река Ока в районе г. Муром (фото Д.Е. Кулагина)

## ИЛЛЮСТРАЦИИ



Рис. 21. Пути набегов татарско-черемисских отрядов на русский северо-восток пролегали через густые леса левобережья Волги (Север Нижегородской обл., фото Б.А. Илюшина)

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Рис. 22. Конный сын боярский  
(рис. Б.А. Илюшина, с использованием рисунка шлема  
из альбома К.М. Бороздина, XIX в.)



ИЛЛЮСТРАЦИИ



Рис. 23. Ратники русской судовой рати: сын боярский и пищальник (рис. Б.А. Илюшина, с использованием рисунка шлема из работы А.В. Висковатого «Историческое описание одежды и вооружения российских войск». Часть 1. СПб., 1841)

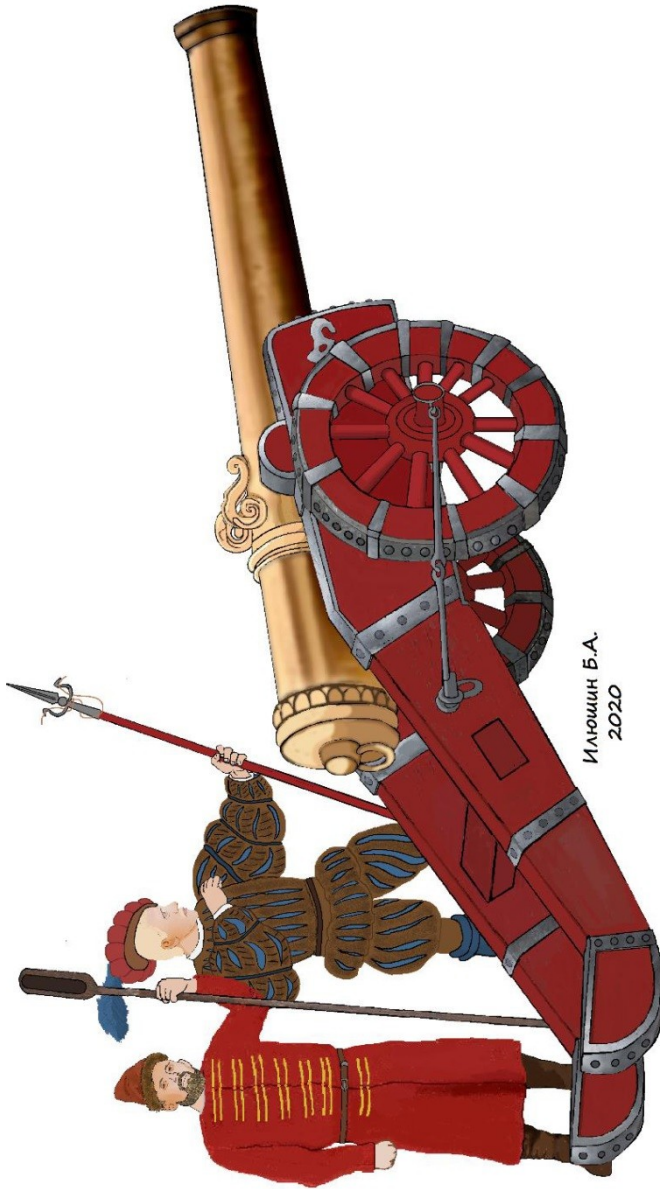


Рис. 24. Русский «Наряд» (артиллерия) первой трети XVI в. Русский и немецкий пушкари (рис. Б.А. Илюшина)

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Илюшин Б.А.  
2020

Рис. 25. Татарский лучник в тягеле (рис. Б.А. Илюшина)

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Рис. 26. Казанский мурза (рис. Б.А. Илюшина, с использованием рисунка сабли из работы Ф.Г. Солнцева «Древности Российского государства», 1849 г.)

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Рис. 27. Конный черемисский лучник (рис. Б.А. Илюшина)

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Илюшин Б.А.  
2020

Рис. 28. Пешие черемисские воины (рис. Б.А. Илюшина)

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Илюшин Б.А.  
2020

Рис. 29. Ногайский конный лучник (рис. Б.А. Илюшина)

## SUMMARY

The monograph explores the wars between the Moscow state and the Kazan khanate during the reign of the Grand Prince of Moscow Vasili III (1505–1533). The first third of the XVI century is characterized by an escalation of the military conflict between these two states. This was due to the discontent that the Kazan people felt towards the so-called Russian protectorate (1487–1505), to attempts by Vasili III to return the khanate to Moscow control, and also to a number of persistent geopolitical, economic and psychological factors that have hindered peaceful relations between two states. The situation was aggravated by the attempts of the Crimean khans to establish their rule in Kazan.

During the period under review, there were three Moscow-Kazan wars (1505–1506, 1521–1524, 1530). During these wars the Kazan Tatars made two large military invasions into Russian lands (1505, 1521), as well as a number of smaller-scale raids on the Eastern and North-Eastern Russian periphery. Russian troops conducted five large-scale military campaigns against the Kazan khanate (1506, 1523, 1524, 1529, 1530), in the course of which the Tatar capital was three times subjected to siege. Detailed analysis of these military campaigns made it possible to better understand the military aspects of the Moscow-Kazan wars of the first third of the XVI century, which are not well investigated in Russian historiography, such as the training and number of troops, the Russian Voivodship corps, the ratio of military forces of two states, the organization and implementation of military campaigns, strategy, military actions. The study covers a specific period of the Moscow-Kazan wars, largely obscured by the events of the subsequent reign of Ivan the Terrible, but no less important for Russian history.



## ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ .....	3
<b>ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ МОСКОВСКО-КАЗАНСКИХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И СООТНОШЕНИЕ СИЛ СТОРОН НА НАЧАЛО XVI ВЕКА .....</b>	<b>31</b>
1. Русско-булгарские и московско-казанские военно-политические контакты второй половины XIV–XV вв. ....	31
2. Вооружённые силы и военный потенциал Великого княжества Московского .....	42
3. Вооружённые силы и военный потенциал Казанского ханства .....	52
Военный потенциал Булгарского улуса .....	54
Военный потенциал и численность вооружённых сил Казанского ханства .....	59
<b>ГЛАВА 2. ПРИЧИНЫ МОСКОВСКО-КАЗАНСКИХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ, СТРАТЕГИИ СТОРОН И ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ .....</b>	<b>75</b>
1. Факторы конфликтности и причины московско-казанских войн .....	75
2. Стратегия, внешнеполитические и военные доктрины сторон .....	92
Московское государство .....	92
Казанское ханство .....	100
3. Характеристика театра военных действий .....	102
<b>ГЛАВА 3. «ВОЙНА ЛЕТА 7014» (1505–1506 гг.) .....</b>	<b>114</b>
1. Демарш Мухаммед-Эмина и казанский поход к Нижнему Новгороду (июнь – сентябрь 1505 г.) .....	114
2. Подготовка Москвы и Казани к новому витку конфликта (осень 1505 – весна 1506 гг.) .....	124
3. Русский поход на Казань (апрель – июль 1506 г.) .....	137
4. Отступление и потери русских ратей .....	145
5. Окончание войны и её последствия .....	149

<b>ГЛАВА 4. НАЧАЛО НОВОЙ ТАТАРСКОЙ ВОЙНЫ (1521–1522)</b> .....	160
1. Международная ситуация в Восточной Европе накануне 1521 года.....	160
2. Переворот в Казани и «крымский смерч».....	165
3. Казанская война 1521–1522 гг. ....	168
4. Итоги татарского нашествия 1521 года.....	182
<b>ГЛАВА 5. КАЗАНСКАЯ КАМПАНИЯ 1523 ГОДА</b> .....	185
1. Астраханский инцидент 1523 г. и подготовка русского похода на Казань .....	185
2. Состав воеводского корпуса 1523 г. и численность русской рати .....	189
В судовой рати:.....	190
«Наряд».....	194
Конная рать .....	194
Воеводы в Василь-городе .....	199
3. Поход Василия III в Нижний Новгород и основание Василь-города .....	203
4. Итоги похода 1523 года.....	209
<b>ГЛАВА 6. ПОДГОТОВКА РУССКОГО ПОХОДА НА КАЗАНЬ В 1524 г.</b> .....	214
1. События осени 1523 – весны 1524 гг. ....	214
2. Воеводский корпус 1524 года .....	217
Судовая рать: .....	217
«Наряд».....	222
Конная рать .....	223
3. Состав и численность русской рати .....	229
4. Подготовка к войне в Казанском ханстве, отъезд Сахиб-Гирея и выступление русских войск .....	231
<b>ГЛАВА 7. РУССКИЙ ПОХОД НА КАЗАНЬ В 1524 ГОДУ</b> .....	236
1. Поход 1524 г. в русских летописях и разрядных книгах .....	236
2. Поход 1524 г. в описании Сигизмунда Герберштейна .....	238
3. Поход 1524 г. в «Казанском летописце» .....	245
4. Резерв в Муроме и фантомный поход на Казань в 1526 г. ....	252
5. Опыт реконструкции похода 1524 г. ....	254

6. Потери сторон. Переговоры. Последствия войны 1521–1524 гг. ....	259
7. Отражение татарской войны 1521–1524 гг. в культуре и народной памяти .....	267
<b>ГЛАВА 8. ПОСЛЕДНЯЯ КАЗАНСКАЯ ВОЙНА ВАСИЛИЯ III</b> .....	271
1. Московско-казанские переговоры и эскалация нового конфликта.....	271
2. Русский воеводский корпус 1530 г. ....	274
3. Подготовка к походу русского войска .....	291
4. Подготовка к отражению русского войска в Казани .....	293
5. Продвижение русских войск к Казани .....	297
6. Осада и штурм города.....	300
7. Окончание осады и уход русских войск .....	304
8. Потери сторон и последствия похода.....	306
9. События 1530–1532 гг. ....	309
<b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</b> .....	316
<b>СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ</b> .....	331
<b>БИБЛИОГРАФИЯ</b> .....	332
Источники.....	332
Исследования.....	343
<b>ПРИЛОЖЕНИЯ</b> .....	359
Приложение 1. Хронология московско-казанских войн первой трети XVI в. ....	359
Приложение 2. Синодик по убитым под Казанью в 1506 г. ....	364
Приложение 3. Выдержки из источников .....	370
Сигизмунд Герберштейн о русских и татарских воинах и кампании 1506 г. ....	370
Андрей Курбский о Казани и пути к ней в 1552 г. (перевод) .....	372
«Казанский летописец» о казанских войнах Василия III .....	374
Казанские набеги в житии Макария Желтоводского (перевод) .....	376
Приложение 4. Русский воеводский корпус 1506 года (таблица).....	381
<b>УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЁН</b> .....	384
<b>УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ</b> .....	391
<b>КАРТЫ</b> .....	395
<b>ИЛЛЮСТРАЦИИ</b> .....	405
<b>SUMMARY</b> .....	424

**Б.А. Илюшин**, кандидат исторических наук,  
младший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных  
исследований Новосибирского государственного университета  
E-mail: tuguhun16-30@yandex.ru

*На обложке:* Отправление судовой рати на Казань в 1506 г.  
(миниатюра Лицевого свода); Конный латник-улан. 1 пол. XVI в.

Реконструкция М.В. Горелика. 2004 г.

*На обратной стороне:* Русский поход на Казань в 1530 г.  
(миниатюры Лицевого свода).

**Илюшин Борис Анатольевич**

**Казанские войны Василия III**

Монография

*Научное издание*

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева,*

*Л.С. Гиниятуллина, Т.Р. Галимов*

Подписано в печать 24.12.2020 г. Формат 60×84 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>

Усл. печ. л. 26,75 Тираж 250 экз.

**Книга издана при финансовой поддержке  
татарских бизнесменов г. Уфа**

Отпечатано с готового оригинал-макета



420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а  
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71,  
231-04-19

E-mail: [citlogos@mail.ru](mailto:citlogos@mail.ru)  
[www.logos-press.ru](http://www.logos-press.ru)



**Сайт**

Института истории  
Академии наук РТ

**Татаровед.рф**

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:  
<http://татаровед.рф/departments/6>  
<http://goldhorde.ru/RU/izdanie-centra/>